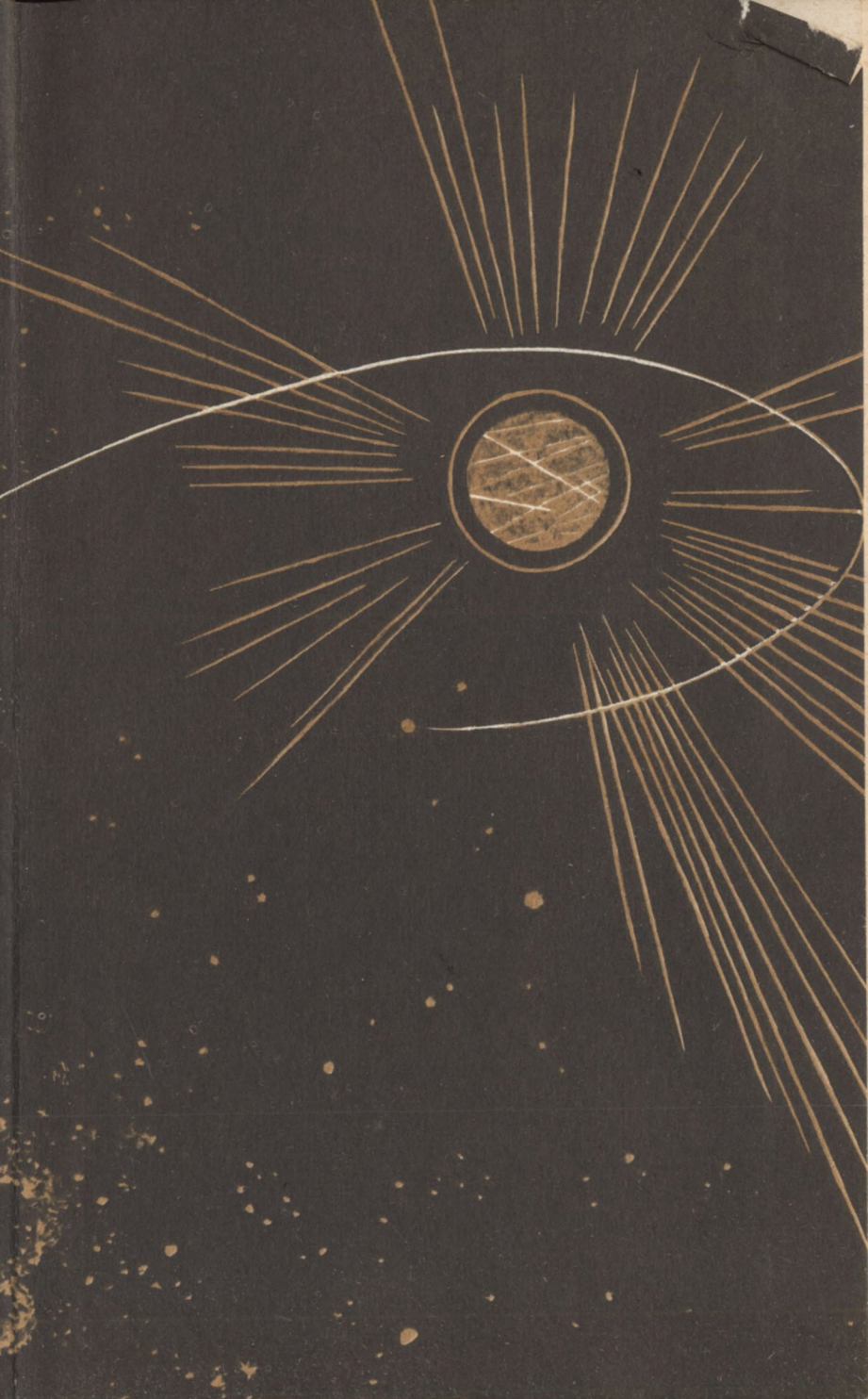

КУПОЛ НАДЕЖДЫ | А. КАЗАНЦЕВ

А.КАЗАНЦЕВ
КУПОЛ НАДЕЖДЫ

АЛЕКСАНДР
КАЗАНЦЕВ .

КУПОЛ
НАДЕЖДЫ

РОМАН-МЕЧТА
В ТРЕХ КНИГАХ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1980

84P7
К14

Художник Ю. МАКАРОВ

К $\frac{70302-152}{078(02)-80}$ 237—80. 4702010200

© Издательство «Молодая гвардия», 1980 г.

Невероятное растрогать . . . неспособно. Пусть правда выглядит правдоподобно.

А. Буало

*Это может быть.
Это должно быть.
Это будет!*

Яркой памяти дважды Героя Социалистического Труда, академика Александра Николаевича НЕСМЕЯНОВА в знак восхищения его жизнью и трудами этот роман-мечту посвящаю.

Автор

ОТ АВТОРА

Мечта тогда ведет вперед, когда она отталкивается от действительности. Автор старался показать найденным только то, что уже ищется в науке, достигнутым лишь достижимое и выполненными те свершения, к которым стремится человечество.

Разумеется, в таком повествовании действуют лишь вымышленные герои, чистейший плод фантазии автора. Они не имеют ничего общего ни в характерах, ни в судьбах с теми реальными людьми, научный подвиг которых позволил автору представить себе выход из тупика человеческой цивилизации, о котором так часто говорят.

Пусть читатель помечтает вместе с автором, помня, что мечта — первый этап проектирования, и даже проектирования нашего грядущего.

КНИГА
ПЕРВАЯ

ВРАГ
ГОЛОДА

Природа не может перечить
человеку, если человек не перечит
ее законам.

А. И. Герцен

БЕЛОК НАШ НАСУЩНЫЙ

Существует мало людей, фантазия которых направлена на правду реального мира. Обычно предпочитают уходить в неизведанные страны и обстановку, о которой не имеют ни малейшего представления и которую фантазия может разукрасить самым причудливым образом.

Г ё т е

Глава первая

СЪЕДЕННОЕ ШОССЕ

Эту великолепную асфальтовую дорогу построили в Алжире в самом конце своего колониального владычества французы.

Профессор Мишель Саломак сделал тогда специальный крюк, чтобы показать ее своему русскому коллеге, молодому профессору из Москвы, которого вез на виллу роз.

Но сам он, французский химик и участник Сопrotивления, бежавший из немецкого концлагеря, где выучил русский язык, вовсе не был владельцем виллы и прилегающих к ней плантаций. Все это принадлежало родственнику его жены мсье Рене, который стремился заполучить к себе русского химика.

Военные действия в Алжире то вспыхивали, то затихали, грозя всеуничтожающим пожаром. Попытки французов договориться с арабами с помощью группы «независимых мусульманских депутатов» результатов не

дали. Все громче звучали призывы левых сил отказаться от колониального господства в Алжире. К ним примыкал и профессор Мишель Саломак.

Перед виллой красовался пышный цветник. С открытой веранды, с трех сторон окружавшей просторный дом с плоской крышей и фасадом в мавританском стиле, открывался вид на розовые плантации мсье Рене. Двести семь сортов роз! Он собирался создать в Алжире парфюмерную промышленность, заботясь о парижанках. Потому и был заинтересован в Анисимове, опубликовавшем заметные работы о запахе. Мсье Рене с минуты на минуту ждали с заседания Алжирской Ассамблеи.

Вечером розы пахнут особенно!

Анисимов и Саломак в ожидании хозяина виллы гуляли по дорожкам сада и вдыхали тонкий аромат.

Маленький подвижный француз говорил пылко и жестикулировал:

— Нет, нет! Для добрых голубых глаз былинного Добрыни Никитича — я в лагере слышал о нем, — для синтеза добра и силы у вас слишком строгий взгляд. Уверен, что русские иконописцы писали свои лики с кого-нибудь из ваших предков-богатырей. Но как пахнут здесь розы, мой друг, как они пахнут! — восклицал он, переходя от куста к кусту. — Клянусь бульварами Парижа, здесь, в Алжире, каждый сорт просто человечен! Смеетесь? Попробуйте вдохните этот аромат. Он девичий! Согласны? Или вот этот запах скромности. Он вам очень подходит. А есть зовущий, подобно взгляду женщины. Или нежный, словно первая ласка. Хотите, я найду вам кружащий голову, как объятия опытной возлюбленной? Рене хвастался даже особо душистым, жарким, распутным...

— Вы просто поэт, профессор!

— Приходится поэтизировать, — вздохнул француз, — раз никто до сих пор не опубликовал теории запаха.

— Увы, мсье Саломак. На мой взгляд, такой теории пока нет, хотя выдающиеся умы пытались ее создать.

— Вот как? И у вас нет?

— Сам Рентген, по собственному признанию, стал физиком только ради того, чтобы разгадать, что такое запах. Но так и не узнал, хотя открыл икс-лучи, названные его именем.

— Но есть же гипотезы. Раз я чувствую — я понимаю!..

— Так ли это? Наши чувства полны тайн. Недавно я беседовал с нашим вице-президентом Академии наук Абрамом Федоровичем Иоффе.

— О-о! Иоффе! Снимаю шляпу.

— Представьте, он тоже, подобно Рентгену, пришел в физику, чтобы открыть тайну запаха.

— И открыл многое другое.

— Но не тайну запаха.

К ученым приближались три закутанные в белое фигуры. Судя по чадре, закрывавшей лицо, — женщины. В Алжире, лишь в его арабской части, на узких улочках-лестницах повстречаешь таких прохожих.

Ученые замолчали.

— Следуйте за нами, — грубым мужским голосом приказал первый из подошедших. — Отныне вы — заложники.

— Вы будете казнены, если французское командование не выдаст нужных нам людей, — зловеще добавил второй.

— Но мы не имеем никакого отношения к французскому командованию. Мы ученые! — запротестовал Саломак.

— Может быть, и к живодеру Рене вы тоже не имеете отношения? — хрипло осведомился из-под чадры третий незнакомец.

Из складок свободно свисавших бурнусов выглядывали спрятанные там автоматы.

Ученые пожали плечами и пошли по дорожке. Вокруг благоухали розы. У калитки с витым узором железных прутьев стоял старенький «пежо» со снятыми номерами.

Незнакомец, объявивший о пленении, уселся за руль, втолкнув на сиденье рядом с собой пухленького Саломака. Возмущенные глаза француза казались особенно выпуклыми. Двое других похитителей, пропустив на заднее сиденье Анисимова, пытались сесть по обе его стороны. Но он оказался таким крупным (был на голову выше любого из них), что никак не удавалось захлопнуть дверцы.

— Рене с минуты на минуту появится здесь, — мрачно заметил Саломак. — Вы рискуете вместе с нами, господа.

— Молчи, отродье гяуров, пока я не разможил твою плешивую голову, — заорал севший за руль и сорвал машину с места.

— У вас нет оснований быть с нами грубыми, — возмутился Саломак. — Тем более что вы захватили не только меня, французского ученого, но и русского профессора.

— Русского? — недоверчиво переспросил похититель. — Зачем здесь русский?

— Он консультант. Понимаете, консультант по запаху.

— Вот мы посмотрим, как вы тут оба завоняете, если нам не выдадут наших парней.

В ответ Саломак произнес целую речь:

— Господа! Я привык к вежливому обращению. Сотни лет назад Алжир захватили пираты и с благословения турецкого султана страна стала «государством пиратов». Но у вас, бойцов за освобождение Алжира, одинаково ненавидящих и султана, и пиратов, и колонизаторов, должны быть другие приемы. Я сочувствую вам и потому считаю долгом бойца Сопротивления предупредить вас, что мсье Рене — отнюдь не мой единомышленник — не ездит без вооруженной охраны. Мне кажется, что это его «кадиллак» спускается с противоположной стороны к вилле.

— Давай газу! — закричал сидевший сзади похититель, толкнув Саломака в спину, словно он мог прибавить ходу старенькому «пежо».

Автомашина, подсакивая на неровностях дороги, мчалась к великолепному стратегическому шоссе, построенному по четырехлетнему плану «освоения Северной Африки» на иностранные субсидии.

Вероятно, кто-нибудь из слуг Рене видел, как похитители увезли его гостей, потому что «кадиллак» задержался у виллы лишь на минуту.

Похитители заметили погоню, но не собирались уступать свою добычу. Они выехали на новое шоссе и с полузакрытой дверцей помчались по нему с предельной для «пежо» скоростью.

И вдруг все качнулось вперед. Мсье Саломак ударился головой в лобовое стекло, водитель лег грудью на руль и охнул. Анисимов и два его стража полетели на спинку переднего сиденья. Машина встала, мотор ее взвыл, колеса завизжали, понапрасну вращаясь.

Возможно, скрытые чадрой лица похитителей были растеряны. Они выскочили наружу и завозились у колес. Потом бросились прочь от шоссе.

— Куда вы? — закричал им вслед Саломак.

Один из похитителей обернулся и крикнул по-французски:

— Такова воля аллаха. Вам повезло, отродье гяуров, презренный джинн сожрал шоссе, чтобы нам не ехать.

— То есть как это сожрал? — переспросил Саломак, но похитители уже исчезли.

Больше всего они боялись быть узанными, когда с убитого или раненого снимут чадру.

Анисимов оглянулся. Через заднее стекло виднелся приближающийся «кадиллак».

— Во всяком случае, что бы он там ни говорил про аллаха и джинна, это весьма любезно с их стороны — не прикончить нас перед расставанием, — заметил профессор Саломак, выбираясь из машины и растирая шишку на лбу. Очевидно, пребывание в лагере и бегство оттуда научили его владеть собой.

Анисимов последовал за ним:

— Что же случилось? О каком прожорливом джинне шла речь?

— Непостижимо! — отозвался Саломак. — Колея в порошке. Вы только посмотрите. Этот прах был недавно асфальтом.

— М-да! — протянул Анисимов. — Похоже, что парафиновые связи растворились неведомо в чем. — Он пересыпал из ладони в ладонь тонкий порошок, взятый им из-под колес.

— Есть над чем подумать! — проворчал Саломак.

— Любую химическую реакцию можно повторить, — заметил Анисимов. — Хотя бы в лаборатории.

— Моя лаборатория к вашим услугам, профессор. Париж! Париж!

Подкатил «кадиллак» и тоже забуксовал колесами, увяз в порошке по самую ступицу.

Из машины выскочил розовощекий, коренастый, с туго обтянутым брюшком и нафабранными усами мсье Рене. За ним следом — пять молодых. Все в беретах, блузах, они смахивали на апашей и были с автоматами.

— Вы живы, господа? Какое счастье! — воскликнул мсье Рене.

— Все в порядке, кузен. Нас никто не съел, чего нельзя сказать о шоссе, как заметил один из доставивших нас сюда любезных похитителей.

— Что за чепуху вы говорите, Саломак? Как можно съесть асфальтированную дорогу?

— В этом суеверном экспромте есть свой смысл.

— Это предстоит выяснить, — заметил Анисимов. — Для исследования выдвинем рабочие гипотезы, в том числе и о биологической коррозии асфальтов.

— Вы не исключаете джиннов? — живо спросил Саломак.

— Выясним в лаборатории, — пообещал Анисимов.

Глава вторая

БУЛЬВАРЫ

В Париже лил дождь. Крыши машин в многоструйном их потоке казались лакированными. Солнечные лучи, пробиваясь сбоку от дождевых туч, сверкали словно в движущихся зеркалах.

А на тротуарах бушевали водовороты зонтиков: строгих, темных — мужских; разноцветных, радужных — дамских.

Казалось, что от площади Согласия до Триумфального ворот проходит парад машин и раскрытых зонтиков.

Елисейские поля знали много парадов. Накануне второй мировой войны, 14 июля, в день 150-летия Великой французской революции, здесь происходил последний мирный парад французов. Толпы парижан тогда заполняли бульвары по обе стороны аллеи, а над сплошными живыми стенами поднимались самодельные бумажные перископы, накануне продававшиеся с рук, или просто дамские зеркальца, в которых отражались нарядные мундиры.

Потом по этой же магистрали, печатая гусиный шаг, маршировали серые куртки и устрашающие черные ряды оккупантов. А на бульварах робко жались к деревьям одинокие прохожие.

И уж совсем недавно промаршировали здесь вышедшие наконец в Европе американцы и сражавшиеся во Франции французские бойцы Сопротивления.

— А знаете, дорогой мой друг, о чем я думаю, когда

смотрю на парижский асфальт? Что его не сожрали мерзкие боши, подобно одноклеточным дрожжам кандиды, слопавшим, к нашему счастью, шоссе в Алжире.

— Честь и хвала вашей лаборатории, Мишель, где удалось распознать в пожирателях дрожжи кандиды.

— Честь и хвала тому, мой друг, кто догадался об этом еще в Алжире.

— Меня натолкнул на такую мысль наш незадачливый похититель и его «прожорливый джинн».

Два профессора, недавно приехав в Париж из Алжира, шли от площади Согласия к Триумфальным воротам, к знакомому кафе.

Маленький француз высоко в руке держал зонт, чтобы прикрыть им своего высокого спутника.

Молодые ученые уселись за столик под тентом кафе.

Солнечный дождик прошел. И сразу нарядной стала толпа прохожих.

— Не кажется ли вам, мой друг, что парижанки много выигрывают оттого, что не закрывают чадрой и балахоном ни лиц, ни ног, как в арабской части Алжира?

) — Или на вилле вашего кузена, — заметил Анисимов.

Оба расхохотались.

— Итак, мой друг, нашей общей пассивной стала кандиды. Ай, ай, ай! Что скажет Шампанья, ее исследующий?

Подскочил гарсон с манерами апаша.

— Вы сказали шампанское, мсье?

— Я сказал Шампанья, мой друг. Это имя повторяют ваши внуки.

— Я не женат, мсье. Это удобнее и не мешает пить шампанское.

— Вы подсказали верную мысль, — вмешался Анисимов. — Мы должны поднять бокал с искрящейся влагой за сделанное открытие, за съеденное не джинном, а кандидой шоссе!

— Готов поднять хоть два бокала, но за съеденные людьми дрожжи кандиды!

— Шампанское сейчас выстрелит, — заверил гарсон и исчез.

— Кандида! Друг мой, мы с вами давно отвыкли от молока матери, и, увы, в этом одна из бед человеческих. Если бы мы до конца дней питались веществом такого

состава, то были бы все Жаннами д'Арк и Добрынями Никитичами.

— Вы имеете в виду аминокислоты?

— Вот именно. И клянусь свободным Алжиром, по данным Шампанья, нет продукта, более приближающегося по содержанию необходимых человеку аминокислот к молоку матери, чем дрожжи кандиды.

— Великолепно! Первый бокал за кандиду!

Шанпанское пенилось в хрустале.

— Будем ли мы закусывать чем-нибудь «белковым»? — с напускной серьезностью спросил француз.

— Я предпочел бы синтетическую пищу, — улыбнулся Анисимов.

— Увы, я не поручусь за большинство парижан, которые пока что и не подозревают о нашем заговоре, хотя их соотечественник Бертло произнес пророческие слова об этой пище.

— Как и Менделеев.

— О-о! Менделеев! Что он сказал?

Анисимов достал записную книжку.

— «Как химик, я убежден в возможности получения питательных веществ из сочетания элементов воздуха, воды и земли, помимо обычной культуры, то есть на особых фабриках и заводах... И первые заводы устроят для этой цели в виде культуры низших организмов, подобных дрожжевым, пользуясь водой, воздухом, ископаемыми и солнечной теплотой».

— Bravo! Он предвидел кандиду! Ох, как правильно, мой друг! Именно ископаемыми — нефтью, черт возьми! Хватит ее сжигать подобно пещерным людям, нашедшим греющую огнем черную воду. Для нас же это основа еды наших потомков! Теперь очередь за Бертло. У меня тоже записаны его слова. Наполняйте бокалы. Не беда, если чуть кружится голова. Она кружится еще больше от перспектив! Хотите заглянуть в двухтысячный год, каким он виделся химику девятнадцатого века? Внимайте: «Тогда не будет ни пастухов, ни хлебопашцев, продукты питания будут создаваться химией. В основном эта проблема уже решена». — Саломак щелкнул пальцами. — Это он тогда говорил, а что сказать нам теперь?

— Что нам предстоит решить вопрос не только *как* делать, но и *как сделать...* для всех.

— Bravo! И это куда труднее. Читаю: «Когда будет

получена дешевая энергия...» — Честное слово, он же имел в виду наше время! — «станет возможным осуществить синтез продуктов питания из углерода (полученного из углекислоты), из водорода (добытого из воды), из азота и кислорода, извлеченных из атмосферы».

— Правильно! Хлеб из воздуха. О нем говорил Тимирязев. Он мечтал воссоздать в технике природный фотосинтез растений.

— Прекрасная мысль. Ее развил и наш Бертоло — «власть химии безгранична»!

— За химию! — поднял бокал Анисимов.

Профессор Саломак встал и, словно обращаясь ко всем сидящим в кафе, громко прочитал:

— «Производство искусственных продуктов питания не будет зависеть ни от дождей...»

— Дождик кончился, — заметила хитренькая с виду девушка, закрывая свой подсыхавший на полу зонтик.

— «...ни от засухи...» — продолжал Саломак.

Анисимов сжал лежавшие на столе кулаки.

— «...ни от мороза. Наконец, все это не будет содержать болезнетворных микробов — первопричины эпидемий и врага человеческой жизни».

— Фи! — сказала девушка с сиреневыми волосами. Она сидела с бородатым художником в блузе и посасывала через соломинку кока-колу.

— Заводы вместо полей — это гадость, — изрек художник.

Саломак потряс в воздухе записной книжкой и, слово отвечая художнику, продолжал читать все громче:

— «Не думайте, что в этой всемирной державе могущества химии исчезнут искусство, красота, очарование человеческой жизни». — Саломак картинным жестом наполнил рвущейся вверх пеной бокалы художника и его дамы. — «Если землю перестанут использовать для выращивания продуктов сельского хозяйства, она вновь покроется...» Слышите? Вновь покроется! «...травами, лесами, цветами, превратится в обширный сад, орошаемый подземными водами, в котором люди будут жить в изобилии и испытают все радости легендарного «золотого века»! — И Саломак залпом осушил бокал.

Художник и его девушка аплодировали. К ним присоединились и другие посетители кафе на Елисейских полях.

Профессор Саломак раскланивался как на эстраде.

Шампанское все-таки ударило в голову. Два прогрессивных ученых шли по Парижу, поддерживая друг друга.

— К черту, друг мой, к черту! — рассуждал Саломак. — Надо оставаться логичным до конца. Что такое мясо? Это куски расчлененных трупов. Хозяйки большие мастера по анатомии, им бы в моргах работать! Прекрасно знают, откуда вырезано. Клянусь, патологоанатомам стоит поучиться у них. Но трупы!.. Фи!.. Как еще дик человек! Я становлюсь убежденным вегетарианцем. Что наши предки? У них, как и у всего живого в природе, жизнь была построена на убийстве. Но я отныне *никого не ем!*

— Держитесь за меня, коллега, ноги у вас что-то совсем не туда идут. Не станем спорить о моральной высоте ваших взглядов. Могу лишь напомнить вам, что Гитлер был вегетарианцем. Он никого не ел, но всю свою, с позволения сказать, философию и всю свою преступную деятельность строил на убийстве миллионов. Я согласен, что мясо, вернее, содержащийся в нем белок, вырабатываемый живыми машинами — скотом, рыбами, птицами, — отнюдь не самый выгодный питательный продукт! Коэффициент полезного действия этих живых машин крайне низок. Всего десять процентов.

— Вы рассуждаете как техник. И это хорошо. Вообще все хорошо. Только не надо убивать для того, чтобы есть. Но есть надо. Клянусь мадонной, есть надо. И пить тоже желательно. Только выпили мы с вами чуточку больше, чем допускалось.

— Пустое. Я еще чувствую себя столбом, врытым в землю.

— Прелестно! Вы столб! А я? Я — котел для варки мяса. Не хочу быть котлом. Мясо отменяю. Я тоже врос в землю, как столб. И вас тоже прошу стать вегетарианцем. Иначе вы мне не друг.

— Но нас объединяет не род пищи, а стремление сделать ее искусственной. Я тоже не прочь отказаться от мяса.

— Отказаться так отказаться! Давайте никого не убивать. Мне уже жаль бактерий.

— Как? Вы против использования одноклеточных организмов? Против того, чтобы питаться кандидой?

— Против! Против! Грибки, они живые, они хорошенькие. У них тоже есть дети.

— Вы шутник, профессор. Нашу научную деятельность как раз и надо направить на использование белка кандиды или подобных ей организмов. Выход белка у них не 10 процентов, а 90!

— А если получать питательные вещества из воздуха, никого не убивая?

— Не спорю с Менделеевым, но он же указывал, что сперва людям выгоднее иметь дело с биомассой. Кстати, сколько тонн дрожжей получает Шампанья из одной тонны кандиды в сутки?

— Он увеличивал в сутки вес биомассы в тысячу раз.

— Вот видите. Теперь слушайте и не спотыкайтесь. Я подсчитал, за какое время удваивается биомасса дрожжей и обычного мяса.

— И за какое же время, коллега?

— Дрожжи — за неполный час, а скот — за полторы тысячи часов. Разница в две тысячи раз! Вот в чем выгода. И вот почему нужно отказаться от скота, а не потому только, что «я никого не ем».

— Не троньте моих идеалов. Я охотно терплю, что вы большевик. И я хочу, чтобы вы оставались моим другом. Я никого не ем — и все тут!

— А одноклеточные организмы тоже нельзя есть?

— Допустим, нельзя...

— А они нас могут есть?

— Меня? То есть как? Что я, скот, что ли?

— Нет. Я хочу спросить, отказываетесь ли вы убивать бактерии чумы и холеры?

— Зачем такие крайности? Это самозащита. Но спорим мы зря, клянусь Пастером, зря! Вот вы уедете к своим белым медведям, которые рыщут по московским улицам в поисках развесистой клюквы, а я стану скучать о вас, дорогой мой Добрыня Никитич.

И два профессора обнялись на парижской улице при свете первых вечерних фонарей.

Глава третья

ВРАГ ГОЛОДА

К шестидесятилетию юбилею академика Николая Алексеевича Анисимова в одном из журналов был помещен очерк о нем, написанный его ближайшей сотрудницей Ниной Ивановной Окуневой.

«Видный французский ученый, член Парижской академии наук, профессор Мишель Саломак однажды сказал Николаю Алексеевичу Анисимову, что иконописцы в старину вполне могли бы писать лики святых с его предков, русских богатырей.

Думаю, что профессор Саломак не ошибался.

Дед Анисим, приходившийся Николаю Алексеевичу прадедом, тянул бечеву на волжских берегах. И когда рывкал бурлак-исполин на одном берегу, на другом отдавалось. Был он ладен с виду, кудряв, оборван, загульно пил и ошалело лез в драку по всякому поводу. С годами присмирел, а когда пошли по Волге пароходы и не нужна стала бурлацкая голытьба, подался в грузчики, да надорвался — занесся однажды в споре и взялся один тащить господский рояль в двадцать пять пудов. Сходни под нимгнулись, но он все-таки донес его до палубы, только слег после того и уже не годился в богатыри.

Сыновья, все семеро Анисимовы по отцу, бечевой уже не кормились, осели в деревне. Правда, землицы только на старшего хватило, остальные разбрелись батрачить.

Федору досталась заросшая бурьяном отцовская полоска, которую он принялся ковырять деревянной сохой. Старость деда на печку загнала, а полоску передал он сыну Алешке.

Дед Анисим давно помер, дед Федор с печи не слезал, а Алексея в германскую войну в солдаты забрили. Три дня гуляли с гармоникой и песнями. Проводили мужика, и легла полоска тяжелой ношей на бабьи да детские плечи.

Вернулся Алексей уже после революции. Принес солдатскую шинель и винтовку.

Шестилетний Коля знал, где она у отца запрятана, и мечтал хоть разок пальнут из нее. Но не до ребячьих проказ теперь стало. Отец был мужик справный и взялся налаживать запущенное за германскую войну хозяйство. И помогать ему должны были и старшие сыновья, и дочь, и Колька тоже, хоть и пятый, младшенький.

К 1919 году дело на лад пошло, да со старшим сыном Степаном отец в Красную Армию ушел. Вернулся он оттуда один и на одной ноге. Но за хозяйство взялся крепко, как «о всех четырех ногах». Благо лошаденка у них завелась. Как инвалиду гражданской войны и за

сына погибшего Советская власть им выделила. Колька гарцевал без седла на коне, когда бороновал свою полосу.

Но случился в двадцатом году недород. Едва на семена собрали зерна. Отец запрятал мешки и винтовкой семейству грозил, ежели кто осмелится к ним прикоснуться.

Так и зимовали впроголодь, отошдали все. Весной стали травы собирать, не дай бог хлеб еще не уродится.

И не уродился. Да еще как не уродился!

Жуткое выдалось то лето. Жара стояла на дворе, как в печи. И гарью несло. Леса горели. Пересохли. В воздухе сухим туманом висела мгла. Муть вокруг, словно через закопченное стекло глядишь на белый свет.

Речушку в овраге сперва куры могли переходить. Потом ни воды в ручье, ни кур не осталось. И дно высохло.

Отец приказал колодец углублять. Оба братишки по очереди спускались, а Колька с сестренкой вверху ведра принимали. Да только песок поднятый чуть влажным оказался, а воды — ни капли. Ушла вода — и не подкапашься.

Пришлось Кольке на буланой их кляче воду с Волги за пятнадцать верст возить. А мальчонке — радость, мужиком себя понимал.

И за все лето ни одного дождя.

Выросла в поле не пшеница, а так — щетина одна. Почти и без колосьев вовсе. И так по всей Волге, говорят. Советская власть, конечно, помогла бы, да сама чуть жива была после гражданской войны да разрухи. И с Врангелем только-только рассчитались в Крыму, царское отребье в море спихнули.

Хорошо помнил Коля отца, ковылявшего на деревяшке, вынужденного наклонять голову, когда в избу входил. Глаза у него, как у всех Анисимовых, незлые, голубые, словно Волга в ясный день, только очень уж пристальные. Смотрел пристально и делал все пристально. И ел тоже пристально. Не приведи бог, крошки хлебные на пол смахнуть. С размаху бил, как дед Анисим в драке. И в шапке есть не дозволял, хоть бы и в поле. Коли ешь, обнажай голову. И даже если пьешь. В знак величайшего благолепия и благодарности за еду-питье, человеку дарованное.

Но не даровали ныне ни господь, ни мать-земля ни-еды, ни питья...

Наступил голод.

Ох, как помнил его Коля Анисимов! Мать в ногах у отца валялась, высохшая, жалкая, уже без слез умоляя отдать семейству запрятанные мешки. Да не соглашался отец, словно не одна нога у него, а весь он будто деревянный. На весну семена берег.

А собирали эти мешки, горько сказать как. Не косили, не жали, а по колоску обирали зернышки в мешочки. И не дай бог за щеку хоть зернышко положить, сжевать, культей своей отец зашибить мог. Ощипывали колоски, как птички небесные. Так по всей полоске и прошлись по растрескавшейся земле с жесткой щетиной. Да и собрали всего два неполных мешка. Их и запрятал отец. Только Колька один и знал куда, да по-малкивал. Отца боялся. Крут он был, как дед Анисим в молодечестве.

Зря валялась у отца в ногах мать, так ничего и не выпросила. Ели лебеду, будто белену. Одурманенные ходили, шатались, падали.

Сбрую лошадиную съели, похлебку из нее сколько ден варили. На весну веревочную уздечку плести зачали. Коня отец тоже на весну берег, все боялся, как бы соседи его не прирезали, потому в ближних дворах мужики, бабы и детишки уже помирать стали.

Болтали про иные деревни невесть что, уши ссыхались. Будто и не люди там голодают, а звери окаянные. Да и у зверей, поди, такого не случается. Врут все. Не может такого у людей быть!

Покойников все больше становилось. На санках их по первому снегу мимо анисимовской избы провозили.

Что делать! Господь дождя не дал. Зря попы с хоругвями ходили, горло драли, крестными ходами дождя у неба вымаливали. Ничего не вымолили. Вот теперь панихиды и служат сразу по многим покойникам, которых и в церковь не вносят. Поп с церковных ступеней кадит на уставленную санками сельскую площадь.

Люто чувство голода. Но еще горше голодать, когда не знаешь, что детям в рот сунуть. Слюна во рту — полынь, противная, словно ржавую железку или медяшку сосешь. В голове мутит, в животе рези, то ли от пустоты, то ли оттого, что дерево грыз, кору жевал. Козы же жрут, почему человек не может?

Но человек не может.

Помер отец, помер Алексей Анисимов, так и не раскрыв тайну запрятанных мешков и винтовки. Коля ее открыл. Вместе с братьями и сестрой в овраг пошли. Винтовку обнаружили, яму раскопанную нашли, а мешков с семенным зерном не оказалось. Видать, кто-то еще, кроме Кольки, тайник тот знал. А кто — неведомо.

Страшная была зима, ох жуткая!..

Даже тараканов в избе не осталось. Все передохли... с голоду... Да и люди, как тараканы, — один за одним...

Двое старших братишек, Иван да Федор, — двойняшками были, — так вместе и померли. Гробы им Колька сколачивал, потому больше некому. Сестренка Марья невесть куда ушла, может, нищенствовать в город, может, еще куда... Только Колька с матерью и остались горевать да голодать. Коня не успели прирезать, сам сдох. А дохлого порубил кто-то и уволок...

Колька силки в лесу хотел ставить, да лес за лето так выгорел, что в нем и живности никакой не осталось, даже птицы не летали.

И тогда взяла мать Кольку за руку, намотала на него все, что от померших братьев осталось, да и пошли куда глаза глядят.

А глядели глаза на проселок к железнодорожной станции. Любыми правдами и неправдами хотела мать до самой до Москвы добраться. До людей добрых, а может, и до самого Ленина.

Как они попали в столицу, Коля как следует и не помнил. Ели что придется. Когда народ вокруг — иногда и перепадет что-нибудь, хотя таких попрошаек, как они с мамкой, на станциях шныряло видимо-невидимо, будто все, кто не помер в деревне, сюда поспешили.

Ехали и на крыше вагона, и на ступеньках, и на буферах, всяко ехали. Но доехали однако.

Только верно говорят, что беда не приходит одна.

В душном, грязном вагоне, где на заплыванную лавку залезть за высшее счастье почиталось, где люди днем и ночью, ожидая уже не поезда, а бог весть чего, вповалку лежали, смердя от безделья или слабости, мать Коли Анисимова лежала среди них, уж и не чувствуя вони, да так подняться и не смогла. Жар у нее приключился. Соседи слышали, как она про мешки все поминала да про винтовку какую-то.

Мамку забрали дядьки в белых халатах, сказали, что у нее сыпной тиф. А Колю направили в детскую колонию как беспризорника, хотя беспризорником он так и не успел стать.

В колонии кормили досыта. Мальчик чувствовал бы себя счастливым, кабы не мамка, которую куда-то увезли. Она не появлялась, не разыскивала сына.

И только восемь лет спустя рабфаковец Николай Анисимов умудрился разыскать в больничных архивах историю болезни Марии Никитишны Анисимовой, поволжской крестьянки, скончавшейся от сыпного тифа зимой 1921 года.

Рабфак Николай Анисимов закончил в 1929 году и семнадцатилетним парнем попал в университет. Был он нрава общительного, и чувствовалась у него и во взгляде, и в отношении к учению, и всякому делу какая-то пристальность. Должно, от отца перешла... А за доброту и силу прозвали его Добрыней Никитичем.

Перенесенный им голод наложил печать не только на его воспоминания, но и на все его взгляды. Ненавидел он лукавство природы, в особенности засуху, да и вообще все, от чего зависели судьбы человека как сотни тысяч лет назад, так и теперь. И мечтал новый богатырь стать химиком, чтобы владеть землей и управлять ее капризной щедростью.

Способностями бурлацкий потомок обладал необыкновенными. Замечен он был университетскими профессорами и после окончания университета оставлен при кафедре самого профессора Зелинского.

В конце тридцатых годов защитил он диссертацию и стал кандидатом химических наук.

Грянула Великая Отечественная война, и потомок волжских богатырей ринулся добровольцем в ополчение. Но университет не отпустил его. Война велась не только на передовой линии фронта, но и в тылу, где решался вопрос: быть или не быть голоду в стране и чем армию прокормить. Тогда-то и попал Николай Алексеевич Анисимов в Ленинград, да и остался там в кольце блокады. И еще раз в жизни повидал он умирающих от голода людей, получавших в день по кусочку хлеба, но продолжавших поддерживать жизнь великого города.

Кусочек хлеба! Никто не знал дерзкого замысла молодого ученого. Он хотел спасти от голода население

Ленинграда, будучи уверен, что при добавлении к имеющимся кусочкам хлеба аминокислоты лизин этого окажется достаточным для поддержания здоровья людей в осажденном городе. И Анисимов прежде всего провел опыт на самом себе. Он отказался от дополнительного пайка, на который имел право, и проверил свое состояние, употребляя имевшийся у него лизин. Но не хватило духа Анисимову довести опыт до конца. Не мог он без боли смотреть на изможденные детские лица, на санки с очень длинным, порой волочащимся по снегу грузом.

Он отдал весь запас своего лизина. Поддержал жизнь некоторых юных ленинградцев, а сам...

Самого его в бессознательном состоянии эвакуировали в последней стадии дистрофии через Ладожское озеро по «Дороге жизни».

Лишь далеко в тылу выходили молодого ученого.

Для него голод стал кровным врагом. Борьбе с ним решил он посвятить всю свою жизнь.

В Москве Анисимов сделал сообщение о поставленном на себе в Ленинграде опыте. И на своих выводах построил докторскую диссертацию.

Но он замахивался на большее. Ему казалось: мало синтезировать все двадцать аминокислот для создания полноценных питательных продуктов, они должны быть еще и приятными на вкус, обладать знакомым запахом. Тогда-то он и обратился за советом к академику Иоффе, который в научной своей юности увлекался проблемами запаха.

Статьи Анисимова о запахе привлекли к нему международное внимание. И во время Алжирского симпозиума, уже после Великой Отечественной войны, попав на плантацию роз господина Рене, он стал свидетелем разрушения асфальтового шоссе одноклеточными организмами, пригодными в пищу.

Научное предвидение подсказало ему, что наука на пороге создания искусственной пищи.

И ныне, в день своего шестидесятилетнего юбилея, маститый ученый по праву считается одним из родоначальников будущей пищевой индустрии, способной положить конец голоду, который до нашего времени остается жесточайшим врагом человечества, унося множество жизней.

Я не останавливаюсь на его общеизвестных работах последних лет, сделавших ему мировое имя. Он полон

сейчас сил и энергии, и в день его юбилея хочется пожелать ему, как врагу голода, самых больших успехов в его благородном деле.

Н. И. Окунева, кандидат химических наук».

Глава четвертая

МАЛЬЧИК С НЕБА

«Я начинаю эти записки вовсе не для того, чтобы опровергнуть нелепую версию о моем происхождении, высказанную моим давним другом, от которой, надо думать, он, ныне уважаемый всеми ученый, откажется. Я пишу ради освещения тех событий, в которых мне привелось участвовать, и ради людей, с которыми встречался.

Я рос самым обыкновенным деревенским мальчишкой и, если бы не мой смехотворно малый рост, ничем бы от них не отличался.

Когда мои сверстники вымахали, как бамбук у факира, а я так и остался с виду тем же мальчуганом, моя малорослость стала предметом насмешек. Это больно ранило меня.

И я стал стесняться своего роста, сделался замкнутым, застенчивым, чурался людей.

Во мне зрело болезненное желание доказать всем, это я не хуже их...

Когда началась война и я явился в военкомат, чтобы вступить в Красную Армию и защищать от фашистов Родину, меня ждал холодный душ.

— Детей мы в армию не берем, мальчик, — сказал мне старший лейтенант с тремя кубиками в петлицах.

Напрасно показывал я паспорт — мне чуть не хватало до восемнадцати лет.

Лейтенант покачал головой:

— Ростом ты, браток, не вышел. Как тебя? Толстовцев? Алексей? У нас, Алеша, и обмундирования для тебя не найдется, дорогой. Не сшили. Поживи в деревне, помогай колхозу. Мужиков замени. Армию ведь кормить надо. А там одни старики да бабы...

Я не боялся труда, но рвался в бой. И пошел пешком в город. В горвоенкомат, жаловаться на старшего лейтенанта.

Выручил меня полковник.

— Что ж, что ростом мал! Для авиации очень даже удобно. Направить добровольца в авиаполк.

Так я стал башенным стрелком.

Вражья сила надвигалась на родные места Смоленщины. Я ходил в боевые вылеты. Обстреливал немецкие самолеты не раз, но ни одного не сбил.

А вот нас сбили.

Трассирующие пули прошили кабину пилота, и летчик мой, замечательный человек, убит был наповал. Самолет потерял управление, и за хвостом его тянулся черный шлейф.

Тут я поступил по инструкции, выпрыгнул с парашютом.

Подо мной — лес, места незнакомые. Передовые позиции где-то далеко. Мы в немецкие тылы летали. И в тыл к немцам я и спускался теперь на парашюте, в Беловежскую Пушу.

Приземлился неудачно, хоть и был это мой двадцать первый прыжок, на аэродроме выучку проходил. А вот ведь, когда понадобилось, ногу подвернул. Встать не могу.

Подобрали меня какие-люди, кто в красноармейской форме, кто в штатском.

Оказалось — партизаны.

Командиром был, как полагалось говорить, «батя», хотя в бати он мало кому годился, совсем еще молодой. А начальником штаба еще моложе был — лейтенант, примкнувший к отряду вместе с выведенной им из окружения группой солдат, Генка Ревич, веселый человек.

Ногу мне подлечили.

И тут снова мой рост привлек к себе внимание.

Вызвал меня Гена Ревич и говорит:

— Слушай, Алеха! Человек ты смелый, и природа наградила тебя неоценимым даром.

Я насторожился:

— Как это наградила?

— Ты не обижайся. Я рост твой имею в виду. Вот ведь какой подарок нам сделали — мальчика с неба сбросили!

— Какого мальчика? — разъярился я, готовый на лейтенанта броситься. Самое больное место задел.

— А как же! Сообрази. Ростом ты с мальчика. Ну, лицо, правда, постарше. Так мы тебя загрируем. Сме-

каешь? И ты в тыл к немцам пойдешь пацаном. Зада-ние выполнять.

Тут я в первый раз в жизни обрадовался, что рос-том не вышел, и на все согласился.

Волосы у меня от рождения кудрявые. В авиачасти, куда я попал, мне их оставили, боялись, что без них совсем уж ребяческий будет у меня вид. Но здесь с куд-рями я вполне за деревенского мальчишку сойду. Меди-цинская сестра в отряде косметику понимала — из па-рикмахерской, — разукрасила меня веснушками, «при-молодила», как, смеясь, сказала. Одежонку достали не по мне, но для деревенских ребят обычную — с чужо-го плеча.

В таком преобразенном виде я и отправился в де-ревню, где гитлеровская часть квартировала.

И до чего просто прошел я вражьи заставы! Никто на меня и внимания не обращал. Иду себе и иду, са-пожищами чужими пыль на дороге загребаю.

По деревне шастал как коренной ее житель. Сразу распознал, где кто стоит, какую избу занимает.

С мальчишками местными встретился, покалякал малость. Прикинулся беженцем, потерявшим родителей. Мне и поверили.

Сведения, которые я в отряд принес,годились. И повел я боевую группу во главе с Геной Ревичем в деревню, к той самой избе, где штаб части располо-жился.

Конечно, оружия для меня не нашлось. Мало его в отряде. Но я сам себя вооружил. Наполнил молотым перцем бумажный фунтик с трубкой, из веточки сделан-ной. И как нажмешь на него — струя перца выле-тает, как трассирующая очередь. И на пистолет даже похоже.

Гена Ревич меня вперед послал. И наткнулся я сразу на часового. Здоровый такой бугай. Схватил меня за шиворот и вопит:

— Хальт! Шмуциг кнабе! Русиш швайн!*

Тут я ему и задал перца, выпустил в глаза струю.

Гитлеровец автомат выронил, взревел и меня от-пустил. Начали офицеры из избы выскакивать. Почему часовой ревет, а пальбы нет?

* Стой! Грязный мальчишка! Русская свинья!

И все — прямо на Гену Ревича. Он их и приканчивал. А трофейное оружие — безоружным бойцам.

И только тогда ворвались наши в избу — разгромили штаб.

В деревне тревога: фашисты носятся, кто в касках, кто в кальсонах. Не знали они еще тогда про партизанскую войну. Блицкриг по нотам разыгрывали.

Наши отошли. А меня в деревне оставили — увидеть, как и что.

Наткнулись на меня разъяренные фрицы, схватили. Ну я реветь как заправский пацан. Они по-своему лопочут. Дали мне пинка...

Я к своим пробрался.

Так и вооружался помаленьку наш отряд.

Пробыл я в нем неполных два года, пока с регулярной армией не соединились.

А потом воевал, как и все. Теперь уже в пехоте, не в авиации. Меня в шутку звали «сыном полка». Бывали такие приставшие к частям мальчуганы.

Гены Ревича я больше не видел. Думал: или погиб он где, а если жив остался, то, может быть, Берлин брал.

Я до Берлина не дошел.

После госпиталя направили меня в тыл, а потом демобилизовали. Кто-то придумал, будто я годы себе прибавил нарочно. Все не верили, что я и впрямь взрослый.

Опять мне до смерти обидно было.

Отправился я на Смоленщину.

Добрался до родной деревни, а там — пепелище. Кое-где печки да трубы торчат. И некому рассказать...

Так один я и остался.

Пробовал в организации обращаться. Помочь не могут. Предлагают — в детдом, а моим рассказам о партизанщине не верят.

Ушел я с родной Смоленщины, поехал в Москву. И посмотрел там Великий Праздник Победы.

Толкался я в толпе на Красной площади. Радость вокруг, все обнимаются, целуются. Кто с орденами и медалями — тех качают.

А я?.. Я радовался. Мало ли подростков здесь терлось, победу праздновали. Словом, за участника Великой Отечественной войны я не сошел.

А счастлив был вместе со всеми».

ТУНДРА

«Но в одном месте меня все-таки признали участником Великой Отечественной войны — в Главсевморпути.

Там набор производился на далекие полярные станции. Я предъявил свои документы (они в полном порядке!). Сказал, что готов куда угодно, на любые условия.

Меня направили в Усть-Кару механиком, потому как научился я кое-чему в армии: при саперах в запасном полку был, потом на походной электростанции работал — все из-за роста. На передовую не направляли, словно там рукопашная велась и при моей малорослости мало пользы будет.

Но нет худа без добра. За время войны специальность получил. А в госпитале отлежал — это после бомбежки. Шальной осколок...

Плыли мы до Усть-Кары из Архангельска на корабле. Впервые тогда ледяные поля увидел. Вроде степь заснеженная — а плывет! Но это уже в Карском море. А в Баренцевом отчаянно качало. Все в лежку валялись, а я между ними похаживал да поглядывал. Волна меня не берет.

Усть-Кара. Полярная станция на берегу зеркальной реки, в самом ее устье.

Мостки сделаны около заправочных цистерн с горючим. Летящая лодка «Каталина» перед ледовой разведкой залетает заправиться. У мостков пришвартовывалась.

Очень мне хотелось на ней полетать, службу в авиачасти припомнить.

Но... Начальник станции — тип пренеприятный, грубый. Встретил не так, как полагается встречать людей, с которыми зимовать впереди. И сострил при первых же словах: здесь, мол, не детдом, работать придется и за механика, и за метеоролога. Я ведь всегда намеки болезненно ощущаю.

Потому на зимовке ни с кем не сошелся, замкнутым, нелюдимым себя показал.

И уже овладела мной «мания самоутверждения», как

я теперь оцениваю. Хотелось во что бы то ни стало людям доказать, что не в росте дело.

И я стал изобретать. Первой пробой, пожалуй, был тот фунтик с толченым перцем, который я вместо оружия в схватке с вражеским часовым применил. И начал я на полярной станции всякое придумывать. То от флюгера в дом привод сделаю, чтобы, не выходя за порог, определить, откуда и какой ветер дует, то самописцы непредусмотренные на приборы устанавливаю. И недовольство начальства вызвал. Скупердяй отчаянный попрекал меня каждой железкой или проволочкой, которые я для устройств своих брал. Я, конечно, тихий, застенчивый, пока дело до моих выдумок не доходит, а тогда становлюсь резким, ядовитым. «Злобным карлом» меня начальник обозвал после очередной стычки. От обиды сразу после дежурства в тундру я ушел.

И показалась тундра застывшим по волшебству морем с рядами округлых холмов-волн. Покрывают они были пушистыми травами. Удивительно, с какой быстротой вырастают они здесь в короткое арктическое лето, украшенные душистыми цветочками. И юркие зверьки размером с крысу безбоязненно шныряют — лемминги, пестренькие, симпатичные...

И вдруг не поверил глазам. Деревца или кустика нигде не увидишь, а тут со склона холма-волны заросли кустарника сползают. Двигутся, а не колышутся.

Но сообразил я, что никакой это не кустарник. За торчащие ветки олени рога принял.

Стадо оленей сбегало с холма и, нырнув в ложбину, взбиралось на следующий холм. И за ним скрылось.

Олени малорослые и рога на бегу параллельно земле держат. Сами скачут, а рога будто плывут. Так животные энергию во время бега берегут: без лишней работы на поднятие рогов при каждом скачке.

Из-за холма выехали нарты, запряженные шестеркой оленей — веером. Оленевод правил длинным шестом — хореем.

Увидел меня, остановился, с нарт сошел. И не такого я уж малого роста рядом с ним оказался.

Разговорились мы со старым Ваумом из рода Пиетамина Неанга. Душевно пригласил к себе в чум, обещал познакомить с внучкой Марией.

Быстроногая, яснолицая, узкоглазая и сразу за душу взяла, едва ее увидел.

Подружился я с этими людьми, как ни с кем прежде. Старику трофейный немецкий радиоприемник подарил, который Генка Ревич после первой операции против немцев мне отдал.

Марию стал учить всему, что сам знал. Даже астрономии. В ту пору член-корреспондент Академии наук СССР Гавриил Андрианович Тихов наблюдал вроде бы растения на Марсе, создав науку астроботанику. Этот Марс, красненькую звездочку, я показывал Марии на небосводе.

До зимы мы с ней ликбез прошли. На лету все схватывала, ко всему на свете жадная, любопытная. Я и рассказывал ей обо всем, даже о Древнем Риме, о восстании гладиаторов и вожде их Спартаке. Так стал я одним из первых учителей в тундре.

Начальник полярной станции злился из-за моей дружбы с оленеводами, говорил, что я заразу на станцию занесу.

Пролетело короткое арктическое лето, кончился полярный день, солнце заходить за горизонт стало. Пошли оранжевые зори.

Оленеводы собрались перегонять стада на юг, к северным отрогам Урала.

Заболел старый Ваум, не мог ехать со всеми. Вроде воспаление легких. Так по радио врач с Диксона определил.

Узнал дед, что доктор сказал, и решил здесь, в чуме, зимой помирать.

Но Мария не захотела его бросить.

Зимний чум сама, как выпал снег, сложила из снежных кирпичей. Собак и немного оленей при себе оставила.

Дельной показала себя девушкой, хотя и тихой. Во всем деда слушалась.

Подозревал я, однако, что не только из-за деда она здесь осталась...

Наши с ней занятия продолжались. На следующий курс «тундрового университета» вроде перешла, а я как бы до «профессора» дослужился. Известно, что на безрыбье и рак — рыба, а без оленей и лемминг — еда!

Осенние вьюги принесли и снег и стужу.

Зимой наладился я на лыжах к деду с Марией в гости ходить.

В тундре пурга разыгралась, носу не высунешь. А мне дома не сидится.

Начальник злорадствует:

— Вот ведь какой компанейский, скажите на милость! А мы за нелюдима посчитали. Однако выходить в пургу запрещаю!

— Старику заряженные аккумуляторы к радиоприемнику отнести надо. От мира они отрезаны. Пурга мне ничо чем.

Начальник знал, что упрямства во мне вполне на великана хватит, а не то что на «Злого карла».

И пошел я, упрямый и неразумный, искать в снежной тундре чум Марии. Из-за летящего снега конца лыж не видно.

Ну и заплутался. Ветер со всех сторон дует, а откуда дул, не поймешь. Досадно так погибать. Начальник в Главсевморпуть небось радиogramму даст: «Механик станции погиб из-за своей недисциплинированности и упрямства, нарушив прямой запрет выходить в пургу из дома». А главное — Марии не увижу, не позанимаюсь больше с ней.

Но знал я со слов Ваума и Марии, как олениводы поступают, когда застает их пурга в тундре. И закопался я, как и они, в сугроб и в воображении своем стал снег сгребать, целую гору снега со всей тундры. Мышцы напрягаю, чтобы пот на лбу выступил.

Не знаю как, но приняла Мария сигнал от меня, теперь это телепатемой бы назвали. Сердцем приняла. Запрягла собак и помчалась мне навстречу.

Собаки почуяли меня в сугробе. Нашли.

Я обессилел совсем, полтундры снега мысленно перебрал, и все согреться не могу.

Она меня откопала и отогрела. Отогрела в своем чуме. Отпаивала горячим чаем и жиром, согревала теплом своего тела. В один спальный мешок вместе с ней пришлось забраться.

Стыдился, конечно, но сил не было сопротивляться. И признаться, не только сил, но и охоты противиться...

А дед Ваум что-то там колдовал над огнем, кашлял и бормотал заклинания. Мария шепнула, что он обряд тундры совершает, чтобы нам с ней теперь вместе жить.

Вместе, вместе! Я тоже так решил. И она согласилась.

На собачьей упряжке поехали мы с Марией к поляр-

ной станции. Начальник встретил на крыльце хмуро. Узнал про наше решение и про спальный мешок и велел расписаться в амбарной книге, где учет продуктам вел и каждую подстреленную куропатку приходовал. И появилась там запись о женитьбе Алексея Толстовцева на Марии Евсюгиной из рода Пиеттамина Неанга.

— Жениться-то женились, скажите на милость! — усмехнулся он. — Только жить вам здесь вместе не придется. У меня штат укомплектован и продуктов в обрез.

Бездушный был человек. Я ему говорил, что Мария оленей сюда приведет и он их в свою амбарную книгу записывает, но он и слышать ничего не желал:

— Олени, олени, скажите на милость! А муки для хлеба у нее нет? Вот то-то!

Но пришлось ему, как радисту, отправить мою радиограмму начальнику Управления полярных станций, Герою Советского Союза Эрнесту Теодоровичу Кренкелю. Просил я перебросить «как бы поскорее» механика Алексея Толстовцева и его жену Марию (поваром) на любую полярную зимовку, куда угодно, хоть на Марс. Так и написал: «Хоть на Марс!» Вспомнил, как Марии про марсианские каналы и воображаемые на Марсе растения рассказывал.

Кренкель был человек чуткий и шуточный. Мне потом привелось с ним повстречаться. Получил мой начальник от него радиограмму, что отправляет чету Толстовцевых на Марс зимовать, как только к берегам архипелага Франца Иосифа корабли пробиться смогут».

Глава шестая

УЛИЦА ХИБАРОК

Вскоре после посещения Алжира Николай Алексеевич Анисимов, о котором уже говорили как о «враге голода», побывал в Индии, еще не обретшей тогда независимость. Его поразили официальные данные англичан о стране, страдавшей под их владычеством. Так, в период с 1800 по 1825 год, за пять голодных лет, в стране умерли от голода миллион человек! Миллион трупов! Это надо было представить и содрогнуться. В следующую четверть века за два неурожайных года умерли четыреста тысяч человек. Если разобраться, то за каждый голодный год даже больше, чем в предыдущие

годы. В следующую же четверть «золотого века» английского колониализма драгоценности короны королевы Виктории пополнились легендарным бриллиантом «Кох-и-нур» в 100 каратов, отнятым у последнего правителя покоренного Пенджаба. А за шесть «голодовок» в это время погибли пять миллионов человек! В последнюю же четверть девятнадцатого века число голодных жертв «благополучной викторианской эпохи» возросло до баснословной цифры в 26 миллионов человек, что равно населению средней европейской страны.

Еще хуже стало в Индии в двадцатом веке, когда бедственное положение голодающей страны бесстыдно использовалось колонизаторами.

Не слишком многим отличалось положение населения в соседней с Индией стране-великане, в Китае. Так, например, в 1927 году, по официальным данным, там голодали девять миллионов человек, в 1929 году — уже 37 миллионов, а в 1931 году — 70 миллионов человек.

В царской России голод называли «народной болезнью». Ежегодно насчитывалось «неблагополучных губерний» от шести до шестидесяти. И положение в них было таким же, как в памятный для Коли год несчастья на Волге.

Но голод не только сам по себе уносил миллионы жизней. Он способствовал появлению опустошительных эпидемий, косивших людей с подорванным здоровьем.

Николай Алексеевич Анисимов, уже став академиком, убедился, что это вовсе не беда недавнего прошлого. Почти половина человечества недоедает в наши дни. Дефицит белка составляет 20 миллионов тонн! Если получать его только от скота, то не хватит миллиарда голов, которых просто нечем прокормить на земле.

Никогда не забыть Анисимову голодающих в Латинской Америке.

Местные ученые отговаривали советского академика от посещения «грязных кварталов», где жила беднота. Но он все-таки пошел туда, где ютились люди, не имевшие ни заработка, ни даже пособия по безработице. (Были и такие!)

Первым ощущением академика был смрад, шедший отовсюду. Босоногие, углеглазые и чумазные ребятишки бежали по пыли за богатым господином, каким представлялся им Анисимов, и тянули к нему худенькие ручонки.

В пыли копошились пузатые дети с тонкими шеями и непомерно большими качающимися головами. Анисимов знал, отчего они так выглядят.

Он уже раздал всю мелочь, какая была в его карманах.

Сквозь проем, заменявший отсутствующую дверь в сбитую из всякого хлама хижину, виднелось жалкое жилище голодающих бедняков. Страна не страдала от засухи, леса не полыхали пожарами, на растрескавшейся земле не росла щетина. Напротив, природа здесь была с виду невообразимо щедрой. Но люди голодали. Они голодали потому, что не получали непосредственно от природы ее даров, а должны были покупать их у тех, кто ими владел. А покупать не на что, ибо никто не мог предоставить им работы.

Один из несчастных, изможденный, унылый, ко всему безразличный, поникшим комком сидел у порога в свое убогое жилище и пустыми глазами без всякой надежды смотрел на Анисимова.

Николай Алексеевич, с его способностями к языкам, умел объясняться по-испански. Он присел рядом с голодающим на фанерную ступеньку и казался по сравнению с ним седым великаном.

— Добрый день, сеньор.

— Добрый день, почтенный гранд, — отозвался голодающий.

— Я хотел бы расспросить вас о вашей семье.

— Чего ж спрашивать? Вчера схоронили сынишку. Да завтра родится новый. Жена на последнем месяце ходит. Вот ртов столько же и останется.

— Отчего же он умер?

— Господь так пожелал. Остальных шестерых не прибрал, а этого взял к себе.

— Может быть, ребенок недоедал?

— Все недоедают, добрый сеньор. Нет таких у нас, которые не недоедают. Сытый человек — это недобрый человек. Добрый всегда голодает. Если вы добрый, а бы вам предложил перекусить, да не знаю, найдется ли у жены.

— Вы работаете где-нибудь?

— Редко. Очень редко когда работаю.

Анисимов посмотрел на вздутые жилы на высохших руках.

— Кем вы работаете?

— Как придется, сеньор. Могу делать все, что угодно.

— И вы все умеете?

— Нет, почему же? Я ничего не умею. В этом моя беда. Если бы я умел, было бы легче, но и обиднее, сеньор. Обиднее не иметь работы, если что-то умеешь.

— И вы не получаете пособия?

— Я не член профсоюза. А если бы им стал, то, спаси святая дева, вылетел бы отсюда, вы уж мне поверьте. Никто не позволил бы мне жить в этой вонючей яме со своими отпрысками. А жить надо!..

— Что же вы едите, сеньор?

— Что придется, что придется. Часто — ничего.

— А если вам предложить искусственную пищу?

— Искусственную? А какая она? Если лучше коры деревьев, которую мы обгладываем, то можно и ее. Голод — лучшая реклама даже для любой завали, пусть и искусственной.

— Но искусственная пища не уступает естественной.

— Не пробовал, не пробовал. Но попробовать всегда готов. Вы не коммивояжер, сеньор? Может быть, у вас найдется кое-что из этой искусственной пищи? Только в долг. Идет?

— Я не решался предложить вам. Но, если вы не против, то вот несколько коробочек. Бесплатно.

— Консервы? — Пустые глаза собеседника загорелись.

— Нет, не консервы, просто лабораторная упаковка уже приготовленной пищи. Здесь вот баранина, здесь жареная картошка. Вы можете разогреть ее прямо в банках.

— Бесплатно? Так что же вы молчали, сеньор? Бог да воздаст вам за вашу доброту. Оказывается, и среди сытых есть добрые души. Но все равно мы пир устроим с вами вместе. Мария, — закричал он, — благодари пресвятую деву, разводи огонь! Есть еда!

Сидели за фанерным ящиком, заменявшим стол. Вкусно пахло, аромат плыл по всей улице, и проходившие удивленно останавливались, завистливо заглядывая в дверной проем.

Ребятишки тряслись от жадности, хватая свои куски. Их угольные глаза разгорелись. И грязные ручонки тянулись к Марии, раскладываящей яства на обрывки газет, заменявшие тарелки.

Хозяин блаженно шурился, пережевывая ароматный кусок.

— Уверяю вас, сеньор, — говорил академик Анисимов. — Это не баранина, хотя на вкус и запах кажется такой. И вовсе не картошка.

— Будет вам смеяться над бедными людьми, добрый сеньор! Или вы думаете, что мы забыли, как пахнет баранина и жареная картошка? Клянусь всеми святыми, года три назад мы ели их.

Анисимов кивнул. Он посмотрел на жену хозяина хибарки. Она ела, и слезы текли по ее ввалившимся щекам из потухших черных глаз. Дети чавкали, повизгивая от восторга.

Анисимов тяжело вздохнул.

Глава седьмая

ВЕЧНЫЙ ГОРОД

Инженер Юрий Сергеевич Мелхов вышел в Риме из знаменитого стеклобетонного вокзала, и шум, грохот, итальянская речь, подобно горной лавине, обрушились на него. Он жадно оглядывался вокруг. Он так мечтал об этой минуте.

Его случайный спутник, американский журналист Генри Смит, узнав, что у командированного на химический комбинат под Римом русского есть свободный день, вызвался быть его чичероне.

Еще в поезде он восхитился Юрием Сергеевичем, как он выразился, «импозантным европейцем», даже принял его за англичанина — безукоризненная английская речь и умение элегантно одеваться. Юрий Сергеевич знал за собой эти качества, но не подозревал, что может произвести за рубежом такое впечатление.

Рослый, видный, он действительно умел держаться «с прирожденным достоинством», и жена его Аэлита еще со студенческих лет считала его красавцем.

Осторожность никогда не покидала Юрия Сергеевича, и он присматривался к новому знакомому, решив про себя, что готов поиграть с ним в предложенную игру.

Добровольный гид, увлекая за собой русского инженера, тараторил:

— Вот он, Вечный город, город тысячелетних парадков. Смотрите, одна теснота на улицах чего стоит!

Прямо перед ними столкнулись две автомашины, помяв крылья. Их владельцы, темпераментные итальянцы, обычно так шумно разговаривающие, теперь лишь обменялись визитными карточками.

— Бизнес! — глубокомысленно заметил Смит. — Берегут время.

Около витрины модного магазина с восковыми улыбками манекенов американец указал на яму археологических раскопок напротив:

— Внизу каменные плиты, исхоженные матронами. Были ли среди них вот такие же хорошенькие мордашки? — И он подмигнул витрине.

Новые знакомые бродили по городу два часа, Смит показывал фонтаны:

— Для итальянцев открытие каждого фонтана не только праздник, но и бизнес, завидное зрелище для туристов. А туризм — индустрия!

И чичероне тащил Мелхова дальше по душным от автомобильных газов улицам.

— А вот и древний водопровод! — воскликнул он перед каменными виадуками, странно выглядевшими на фоне стеклобетонных зданий.

— Сработанный рабами Рима, — отозвался Мелхов.

— Bravo! Так сказал Маяковский.

Юрий Сергеевич покосился на спутника, а тот продолжал:

— Вот выучусь как следует русскому языку и приеду к вам в Россию корреспондентом своей газеты. Тогда вы покажете мне Москву. Как это у вас говорится: «Долг платежом прекрасен»?

— Не совсем так, но вроде, — усмехнулся Мелхов и подумал: «Видно, не зря прилип этот американец, на связь в Москве рассчитывает».

Они дошли до Ватикана, этого отгороженного древней стеной самостоятельного «государства попов» в центре итальянской столицы.

Смит по-хозяйски показывал опереточно наряженных стражников, охранявших вход в город святого престола. Их средневековые двухцветные камзолы походили на шутовское одеяние скоморохов, но привлекали внимание туристов, плативших валютой за любопытство, охотно Ватиканом удовлетворяемое.

Посещение музеев Ватикана с фресками Микеланджело перенесли на другой день, а сейчас зашли в величественный собор св. Петра, где на полу начерчены размеры всех крупнейших церквей мира, которые могли бы поместиться внутри этого храма. Смит даже отыскал отметку величины Исаакиевского собора в Ленинграде.

Им повезло. «Нельзя побывать в Риме и не видеть римского папу». Совершалась какая-то церемония, и перед наполнявшей собор толпой вынесли в кресле старичка. Служитель в рясе поднес микрофон, и папа заговорил по-итальянски.

— Наплевать, что не понимаем, — шепнул Смит. — Важно, что мы его слышали. Но нам пора!

И американец потащил Мелхова смотреть римский форум.

С почтением разглядывал Юрий Сергеевич тесно поставленные, частью обломанные колонны. «Здесь когда-то толпились люди в тогах и решали судьбы мира». Он сказал об этом Смицу. Тот обрадовался:

— Мы побываем на другом форуме, где люди не столько определяют судьбы мира, сколько пекутся о них...

Этот форум оказался конференцией ООН по вопросам продовольствия. Проходил он не среди тесных колонн, а в огромном современном зале с потолком, напоминавшим стеганое одеяло, за которым скрывалось хитрое акустическое устройство. Однако оценивать его не требовалось, так как Смицу, предъявившему корреспондентскую карточку, и сопровождавшему его Мелхову выдали при входе по радиоприемничку с наушниками. Поставив стрелку на шкале против определенной цифры, можно слышать выступающего на знакомом языке. Передачи принимались из кабин переводчиков.

Когда устроились в ложе прессы, на трибуну поднялся английский профессор Смайльс, демограф и футуролог. Суховатый, седоусый, аристократичный, воплощенная респектабельность. Мелхов мысленно поставил себя рядом с ним, взяв его за образец.

— Мне кажется весьма значительным, что в Вечном городе решаются «вечные проблемы». Нет лишь уверенности в вечности. Я далек от мысли упрекать мужчин и женщин, моих современников, тем более что у меня самого трое детей и мы с женой еще полны жизненных сил, но я искренне сожалею, что слишком много

семей как бы подражают мне и тем самым приближают человечество к демографическому взрыву.

Мелхов, слушая оратора по-английски, ради любопытства включил русский перевод и ужаснулся: смысл речей беспардонно искажался. Надо думать, что основные доклады здесь заранее переведены. Впрочем, не мешало бы ввести международный язык: эсперанто или латынь.

Англичанин продолжал свою учтивую речь, смысл которой сводился к тому, что безрассудно размножающееся человечество без войн и былых болезней ныне увеличивается вдвое не за тысячу лет, как прежде, а за тридцать семь лет.

— Нет средств предотвратить *цунами*, — патетически заканчивал мистер Смайльс, — *цунами*, которое обрушится на нашу грешную Землю. Я сожалею, но приходится радоваться хоть тому, что мы живем в этом веке, а не через тысячу лет, и все еще плывем среди звезд на перегруженном корабле «Земля». — И, поклонившись, он оставил трибуну.

В следующих выступлениях было меньше учтивости, риторических перлов, но больше убийственных цифр.

Во всем мире дефицит белка в год — $5 \cdot 10^{15}$ калорий*. Каждому человеку в день надо 3000 калорий. Значит, питанием не обеспечено по меньшей мере 1,8 миллиарда человек, то есть половина человечества.

Положение с зерном удручающее. Резервные запасы пшеницы во всем мире уменьшились к 1974 году с 49 до 39 миллионов тонн. Последующие засухи и недороды еще больше ухудшили положение. Не лучше и с мясом. Когда нет зерна, скот кормить нечем, и его забивают. Тогда появляется избыток мяса, как, например, в Западной Европе. Но потом цена на этот продукт подсккакивает, и он становится недоступным. Попытки увеличить засеваемые зерном площади завершились приростом всего лишь в 0,7 процента, но это достижение сводится на нет капризами природы в других районах: засухами или проливными дождями, ураганами или наводнениями. Климатологи объявили, что «наша планета вступила в период растущего непостоянства и резких аномалий в погоде».

* Все приводимые цифры заимствованы из официальных материалов продовольственной конференции ООН в Риме 5—16 ноября 1974 года.

Говорили о мировой торговле зерном, как о панацее от всех бед, но оказалось, что Индия и Китай, составляя 36 процентов населения земного шара, получали лишь 9 процентов проданного зерна.

На трибуну поднялась модно одетая энергичная дама в темных очках и обличающим тоном заговорила о детях:

— Нет большего ужаса, чем тот, который я испытала, встречая детей, ослепших из-за нехватки витаминов А. Казалось бы, нет ничего проще выращивания моркови, и вместе с тем на одном только Дальнем Востоке, исключая Советский Союз, из-за недостатка витамина А слепнут сто тысяч детей ежегодно. Я видела этих несчастных, и мне страшно представить себе, что за десять лет их наберется достаточно для заселения миллионного города слепых! — Дама жадно выпила стакан воды. — А детская смертность? В развивающихся странах она в десять с лишним раз превысила смертность в развитых. Так не за благо ли надо считать, что программа искусственного ограничения рождаемости дала результат. Там, где ее применяли, 2,2 миллиона детей не появилось на свет.

Оратора прервал возглас кардинала Марителли:

— Анафема всем! Проклятье небес! Да низринется дьявол отсюда!

Возмущенная дама в знак протеста покинула трибуну, но на деле уступила свое место кардиналу.

— Что слышал я? Кровь стынет в жилах от слов, произнесенных здесь, в городе первых христиан! Чем гордиться? Убийством, которое якобы предотвращает будущую смерть? Каждое живое существо имеет право не только жить, но и начать жить! Никакое ограничение рождаемости недопустимо, оно проклято святой церковью!

Кардинал Марителли метал молнии, его глаза горели, словно в них пламенем отражалась кардинальская мантия. Его длинное лицо с неистовым взглядом пророка просилось на полотно. Но рецептов, как выйти человечеству из тупика, он не знал.

Кардинала сменил на трибуне довольно прозаический профессор Мирер, американский специалист по сельскому хозяйству, экономист и демограф — благообразный, сытый джентльмен со сверкающей лысиной, золотыми очками и тонким носом. Он видел выход лишь

в полном пересмотре технологии сельского хозяйства, приведя в пример удачливых американских фермеров. В мире, который, по его утверждению, кормят Америка, Канада и Австралия, все определяется спросом и предложением. Цены, цены! Вот показатель нашего хозяйства на земном шаре, закончил он.

Председательствующий объявил, что следующим выступит советский академик Николай Анисимов.

Юрий Сергеевич учился по учебникам Анисимова, но никогда не видел этого прославленного химика и обрадовался, что услышит его. Не меньший интерес к речи Анисимова проявил и Генри Смит, впрочем, как и все сидящие в зале.

Советский ученый сказал, что уверен в возможности выйти из тупика, который, по словам выступавших, якобы грозит человечеству. И этот выход — в использовании так называемой «искусственной пищи», в создании мировой пищевой индустрии. Она может прийти на помощь тем странам, где в отличие от его страны с развитым сельским хозяйством не производится пищевых продуктов в достаточном количестве. Хотя резерв, страхующий сельских тружеников от погодных капризов, был бы полезен повсюду.

Глава восьмая

УРОК ЖУРНАЛИСТИКИ

Заседание конференции закончилось, но Генри Смит не отпускал русского инженера, который, оказывается, сам писал в газеты.

— Слушайте, парень! — фамильярно хлопнул он его по плечу. — Если мы коллеги, то я заинтересован в вашей дружбе. — Мелхов и бровью не повел, предоставляя американцу раскрыться. — Но и вы должны быть заинтересованы в ней. Поэтому я дам вам сегодня урок журналистской техники. О'кэй?

Смит был так настойчив, что Мелхов уступил.

Оказалось, что «урок» состоится в одном из шикарных ресторанов, куда Мелхов один не решился бы заглянуть. А Смит был там своим человеком.

Величественный метрдотель, умевший показать, что соткан из одних улыбок, подобострастно проводил их через огромный зал с запахом первоклассных кушаний,

ароматом дорогих сигар, тонких духов и приглушенным шепотом. Бесшумные лакеи в белых куртках с черными галстуками-бабочкой проносили подносы, ведра с замороженным шампанским, отодвигали стулья, разливали вино по бокалам и с артистическим изяществом раскладывали заказанные яства по тарелкам.

Столик для мистера Смита оказался в уютной нише, отделенной от зала стеклянной перегородкой с изображающей богини, выходящей из пены.

Смит что-то шепнул метрдотелю, и тот понимающе кивнул.

Через несколько минут он так же проводил в нишу за стеклянной перегородкой напротив двух важных особ, в которых Юрий Сергеевич узнал выступавших сегодня на конференции ученых.

Метрдотель с видом полководца перед боем сам принимал заказ, а Мелхов и Смит каким-то чудом слышали каждое его слово. Впрочем, чудес здесь не было, если не считать извлеченный американцем из портфеля аппарат, установленный на столике. Очевидно, он улавливал колебания стеклянной перегородки в нише напротив, усиливал их и превращал в звуки.

— Бифштекс синьору? О сэр! — слышался голос метрдотеля. — У нас, как в Англии, процветает культ бифштексов, поверьте мне, джентльмены! Итальянская кухня — это для мелких туристов. Прикажете с кровью? Ничего не придает мясу такой естественности, как вкус крови. И соответственное вино. Вы разрешите по моему выбору?

— Ну, если мистериу Смайльсу бифштекс, то мне ростбиф, — вступил другой голос. — Только не засушите. И пожалуйста, не из мороженого мяса. А то у нас пока замороженное мясо доставят с чикагских боен в Нью-Йорк, оно теряет весь смак, некую свою неповторимую прелесть.

— О, как верно говорит синьор профессор! — восхитился метрдотель. — Я боюсь проронить хоть одно ваше слово!

— Вам в Риме такого не понять. Не так ли, Смайльс?

— Мне не хотелось бы, мистер Мирер, усомниться в этом, тем более что в Лондоне с мороженым мясом имеют мало дела.

— Вот видите! Кстати, Смайльс, ваша речь на конференции мне показалась впечатляющей. Цунами из человеческих тел! Здорово сказано!

— Мне очень приятно узнать это из столь авторитетных уст. Хотелось бы верить, что некоторые высказанные мной мысли пойдут на пользу человечеству.

— Чепуха, проф! Никто нас не слушает, не перестанет размножаться. Впрочем, как и вы сами. На нашу людскую братию узду не наденешь, как на католических священников.

— Я согрешил бы перед богом, если бы сказал, что не боюсь этого.

— Вот видите! А ростбиф здесь недурен. Должно быть, бойни у них рядом, под Римом. Мясо парное.

— Едва ли я ошибусь, если соглашусь с вами, поскольку вкус крови у бифштекса таков, словно пьешь ее у только что зарезанного тельца.

— Не пробовал, но доверяю вам. И всех этих доступных каждому свободному человеку удовольствий задумал лишить нас своим планом спасения человечества ученый-коммунист из России! Ха! Я не новичок. Знаю, что такое искусственная пища. У нас в Штатах ее делают из сои. Но... Из нефти! Всем! Простите! Тьфу!..

— Я тоже знаком с достижениями в этой области. Но мне кажется, что они нуждаются в основательной научной проверке.

— Проверка никогда в науке не мешает. Но стоит вдуматься в эту «белковую утопию», которая нам преподнесена. Что, если в самом деле маленькие лабораторные достижения распространить на весь мир? Это же «белковая бомба»!

— «Белковая бомба»? — изумился англичанин.

— Она много опаснее ядерной. Позвольте налить вам, проф? Отменный коньяк. Курите сигары. Гаванские. От контрабандистов. С этой Кубой никак не наладить иной торговли.

— Опаснее ядерной? Я следил за исканиями химиков, читал литературу, но такой поворот мысли для меня полная неожиданность. Вы заинтриговали меня, сэр.

— Интриги, именно интриги! Вы правильно вспомнили это слово. Мы с вами образованные люди и должны видеть дальше собственного носа. Если из лаборатории

выпускают джинна и он распространяет свое влияние по всему миру, то... Разве это не дьявольский план подрыва мировой экономики?

— Вы так думаете?

— Я экономист. И прихожу к научному выводу. Я не химик. Я не обязан знать, как они это делают. Но я анализирую социальные явления и знаю, к чему это приведет! Они не остановятся перед тем, чтобы лишиться нас рычагов стабилизации и гуманизма.

— Вы имеете в виду экспортируемое США, Канадой и Австралией зерно?

— Еще по одной! У нас с вами общие идеалы. Всякой лошади нужна узда. В наше время в глобальном масштабе такой уздой была пшеница. А он хочет пустить по миру всех фермеров Американского континента, разводя в своих чертовых колбах нефтяные выродки. И ему потребуется, как он сказал, для того чтобы накормить весь мир, всего пятьдесят тысяч тонн нефти! Смехотворная цифра! В морях танкеры больше разливают при перевозках. А теперь найден способ превращать нефть в белки! Это ли не «белковая бомба»?

— Мне не хотелось бы выглядеть ретроградом, но я предвижу возражения медиков. Что порождено нефтью — канцерогенно.

— Здорово сказано, старина! Привить всему человечеству рак, и оно вымрет. О'кэй! Вот вам и решение демографической проблемы! Но мы встанем ему поперек дороги, не так ли, проф?

— Возможно, ему и удастся ввести в заблуждение кое-кого, но мне кажется, не тех, кто тверд в своих убеждениях, кто привержен вековым традициям.

— Мы хорошо пообедали, приятель! Выпьем последнюю рюмку за процветание человечества.

И маститые ученые, грозившие миру гибелью, очевидно, выпили теперь за его процветание.

— Ну, мистер Мелхов, — прошептал Генри Смит, вставая из-за стола и одергивая свой клетчатый костюм. — Нам не просто повезло, когда мы слушали папу римского. Считайте, что сейчас мы, как репортеры, вытащили выигрышный билет. И я покажу вам, как надо получать по нему. Аппарат я оставляю, и вы все услышите, пейте кофе. И было бы неплохо кое-что записать. Потом сочтемся.

И он решительно направился через зал к столику

двух профессоров, скрытому за стеклянной перегородкой, напоминающей витраж.

Мелхов растерялся, не зная, как вести себя. Хотел было демонстративно уйти, но, поразмыслив, остался на месте. Заказал кофе.

— Это у вас здорово получилось, джентльмены! С «белковой бомбой», — услышал Мелхов голос Смита. — Будь я проклят, здорово получилось. Наш почтенный шеф-редактор запоет псалмы от восхищения. Он высоко блюдет мораль и набил руку на поисках коммунистических «бомб» всякого рода. Мы с вами поладим, о'кэй?

— Простите, сэр. Возможно, я ошибусь, но мне кажется, что ни я, ни мой глубокоуважаемый коллега профессор Мирер не беседовали с вами ни о каких «белковых бомбах». Мы впервые видим вас.

— Зато я не впервые! Я знаю, на кого смотреть, не правда ли? Да, мне вы пока о «белковой бомбе» не говорили, но... разве вы ничего не говорили о ней? — с хитрецей спросил Смит.

— Как мне кажется, вы не могли нас слышать.

— Пустое, проф! В ваше время мир прослушивается вдоль и поперек. И стоит это не так уж дорого... в оборудованных местах.

— Вы подслушивали нашу беседу? — Вопрос американского ученого прозвучал вполне деловито.

— Свобода слова, джентльмены, заключается не только в том, чтобы произносить любые фразы, но и чтобы слышать их. Не правда ли?

Юрий Сергеевич расслышал: кто-то откашливается.

— Во всяком случае, я хочу перевести столь интересную беседу, которую вы вели между собой, на рельсы интервью. Разве не стоит?

— Мы не против прессы, — проворчал Мирер.

— Вот и отлично. О'кэй! Что вы говорили до сих пор, нам известно. — И Генри Смит постучал по столу.

Мелхов видел проходившего мимо метрдотеля. Тот по-прежнему был соткан из улыбок, но старался не смотреть на ниши.

— Чего вы хотите? — послышался голос Мирера.

— Пустое. Ваше мнение по поводу одного проекта: как человечеству, слишком усердно размножающемуся, справиться со своей похотью и всемирным потоком из человеческих тел?

— Построить Ноев ковчег, как сделал библейский Ной, и бежать с Земли? — спросил Мирер.

— Не пойдет. В космосе нет пока звезды обетованной. Дело в другом, джентльмены. Все очень просто. Надо ввести налог ООН, одинаковый для всех стран и народов. Тысячу долларов, а хотите и больше, за каждого третьего ребенка.

— Я готов заплатить, — солидно вставил свое слово англичанин.

— Вы заплатите, проф, я, пожалуй, тоже смогу заплатить, но... миленькие черненькие и желтенькие папаша и мамаша могут и не собрать требуемой суммы. А если ввести еще премию за бездетность? Ха! Неплохо, не правда ли?

— Хочешь иметь большую семью, сумей прокормить ее и заплатить налоги. Это не так уж глупо, — заметил Мирер.

— Я, надеюсь, не отвлеку вас, если проведу некоторую аналогию, — вставил профессор Смайльс. — У некоторых мусульманских народов право каждого магометанина иметь многих жен обусловлено обязательством предоставить каждой новой жене отдельную комнату. Правда, дополнительный налог на жену, кажется, не предусмотрен.

— А зря! — хохотнул Генри Смит. — Я бы заплатил хоть стойкость этого интервью за некую хорошенькую бесовочку, к которой моя благоверная не имела бы права ревновать. Ислам — это вещь! Не правда ли?

— Итак, налог на каждого третьего ребенка, — солидно продолжал мистер Мирер. — Об этом стоит подумать и вашим читателям, и руководителям ООН, а также входящим в ООН странам.

— Bravo, джентльмены! Я так и думал, что мы с вами поладим. О'кэй? Не выпить ли нам по этому случаю еще по одной?

Когда Генри Смит, очень довольный собой, вернулся к своему столику, где его должен был ждать этот русский простофиля, то застал лишь официанта, убирающего грязные тарелки.

Русский инженер Мелхов исчез. Смит со злости сбросил на пол тарелку и тут же заплатил за нее.

Зато по счёту платить не пришлось. Русский сделал это за него.

Конец первой части

БОЛЬШОЕ И МАЛОЕ

*Жизнь не те дни, что прошли, а те, что
запомнились.*

П. П. Павленко

Глава первая

РОЖДЕННАЯ НА МАРСЕ

«Осуществилась моя мечта. Полетел я на летающей лодке «Каталина» и притом вместе с Марией. Деда ее мы весной схоронили. Славный был старик, мудрый. Меня жить учил, чтобы не чуждался я людей, потому «человеку без оленя нельзя, а без людей и вовсе плохо». Понимал он меня, насквозь видел.

Летающая лодка чайкой морской на воду села, буруны вспенила, по речной глади понеслась, разворачиваясь, чтобы подойти к мосткам, где мы с Марией ждали. Волны заплеснули на доски.

Пилот напомнил моего летчика, которому с парашютом к партизанам прыгнуть не привелось. Такой же огромный, только в унтах собачьих и смешливый. Но на счет меня никаких острот! Приказано ему в Усть-Каре заправиться и пассажиров забрать.

Во время полета я с его разрешения крышу заднего салона приоткрыл и рассказывал Марии, как с ту-

релью управлялся. Ветер на голове волосы сразу пригладил, вырвать их старался.

Тундра сверху вся в разноцветных пятнах. Это озера и лужи разной глубины.

Бухта острова Диксон, куда мы направлялись, показалась разграфленным чертежом. Волны на ней разгулялись. При посадке нас так тряхнуло, думал, самолет рассыплется. А он ничего, весело на гребнях подскакивает.

К нам подошел катер и снял нас с Марией. А летающая лодка сразу в ледовую разведку пошла. Корабль «Георгий Седов» дорогу высматривать.

На этом корабле Эрнест Теодорович Кренкель в инспекционной поездке все полярные станции обходил и мы вместе с ним до Земли Франца-Иосифа плыли.

Встретил он нас на корабле радушно и шуточно:

— Ну как, марсиане? К полету готовы на другую планету?

Мария смушалась. А мы с Кренкелем коньяк пили.

Побывал «Георгий Седов» в бухте Тихой. И мы с Марией любовались скалой Рубиновой с птичьим базаром. Одна сторона утеса казалась не красной, как другая, а белой. Столько птиц на ней гнезилось.

На берегу, близ домиков полярной станции, бегали два белых медвежонка. Их там воспитывали.

А потом корабль стал пробиваться дальше на север. Ледовой разведки с воздуха уже не было, приходилось на чутье капитана полагаться.

И добрались мы до края света.

Кренкель усмехался:

— Сам просился хоть на Марс. Вот и выгружайся с семейством на эту неземную планету. И не взъщи, брат. — Губы смеются, а глаза серьезные.

Знает, что зимовать здесь — дело нешуточное.

А выгружаться некуда — прибой такой сильный, что капитан кунгасы не рисковал посылать. Посоветовались они с Кренкелем и решили: пристать кораблю у обрыва ледника, который сползал с острова. Пришвартовался «Георгий Седов» к нему как к причалу, и прямо на ледник высадили нас с Марией, сгрузили наши вещи, потом ящики разные, бензиновые бочки и гору каменного угля — годовой запас топлива.

Неприветлив был остров, гол и скалист, под стать настоящему Марсу.

В авральную ночь моряки пытались перетащить на полярную станцию доставленный груз... да не успели. Разыгрался шторм, и пришлось «Седову» убраться во-свояси. Беречь надо было корабль.

Теперь это странным может показаться. А в период послевоенного освоения Арктики люди, как недавно в окопах, на комфорт не рассчитывали. Обычным это делом было.

И когда «Георгия Седова» след простыл, раздался пушечный выстрел, словно кто салютовал ему на прощание. Тут война мне вспомнилась. Только это «отеллся», как здесь говорят, ледник — айсберг отломился и всплыл на чистой воде.

И сразу штормовым ветром его от острова погнало. Стояли втроем на берегу, мы с Марией и наш начальник, опытный полярник Сходов Василий Васильевич, и с горечью смотрели, как уплывают на снежной спине айсберга все наши запасы: и бензиновые бочки — только две успели выкатить, и гора каменного угля, и ящики всякие.

А знатный полярник вопрос задает:

— Ну как, Толстовцев? Вы человек бывалый, войну прошли, а жена ваша нас поучить может, как тут зимовать. Будем самолеты вызывать? Трасса неосвоенная. Риск для летчиков большой. Или вспомним зимовщиков с острова Врангеля? Они добровольно перезимовали без топлива. И не одну зиму.

— Перезимуем, — говорю. — Не надо самолетами рисковать. — И Марию спрашиваю.

А Мария только кивает. Со мной — на все готова.

Тихая Мария была. Никогда нам не указывала, сама у мужчин и жизни и грамоте училась. Но умела так сделать, что мы вдруг догадывались, как надо поступить. Едва выпал снег, мы снежные кирпичи на леднике нарезали и домик ими сверху обложили. Сходов даже вспомнил, как на Аляске эскимосы зимние жилища устраивают. И Мария деду так зимний чум утепляла.

После хорошей пурги домик наш как бы внутри огромного сугроба оказался. Только конек крыши и выступает над ним, а к двери заправский подземный ход ведет.

И в комнатах не такой уж мороз. Мария уверяла, что вода в ведре только сверху замерзает. На покрытые снегом стены показывала и говорила:

— Дед учил: от всякой шкуры тепло. От снежной тоже.

Словом, температура в комнатах не опускалась ниже -10°C .

Жить можно, если бы... если бы не пришла пора моей Марии разрешиться от бремени. Гадали, конечно, сын или дочь?

И решил я, если дочь будет, то поскольку она вроде бы на Марсе родилась, назвать ее Аэлитой в честь героини романа Алексея Толстого, а если сын — то Спартак в память вождя восстания гладиаторов в Древнем Риме, о чем я Марии в тундре рассказывал.

И родилась у нас с Марией дочь Аэлита. Врач с Диксона мне указания по радио давал. Теплой воды я в таз налил из радиатора движка, которым заряжал аккумуляторы для радиостанции.

Василий Васильевич праздничный обед приготовил, похлебку сварил в том же радиаторе движка. Сухой он был человек в обращении, но сердечный.

На метеоплощадку мы с ним регулярно по очереди ходили — держались за протянутый канат, чтобы с пути к дому не сбиться.

Помню, после очередных наблюдений, когда на морозе пишешь карандашом показания приборов, добрался я, держась за канат, до дома, через подземный ход в снегу прошел и распахнул дверь в сени. Электрический фонарик выхватил искрящиеся от снега стены, будто белыми шкурами обвешанные.

Да не помогли снежные шкуры!..

Едва вошел в комнату — радиорубкой называлась, — где Сходов стучал ключом очередные радиogramмы, слышу легкое перхание.

Коптилка еле светит, а вижу, на Марии лица нет.

Детка наша кашляет, да так, что заходится вся, тельце содрогается.

Я к Василию Васильевичу. Он Диксон вызвал, врача к микрофону просит.

Прикладывал я, по указанию доктора, микрофон то к грудке, то к спинке, под меховым пологом дочку нащупываю.

А сам дрожу, и уж не от холода...

— Воспаление легких, — услышал я в наушниках и боюсь вслух повторить, чтобы Марию не убить. Ведь знает, что такое воспаление легких. Дед-то умер...

— Бойтесь холода, берегите ребенка, — поучает нас врач. — Остерегайтесь открытых форточек.

Забыл доктор, что мы зиму без топлива живем и центральное отопление в нашем домике холоднее льдины.

— Благодарим вас, доктор, — вмешался Василий Васильевич. — Форточку мы не открываем, чтобы не простудить ненароком белых медведей, которые мимо дома пройдут.

— Ах да! — смутился врач. — Вы же без топлива зимуете. Тогда держите ребенка у груди под собственной одеждой.

Словом, Аэль нашу надо было спасти точно так, как уже раз меня Мария спасала...»

Глава вторая

ПРОТИВ ВЕТРА

«В большой комнате у нас стояло пианино. И в нем от холода время от времени со стоном рвались струны. От этого жутко становилось на душе. Звук за сердце хватал, подирал по коже...

Аэль нашей становилось все хуже и хуже. Мария говорила, что она ей грудь обжигает, такой жар у малышки!

Как был я в кухлянке, которую Мария подарила, так и вышел на мороз. Дверь из сеней едва открыл. С такой силищей на нее ветер навалился. И подземный ход к ней не спасал. И почему-то вспомнилось, как запускали мотор у самолетов в авиачасти. И какой ветер пропеллер поднимал. Сколько же миллиардов пропеллеров нужно закрутить, чтобы вызвать этот бешеный вихрь, обычный для пурги? И сразу подумал: а сколько пропеллеров закрутятся, если их против ветра поставить? И сам сказал себе: «Эге!» Это тот случай, когда я изобретал не для самоутверждения, а потому, что изобрести важнее жизни было!

Вернулся в дом к Василию Васильевичу и говорю:

— Эх, ветрище на улице...

— Восемь баллов, — кратко ответил он.

— А силища какая! Вот бы хоть частичку этой силы да в тепло превратить. Баню здесь устроили бы.

— Оставьте праздные разговоры, Алексей Николае-

вич. Ветряные двигатели делают на хорошо оборудованных заводах.

И снова пошел я на мороз. Идея меня грызет. Глазами надо посмотреть. Нашел я бензиновую бочку и стал прикидывать, как разрубить ее вдоль, а потом из двух полубочек смастерить карусель.

Вернулся и стал все это объяснять Сходову, к окну замерзшему подошел, на стекле нацарапал латинскую букву S и говорю:

— Из двух полубочек вот такая фигура... А если ветер будет на нее дуть сбоку, то одна полубочка окажется к нему повернута выпуклостью, а другая — вогнутостью. Спротивление разное — выпуклая обтекает, а вогнутая вроде ковша. Вот и начнет вращаться наша карусель вокруг вертикальной оси, откуда бы ветер ни дул.

— Это фантазия, — обрезал Сходов. — Нельзя портить бочки, они у нас с бензином. Нам все равно не превратить энергии вращения в тепло. Нужны электрические машины и печки, а нашу динамо-машину не дам. Для зарядки аккумуляторов нужна.

Сказал и отвернулся, стал переписывать карандашными записи показаний метеоприборов в тетрадь чернилами, которые на груди хранил, чтобы не замерзали.

Ответить ему вроде нечем, а Мария в своей широкой кухлянке сидит, и, знаю, под мехом прижато к ее телу другое тельце, обжигающее кожу.

Думаю, что Сходов о том же думал, может быть, корил себя за создавшееся положение или по-человечески жалел нас всех троих... хотя и считал здесь, в Арктике, солдатами.

Многое мне привелось потом в жизни изобретать, и всякий раз, как натыкался на непонимание или отповедь, просыпался во мне этакий «зверь изобретательства», становился я тогда едким на язык, невоздержанным. Но в этот раз спорить без толку было. И я сказал Сходову первое, что в голову пришло:

— А когда поезд тормозит, из-под колес искры летят. Видели?

— Так это колодки к ободам прижимают.

— Ну и мы так сделаем.

— Как же искрами дом отапливать?

— Зачем же, Василий Васильевич? На складе шкии валяется от динамо-машины. Его на водопроводник

трубу, как на вертикальную ось, наденем и будем тор- мозить колодками, утопив все это в котле центрального отопления. Куда силе ветра деться? Закон сохранения энергии! В тепло перейдет! Через трение!

Сходов встал и неожиданно говорит:

— Пойдем, я ледяную кадушку сделаю, чтоб бен- зин перелить.

Разрубить бочку на две половинки не так уж трудно было, даже радостно. Сделал все так, как сгоряча при- думал. Работал я и все больше замахивался. Вот бы всю эту силу ветров Арктики запрячь, использовать, в электрический ток превратить — и по всей стране! Еще тогда в голову втемяшились ветроцентрали по всему побережью.

Колодок сделать не из чего. Пришлось простые кам- ни прилаживать и прижимать их к шкиву, опущенному в бак центрального отопления. А вертушка на оси, про- пущенной через потолок, уже над коньком крыши воз- вышалась. И даже вращалась. Но... ничего с торможе- нием шкива не получалось. То не грелся он вовсе, то сразу останавливался, и никакой ветер не мог свернуть карусель. Трудились и о холоде в комнатах забыли, а тепло только от нашего напряжения.

Обозлился Сходов и буркнул:

— Сомнительное у вас изобретение, Толстовцев.

В других обстоятельствах такое слово мне что кнут лошади, но сейчас я о дочурке прежде всего думал, представлял, какая она взрослая будет, на кого похо- жей станет, может быть, по ученой части пойдет. Но для этого выжить должна была сейчас, а выжить можно только в тепле.

И услышал над головой знакомый гул. Еще с пар- тизанских времен научился по звуку разбирать, чей са- молет летит, — наш или вражеский. А тут наши летели, наши!..

Значит, не выдержал Василий Васильевич, вызвал- таки самолеты, не поверил в мое «изобретение».

— Они мешки с углем сбросят, — сказал Сходов. — Я сам их найду; вешки у каждого поставлю, из дома не выходите.

А на дворе — пурга. Самая злющая.

— Ну спасибо, — говорю, — Василий Василье- вич. Памятник вам надо поставить за спасение но- вой Марии Кюри, какой непременно станет Аэль.

— Какой еще памятник? — обернулся Сходов.

— Обыкновенный, каменный. Из глыбы вытесать.

Сходов махнул рукой и ушел.

Ох, долго он не приходил, долго! Оказывается, заблудился в пургу, и так же, как я когда-то, в снегу отлеживался, волевой гимнастикой согривался.

А у меня мысль за мысль цепляется. Теперь, через столько лет, даже интересно проследить, как решения рождаются. Про памятник сказал, который из камня вытесать надо, а сам про каменные колодки подумал. Почему не работают? Да потому, что к шкиву не прилегают. И надо их так же вытесать, как статуи делают.

И вытесал я колодки, первые мои «статуи» в жизни, вытесал и плотно прижал к шкиву, и сразу искры изпод них посыпались. Так приятно кожу жгло! В котел снегу подбрасывать еле успевал — он таял, и вода нагревалась.

А когда Василий Васильевич, отсидев в сугробе, вернулся с первым мешком угля, то вошел в нагретую кухню, где Мария впервые Аэлилу в тепле пеленала.

Но на этом моя схватка с ветром не кончилась. Правильнее сказать — только началась».

Глава третья

АЭЛИТА

— Аэлита! Тебя к телефону. Все тот же старческий голос.

Юрий Сергеевич не стал ждать, пока жена подойдет, и раздраженно бросил телефонную трубку на столик.

— И вовсе не старческий, — возразила Аэлита, почему-то оправляя на ходу прическу.

— Стоит ли отрицать, что он старец? Ведь я-то его видел не где-нибудь, а в Риме.

— Пожилой человек с подлинно юной душой.

— Если пренебречь тем, что у него внучка поступила в наш институт, который мы с тобой закончили.

— Прелестная девочка, честное слово! Одни пятёрки, — отпарировала жена и взяла трубку. — Да, я слушаю. Здравствуйте, Николай Алексеевич! Очень рада. Конечно, это меня интересует. Как вы можете сомневаться! Взять собаку? Конечно, конечно! Вы предупре-

дите своего секретаря, а то вахтеры, представьте, чего доброго, не пропустят. Большое вам спасибо. До свидания.

— Собаку! — возмущенно поднял соболиные брови Юрий Сергеевич и с высоты своего роста посмотрел на маленькую Аэлилу. — Каков полет! Поднебесье!

— Собака нужна в лаборатории. Я обещала. А поднебесье — это Эльбрус. Если бы ты видел, как он спускается с гор, ты забыл бы слово «старец». Правом!

— Предпочитаю для спуска лифт, — пожал плечами Юрий Сергеевич. — А в других случаях — иные достижения научно-технической революции. — И он подошел к зеркалу поправить итальянский галстук.

Аэлита не ответила. За последнее время она все чаще предпочитала отмалчиваться.

— Алла! — сердито крикнула из коридора свекровь, молодящаяся старуха с химической завивкой и увядшим, но в незапамятные времена красивым, как и у сына, лицом. — А кто пойдет за мальчиком? Пушкин? Так его на дуэли убили.

Клеопатра Петровна никогда не называла жену сына Аэлитой, считая такое имя неприличным. Придумал же всем на смех чудак, уральский инженеришка! Должно быть, потому, что его самого звали Алексеем Николаевичем Толстовцевым. Вот и считал своим долгом фантастикой всякой и Марсом увлекаться и даже дочь-марсианку иметь.

Свекровь не любила невестку. Она никак не могла примириться с тем, что ее красавец сын, вундеркинд, поражавший всех своими способностями, взял себе в жены эту малявочку с мордочкой японки, неизвестно еще, откуда такие черты лица у дочки уральского инженера! И вцепилась в Юрочку мертвой хваткой, лишь бы в Москве остаться, потому и ребеночка на последнем курсе завела! А теперь самостоятельной себя держит, даже настояла мальчика в ясли отдать, лишь бы дома с ребенком не сидеть, на службу к Юрочке на завод непременно, видите ли, ей надо ездить. Как будто там без такой посредственности не обойдутся. Ведь не Юрочке же чета, перед которым открывается такая карьера, что уже и в заграничную командировку ездил, и статьи его в журналах печатают. Всюду ему уважение, даже прозвище в институте дали Барон фон Мелхов — уважи-

тельное, намекающее на то, с каким достоинством всегда себя держит. И теперь радоваться надо этой Алле, радоваться и благодарить всю семью Мелховых, а она позволила себе пошутить, что ей «мелко» в их квартире с полированной мебелью без единой пылинки. Не нравится, что свекровь с тряпкой в руке постоянно ходит. Нос дерет, не хочет понять, кому обязана московской-то пропиской! Мужу и свекру, бухгалтеру мосторг-промовскому, который хоть и «маленький человек», но сумел такого сына воспитать! А не понимает таких вещей, так и указать на это не грех.

Для Клеопатры Петровны вся жизнь сосредоточилась на сыне. Она не просто обожала, обожествляла его, готовая тигрицей броситься на защиту. Но никто не нападал на удачливого инженера Мелхова, недавно вернувшегося из Рима и привезшего жене и матери множество ценных сувениров.

Аэлита поспешно накинула на себя дешевую шубку из синтетики под цигейку и подозвала боксера Бемса, чтобы надеть ошейник. Клеопатра Петровна раз и навсегда заявила, что не мужское это дело за детьми в ясли ходить и собак выводить. После работы Юрочке нужно отдыхать и думать.

Пока на Бемса надевали ошейник, пес смотрел своими огромными глазами, чуть печальными и все понимающими, и от нетерпения подпрыгивал как на пружинах. А Аэлита говорила:

— Теперь будешь штатным самым младшим научным сотрудником в институте у академика Анисимова. Мы еще прославимся, первый научный исследователь из собачьего рода! Оказывается, нет в мире таких приборов, которые с твоим курносом носом могли бы сравниться. А потом по знакомству возьмешь меня в помощницы.

Трехлетний Алеша был счастлив, что мама пришла за ним с Бемсом. Боксера запрягли в санки, и он тащил мальчика по снегу, как заправская ездовая собака. Мускулы, из которых Бемс и состоял весь, помимо костей, натужно перекатывались под гладкой рыжей шкурой.

Пошел снег, сначала мелкий, потом крупными хлопьями. Шапка у Алеши побелела. Бемс подпрыгивал и ловил ртом снежинки, а Алеша заливался смехом.

Глава четвертая
НА ФОНЕ ЭЛЬБРУСА

Вот такой же снег шел тогда в Терсколе... С утра было солнце, яркое, доброе. Все казалось необыкновенным: горы, снега, деревья... и небо. А потом пошел снег. Эльбрус затянуло, он словно исчез.

А по ближнему склону, невероятно крутому, на котором и лыжни-то нет, спускался какой-то смельчак. Аэлита и подумать не могла здесь скатиться. И со смесью зависти и восхищения следила за каждым его поворотом, как наклонялся лыжник, меняя направление и обходя препятствия. И бурлил, вспенивался, поднимался бурунами снег у лыж.

Вот такого человека стоит узнать поближе, не то что всех этих словно «отштампованных» дыхателей, которые ходят за ней по пятам. Аэлита на этот раз готова была изменить своему правилу не заводить новых знакомств. Ведь в Терсколе, куда съезжаются не только любители горнолыжного спорта, но и любители горного солнца и... горнолыжников, знакомятся легко. Аэлита уже слыла здесь недотрогой, и ее имя давало повод для снежной лавины «марсианских» острот.

Снегопад кончился, снова засияло солнце.

Велико же было изумление Аэлиты, когда отважный лыжник, внушительного сложения, но не громоздкий, а собранный, могучий, снял шапочку. И засверкала на солнце седина.

— Почему вы спускались без лыжни? — с туристской непосредственностью спросила Аэлита. — Ведь вы могли подвести инструктора. Он отвечает за всех. Да и сами, представьте себе, изуродоваться...

— Что вы! — смеясь, ответил лыжник. — Меня тут все знают, я ведь не новичок. Во всех отношениях. Правда, в состязаниях уже не участвую. Но бывало, бывало...

— Окажись я моложе, я решила бы спросить вас, — не без лукавства сказала она, — это ничего, что я к вам пристала?

— Вы? Еще моложе? Ну тогда я, соответственно менее дряхлый, ответил бы вам: «Помилуйте, если бы не вы ко мне пристали, так я это сделал бы! В порядке самоутверждения!» — Он сказал это с такой шуточной серьезностью, что Аэлита рассмеялась:

— Я вас не видела.

— А я вчера приехал. Можно сказать, первая моя вылазка.

— Тогда признавайтесь, почему вы не воспользовались лыжной?

— Заставляете сразу исповедоваться? Характер у меня, видите ли, несносный. Всегда и во всем ищу не оптимальных решений, а непроторенных путей.

— Вы, наверное, геолог? Все ищете...

— Отыскиваю. Но не геолог. Химик.

— Вот как? Какое совпадение! Я тоже. Честное слово!

— Будем знакомы, коллега. Анисимов Николай Алексеевич.

— То есть как это Анисимов? — нахмурилась Аэлита. — Сразу разыгрывать «по-терскольски»? Я по учебнику Анисимова, представьте себе, курс химии сдавала. Так что мы с ним даже знакомы.

— С учебником или с его автором?

Аэлита смешалась.

— Конечно, с учебником.

— Теперь и автор перед вами. А вас как зовут?

— Аэлита.

— А вы злая. Сразу отплатить розыгрышем за воображаемый розыгрыш хотите.

— Ну что вы! Я на самом деле Аэлита. Честное слово! Аэлита Алексеевна Мелхова. И фамилия у меня самая мелкая. Не правда ли?

— А я думал, какая-нибудь Алькобаси или Кимитян, японка.

— Многие так думают. И я им помогаю. Представьте, прическу даже научилась делать себе под японскую марумаге. Знаете?

— Знаю. Мне приходилось бывать в Японии.

— Завидую вам светлой завистью. Как же там?

— Как на другой планете. Все не так. От традиций до информации. В их языке даже звука «л» нет.

— Бедные! Как же им приходится говорить «люблю»? Рюбрю? — снова не без лукавства спросила она, подерживая шуточный тон.

— Что-то в этом роде. Но в любви я там не объяснялся ни по-японски, ни на другом языке, — на полном серьезе ответил он.

— А вы много их знаете?

— Девять, не считая русского.

— Так вы просто полиглот! — искренне восхитилась Аэлита.

— Нет. Те знают и по шестьдесят языков. Специальность у меня иная. Языки я изучал, чтобы самому побывать в разных странах, встретиться с моим старым врагом — с голодом.

— Вот как? Почему он ваш враг? Вы же химик!

— Охотно вам расскажу. Возможно, переведу в свою веру. Я сектант.

— Опять шутите, — обиделась Аэлита.

— Нисколько. Я верю не в бога, а в химию.

— Но химия — это почти ругательное слово у обывателей, когда они говорят о медикаментах, о синтетической одежде, ткани. Право-право! — Аэлита перешла уже с шуточного тона на вполне серьезный.

— Вот нам с вами, поскольку вы тоже химик, и предстоит победить всеобщее сопротивление. Сто лет назад весь мир носил одежду из натуральной кожи, натуральных волокон. А теперь на восемьдесят процентов одет в синтетику.

— И ругает ее.

— Да, за несовершенство. А это, как вы знаете, преодолимо. Вот если бы синтетики не существовало совсем, то человечество наполовину оказалось бы голым.

— Как так голым?

— Людям нечего было бы надеть, даже шкур пещерного века. Словом, естественных ресурсов не хватило бы. Разве сравнить численность населения сейчас и сто лет назад? Каждые тридцать семь лет оно удваивается, а ресурсы остаются прежними.

— Так же и с голодом? — догадалась Аэлита.

— Так же. В Европе за год человек съедает мяса в количестве, равном собственному весу. А в Индии столько же мяса человек потребляет за всю свою жизнь. Почти два миллиарда человек голодают сейчас в мире. Я недавно вернулся из Рима, где на продовольственном конгрессе ООН шел об этом разговор. И я решил сказать там, что накормить можно всех.

— Это уже по-настоящему интересно. Кажется, я тоже стану сектанткой.

— Имейте в виду, что я искатель. Я ищу не только новые пути, но и новых людей, в особенности интересующихся.

— Представьте, что одну интересующуюся вы уже нашли. Но как вы хотите накормить химией весь мир? Удобрениями?

— Нет. Отказаться от сельского хозяйства как пережитка.

— Без хлеба накормить два миллиарда голодающих? Снова разыгрываете?

— Нет, не разыгрываю. Трудность в том, что мы не можем ставить такой крайней задачи в нашей стране с ее традициями. Для нас полный отказ от сельского хозяйства — нонсенс! Говорить надо прежде всего о странах, где продуктивность сельского хозяйства недостаточна, где земледелие неперспективно.

— Но, может быть, и у нас искусственная пища могла быть резервом на случай недорода?

— Могла бы. Этот вопрос и будем ставить. Диалектически.

И химики на сверкающем под солнцем снегу повели оживленный разговор. Он подробно расспрашивал ее о химической специальности, о характере работы, чем она интересуется...

Глава пятая

СНЕЖНАЯ ГОЛОВКА

А вечером в холле, в удобных мягких креслах, новые знакомые продолжили свой разговор, и не надо думать, что только о химии. У них оказалось очень много общих интересов: и театр, и музыка, и живопись, и спорт... Аэлита слушала пожилого академика и диву давалась, до чего же он жаден к жизни, ко всем ее проявлениям. И невольно сравнивала со своим Юрием Сергеевичем, который ни о чем и слышать не хотел, кроме своей специальности. Мать хлопотала вокруг него, всячески подчеркивая, что делает то, что обязана делать Алла, законная и нерадивая жена. А Юрий поворачивал «для обожания» то один, то другой бок. Он всегда все знал лучше всех. Спорил всегда с презрительным выражением лица. Да мать и не позволяла ему перечить. Он был производителем и делать вещи считал более важным, чем их «выдумывать». Аэлита же грезила о новом, о науке, об исканиях. Правда, в заводской лаборатории не удалось заняться научными исследова-

дованиями, как мечталось на студенческой скамье, но все же ее радовало, когда в колбах менялся цвет, когда химическая реакция проходила на глазах, давала желанный результат или не давала, что тоже считалось результатом.

Сама не зная почему, но она рассказала обо всем этом своему новому знакомому. И он все понимал, решительно все.

Потом снова заговорили о том, как накормить человечество.

— Что такое пища? Каково ее назначение и состав? — говорил академик. — Все элементарно просто. Организму нужна энергия. Она получается от сгорания жиров и углеводов. Но для формирования клеток организма требуется смесь двадцати аминокислот. Из них восемь незаменимых. Остальные могут быть различными. Химическая фабрика нашего организма сама выберет нужный материал и синтезирует внутри нас все необходимые аминокислоты, а из них *свой собственный белок*, особый для каждого индивидуума. Вот в чем беда несовместимости, вот почему так трудно трансплантировать чужие органы, включая сердце! Организм отторгает его. Нечто вроде биоаннигиляции. Это Великая Тайна Природы.

— Еще недавно это казалось непостижимым! — восхищенно сказала Аэлита.

— Поистине непостижимо! Но нам надлежит постигнуть хотя бы моноистично, пусть в одной части этот удивительный механизм внутренней жизни. Надо понять, что закладывать в бункер.

— В бункер?

— Да, рот человека — бункер его химической фабрики. Фабрика не сможет работать, если не дать ей нужное сырье.

И Анисимов рассказал Аэлите и про съеденное микробами шоссе в Алжире, и про своего французского друга Мишеля Саломака, и про чудо-дрожжи кандиды.

— Так почему же не отказаться от привычных форм пищи, почему не питаться кандидатой? — запальчиво спросила Аэлита.

— Все не так просто. Встал первый барьер. Кандида вырастает на отходах нефти. Не окажется ли она канцерогенной, как сама нефть?

— Надеюсь, она не оказалась?

— Кандидой в порядке эксперимента кормили скот.

— И как же?

— Заболеваний раком не установлено.

— Так в чем же дело?

— В инерции, моя дорогая. Есть такой всеобщий закон вселенной, вытекающий, кстати говоря, из закона сохранения энергии. Однако в такой общей форме инерция дуалистична. Если как признак накопления энергии телом — прогрессивна, то в процессе накопления человеческих знаний инерция скорее всего тормоз. Вот и пришлось в Институте Академии наук, которым я руковожу, брать за основу белковой массы не кандиды, а казеин. Получаем из снятого молока, из отходов молочных заводов. И делаем из него всякие виды пищи: и баранину, и черную икру, и картошку...

— Значит, по существу, это не синтетическая пища, не белок из воздуха, а «творожные изделия»?

— Если хотите, то так. Но мы учимся придавать им привычные для человека виды питательных продуктов. Самое простое — делать сосиски, ливерную колбасу, макаронные изделия. Такую форму придать белку нет ничего проще: не надо специальных машин, скажем, ткацких станков...

— Ткацких станков?

— Именно. Казеин превращают в тонкие нити, как в вискозном производстве, а потом ткут из этих нитей волокнистое мясо. Однако нужно придать этой пище еще и вкус и запах мяса.

— И это возможно?

— Без этого мы не смогли бы ничего сделать.

— Как интересно! Честное слово!

— Не только интересно, но и трудно. Предельно трудно. Плохо мы понимаем, что такое запах, и не умеем его измерять.

— Послушайте, Николай Алексеевич, а какой чувствительности приборами вы обладаете?

— Уступающими чувствительности нашего носа, во всяком случае.

— Ой, а что я вам предложу! Смеяться будете.

— Если серьезно, то не расмеюсь.

— Собаку! Представьте, обыкновенную собаку. Ее обоняние, говорят, в миллион раз острее, чем у человека. Натаскивали же во время войны собак, чтобы они нюхом определяли, где закопаны мины с толлом.

— Слушайте, милая марсианка! А у вас на Марсе умеют свежо мыслить. Я понимаю, что там, как в Японии, все не так. Вот вы и предлагаете живые приборы.

— У меня даже есть собака — чудесный боксер Бемс, рыжий, веселый. Честное слово!

— Обязательно познакомьте меня с ним,

— Мой сынишка Алеша его обожает.

— У вас и сынишка есть?

— Да. Три года. Милый мальчик.

— Какой же другой может быть у такой мамы! Но — к делу. В Москве нам придется встретиться. На деловой почве.

— На деловой? — протянула Аэлита. — Хотя да, я понимаю, у вас семья...

— Вообразите себе рака-отшельника. Так это я. Дети разлетелись, кто уже доктор наук, кто капитан дальнего плавания, а дочь — актриса.

— А их мама? — робко поинтересовалась Аэлита.

— Увы. Пять лет назад схоронил. Автомобильная катастрофа. С тех пор ненавижу автомобили. В институт и Академию наук всегда пешком хожу. Только на дачу езжу. Я тоже три месяца в больнице отлежал, но выжил — бурлацкая кость, говорят.

— Бурлацкая?

— Прадед у меня, дед Анисим, бечеву по Волге тянул. Возможно, Репин с него свои этюды к знаменитой картине писал.

— А вы не пишете картин, Николай Алексеевич? Вы обязательно должны что-то такое делать.

— Какая проницательность! Картин я не пишу, но...

Было уже поздно. На необычную парочку, засидевшуюся в холле, многозначительно поглядывал дежурный инструктор, рослый кабардинец в тренировочном костюме с красной повязкой на рукаве. Пора расходиться по своим комнатам.

— Я был очень рад вас узнать, — сказал Анисимов, прощаясь.

— А что же мне тогда говорить? — выпалила Аэлита, заливаясь краской.

Наутро, выйдя на лыжах, она тщетно искала повсюду академика и даже не на шутку расстроилась.

И вдруг увидела высоко на склоне согнувшуюся

фигурку. Однако рассмотреть не могла. Что-то толкало ее идти туда.

Это казалось нелепым, потому что, будь то Николай Алексеевич, он уже давно скатился бы со склона. А фигурка оставалась неподвижной. И сердце у Аэлиты захолонуло. Что, если ему плохо? Ведь человек он пожилой, вот и скрючился на снегу. И никто не идет на помощь!

И его новая знакомая помчалась, вернее, довольно неуклюже побежала на лыжах в гору.

Добежала до Николая Алексеевича и совсем выдохлась.

Чутье не обмануло. Она застала его, к счастью, совершенно здоровым, но занятым чем-то странным.

Только приблизившись, Аэлита увидела, что он делал. Увидела и ахнула.

Она словно взглянула в зеркало, видя свой великолепный портрет. Скульптурный портрет, слепленный из снега.

Сходство казалось поразительным: не только воспроизведены черты лица, но схвачено выражение.

На Аэлиту смотрела белоснежная японочка с чуть заметной робкой улыбкой и прищуренными глазами.

— Какая прелесть! — воскликнула Аэлита. — Я должна вас за это поблагодарить.

И, повинувшись невольному чувству, она бросилась Анисимову на шею и расцеловала создателя снежной скульптуры.

Что ж тут особенного? Он ведь на столько лет старше!

Глава шестая

ПАПА

Аэлита не могла быть партнершей такого лыжника, как Анисимов, поэтому Николай Алексеевич отказался от своих любимых спусков, чтобы ходить вместе с молодой женщиной.

Вечерами они сидели в холле, где к ним уж привыкли.

— Но все-таки почему же вы Аэлита? — спросил он как-то ее.

— Вас интересует только мое имя или я сама? — насторожилась Аэлита.

— Нет, почему же? Я подозреваю некоторую связь между вашим именем и вами в результате чисто научного наблюдения.

— Ну так знайте! Хоть вы и всемирно известный академик, а наблюдение ваше неправильно! Честное слово!

— Я смирюсь, если вы докажете.

— Аэлита я не потому, что я какая-то особенная, а потому, что у меня папа особенный.

— Тогда расскажите о нем.

— Правда? Вам это интересно?

— Ведь он ваш папа.

— Он удивительный. Вы сейчас поймете. Во-первых, он ростом даже ниже меня. Но он Большой Человек! Он прошел фронт, был у партизан. После войны отправился в Арктику и женился на оленеводке. Понимаете? Вот почему я выгляжу «азиаточкой» и меня даже принимают за японку.

— Значит, «большой человек маленького роста»?

— Представьте, это слова его профессора, когда он заканчивал Томский политехнический институт. Но я перепрыгиваю. Я родилась на Марсе.

— На Марсе? — поднял брови Анисимов.

— Представьте. Так знаменитый полярник Кренкель в шутку назвал отдаленный арктический остров. Корабль «Георгий Седов» доставил туда папу с мамой, потому что папа попросил Кренкеля отправить их на полярную зимовку в любое место, хоть на Марс. Вот на этом острове я и родилась. Поэтому и назвали Аэлитой, считайте крестницей Кренкеля. Потом после арктических зимовок папа перебрался на Урал, на самый северный металлургический завод, чтобы наши родичи на оленях могли маму проведывать. Я очень хорошо помню заводский пруд. Он пылал.

— Пруд пылал?

— Да. Во время плавки. Вечерами. Я сначала боялась горячей воды, а потом подросла и полюбила бегать на берег, когда во время разливки стали по ложницам здания цехов становились ажурными, просвечивали, сияли, отражаясь в воде. И над ними поднималось зарево.

— Представляю.

— Папа работал в машиностроительном цехе. Ну и придумывал там множество всяких новшеств. Но у него была одна идея, которой я обязана жизнью. Право-право!

— Жизнью? Идее?

— Чтобы спасти меня, грудную крошку, заболевшую воспалением легких, когда зимовка осталась без топлива, он придумал особый ветряк и нагревал трением воду в центральном отоплении. В Надеждинске же, так еще до войны назывался тот уральский завод...

— Надеждинск? Хорошее название города. Запомню.

— Потом его переименовали. Папа задумал там сделать огромные ветряки с нефтяной бак величиной, устанавливая их на «водокачках». И не только там, а по всей стране, чтобы энергия была даровая, солнечная...

— Идея перспективная. Ветер где-нибудь да дует. Соединить их все энергетическим кольцом высоковольтной передачи.

— Папа так и задумал. Только у него образования не хватало. Не мог рассчитать, чтобы доказывать.

— Да. Доказывать трудно, — вздохнул академик Анисимов, подумав о собственных проблемах.

— И вот тогда папа, несмотря на свою многосемейность, решил ехать в Томск, учиться в институте, стать инженером. У него были заводские друзья Вахтанг Нейдзе, с его дочкой Томкой мы подружки. И Степан Прошенко, литейщик. Его сынишка Остапка с моим братишкой Спартаком ровесники. Дядя Степан говорил, что не кристало человеку семейному, который и фронт и Арктику прошел, рационализатору и изобретателю нашего завода, садиться за одну парту с сопляками. Вы простите, это так дядя Степан сказал.

— Ничего. Все мы такими были. Но это проходит, к сожалению.

— А мама сказала: «Ты, Алеша, не бойся, что среди студентов самым большим будешь. — Она так и сказала, это про папу-то! — Я у тебя в тундре училась. Теперь тебе учиться помогу. Прокормлю и нас обоих, и детишек. Прачкой буду, чертежницей, спасибо Вахтангу — научил». Мама помогла ему кончить институт. Он сделал там уйму изобретений: то прибор термограф, переводящий индикаторную диаграмму из координат давлений и объемов в координаты температур и энтропий, то маятниковый генератор, приводимый в движение

непроизвольными движениями человеческого тела, куда он заключен. А имплантированных приборов тогда еще не было. Словом, в самых различных областях. Это плохо?

— Не нахожу. Мне кажется ошибочным мнение, будто изобрести можно лишь в хорошо изученном деле. А вот Кулибин или Эдисон изобретали в любой области, какой касались. Эйнштейн же, тот говорил: «Сидят люди, которые *знают*, что *этого* сделать нельзя. Но приходит человек, который *этого не знает*, и делает открытие или изобретение».

Аэлита обрадовалась:

— Как хорошо вы сказали. Прямо про моего папу.

— Но тот же Эдисон говорил, что «изобрести — это лишь два процента, а реализовать изобретенное — девяносто восемь процентов дела».

— Я знаю. Нужно быть упорным. Мой папа такой. Его иногда называли упрямым. Но это неверно. Профессор, который его любил, поздравляя с окончанием, знаете что сказал? Стихи:

Упрямото — оружие слабых.

Упорство — орудие славы!

— Мудрые строчки. Люблю такие. Упрямото — это мелкое чувство, нежелание признать чужую правоту, стремление сделать непременно по-своему. Упрямото подменяет силу, потому им и пользуются слабые. Упорство — великое качество. Это неостывающее желание во что бы то ни стало достичь поставленной цели, преодолеть все трудности. И оно действительно подобно *орудию славы*. И если ваш папа обладает им, то при его изобретательности это делает его, несомненно, Большим Человеком, какого бы роста он ни был.

— Спасибо вам, Николай Алексеевич.

Глава седьмая

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК ВЫСОКОГО РОСТА

Юрий Сергеевич Мелхов был на два года старше Аэлиты. С раннего детства рос вундеркиндом. В школе уроков не делал, но слыл первым учеником. Восхищение учителей внушило ему, что приемные экзамены для него пустая проформа. И потерпел первое в своей жиз-

ни поражение — не набрал проходного балла. Это так потрясло его, что в другие вузы он и поступать не захотел.

Напрасно старалась Клеопатра Петровна убедить военкома, что ее сверходаренный сын лишь по недоразумению не студент и надо дать ему отсрочку от военной службы на год.

Отсрочки Юрий Мелхов не получил и отслужил в армии свои два года, стараясь не отличиться и не получить воинского звания.

Вернувшись из армии, в отместку за свою неудачу, университет он игнорировал.

К приемным экзаменам в институт отнесся уже со всей серьезностью, а поступив, стал первым среди успевающих, не тратя на это особых усилий. Все ему давалось легко.

«Европеец» с виду, он пользовался успехом у многих сокурсниц, но выбор остановил на Аэлите Толстовцевой, которой помог в курсовой работе. Слепленная его внешностью и обхождением, Аэлита увлеклась им. На последнем курсе они поженились. И Аэлита вошла в семью Мелховых, взрастившую Юрия Сергеевича. В семье этой познакомилась с философией «маленького человека», которую проповедовал отец Юрия.

Сергей Федорович, в отличие от сына щуплый, узкоплечий, ходил бочком и тихим голосом поучал, что фундамент общества — маленький человек и что мир в основном состоит из маленьких людей и существует ради них. Всякие там герои, вожди, гениальные ученые, изобретатели, художники, писатели, артисты — «отклонение от нормы». Правда, со знаком плюс. И одно у них назначение — сфера обслуживания маленького человека, ибо он основа общества.

Юрий Сергеевич, с малых лет впитав эту «философию», своеобразно видоизменил ее, деля общество на людей с высшим образованием и без него. Люди с высшим образованием, по его убеждению, были «белой костью», и несправедливостью он считал, что в нашей стране рабочий может зарабатывать больше инженера, который им руководит.

Вернувшись из Италии, Юрий Сергеевич с восхищением вспоминал несопоставимые заработки итальянских инженеров и рабочих.

Аэлита не выдержала и возразила ему:

— Что ж тут особенного? Мы идем к обществу, где все будут отдавать по способностям, получая по потребностям. Сближение умственного и физического труда по оплате естественно. Право!

— Нелепица! — презрительно отозвался Юрий Сергеевич. — Мы пока что живем в социалистическом обществе, где каждому по труду. Мой труд более квалифицирован благодаря моему высшему образованию, на которое я затратил много усердия. Наконец, нельзя пренебрегать зарубежным опытом, который я перенял, и потому мой ценный труд должен оплачиваться выше, чем работа рукодела.

— Ты не прав. Рабочий теперь интеллигентен, стоит за станком с программным управлением, оператором в химическом производстве, а часто создает вещи как скульптор или художник. Ведь руки рукодела сделали человека человеком. Вспомни Энгельса.

— Оставь, пожалуйста. Слава богу, мне не сдавать политической экономии. Я Институт марксизма-ленинизма, как ты знаешь, закончил дважды. Потому и занимаю свой пост на заводе.

— Должно быть, дважды мало.

— Что ты хочешь этим сказать? — возвысил голос Юрий Сергеевич. — Я не нуждаюсь в помощи для понимания элементарных вещей, в отличие от некоторых, делавших курсовые работы.

Аэлита вспыхнула:

— Если помощью называть надпись на чертежах, то я опускаю голову, делаю глубокий реверанс, смущаюсь...

— Ладно, ладно, кто считается, — смягчился Юрий Сергеевич. — Какой смысл осложнять семейную жизнь высокими материями. Не дело маленького человека, как говорит отец, искать высшую справедливость. Кстати, надо идти к столу. Мать зовет к обеду. Никто, кроме нее, еду не приготовит. Это тоже помнить надо.

— Конечно, — вздохнула Аэлита. — Но сегодня — исключение! Сегодня обедом угощаю я. Право-право!

Юрий Сергеевич поднял соболиные брови:

— Свежо предание, но верится с трудом.

— Нет, в самом деле. Прошу к столу. Мое кушанье нужно только чуть подогреть. Я уже предупредила Клеопатру Петровну, чтобы она сегодня не хлопотала по хозяйству.

Юрий Сергеевич с высоты своего роста смерил жену взглядом и усмехнулся:

— Посмотрим, посмотрим, шепнул слепой.

Аэлита побежала на кухню.

— Что это сегодня твоя благоверная забеспокоилась? — спросила мать у сына.

В столовую, как всегда, тихо, незаметно, как-то боком вошел Сергей Федорович, низенький, сутулый и стриженный бобриком. Невестке он едва кивнул, относясь к ней скорее безразлично, чем плохо, сторонясь ее, как полированной мебели в квартире, как бы не задеть.

Сергей Федорович уселся за стол и погрузился в чтение газеты.

— Опять газета за столом? — строго прикрикнула Клеопатра Петровна.

— Только спорт... кто кого.

— Нелепое занятие, — изрек Юрий Сергеевич. — Тратить энергию, гоняя никому не нужный мяч, поднимая огромный груз, и все без видимой пользы для общества! Дикость! Возвращаемся к Древнему Риму. Аппиева дорога, Колизей! Хлеба и зрелищ нужно твоему маленькому человеку, отец. Нет, подлинному члену общества, пусть маленькому, но нормальному, бесплодное напряжение мышц абсолютно ни к чему. Я рационалист и искренне удивляюсь, как люди с высшим образованием могут уделять этому время и силы.

— Но ведь у меня-то высшего образования нет, — робко возразил отец.

— Все равно. Ты должен равняться по сыну с его способностями. Недаром нам удалось дать ему высшее образование.

Клеопатра Петровна не упускала случая упомянуть о способностях сына, освобожденного от всех домашних забот. Она любовалась им.

Глава восьмая

КОЛЕСО БЕЗ ОСИ

Обеды в семье Мелховых были семейными «собраниями», на которых обсуждались и домашние и государственные вопросы.

Юрию Сергеевичу отводилось при этом особое место.

И если отец развивал свою теорию маленького человека, то Юрий вещал о человеке вообще.

Вот и теперь он произнес:

— Высшее образование — это то, что делает человека человеком. Вот мое добавление к Энгельсу.

— Ты так думаешь? — спросила вошедшая с подносом Аэлита.

От кушаний, которые она внесла, распространялся обещающий аромат. Свекор даже крикнул от удовольствия.

— Вот это баранина так баранина! Звонче, чем в шашлычной.

— Здесь говорят о высшем образовании, а не о шашлычной, — обрезала Клеопатра Петровна.

— А я думаю, что образование еще не все, — продолжала Аэлита, ставя на стол поднос и раскладывая кушанье по тарелкам. — Недавно я услышала такие стихи:

Знай, воспитанье — это ось,
Образованье — колес сила.
Но колесо с оси снялось —
И вмиг винтом заколесило.

— Недурственно, — хмыкнул в усы Сергей Федорович.

— Каламбур, — пожал широкими плечами Юрий Сергеевич.

— И колесо заколесило. Без оси навсегда так. Вроде как без воспитания, — резюмировал Сергей Федорович.

— На что намекаешь? Мы что, плохо своего сына воспитали? Одно только образование дали? — возвысила голос Клеопатра Петровна.

— Афоризм в форме каламбура — про всех. Есть даже академики невоспитанные, — пояснила Аэлита.

— И кто же сочинил этот шедевр морали? — выразительным баритоном осведомился Юрий Сергеевич, уплетая сочный кусок баранины с подрумяненной картошкой.

— Академик Анисимов, Николай Алексеевич.

— Так он еще и стихи пишет, черт возьми! — возмутился почему-то Юрий Сергеевич.

— Других стихов Анисимова я не знаю, но, судя по этому афоризму, он владеет стихотворной формой.

— Владеет, владеет, — проворчал Юрий Сергеевич. — Он много чем владеет, слишком много. И наука, и лыжи, и скульптура. И стихи еще... Ненормально.

— Если нормой считать посредственность, то, конечно, выше нормы.

— Нечего отца обижать. Вступаю за него и утверждаю, что маленький человек неадекватен посредственности. Впрочем, посредственность хорошо знакома тебе, если вспомнить твои институтские отметки. Бывало, бывало, чего греха таить.

— Как тебе не стыдно? — покраснела Аэлита. — Почему ты так изменился? Я знала тебя другим!

— Бароном фон Мелховым?

— Да, ты выглядел аристократом, рыцарем, преклоняющимся перед женщиной, готовым помочь.

— Алла! — прервала свекровь. — Нечего секреты строить. В каком магазине ты умудрилась такие роскошные консервы заполучить? Покажи и мне туда дорогу. Семью-то не тебе приходится кормить, на мне одной все заботы.

— Вам, правда, понравилось, Клеопатра Петровна?

— Вкусно, ничего не скажешь. И на консервы непохоже. Сочно. Свежо. Научились-таки. Надо набрать таких банок побольше.

— Это не консервы вовсе. Честное слово!

— Как так не консервы? Я что, не хозяйка?

— Нет, вы отличная хозяйка. Но это вовсе не консервы, а искусственная пища из института академика Анисимова. Кстати, Николай Алексеевич предложил мне у него работать.

— Что? — разом вырвалось у Клеопатры Петровны и ее сына.

Сергей Федорович осторожно отодвинул от себя тарелку и стал вытирать салфеткой губы, ссутулившись более обычного.

— Ну конечно! Искусственная пища, приготовленная в лаборатории. Структура мяса сделана на ткацком станке, а вкус и запах баранины — в лаборатории вкуса и запаха. В ней как раз мне и предлагают работать. Право-право!

— Как? — крикнула Клеопатра Петровна, выскакивая из-за стола. — Ты осмелилась накормить нас такой гадостью? Боже, какая низость! Мне дурно! Ох!.. — И она выбежала из столовой.

— Докормила! — гневно возвысил грудной свой голос Юрий Сергеевич. — Это же обман! Низко, недостойно!

— Юра, что ты!

— Вот теперь Юра, а то все был Николай Алексеевич. Слушал я его в Вечном городе. Только сам он, видно, не вечный. В детство-юность начал впадать. Статуэточки, стишочки — маразматические синдромы!

— Юра, прекрати!

— Нет, я просто не могу прекратить. Оказывается, я изменился! Меня не разглядели! За барона или рыцаря в самом деле приняли! Но в ответ на подлинно рыцарское отношение на меня и моих родителей совершается покушение! Да, да, покушение с целью отравления, на какое решилась Катерина Измайлова!

— Какая начитанность! Может быть, ты помнишь и купца, на которого покушалась Катерина Измайлова? Не найдется ли общих черт? Как же я была слепа! И как ты можешь осуждать такого человека, как академик Анисимов? Говорить об отраве... Знайте же, что все искусственные кушанья сделаны из молока. Честное слово!

— Из молока? — удивился Сергей Федорович. — Чудно! А я думал — баранина.

— Из казеина, полученного из отходов молочного завода. Словом, творожные изделия. И не из чего огород городить.

— Блевать — по-твоему, огород городить? Хороши творожные изделия, если от них рвота! Впрочем, всем известны отравления плохим творогом. Напрашивается вывод, что твой старец в своей лаборатории за государственный счет творог портит. И наживает научное имя.

Юрий Сергеевич уже не владел собой. Глубоко уязвленный интересом жены к пожилому академику, он ненавидел и самого Анисимова, и его дело, не отдавая себе отчета в словах, которые вырвались у него и за которые он краснел бы в другое время.

Аэлита тоже была возбуждена выше всякой меры.

— Молчи! — воскликнула она. — Ты не смеешь так говорить! Кто ты в сравнении с ним?!

— «Ведь я, червяк в сравнении с ним, с лицом таким, с его сиятельством самим!» — продекламировал Беранже Юрий Сергеевич, словно стараясь разъярить себя еще больше.

Вернулась Клеопатра Петровна.

— Я думала, умру. Какой ужас! Неужели у нас не могут справиться с сельским хозяйством? Куда смотрят правительство, партия?

— Правительство и партия всячески поддерживают начинания академика Анисимова.

— Я не знаю, что там думают наверху, не мое это дело. Там умеют заботиться о нас. Но в моем доме этой гадости никогда не будет.

— А как же, — согласился сразу Сергей Федорович.

— Не знаю, не знаю, как и кто поддерживает эти происки с искусственной пищей, которые могут просто подорвать устои нашего сельского хозяйства, — важно заявил Юрий Сергеевич. — Стоит только понадеяться на этот творог... и прикрыть все земледелие.

— Никто этого не добивается. Искусственная пища нужна в первую очередь народам, у которых нет сельскохозяйственных продуктов в достаточном количестве. Это резерв науки, необходимый человечеству.

— Оставим высшую материю высшим инстанциям, что же касается нашей маленькой семьи, то не вздумай накормить подобной гадостью сына, — пытался снизить накал спора Юрий Сергеевич. — Кстати, что за разговоры о работе в институте академика Анисимова? Ты что, не знаешь порядка? После окончания института три года обязана отработать по распределению.

— Николай Алексеевич заверил, что договорится с министром.

— С министром? — снисходительно переспросил Юрий Сергеевич. — Если министр будет заниматься такими, с позволения сказать, делишками, наша химическая промышленность встанет.

— Напротив, она займется изготовлением искусственной пищи в широком масштабе, создаст пищевую индустрию, станет кормить голодающие страны, увеличит наш экспорт.

Юрий Сергеевич махнул рукой в знак того, что не хочет продолжать перепалки:

— В битве врагов побеждает сильнейший.
В споре друзей уступает мудрейший.

— Остается решить, что это было: битва или спор? — запальчиво спросила Аэлита, но ей никто не ответил.

ОСКОЛКИ

В семье Мелховых появилась трещина, не появилась, а проявилась теперь, существуя уже давно.

Аэлита теперь ужасалась, как могла она попасть девчонкой в эту семью, в которой с самого начала почувствовала себя чужой, боясь в этом признаться.

И трещина начала углубляться.

Юрий Сергеевич с отчаянием убеждался, как отдаляется от него Аэлита. Она стала пропадать вечерами, посещала концерты, бывала в театрах. Юрию Сергеевичу не требовалось спрашивать, с кем она развлекалась. Конечно, с ним, с этим «престарелым сатиром», как мысленно называл он еще недавно так уважаемого им академика. Но Анисимов отнимал у Мелхова самое дорогое, принадлежащее только ему одному, — жену. И самым оскорбительным здесь было то, что ведь этот пожилой человек не мог сравниться с Мелховым ни в возрасте, ни в наружности, наконец!.. И все же...

В довершение всего Аэлита и не думала ничего скрывать. Непринужденно рассказывала о виденных пьесах, о слышанной музыке, о той глубине, которую чувствовал и открывал Анисимов. И делала это так простодушно, словно возраст спутника оправдывал ее поведение. Но именно этот возраст особенно бил по самолюбию Мелхова. Он страдал и от отчуждения жены, но еще больше из-за того, что явилось тому причиной.

И тут еще пренеприятнейший телефонный звонок. Знакомый по Риму журналист Генри Смит умудрился отыскать его в Москве.

— Мы взаимные должники, — говорит он после приветствий. — Вы, мистер Мелхов, заплатили по ресторанному счету, я показал вам Рим. Теперь я плачу в ресторане «Метрополь», где вас жду, а вы покажете мне свою Москву.

Юрий Сергеевич не знал, как отвязаться от настырного американца. Беспокойство не оставляло его.

А тут еще Аэлита принесла домой прелестную статуэтку девушки-японки, подарок Анисимова. Нанюганный и взвинченный перед тем звонком Генри Смита, сейчас Юрий Сергеевич был унижен, оскорблен и потерял обычный контроль над собой:

— Я считаю совершенно непристойным принимать от

малознакомого пожилого мужчины, с которым у тебя, очевидно, был курортный роман, такие ценные подарки только потому, что случайный знакомый за одно лишь свое ученое звание получает шестьсот рублей в месяц, не считая директорского оклада в институте и всего прочего.

— Статуетка не куплена на доходы, которые ты подсчитываешь в чужом кармане, а сделана Анисимовым.

Юрий Сергеевич не мог уступить и продолжал:

— Тем более, тем более! Я не могу держать в своем доме бездарные поделки самоучки, пусть даже с академическим званием.

— Ты пытаешься оскорбить человека, который неизмеримо выше тебя.

— Я уже слышал: «Ведь я червяк в сравнении с ним...»

— Кстати, ему удалось договориться с министром о моем переводе в институт Анисимова.

— Что? — перешел на крик Юрий Сергеевич. — Без согласования со мной? Не бывать тому!

— Перевод уже оформлен. Я начинаю работать.

И тут за выдержанного всегда Юрия Сергеевича стал говорить кто-то другой, кто скрывался в нем и теперь не смог стерпеть боли уязвленного самолюбия:

— Ах так? Тогда считай нашу семью разрушенной. И не моя в том вина. Помни: московскую прописку дал тебе я, я же и выпишу тебя из квартиры Мелховых.

Аэлита, оглушенная, оскорбленная, не находила слов, мало разбираясь в правах на жилплощадь и прописку. Сейчас все это для нее ничего не значило. Здесь нельзя было оставаться ни минуты, переносить унижения, видеть торжествующую Клеопатру Петровну.

Слезы мешали Аэлите, когда она бросала в чемодан свои скомканные вещи и вещички Алеши.

Подруга, уезжая на Север, оставила ей ключи от однокомнатной квартиры — в них спасение!

Увидев, что жена нагружает санки, Юрий Сергеевич встал в дверях и с издевкой объявил:

— Имей в виду, что собаку я тебе не отдам.

— Я заберу сына из яслей. И Бемс, как всегда, повезет Алешу на санках.

— Нет. Можешь воспользоваться академическим автомобилем, «Чайкой» или «мерседесом», не знаю уж, какой у твоего дряхлого принца экипаж. — Юрий Сер-

геевич думал лишь о том, как бы разрядить атмосферу, успокоиться самому и утешить Аэлилу, но вместо этого говорил совсем другое, подливал нефти в огонь.

— Бемс — мой пес, — возразила Аэлила. — У тебя нет на него никаких прав.

— То есть как это нет прав? А кто за щенка шестьдесят рублей заплатил? — снова занесся Мелхов.

— А кто бегал по магазинам, сыновние деньги тратил, чтобы насытить его чудовищную утробу? — вставила Клеопатра Петровна.

— Вы не смеете! Вы не смеете! — только и могла твердить Аэлила.

— Нет, мы смеем. Я тут прикинул, пока ты мать мою оскорбляла, во что обошлось мне содержание собаки. Одна тысяча шестьсот рублей ноль-ноль копеек. Вот выложи их мне на стол — тогда забирай.

Юрий Сергеевич хотел поставить на пути Аэлилы последнюю преграду. Он отлично знал, что на новую шубку давно откладываются деньги. Так какая женщина отдаст свои сбережения? Но Аэлила открыла шкаф и там, под стопкой белья, нащупала пачку денег.

— Возьми, образованное колесо без оси!

— Ах так? Тогда все! Тогда все! — теперь уже искренне говорил Юрий Сергеевич.

— Нельзя, никак нельзя больше терпеть, — подсказала Клеопатра Петровна.

— Нельзя терпеть! — согласился сын. — Завтра же подам заявление на развод. Неверность! Спуталась за деньги со стариком. — И Мелхов схватил из открытого чемодана статуэтку японки и с размаху бросил об пол. Осколки разлетелись во все стороны. Юрию Сергеевичу стало легче, иначе он не выдержал и сдался бы. И когда отлегло, он вдруг с ужасом подумал: «Ведь напрасно меня считают умным человеком, напрасно!»

Рыдая, взяла Аэлила любимую собаку, запрягла ее в нагруженные сани и захлопнула за собой дверь. Они жили на первом этаже.

Бемс, весело подпрыгивая, охотно повез санки по свежему снегу, который еще не успели смести с мостовой.

Ехать недалеко — до соседнего дома-башни.

НА ПОМОЩЬ ПРИРОДЕ

*Не будем считать ограниченными сред-
ства природы! С помощью человеческого
искусства они могут стать безграничными.*

Ж. Ламетри

Глава первая

ВСТУПЛЕНИЕ В ХРАМ

Аэлита ничего не сказала Николаю Алексеевичу о своем уходе из дома и спокойно приступила к новой работе.

Заведующая лабораторией «вкуса и запаха», кандидат химических наук Нина Ивановна Окунева, невысокая полнеющая дама, с круглым лицом и двойным подбородком, приветливая и энергичная, встретила Аэлиту душевно.

Окунева уже знала Аэлиту, поскольку та по просьбе Николая Алексеевича приводила сюда Бемса. Пса испытывали тогда на чуткость обоняния.

Нина Ивановна при первой встрече говорила Аэлите:

— Почти все естественные белки пищи в чистом виде безвкусны и не имеют запаха.

— Вот как? — удивилась Аэлита.

— Вы еще многому удивитесь. Имейте в виду, отмытое, вываренное мясо, белок яйца, промытый и обезжи-

ренный творог, то есть казеин совершенно безвкусны и никак не пахнут. Вам не приходилось замечать, когда дома хозяйничали?

— Мне не привелось дома хозяйничать.

— Счастливица!

Аэлита смущенно улыбнулась, вспомнив свою лютую свекровь.

— Придется вам здесь «хозяйствовать» в мировом, так сказать, масштабе. Хорошая хозяйка знает, что приятный вкус и запах содействуют лучшему усвоению приготовленного блюда. Вы привели своего пса? Любопытный эксперимент, впрочем, для милиции давнее прошлое.

— Не только для милиции, Нина Ивановна. В саперных частях собак натаскивали на распознавание заложённых в землю мин. Тол имеет особый запах, которого не ощущает человек.

— Человек способен различать до десяти тысяч запахов. К сожалению, надежно обоснованной теории запаха нет. Кое-что обещает теория «пробоя мембраны», но ее вернее отнести к области наших надежд, чем к подспорью в научной работе.

— Я так мечтаю о научной работе! Честное слово!

— Пока что для нас, химиков, обоняние человека считалось эталоном. Для идентификации ароматических композиций применяются хроматография и масс-спектрометр, ИК-спектроскопия и ЯМР — ядерный магнитный резонанс. Однако чувствительность этих методов к отдельным компонентам запаха иногда в несколько сотен раз меньше, чем наше с вами обоняние.

— Вот видите! — обрадовалась Аэлита. — А у собаки чутье, говорят, чуть ли не в миллион раз острее, чем у человека. Неужели мой Бемс ничем вам не поможет?

— Насчет миллиона не знаю, но Николай Алексеевич просил меня попробовать. Я не против. Кроме того, я вообще люблю собак. Но... имейте в виду, я не уверена, что это новшество будет всеми воспринято с восторгом.

Аэлита не поняла тогда, что имела в виду руководительница лаборатории.

При первом посещении института Бемсу предложили определить образец с пахучим компонентом в количестве, неуловимом для приборов. Аэлита волновалась, но Бемс испытание выдержал. Из четырех деревянных палочек, из которых одну поднесли к пахучему компонен-

ту, он безошибочно вытаскивал именно эту палочку. Аэ-лита торжествовала.

Окунева обещала продумать систему экспериментов, в которых в качестве одного из контрольных приборов мог бы участвовать Бемс.

После очередного концерта, на который ее пригласил академик, Аэлита рассказывала ему о первых опытах. Он слушал внимательно, чуть улыбался и пошрительно кивал. Тогда-то он и предложил ей перейти на работу в лабораторию Окуневой. Аэлита сразу согласилась, зная, что советоваться с Юрием Сергеевичем бесполезно. Ведь при переходе в академический институт с завода Аэлита не только шла на меньший оклад — ее, не имеющую ученой степени, могли принять лишь на должность младшего научного сотрудника с окладом девяносто рублей в месяц вместо заводских ста тридцати, — но теряла еще и ежеквартальную премию.

Нина Ивановна Окунева все отлично понимала.

— Ничего, милочка. Главное, вы приобщаетесь к науке.

— Я ни о чем другом не думаю.

— Нет, думать надо, дорогая. Имейте это в виду. Думать о теме диссертации. Как вам нравится такая: «Распознавание запаха чувствительными приборами и сравнение их работы с реакцией на запах некоторых биологических систем»?

— Прекрасно! Ведь под биологической системой можно разумеать и человека и собаку?

Окунева кивнула.

Так началась научная деятельность Аэлиты. Ей казалось, что она вырвалась из душного подземелья и дышит свежим воздухом.

Бемсом пока не занимались. Аэлите требовалось освоить все применявшиеся в лаборатории методы. Наиболее совершенный из них, хроматографический, позволял определить содержание пахучего вещества в 10^{-12} грамма.

Метод, предложенный польским ученым, оказался очень интересным и красивым. Аэлита не слишком обоснованно подсчитывала, что ее Бемс, наверное, сможет определить количество пахучего вещества в 10^{-20} грамма. Это уже приближалось к нескольким молекулам вещества и на восемь порядков превышало возможности приборов. Если бы это было так!

Все началось хорошо, но Аэлита решила, что теперь не имеет права на такое же внимание со стороны академика, каким пользовалась до перехода в институт. Руководитель института должен считаться с общественным мнением. В глазах Аэлиты Анисимов, как и для всех остальных сотрудников, стал директором института, академиком, непревзойденным научным стратегом, сидящим недостижимо высоко на Олимпе.

Николай Алексеевич, кажется, все понял и не докучал Аэлите своими предложениями.

На исходе первого месяца работы новой сотрудницы Нина Ивановна разрешила наконец проводить опыты с Бемсом. Впрочем, может быть, потому, что сам академик, зайдя однажды в лабораторию, справился о собаке. Аэлита стояла на своем месте у вытяжного шкафа и боялась поднять глаза.

И Аэлита привела Бемса. Смущенная и гордая, шла по широкому светлому коридору с очень высоким потолком и прекрасно видела, каким взглядом провожают их научные сотрудники: ласковыми, смеющимися, а порой удивленными и даже возмущенными.

Бемс шел на коротком поводке и казался очень важным, словно понимал, какую ответственную миссию ему предстоит здесь выполнить.

Но поработать с Бемсом в лаборатории удалось лишь четыре дня, потому что Нина Ивановна ушла в отпуск, а из отпуска вернулся ее заместитель Геннадий Александрович Ревич, «новоиспеченный» доктор наук, «остепенившийся» раньше Окуновой, слишком занятой общелaborаторными делами и запустившей свою докторскую диссертацию. Изысканно одетый, в высшей степени опрятный лысеющий человек лет за пятьдесят, в очках с золотой оправой, с узким носом и тонкими губами.

Войдя в первый раз в лабораторию и увидев Бемса, Ревич брезгливо поморщился.

— Знакомьтесь, Геннадий Александрович. Наша новая младшая научная сотрудница Мелхова Алла Алексеевна. — Окунова почему-то постеснялась назвать Аэлиту настоящим именем. — А вот ее живой прибор, системы боксер, марки Бемс, прекрасно реагирует на исчезающие слабые запахи.

— Очень рад, почтенная Алла Алексеевна, — расшаркался Геннадий Александрович. — Очевидно, научная лексика лаборатории обогатится теперь таким термином,

как «Ко мне, Мухтар!». Надеюсь прочитать об этом в Докладах Академии наук СССР.

— Не Мухтар, а Бемс, — робко поправила Аэлита.

Геннадий Александрович смерил новенькую простужку ироническим взглядом. До нее даже не дошел его издевательский тон!

С уходом Нины Ивановны все в лаборатории изменилось. Ревич под предлогом сохранения научных традиций, отменил опыты с Бемсом, направил Аэлигу заниматься в библиотеку.

— Надо понимать, что такое вступление в храм, — напутствовал он. — Достаточно того, что вас приняли сюда не на должность старшего лаборанта или инженера. Чтобы стать научным сотрудником, хотя бы и младшим, надо читать, читать и читать. К тому же у нас, Алла Алексеевна, нет возможности превращать лабораторию в собачью площадку. Нет плотников, чтобы соорудить забор, бум, лестницу и Будда его знает что еще. Да и загромоздят такие сооружения лабораторию, точным приборам места не останется. Увы, не коррелирует все это с современным уровнем науки, к которой, почтенная Алла Алексеевна, вам надо бы приобщиться. Вот и начинайте с библиотеки.

— Геннадий Александрович, меня зовут Аэлитой.

— Прелестно, прелестно! Но применительно к сцене, к эстраде, а не к лаборатории. Дозвольте уж вас называть так, как нашла нужным представить Нина Ивановна, заведующая лабораторией. Не будем уж без начальства менять порядки.

Геннадий Александрович решил взять шефство над новенькой.

— Вот вы, дорогая моя, — снисходительно говорил он, — должно быть, воображали, что все дело в запахе. Нет! Наша лаборатория «вкуса и запаха»! На первом месте вкус! Запах только привлекает, а вкус, вкус — источник наслаждения! Человек создан для наслаждения. По крайней мере, большинство людей так полагает. Будем считать это однозначным, не так ли?

— Может быть, — робко ответила Аэлита, которая чувствовала себя с Ревичем неуютно. Она смотрела, как поблескивают золотые очки Геннадия Александровича, какой белоснежный на нем воротничок, какой модный галстук, со вкусом подобранный к не менее модному костюму, совсем как у Юрия Сергеевича.

Голос Геннадия Александровича приятно рокогал, чувствовалось, что он сам любит себя им, наслаждается своей речью.

— Поэтому сейчас ваша задача — вкус. Предстоит превзойти все до сих пор достигнутое лабораторией. Сам академик сообщил о предстоящем «пире знатоков»! Итак, вкус — вот ваша область у нас! Тем более что только вкус превращает женщину в парижанку! Я убедился в этом в Париже. — И он засмеялся, показывая золотые зубы.

Глава вторая

ПИСЬМО

Аэлита была переведена на работы, связанные со вкусом, и помощь Бемса временно отпала. Усердно занимаясь в библиотеке, она надеялась на возвращение Нины Ивановны, впутывать же в это дело Николая Алексеевича и думать не смела.

И вдруг в библиотеку с необычайно многозначительным выражением лица вошел Геннадий Александрович. Склонившись к Аэлите, колючим шепотом сказал:

— Вас просит зайти директор института академик Анисимов. Надеюсь, вы не приносили ему жалобы по поводу собаки?

— Я никому ничего не говорила, — вся зардевшись, пролепетала Аэлита. — Честное слово!

Почему-то она взволновалась, никак не могла собрать книги. Потом поправила свою высокую прическу и, превозмогая страх, отправилась к директору.

Предстояло пройти лестницу, по которой шныряли молодые бородатые люди и девушки с распущенными волосами, Аэлите казалось, что все смотрят на нее.

Вот и коридор дирекции. Она проходила здесь, когда в первый раз появилась с Бемсом. Тогда Николай Алексеевич сам провел ее вместе с собакой в лабораторию «вкуса и запаха».

Дама-референт, которую Аэлита когда-то наивно приняла за секретаршу, встала навстречу.

— Николай Алексеевич ждет вас.

Аэлита робко открыла обитую кожей с орнаментом из желтых гвоздиков дверь.

Николай Алексеевич сидел за столом, углубившись в

чтение какой-то бумаги. Он поднял на нее глаза и... не улынулся, как ждала Аэлита.

Академик встал, вышел из-за стола ей навстречу и сказал приветливо, но очень серьезно:

— Садитесь, Аэлита. Я побеспокоил вас по вопросу, касающемуся нас обоих.

Аэлита удивленно посмотрела на Николая Алексеевича. Нет, он не шутил.

Директор усадил ее в мягкое кресло перед столом, сам сел на стул и подвинулся к креслу.

«Значит, не о Бемсе будет разговор. Так о чем же? — подумала она. — Для приглашения в театр едва ли стоило вызывать к себе в кабинет да еще через заведующего лабораторией».

Несколько секунд молчания показались Аэлите томительными.

— Сегодня я ездил в Президиум Академии наук, и меня пригласил заглянуть к нему президент. Извинился, сказал, что не придает этому никакого значения, и передал полученное им письмо. Я хочу познакомить вас с ним.

— С письмом? — еле слышно спросила Аэлита.

— Да, только с письмом, пока не с президентом, — улынулся Николай Алексеевич.

Он встал, прошел к столу и взял то самое письмо, которое, очевидно, просматривал, когда Аэлита входила.

— Прочтите. Вслух не надо. Это не художественное произведение.

Аэлита похолодела. Она узнала почерк мужа.

Письмо было адресовано в Президиум Академии наук СССР.

«Считаю своим долгом обратиться в высший орган советской науки с сигналом о недостойном поведении одного из действительных членов Академии, долженствующего служить примером высокой морали и образцом поведения нам, людям с высшим образованием, но забывшего о своем долге высоко нести звание советского ученого и члена нашей великой партии и распутным своим поведением разрушающего мою семью, семью рядового советского гражданина, счастье которого обеспечено Конституцией, хотя он и не обременен ни высокими научными званиями, ни академическими доходами.

Я обращаю внимание Президиума Академии наук СССР на безнравственное поведение академика Аниси-

мова Николая Алексеевича, соблазнившего, несмотря на сорокалетнюю почти разницу в возрасте, мою неопытную жену и принудившего ее уйти из дома, чтобы наслаждаться с ним противозаконным сожителем.

Я маленький, но честный человек. У меня трехлетний сын, которого я не хочу лишать отца, ибо человек, годящийся ему в прадеды, не может быть адекватен отцу.

Однако во имя воспитания полноценного члена коммунистического общества, думая прежде всего о нем, о моем сыне, я готов простить свою заблудшую, легкомысленную и обманутую жену, дабы она вернулась с сыном домой, если академик Анисимов найдет в себе порядочности не препятствовать этому.

Инженер Ю. С. Мелхов, беспартийный».

Аэлита лишилась дара слова. Она узнала почерк мужа, но не узнала его стиля, манеры выражаться. Он, образцованный, умный, сейчас, словно намеренно, «писал под кого-то другого», мелкого, жалкого. Но не жалость вызывало это вычурное письмо, а лишь чувство гадливости.

Глава третья

ХОЗЯЙКИ СТОЛА

Зал института, где обычно проходили общие собрания, коллоквиумы, защиты диссертаций, а также просмотры кинофильмов, был пуст. Все кресла вынесли в коридор и поставили там в два ряда.

Вместо них в зале появились два длинных лабораторных стола. Их накрыли белоснежными накрахмаленными скатертями, и приглашенные из одного из лучших московских ресторанов официанты в белых куртках под руководством лысенького суетливого метрдотеля расставляли тарелки, раскладывали ножи, вилки в необычайно большом числе для каждого прибора.

Распорядилась здесь хлопотливо-солидная Нина Ивановна Окунева, вернувшаяся из отпуска, заботливая и властная.

Себе в помощницы она взяла Аэлиту, которая по ее настоянию явилась сегодня в институт в ярком платье, чем-то напоминавшем кимоно.

Академик Анисимов вошел в зал, увидел Аэлиту в необычайном наряде и нахмурился.

Аэлита вся сжалась в комочек, не зная, куда деться от смущения.

— Не кажется ли вам... — строго начал академик, но при виде беспомощного взгляда Аэлиты отмяк и уже другим тоном продолжал, — что в Японии ваше имя переименовали бы, звали бы вас Аэри-тян?

— Может быть, мне лучше переодеться, сменить прическу? Право? — робко спросила Аэлита.

— И не подумайте! — по-хозяйски вмешалась Нина Ивановна. — Если кто-нибудь не отличит ее от японки, то пусть не отличит также и нашей искусственной пищи от настоящей. Имейте это в виду.

— Считаете, не сразу разоблачат? — спросил Николай Алексеевич, думая и о предлагаемых блюдах, и о внешности Аэлиты.

Нина Ивановна решительно ответила:

— Не скорее, чем отличат наш жульен от дичи.

— Да, дичь!.. — вздохнул академик и добавил: — Да нет, я не против любого наряда. Тем более что самому-то мне нравится.

Но ни Анисимов, ни Окунева не могли предположить, что вслед за этим произойдет.

Еще звякали на столе приборы, когда в зал вошел, потирая с мороза руки, замминистра рыбной промышленности, бывший капитан дальнего плавания и директор плавучих рыбозаводов, моряк с обветренным лицом, изрезанным крупными морщинами.

Замминистра сопровождал один из референтов, красивый, вылощенный молодой человек с безукоризненным пробором на голове. Специализировался на Японии, окончил институт восточных языков.

При виде Аэлиты он решил блеснуть своими познаниями и обратился к ней по-японски.

Анисимов с трудом сдержал улыбку, готовый превратить в шутку ошибку гостя. Велико же было изумление, когда Аэлита, преодолев застенчивость, вернее, скрыв ее за церемонной восточной вежливостью, ответила гостю на прекрасном японском языке — ведь Анисимов знал его!

Референт пришел в восторг, видя, что вокруг заметили его эрудицию, и со светской развязностью заговорил с «иностранкой» на ее «родном» языке.

Замминистра взял академика под локоть и отвел чуть в сторону: ..

— Чем вызвано приглашение зарубежной гостьи, Николай Алексеевич? Не смутит ли она наших «испытателей»?

Анисимов рассмеялся.

— Чем рассмешил? — недовольно спросил замминистра. — Откройте. Других смешить стану.

— Считайте, что первую загадку, которую подготовила наша хозяйка стола Нина Ивановна Окунева, вы не разгадали.

— То есть как это? — нахмурился бывалый моряк и строго посмотрел на своего референта.

Тот подскочил к нему.

— С кем говорил? — спросил его начальник.

— О очаровательной Аэри-тян. Полагаю, со стажеркой из Японии. Договорился с ней о совершенствовании своего японского языка.

— Совершенствовать вам его надо, — заметил Анисимов. — Произношение у вас прямо сказать вятское. Но найдется ли время у нашей научной сотрудницы Аэлиты Алексеевны Толстовцевой?

— Она что? Не японка? — поразился референт.

— И не марсианка, — улыбнулся Анисимов. — Русская, как мы с вами.

— Один-ноль не в твою пользу, — заметил замминистра помощнику и обратился к академику: — Признаем первую ошибку. Но больше, надо думать, их не будет у наших знатоков. — И он многозначительно взглянул на вошедших гостей.

Их было пятеро — три толстяка и два «донкихота» с длинными худыми лицами.

Аэлита же, краснея от смущения, сбивчиво объясняла Анисимову, откуда знает японский язык.

— Это все мой папа! Честное слово! Большой чудак! Не только имя мне такое дал, а еще и, заметив, что я на японку похожа, едва подросла, договорился со старой бухгалтершей нашего завода — из Японии она родом, — чтобы научила меня японскому языку. Представьте, вообразал, что я когда-нибудь свершу подвиг, как Рихард Зорге. Дети быстро усваивают языки. Фузи-сан выучила меня не только родному языку, но и многому, что надлежит знать гейше. Вы простите, что тогда, в Терсколе, я ничего об этом не сказала. Помните «рюбрю»? Мне хотелось от вас услышать о Японии. Ведь я-то там никогда не была.

Анисимов улыбался и думал, как бы ему лучше скрыть свой интерес к Аэлите, к ее судьбе, даже детству.

— Хорошо, милая наша гейша, — шутливо сказал Анисимов, — выполняйте свои общественные обязанности, коль скоро их так определили.

И пошел навстречу замминистра мясной и молочной промышленности.

Аэлита старалась изо всех сил. И не зря надеялась на нее Нина Ивановна — гостям казалось, что они находятся у гостеприимного хозяина на званом обеде или на приеме. Тем более что из-за желания референта из института восточных языков не ударить в грязь лицом за столом не переставала звучать непонятная почти всем иностранная речь.

Глава четвертая

ПИР ЗНАТКОВ

Анисимов назвал Аэлиту Толстовцевой. Она действительно вернула себе фамилию отца.

Вскоре после злополучного письма, переданного президентом Академии наук Анисимову, Аэлита, и не подумавшая возвратиться домой, получила через институт повестку в суд. Оказывается, Ю. С. Мелхов одной рукой отправлял письмо в академию с единственной целью нагадить Анисимову, а другой подал заявление в суд, стремясь возможно скорее оформить развод. И конечно, здесь не обошлось без влияния Клеопатры Петровны, она кричала, что не допустит, чтобы ее сын был обманутым мужем. Не обманутый, а прозревший, карающий муж! Вот каким должен выглядеть ее Юрочка!

И на приеме у судьи, которая с участливой улыбкой привычно произносила слова примирения разводящимся супругам, Юрий Сергеевич объявил, что должен лишь узаконить действительное положение вещей. Бывшей семьи уже нет, место Аэлиты в его доме занято. Он будет честно выполнять судебное решение касательно сына Алеши, но не больше! Ибо с новой своей супругой хочет жить счастливо и иметь детей, ни на каких других не отвлекаясь.

Потом, как полагается, был суд второй инстанции.

И вот по институту академика Анисимова был издан приказ: считать младшую научную сотрудницу Мелхову Аэлитой Алексеевну Толстовцевой.

Анисимов, беседуя с гостями, то и дело с улыбкой поглядывал на яркое пятно, мелькавшее то здесь, то там. Гости расселись по своим местам.

— Это добрая весть, коль зовут тебя есть! — шутил тучный замминистра.

Его взор манили разнообразные яства.

На множестве блюд и тарелок — каждая со своим номером — лежали тонко нарезанные сочно-заманчивы ломтики балыка, семги, лососины. Расточала зовущий аромат и черная икра в хрустальных заиндедевших от холода баночках, с ней соперничала икра красная, от дельные икринки которой походили на светящиеся крупинки лесной ягоды костяники. Все эти баночки, валячки, блюдечки выбирались намеренно малых размеров, чтобы больше их понадобилось.

Нина Ивановна и ее помощница угощали всех, угощая варивая взять то один, то другой лакомый кусочек.

Гости не заставляли себя упрашивать.

— Не напрасно я сегодня от завтрака отказался, — заметил замминистра мясной и молочной промышленности, завязывая на объемистой шее салфетку. Он походил на гиревика второго тяжелого веса, готового взять рекордный вес.

Конечно, закуску полагалось запивать. И не только минеральной водой.

Но дальний уголок стола, где восседали три толстяка и два «донкихота», отказался от всякого питья. Оказывается, продукт нельзя ни в чем растворять.

Потом принесли паштеты и жульены. Они были так ароматны, что референт-рыбник признался в готовности изменить рыбному промыслу.

Затем официанты предлагали гостям то консоме, то украинский борщ, то бульон с пирожками, то русские щи.

Гостям приходилось пробовать по две-три ложки каждого предложенного блюда, отмечая в специальных карточках одну из пяти цифр, — оценка по пятибалльной системе.

Эти карточки раздавала каждому Аэлита и тут же

отбирала их, чтобы отправить в вычислительный центр, где ЭВМ подберет итоги испытания.

Следующие блюда-загадки были так же обильны и разнообразны.

Гостям предлагались разные сорта рыбы: и стерлядь, и осетрина, и форель, но по условию все в разделанном виде — без костей, чтобы по внешнему виду нельзя было отличить искусственной пищи от настоящей.

После рыбы пошло жаркое во всех видах: ароматное, сочное, тающее во рту. Тут был и шашлык, и бастурма, и английский бифштекс с кровью и бефстроганов с картофелем-пай — тоненькими стружечками, поджаренными в масле, антрекоты, филе, ростбифы...

И опять приходилось брать всего понемногу, чтобы отметить в протянутых Аэри-тян карточках.

— Слышал про Тантала, — сказал моряк. — Тот с голоду и жажды мучился. Но, чтобы голодные муки испытывать, когда ешь, да не доедаешь — такого еще не случилось!..

Гости смеялись.

Но профессионалы-дегустаторы, три толстяка и два «донкихота», не позволяли себе даже улыбнуться.

Они священнодействовали.

Беря на кончик ножа испытуемое лакомство, они подносили его к губам, прикасались к пробе кончиком языка, причмокивали, иные закатывали глаза или прищуривались, словно нужно было целиться из лука в цель.

Карточки заполняли особенно тщательно. Каждый ставил свою фамилию, хорошо известную в соответствующих кругах.

На другой стороне стола становилось все шумнее. Туда громко требовали хозяйек стола, за них поднимали тосты.

Подвыпивший Ревич пристроился рядом с Ниной Ивановной и произнес довольно странный тост:

— Предлагаю тост за тех, кто в мере. Ибо мера лежит в основе науки, техники, торговли и поведения людей. Так поднимаем же наши мерки. Виват! Аэри-тян!

Пир приближался к концу. На столе появились фрукты, и академик Анисимов объявил, что карточек заполнять больше не надо.

— Фрукты настоящие. И останутся настоящими на

все будущие времена. Их имитировать нет никакой нужды. Яблоки и апельсины, груши и вишни будут разводиться в огромных садах, которые покроют ныне попиному используемые пространства.

И не успели «испытатели» полакомиться всласть фруктами, как Нина Ивановна солидно объявила, что сообщит присутствующим результаты «испытания», итоги, подведенные электронно-вычислительной машиной.

Шум в зале стих. Окунева возвестила, что искусственные продукты во всех случаях все знатоки поставили в числе лучших блюд, которыми угощали присутствующих. Только двум естественным блюдам «удалось втиснуться» в лучшие — бастурме, приготовленной в одной из знаменитых московских шашлычных, и лососине, не имевшей на столе «искусственного конкурента».

Академик Анисимов сказал в заключение:

— Прошу извинить нас за некоторую долю шутки в сегодняшнем испытании. Ученые, как известно, любят шутить. Но наша шутка символична. Под маской выступали вовсе не хозяйки нашего стола, которых мы благодарим за хлопоты и радушие, а сами блюда. Вам надлежало угадать, что кроется под такой маской. Однако цель нашего сегодняшнего испытания отнюдь не шуточная. Мы хотели показать, что наша продукция, если подходить к ней без предвзятости, может оказаться полезной народу. Я далек от мысли, что инерция вкуса и мышления можно преодолеть сразу. Химия постепенно завоевывает свое место в обществе. Пусть некоторые дамы справедливо сетуют на капрон, он недостаточно пропускает воздух, в нем устают ноги. Однако капрон, нейлон и прочие искусственные ткани все-таки завоевали мир, миллиарды людей одеваются в искусственные одежды, которые должны совершенствоваться. Очередь за продуктами питания. Химия уже вошла в фармацевтическую промышленность, да и в пищевую тоже. Вспомните всякие конфитюры, желе да и многое другое. Химия — друг людей. А больные, которым нечего выбирать? В силу своей болезни или перенесенной операции они какое-то время не могут принимать пищу. Химики приходят им на помощь. Организму, собственно говоря, нужны не просто белки, чей вкус и запах вы здесь оценивали, а аминокислоты, которые из этих белков после их расщепления внутри организма он для себя выделит. Так вот, полный набор

аминокислот мы можем вводить больному прямо в кровь, минуя пищеварительный аппарат, чью роль выполняют наши лабораторные установки. Мы достаточно широко применяем уже такую диету и радуемся, что она многим больным сохранила жизнь. Находясь в самом тяжелом состоянии, они даже не теряли в весе. Однако химики не предлагают человечеству перейти на питательные пилюли. В этом нет необходимости. Да и пилюли эти весили бы около восьмидесяти граммов. Довольно увесистые. Мы хотим, чтобы человечество с помощью химии обеспечивало себя полноценными белками, которым придан привычный для пищи вид, как это было сделано на нашем шутливо названном «пире знатоков», чтобы искусственная пища обладала приятным вкусом и возбуждающим аппетит ароматом. Задача науки решить все эти вопросы. Вам же судить о тех первых шагах, которые мы пытались сделать в этом направлении, стремясь не заменить сельское хозяйство (это было бы нонсенсом!), а лишь прийти ему на помощь при неблагоприятной погоде. Цель же наша — помочь человечеству победить голод на Земле. Это может быть. Это должно быть. Это будет!

Замминистра рыбной промышленности подошел к Анисимову и крепко пожал ему руку.

— Слово моряка! Боюсь, что вы отобьете охоту у моих рыбаков заниматься своим промыслом, коль скоро жареных рыб будете получать в колбах. Я ручался, что ошибки больше не будет. Думаю, что не ошибусь, если пообещаю вам всячески содействовать распространению вашей искусственной пищи.

Замминистра мясной и молочной промышленности тоже подошел к академику.

— Буду рад видеть вас в нашем министерстве, хотя вы стараетесь сделать его ненужным. Впрочем, без молока вы все-таки не обходитесь.

— Конечно, и без масла тоже! Создание искусственных жиров — дело предстоящих наших работ, — ответил академик.

Референты тоже жали руку академику, а подходя к хозяйкам стола, Нине Ивановне Окуневой и очаровательной Аэри-тян, прикладывались к ручкам. Словом, все остались довольны.

Нина Ивановна обняла Аэлиту и расцеловала:

— Имей в виду, ты была выше всяких похвал!

— Нет! Среди дегустаторов не хватало кое-кого! — заплетающимся языком вставил Ревич.

— Кого это? — удивилась Окунева.

— Собаки несравненной нашей Аэлиты.

Официанты убрали посуду.

Глава пятая

ИГРА В МЯЧ

Аэлита впервые принимала Николая Алексеевича у себя дома, вернее, на квартире уехавших друзей.

Это был ее день рождения, и Николай Алексеевич, оказывается, помнил об этом и сам попросил разрешения навестить ее.

В эту субботу ясли работали, и родители при желании могли привозить туда детей. Аэлита обычно этим не пользовалась, но сейчас, сама не зная почему, отвезла Алешу, вернулась и с непонятым волнением стала прибираться чужую квартиру, где никак не могла почувствовать себя дома. Все здесь казалось чужим, неудобным, холодным. Но хоть не чувствовалось удушья семейки Мелховых!

Совсем в другой обстановке хотелось бы принять Николая Алексеевича, который все больше казался Аэлите человеком замечательным. И он, как и пообещал, приехал к обеду. Никого больше Аэлита не ждала.

Бемс, помня Анисимова по институту, бросился к нему на грудь как к давнему другу. Аэлите пришлось унять бурную радость пса.

Пока Николай Алексеевич раздевался в передней, Аэлита стояла в дверях, смущенная тем, что зачем-то надела свое лучшее платье, такое же яркое, как на «пире знатоков». Она немало потрудилась над высокой прической «марумаге», но обошлась без косметики. И все же, вероятно, от смущения или волнения, щеки ее так пылали, что гость это заметил.

— Вы прекрасно выглядите, Аэлита, — сказал он, целуя ей руку.

— Ну что вы, Николай Алексеевич! — потупилась Аэлита. — Я сегодня состарилась еще на один год. Честное слово!

— Пришел поздравить вас с этим. Но все равно вам меня не догнать, — усмехнулся Анисимов.

— А мне и не надо догонять! — выпалила Аэлита. — Человеку не столько лет, сколько значится в паспорте, а сколько другим кажется.

Анисимов почему-то вздохнул:

— Какой-то мудрец сказал, что беда не в том, что мы стареем, а в том, что остаемся молодыми.

Аэлита задумалась над скрытым смыслом этих слов. Он, вероятно, имеет в виду конфликт между возрастом и неостывшими желаниями, стремлениями. Конечно, он молод душой и уж, во всяком случае, в этом отношении моложе Юрия Сергеевича Мелхова, хотя и сед и прожил долгую жизнь.

Аэлита повела Николая Алексеевича в комнату, заметив, что в руке он несет сверток.

— Вот приготовил ко дню вашего рождения, — сказал Анисимов, принимаясь его разворачивать. — Три поэта — три портрета.

Аэлита рассматривала искусную чеканку на меди.

— Это вы сами? — удивилась она.

— Увлечение молодости! Ради вас вспомнил. Вы меня многое заставляете вспоминать.

— Ну что вы, Николай Алексеевич! Но как похож Александр Сергеевич! А что это за подпись?

— На каждом портрете по две строчки. Тоже для вас написал. Хотел выразить в них свое представление о поэтах. Не знаю, как получилось. Во всяком случае, кратко.

Аэлита громко прочитала первую надпись:

— Лицей. Друг-няня. Сказки. Кружки.
Певец зари. Царь. Выстрел. — Пушкин.

Действительно кратко! Но и ясно. Всего несколько слов. А ведь какая жизнь отражена. Право-право!

— Должно быть, чем ярче человек, тем проще о нем надо сказать.

Аэлита взяла в руки второй портрет:

Плетень. Березки. Сени.
Любовь и грусть. — Есенин.

Удивительно! — только и сказала она. — А это что? — Она не успела развернуть третий пакет.

— Я прочту на память начало строчек. Может быть, догадаетесь:

Вводил в мир
маяком стих
Владимир...

— Мая-ков-ский! — воскликнула Аэлита. — Он, конечно, он! Честное слово! В его поэзии, как и в фамилии, — огонь маяка! Теперь помогите мне развесить портреты. Хотя я тут и временная жиличка, но без ваших портретов уже не могу!

И она засуетилась в поисках молотка и гвоздей. Наконец отыскала и с победным видом принесла.

Когда все портреты были развешаны по стенам, Аэлита сказала:

— Вот теперь вы выдали себя с головой, Николай Алексеевич!

— Вы так думаете?

— Я знала только несколько ваших строчек: афоризмы в форме каламбура. Помните, «колесо заколеси́ло»?

— Еще бы!

— Теперь я знаю, что вы пишете стихи. И никогда, никогда мне их не читали.

— Так ведь однокоренные рифмы допускаю. И только для себя.

— Это еще важнее, если для себя. Пообещайте, что прочитаете.

— Позже, если позволите. Я ведь только на музыку писал.

— На музыку?

— Да. На классиков.

— А у Маши, в квартире которой я обретаюсь, прекрасная коллекция пластинок. Право-право!..

— Нет ли этюда Скрябина № 1 из второго сочинения?

— Наверное, есть. У нее все есть. На Север с собой не взяла.

Пока Аэлита разыскивала пластинку и налаживала стереопроектор, Анисимов сидел, углубленный в свои мысли. А пес Бемс доверчиво прилег рядом, привалившись к его ноге. Тотчас захрапел, он олицетворял собой покой и уют.

Анисимов находился под впечатлением «игры в мяч», как он мысленно называл свои недавние посещения министерств и беседы с теми самыми людьми, которые отведали искусственных яств на «пире знатоков».

Сначала он попал к бывалому моряку, который только еще обживал свой просторный, отделанный дубом кабинет. Референт, знавший японский язык, присут-

ствовал при беседе с академиком. Речь шла о производстве черной и красной икры для населения.

— Я понимаю, Николай Алексеевич. Икра ваша действительно морем отдает, рыбой. Это вроде бы и наше дело. Я вот даже о цене думал, какую на банках поставить. Посудите сами, ежели ее продавать в магазинах по вашей пустяковой себестоимости, никто же ее покупать не станет. Подумают, дрянь сбывают. Нет! Цену надо поставить сопоставимую с настоящей икрой. Тогда она пойдет.

— Это уж ваше дело, — заметил Анисимов. — Наука тут ни при чем.

— Это все верно. Было бы нашим делом, кабы не одно обстоятельство. Рыбное-то изделие на поверку, как тут мне подсказали, оказывается вовсе не рыбным. Нет, нет, я понимаю, что это искусственный продукт. Но я о ведомственной принадлежности. Что у вас идет на производство икры? Вы ее не из воздуха делаете, как мечтал Тимирязев, а из казеина.

— Верно. На первых порах из казеина. Но по своим качествам, которые отмечены экспертами, это «казеиновое изделие» не хуже дефицитной икры.

— Вот-вот! Правильно сказали — «казеиновое изделие».

— Федор Семенович имеет в виду, что казеин получается из молока, — вставил прилизанный референт, — а молоко к нам, к рыбной промышленности, никакого отношения не имеет.

— Да, пока что китов доить мы не научились, — рассмеялся замминистра, — но когда-нибудь научимся. И тогда из китового молока будете делать вашу искусственную осетровую икру. По рукам?

— Я не вполне понял вас. Киты нам не требуются.

— Ясно, что не требуются. Но вот у меня появилась мысль. Хочется ведь с вами в ногу идти. Киты чем питаются? Мелочью всякой, планктоном, рачками крохотными. Все это ведь — белки. Так?

— Конечно, белки.

— Так вот. Этих белков мы вам наловить сколько угодно можем. Стряпайте нам из них хоть икру, хоть севрюгу. Вот тогда у нас с вами дело завяжется, а пока...

— А пока Федор Семенович имеет в виду, что ваша

продукция из казеина имеет прямое отношение к Министерству мясной и молочной промышленности, — вставил референт.

— Понятно, — буркнул Анисимов, — хотя вы и не по-японски мне это разъяснили.

— Ну какой же тут японский разговор! — воскликнул замминистра. — Мы всей душой за новое, но поймите и нас. Каждый занимается своим делом. Кто рыбой, кто молоком. А вашим белковым резервом на случай непогодных влияний Министерство сельского хозяйства заинтересуется. Очень был рад повидать вас, Николай Алексеевич. Как поживает ваша японочка?

— Благодарю. Определяет, чем это пахнет.

— Рыбой, рыбой! Честное слово, только рыбой! — говорил, улыбаясь, былой моряк, провожая ученого гостя, покидавшего министерство отнюдь не в лучшем расположении духа.

В Министерстве мясной и молочной промышленности академика тотчас принял его недавний гость, замминистра, тот самый, который походил на штапгиста второго тяжелого веса.

— Он направил вас к нам? — возмутился толстяк. — Это просто ни в какие ворота не лезет! При чем тут исходный материал? Эдак придется пересматривать любую подчиненность. Скажем, радиопромышленность передать цветной металлургии. Ведь в транзисторах медные проволочки используются. Вы прости меня, Николай Алексеевич. Хотите послушаться делового совета? Поручите вашим лабораториям подумать о замене казеина в искусственной пище рыбным белком. Белок ведь, как вы говорили, в чистом виде вкуса не имеет и ни коровой, ни рыбой не пахнет. Если бы это не называлось «икра», я с радостью поручил бы нашим молочным заводам изготавливать ващу икру, но так... помилуйте! — он развел руками. — Нас же засмеют. Нет! Я просто удивляюсь Федору Семеновичу. Я ему позвоню, постыжу его. Очень рад встрече с вами, Николай Алексеевич. Как поживает ваша японочка?

— Определяет, что чем пахнет.

— Ах вот как! Ну что ж, это тоже научное занятие. Так я непременно позвоню в рыбную. Производство искусственной икры, да и всей прочей синтетической пищи надо налаживать. Вот когда придете с ба-

раниной, милости просим. — Он уже почтительно стоял перед академиком.

Чем же все это было, раздраженно думал Анисимов, как не игрой в мяч? Его перебрасывали через ведомственную сетку, чтобы он ни в коем случае не упал на площадку заинтересованного министерства. Вернее сказать, *незаинтересованного министерства*, зло заключил Анисимов. В Министерство сельского хозяйства он не поехал. Чего доброго, еще за узурпатора сочтут.

Глава шестая

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Аэлита нашла нужную пластинку:

— О чем вы думали, Николай Алексеевич? У вас было такое выразительное лицо.

— Об Эдисоне, о великом изобретателе Эдисоне.

— Почему об Эдисоне?

— Помните, я приводил вам его слова: изобрести — это только два процента дела. Остальные девяносто восемь — реализация изобретения, доведение его до потребителя.

Аэлита сразу догадалась, о чем идет речь.

— Они не хотят налаживать производство?

— Спротивляются. Не желают начинать новое дело. Инерция — наш лютей враг. Было время, когда комитет по изобретениям признавал, что лишь одна треть самых важных изобретений реализуется, а остальные лежат.

— Как же так лежат?

— Лежат, пока, как говорят сердитые критики, не придут к нам из-за границы, там реализованные. А все оттого, что в самой основе производства и его старого планирования был заложен корень сопротивления новому.

— Корень зла?

— Представляете себе налаженное производство какого-нибудь изделия, освоенный технологический процесс? Ведь вы на заводе работали, знаете.

— Еще бы!

— Для выполнения плана мобилизованы все усилия коллектива, добывающегося премий, победы в соревновании. И вдруг появляется новая задача. Кто-то что-то

изобрел, придумал «всем на беду». Надо ломать привычное, осваивать незнакомое, которое не сразу пойдет. Сорвется план, исчезнут премии. Кому же охота? Сами подумайте. Нонсенс!

— Но ведь это бездумно, близоруко! Честное слово! — возмутилась Аэлита.

— Близоруким удобнее рассматривать рубашку, которая ближе к телу.

— Но почему так было? А теперь?

— К этому приводил волюнтаризм непродуманного планирования, от которого ныне отказались. Решение передавать часть ожидаемой от новшества экономии в виде премии коллективу завода переломило былое отношение к новшествам. Производственники теперь в них заинтересованы.

— А у нас? Как же у нас? Как заинтересовать заводы? Может быть, предложить «мясникам» нашу баранину?

— Вот мне и посоветовали с нею прийти.

— Вот видите! Она у нас замечательная.

— Придем, придем. Лишь бы не разделили к тому времени министерство на два — где молоко и где мясо!

— Нет! Я уверена, что мы восторжествуем. Правоправо!

— Это хорошо, что вы сказали «мы». Вы «настоящий парень», как говорят американцы. Таким парням и придется выполнять решение, которое, несомненно, будет принято вверху о создании «белкового резерва» в помощь сельскому хозяйству. Никто свертывать сельское хозяйство не собирается, но подстраховать его на случай предельных погодных трудностей стоит.

— Тогда позвольте одному из этих парней поставить пластинку.

Аэлита, стараясь скрыть смущение, бросилась к проигрывателю.

— Ах да! Я и забыл, что пообещал вам. Очень люблю этот этюд. Помните, мы с вами однажды слушали его в концерте, кажется, в Октябрьском зале или, может быть, в Малом зале консерватории.

— Нет, в зале имени Чайковского.

— Я знаю, что Скрябин не оставил после себя вокального наследства. И мне однажды захотелось написать слова, которые можно было бы спеть. Знаете,

как поют третий этюд Шопена или «Грезы любви» Листа?

— Конечно, знаю.

— Вот я и написал. Только не судите строго. Пока что этого никто еще не пел.

— Если бы я умела петь! — непроизвольно воскликнула Аэлита.

— В вас и так все поет. Включайте музыку, я прочитаю вам, что написал там под настроение.

Заиграла музыка.

Память сердца — злая память.
Миражами душу манит,
В даль минувшую зовет
Под вечный лед,
Забвенья лед...

Так звучали прочитанные Николаем Алексеевичем под музыку Скрябина стихи. А заканчивались они словами:

В сердце ночь, в душе темно...
Но ты со мной, всегда со мной!..

Музыка кончилась.

— Вот видите, — после долгого молчания сказала Аэлита. — Она всегда с вами... Всегда... — И отвернулась.

— Милая девочка, — начал Николай Алексеевич и осторожно коснулся плеча Аэлиты. — Я отражал настроение композитора, как его понимал, а вовсе не исповедовался.

— Нет, нет! Я поняла. Это «память сердца»! Я преклоняюсь...

— Жаль, что не угодил вам, милая Аэлита, да еще в день вашего рождения. Никогда ведь никому не читал стихов, а тут вдруг... — И он махнул рукой.

— Важно не то, что написано, а кем написано. В этом главное! Право-право!

И они посмотрели друг другу в глаза.

— Что же я сижу? Ведь к обеду приглашала! Я, честное слово, старалась приготовить для вас маленький «пир знатоков»! Я обожаю готовить! Во мне пропадает кулинар!

— Смотрите, припомню!
Аэлита упорхнула на кухню, где украдкой вытерла глаза.

Глава седьмая НА БЕРЕГАХ РЕЙНА

Могучий Рейн, воспетый Гейне. Широкий, спокойно-мрачный, с тяжелыми водяными морщинами, словно вздутыми глубинной скрытой силой. Теперь уже не плывет по нему завороченный песней рыбак в челне, а шумят, гудят, бурлят пароходы, буксиры, баржи, катера... даже мчатся водные лыжники.

Вечернее солнце протянуло по воде прерывистую золотистую дорожку. По обе ее стороны встают мыльно-пенные гребни волн и расплываются радужные нефтяные пятна.

Дорога ведет по берегу мимо маленьких городков. Готическая архитектура, острые черепичные крыши, аккуратные бюргерские домики, чистые мостовые, отмытые со стиральным порошком, ухоженные витрины магазинчиков — старательная копия столичных, — и безжалостно подстриженные, выстроенные по ранжиру деревья...

Так вот он какой, Рейн! И где-то здесь скала Лорелей!.. Зачем, зачем завлекла сюда эта рейнская русалка волжского богатыря!..

Где он? Что он?

Аэлита наклонялась вперед, словно могла прибавить этим скорости мчавшему ее «мерседесу».

Все произошло так неожиданно. Еще не разгорелась над Рейном вечерняя заря, на фоне которой Лорелея расчесывала золотым гребнем золотые кудри, а Аэлита уже здесь. Еще утром она ничего не подозревала: отвела Алешу в ясли, пошла, как всегда, на работу. Но едва встала у своего вытяжного шкафа, как появился Геннадий Александрович Ревич, сверкнул золотом зубом и сказал, что ее вызывает в партком Нина Ивановна.

Окунева принимала там дела у бывшего секретаря парткома. Аэлита подумала о каком-нибудь поручении — Окунева продолжала заведовать лабораторией, — но Нина Ивановна сразу ошеломила ее:

— Николай Алексеевич при смерти. Надо выходить его. Лежит в одном из рейнских городков. Имей в виду, только тебе, Аэлита, можно лететь к нему.

— Мне? — поразила Аэлита. — Но что с ним? Что?

— Тяжелое состояние. Угрожающее. Неизвестная болезнь, как сказано в телеграмме. Поразила некоторых участников симпозиума, на который он хотел захватить и тебя с собой, да я помешала.

— Вы?

— Да, родная, я. Так нужно было. — И она отвернулась.

Не хотела Нина Ивановна передавать Аэлите разговор с профессором Ревичем, который незадолго до отъезда академика сказал с усмешкой:

— Конечно, Зевсу все доступно: и лебедем стать ради победы над Ледой, и золотым дождем разлиться ради другой дамы. Но он, как гипотетически можно допустить, не знал русской поговорки, что в Тулу не ездят со своим самоваром.

— С каким самоваром? — нахмурилась Окунева.

Ревич показал свои золотые зубы — загадочно улыбнулся:

— Чтобы похитить красавицу Европу, громовержец превратился в быка, не остановился даже перед тем, чтобы стать «рогатым»... Но однозначно можно утверждать, что на Рейн он не отправился бы с домашней Лорелеей.

— Что вы такое говорите, Геннадий Александрович?

— Нехорошие слухи ползут, Нина Ивановна. Ну зачем нашему Зевсу брать с собой в заграничную командировку пастушку со склонов Олимпа? Зачем? У нее же ребенок, собака и все такое прочее. Неужели не нашлось человека с ученой степенью, который мог бы пригодиться на симпозиуме, хоть и меньше напоминает поэтическую сирену.

— Хорошо. Я отговарю Николая Алексеевича, — пообещала Нина Ивановна, сразу оценив ситуацию.

И отговорила.

Аэлита решительно ничего об этом не знала. Два месяца назад, заполняя анкеты, она и не подозревала, что они понадобились отделу кадров для оформления ее заграничной командировки, о которой и мечтать не смела. Не знала она и того, что в последние дни перед

отъездом Никола́й Алексе́евич внял совету нового секретаря парткома Окуновой и оставил Аэли́ту в Москве, никого не взяв с собой на симпозиум.

И вот пригодились оформленные документы, заграничный паспорт на имя Аэли́ты Толстовцевой.

— Черная «Волга» академика у подъезда. Самолет до Франкфурта-на-Майне через час. Там тебя будет ждать машина от симпозиума. Дороги в ФРГ хорошие. Вечером увидишь его, — отрывисто говорила Нина Ивановна, выдавая свое волнение.

— Да. Я готова. Но... как же Алеша?

— Об Алеше и даже о Бемсе не беспокойся. Давай ключи от квартиры. Все беру на себя. С Бемсом мы давние друзья, а с Алешей подружимся — у меня свои внуки есть. Тебе — одно: выходить Николая Алексе́евича. Имей в виду, на это все наши надежды. Никто, кроме тебя, отправиться туда не может. Марки немецкие не забудь взять. Заедешь по пути. В банке тебя ждут.

— Я бегу. Халат только сниму.

— Вот паспорт твой. Бери! Да скорей!..

И Аэли́та, так и не сняв халат, едва набросив на него пальто, перелетела через всю Европу на реактивном лайнере, чуть даже выиграв во времени на его скорости, после полудня пересела на присланный за нею «мерседес» и мчится теперь по берегу Рейна.

Замелькали узкие в три этажа домики, плотно примыкавшие один к другому, площадь ратуши, фонтан, чей-то памятник... И «мерседес» остановился перед современным стеклобетонным зданием.

Госпиталь!

Аэли́ту встречали люди в медицинских халатах. Сразу заговорили по-немецки, а она знала всего лишь несколько фраз и стояла в растерянности.

И вдруг увидела среди врачей одного с резко отличающимся от европейцев чертами лица. Он тоже пристально рассматривал Аэли́ту, потом подошел и представился:

— Иесуке Танага, стажер.

— Вы японец? — по-японски спросила Аэли́та.

— О! Неужели вижу соотечественницу! — обрадовался стажер. — Я и в мыслях не мог этого допустить, извините, хотя первое впечатление было именно таким.

— Нет. Я не японка, но рада говорить на вашем

родном языке. Что с академиком Анисимовым? Расскажите мне и, если можно, проводите меня к нему.

— Все очень серьезно, молодая госпожа. Следуйте за мной. Очень серьезно и загадочно. Положительные эмоции, которые, надеюсь, вызовет у него ваше появление, весьма желательны.

Аэлита шла с японцем по светлому коридору. Встречались медицинские сестры со сложными белыми сооружениями на головах. Они пытливо смотрели на Аэлиту и стажера, быть может, замечая их внешнее сходство. Кого-то катили на носилках с колесиками. Японец ввел Аэлиту в просторную палату. Много света. Все белое. Цветы. Высокий потолок. По стенам какие-то провода, и трубы, очевидно с кислородом, подведены к трем кроватям.

Аэлита в ужасе посмотрела на одного из больных и едва узнала Николая Алексеевича. Во всяком случае, двое других незнакомы: лысый и седой старик и полный бородатый человек средних лет. Все с закрытыми глазами. Без сознания или спят?

Аэлита осторожно села на стульчик в ногах Анисимова, закутанного одеялом под самый подбородок, непривычно небритого. Черты лица его обострились и стали более обычного напоминать иконописный лик, потемневший от времени.

В коридоре японец успел сказать Аэлите, что неизвестная болезнь поразила более десяти участников симпозиума, но никто из жителей городка не пострадал. Ведется расследование, проверяется пища в отеле, где происходил симпозиум.

— Есть смертельные исходы? — в тревоге спросила Аэлита.

— К сожалению, молодая госпожа. Два профессора умерли: бразилец и шотландец. И трое в тяжелейшем состоянии. Все они в особой палате, куда мы идем: немецкий инженер и два академика — французский и ваш.

— Как же он? Как?

— Будем надеяться на его могучее сложение. Если не считать француза господина Саломака, то оба других — тяжеловесы, я полагаю, в прошлом спортсмены. Однако неужели вы никогда не были в Японии, извините? Как вы позволите называть вас?

— Аэри-тян. Японский язык напоминает мне счастливые дни моего детства. Но Японии я не видела.

— Я был бы рад открыть вам свою дверь, отодвинуть ширму и усадить на циновки.

Аэлита кивнула. Они входили в особую палату.

Японец пообещал, что поедет сейчас сам в лабораторию, где проверяют продукты несчастливой, по его словам, обеда ученых.

Николай Алексеевич открыл глаза, увидел Аэлиту. Зрачки его расширились. Он попытался приподняться, но Аэлита бросилась к нему, мягко прижала его голову к подушке и спрятала свое лицо у него на груди. Он высвободил руку из-под одеяла, погладил ее волосы, пахнувшие чем-то нежным, свежим...

Двое других больных приоткрыли глаза.

— Николай Алексеевич, родной, что же это вы! Я все, все сделаю, чтобы поднять вас на ноги!

— Гадкое это занятие, — слабым голосом отозвался Анисимов. — Уж больно дурно здесь пахнет.

Аэлита поняла, что Николай Алексеевич хотел бы шутить, но говорит, по существу, вполне серьезно, очевидно, стесняясь проявлений своей болезни. У него был озабоченно-виноватый вид.

— О, добрая фея! — грассируя, сказал на русском языке французский ученый.

— Простите, господин академик, — обернулась к нему Аэлита. — Я не знала, что вы говорите по-русски.

— С русскими дружба в концлагере. А потом ваш дед.

— Увы, Мишель, — вмешался Анисимов. — Это не внучка, а лишь моя ученица.

— Все равно, зависть, мой друг! Мои ученики не доехали из Парижа, который ближе Москвы.

— Если позволите, господин академик, я постараюсь заменить их. Стану ухаживать и за вами... И за вами, — обернулась она к третьему больному, бородатому немцу. И повторила кое-как последнюю фразу по-немецки.

— О, данке шен, данке шен, фрейлейн! — отозвался тот. — Мне очень надо подняться, чтобы разбить кое-какие медные химические лбы!

Анисимов перевел Аэлите слова немца, но смысл их все равно не дошел до нее сейчас. Поняла, но много позднее.

Аэлита вступила в свои новые обязанности.

Приходили сестры, давали лекарства: антибиотики, антибиотики! Аэлита знакомилась с предписаниями врачей и процедурами, за которыми взялась следить.

Глава восьмая

СЛЕЗЫ ЛОРЕЛЕИ

С внеочередным обходом пришел сам профессор Шварценберг. Неизвестная болезнь уже была названа его именем. Он был очень важен, толстый, с тремя подбородками, бифокальными очками и снисходительным взглядом больших печальных глаз. Слова профессора были непререкаемы и принимались многочисленной свитой как откровение.

— Антибиотики, антибиотики и антибиотики! — безапелляционно заключил свой осмотр профессор. — Мы задавим этого микроба, сделаем для него стерильную пустыню.

Аэлита почтительно смотрела на важного медика, а тот ее не заметил.

В сопровождении молчаливой свиты медицинское светило удалилось.

Поздно вечером пришел Иесуке Танага и вызвал Аэлиту в коридор:

— Почтенная Аэри-тян, извините. У нас в Японии с особой подозрительностью относятся к рыбе, составляющей немалую долю нашего рациона. На рынках ее проверяют радиометрами. Но здесь радиометров мало. Не так давно Рейн считался мертвой рекой, отравленной сбросовыми водами ближних заводов. Потом взялись за очистку и наконец провозгласили Рейн вновь чистой и населенной рекой: В ней снова стали ловить рыбу, но... Никто не думал о том, что в числе пойманных рыб могут оказаться такие, которые обрели от своих предков, живших в отравленной воде, новые наследственные признаки, небезопасные для человека. Ну-жен очень тонкий химический анализ. Я воспользовался расположением персонала химических лабораторий тех фирм, которые прежде сбрасывали в реку свои отходы. Результаты проведенных анализов кушанья, поданного в роковой обед нашим пациентам, настаораживают.

— Как я вам благодарна, Иесуке-сан! Возможно, вы опишете теперь такую скрытую опасность, как наследственность отравленных организмов. И это будет не болезнью Шварценберга, а синдромом Танаги. Если вам понадобится провести какой-нибудь химический опыт здесь, в больнице, располагайте мной. Я химик, пусть другой специальности, но... помогу.

— О, прекрасно, Аэри-тян! Именно это, извините, я и хотел проделать. Надо знать, как бороться с неизвестным синдромом «отравления по наследству». Но профессор Шварценберг категорически отвергает версию отравления, видя в ней нападки на свою страну. Он убежден, что виной всему скончавшийся бразильский профессор, завезший из джунглей Амазонки неизвестный микроб.

— Так вот почему прописывают антибиотики! Хотят сделать для микроба в организме человека пустыню.

— Я молодой врач, Аэри-тян, извините, но я искренне опасаюсь этой стерильной пустыни. Ведь в стерильной среде кишечного тракта легко развестись опасным грибкам, таким, как кандида.

— Кандида? — воскликнула удивленная Аэлита.

— Да, кандида альбиканс, или кандида тропикс. Надо проверить.

Аэлилу потрясло, что кандида может угрожать жизни Николая Алексеевича, который связывал с ее использованием дальнейшую судьбу человечества.

Но больных продолжали лечить согласно предписаниям Шварценберга. Аэлита теперь отлично понимала, что антибиотики могут уничтожить микрофлору кишечного тракта, в том числе и тех микробов, которые не дают развестись грибкам типа дрожжей кандиды, всегда находящимся в организме человека.

И Аэлита решила.

Когда появился заботливый японец, беспокоящийся о своих подопечных больных, Аэлита попросила его выйти в коридор.

— Иесуке-сан, — начала она, — меня очень тревожит продолжающееся лечение антибиотиками.

— Меня тоже, молодая госпожа, как я вам уже говорил.

— Не могли бы вы уговорить профессора Шварценберга отказаться от этого метода лечения?

— Что вы, Аэри-тян! Господин профессор и слушать меня не хочет. Только вчера я напоминал ему о возможном перенасыщении больных антибиотиками, но он упорно стоит на своем и даже намекнул мне, что срок моей стажировки может быть сокращен. Нетерпимо, чтобы гость страны, борющейся с загрязнением среды обитания, компрометировал своими выводами эти усилия.

— Но я должна спасти господина Анисимова, даже если совершу преступление.

— Я не хотел бы видеть вас на скамье подсудимых.

— Тогда вы должны помочь мне, Иесуке-сан.

— Если бы я мог заменить молодую госпожу в качестве подсудимого, я не задумался бы...

— Но вас не отдадут под суд, если вы скажете сестре, что антибиотики нашему академику из-за его состояния следует давать в виде пилюль, а не инъекциями. Тем более что каждая из них вызывает у него нежелательную реакцию.

— Молодая госпожа изобретательна. Но такое желание, очевидно, связано с каким-то принятым решением?

— Я не хочу связывать вас с моими поступками. Замените инъекции пилюлями, больше ничего я не прошу.

— Я боюсь высказать свои подозрения, извините, но готов вам помочь. Любые инъекции на правах лечащего врача я заменю.

— А пилюли академику буду давать я.

— Или не будете их давать? — пытливо спросил японец.

— Зачем вам знать и принимать на себя ответственность?

И антибиотики начали скапливаться в тумбочке Анисимова. Аэлита скрупулезно выполняла все предписанные больному процедуры, но антибиотики он больше не получал. Вместо них, как бы в виде добавления к ним, доктор Танага прописал ему нистатин, предназначенный для борьбы с возможными дрожжевыми грибами кандиды в сочетании с японскими лекарствами.

Этот комплекс стали получать и остальные больные.

— Как же могут проявиться грибки кандиды в ходе болезни? — спросила Аэлита японца, когда он в очередной раз навещил больных.

— В том-то и дело, молодая госпожа, что особых симптомов не наблюдается. Происходит обострение таких проявлений, как пневмония, энтерит, словом, ускапливаются симптомы легочных и желудочно-кишечных заболеваний.

Хотя молодые люди говорили по-японски, француз понял латинское слово «кандида».

— Что я слышу! — по-французски воскликнул он. — Николя! Вспомните парижские фонари и двух подвыпивших молодых ученых! Кандида! Мы пили в честь кандиды шампанское! А теперь, если я верно догадался, кандида проникла в нас, чтобы пожить у нас, как вы тогда пригрозили.

— Полно, Мишель. Моя ученица говорила о возможном нашем отравлении рыбой.

— Судьба платит мне за то, что я не остался верен принципу «я никого не ем», как хотел в подпитии. Съеденная рыба мстит бедному Саломаку. О, великий Гейне! Не колдующей песней опасен теперь воспетый тобою Рейн, а отравленными водами, преступно сбрасываемыми в него. Его воду давно уже не пьют. И Лорелея твоя уже не поет, а плачет, и плачет слезами горючими и ядовитыми. Настолько ядовитыми, что рыбы в реке стали отравой. Нас погубили слезы Лорелеи, господи!

Так прозвучала последняя речь пылкого француза, сохранившего до старости былой задор. Кандида, когда-то сожравшая шоссе, как он установил в своей лаборатории, сжирала теперь его внутренности.

Саломак уже не отзывался на обращения Аэлиты, только смотрел на нее грустными глазами и шевелил бескровными губами. Аэлита поняла, что Саломак просит поцеловать его.

И она выполнила его желание.

Японец на свой страх и риск готов был отменить антибиотики всем больным, но оказалось уже слишком поздно. Более молодой организм бородатого немца, инженера Вальтера Шульца, выдержал, а старый французский академик слабел с каждой минутой.

Он лежал тихо, казалось бы, деликатно, стараясь никого не потревожить. Медицинская сестра пришла для очередного укола, но делать его не стала.

Аэлита обрадовалась, подумала, что опасные антибиотики наконец отменены и для француза, но сестра

закрыла Саломака простыней с головой и на цыпочках вышла из палаты.

Через некоторое время явились бесшумные санитары с носилками-каталкой и увезли Саломака.

Анисимов и Шульц находились в полузабытьи и не реагировали на случившееся.

Аэлита выбежала в коридор и украдкой рыдала там у окна.

Глава девятая

ЛЕКАРСТВО ОТ СМЕРТИ

Больным сказали, что Саломака перевели в другую палату, чтобы освободить койку для Аэлиты, которая бессменно дежурила здесь.

Теперь добровольная сиделка могла хоть ночью прилечь на считанные минуты.

Анисимов все видел, все понимал.

Он был готов к тому, что последует за своим бедным другом Саломаком, но ничем не выдавал своих предположений.

Труднее всего приходилось мириться с женской заботой Аэлиты, которой чисто по-мужски стыдился. И он не уставал твердить:

— Не знаю, как уж вас благодарить, милая девочка. Но все-таки пощадите меня, не заменяйте здешних нянек. Я и так наберусь сил, глядя на вас.

Но Аэлита оставалась около Николая Алексеевича и сиделкой, и нянькой, и ассистентом-химиком лечащего врача.

Ухаживала она так же и за бородатым Вальтером Шульцем, инженером, приглашенным на симпозиум, автором нескольких статей об энергетике искусственной пищи.

Разница состояний Анисимова и Шульца не ускользнула от педантичного профессора Шварценберга. По своему возрасту Анисимов не мог перенести «болезнь Шварценберга» легче, чем молодой немец. Профессор придирчиво допытывался у Танаги о причине улучшения состояния русского и, когда японец взял на себя ответственность за отмену антибиотиков, рассвирепел. Кровь ударила ему в лицо. Побагровев, он ничего не мог сказать японцу и только махнул рукой,

левой, потому что правая повисла. Профессор потерял дар речи. Все надеялись, лишь на время. Беднягу уложили на носилки-каталку и отвезли в отдельную палату.

Потеря Шварценбергом речи на время спасла Та-нагу. Его не отстранили от лечения больных в особой палате, и он полностью отменил (теперь уже и для Шульца) всякие антибиотики.

Анализы подтвердили его правоту. У обоих больных, так долго подвергавшихся лечению антибиотиками, оказались дрожжевые грибки типа «кандида альбиканс». Их влияние осложняло последствия отравления некоторыми соединениями редких элементов. Но действие опасных соединений оказалось возможным нейтрализовать. Этого добились в больничной лаборатории двое «японцев», стажер и русская «японка», прилетевшая к академику.

Пока Шварценберг приходил в себя и речь постепенно возвращалась к нему, больные участники симпозиума начали поправляться.

И не было большей радости для Аэлиты, когда, придя в палату из химической лаборатории, она застала обоих своих больных за оживленной беседой. Оба сидели на кроватях, свесив ноги.

Они тактично перешли на английский язык, чтобы Аэлита понимала их.

— Я тут говорил, фрейлейн, что покойный академик Саломак... Не делайте большие глаза, мы с господином Анисимовым давно уже обо всем догадались. Но мы солдаты науки. Надо жить, чтобы жить. И жить всем. И всегда. Человеку пора перестать рубить сук, на котором он сидит. Среда обитания — вот что губит человека. Я сказал, что академик Саломак был прав, говоря о слезах Лорелеи, о ядовитых ручьях, стекавших в Рейн, губя все живое. И кто знает, устранен ли этот вред прекращением стока.

— Вальтер касается глобальных вопросов, которые так занимали всегда бедного Мишеля. Наш долг продолжить его борьбу.

— Я говорил господину академику, что рад беде, приведшей меня в одну с ним палату. Ради этого стоило отравиться слезами Лорелеи.

— Вы преувеличиваете, Вальтер, пользу от наших совместных здесь страданий.

— Они окупятся, клянусь бульварами Парижа, как говорил незабвенный Саломак, страдания эти окупятся! Вы только дослушайте меня до конца, господин академик.

— Но я же только химик, не техник.

— Вы обладаете светлой головой. И все поймете, так же, как и наша фрейлейн.

— И я пойму вас? — усомнилась Аэлита.

— Конечно, — оживился Шульц. — Именно сейчас мне хочется сказать всем, что применяемые методы очистки вод, чем, кстати сказать, немало фирм пренебрегает, неэффективны и крайне примитивны. Отстойники! Взвешенные частицы под влиянием земной тяжести оседают на дно бассейна! А растворенные в воде вещества? Они так и остаются в ней, попадая потом в реки, отравляя их не хуже взвесей. Нет, не так надо поступать! Я слишком взрываюсь, когда пытаюсь доказать свою правоту, и от меня отворачиваются. Видимо, слушатели мои должны быть прикованы... к кроватям, как здесь. Я не успел выступить на симпозиуме и сделаю это теперь в палате.

И Шульц потряс в воздухе тяжелым кулаком.

Аэлита, видя, как волнуется ее второй подопечный, старалась уговорить больных быть больными, а не заседать в воображаемом собрании.

Анисимов слабо улыбнулся.

— Родная моя, — ласково сказал он. — Я когда-то читал о некоем изобретателе, повредившем себе позвоночник. Он месяцами лежал на спине и чертил на прилаженной над ним чертежной доске проект своего необычайного сооружения. И, представьте, это вылечило его. Позвольте и нам с Вальтером полечиться по-своему. Мы ведь ищем особое лекарство... — И совсем тихо добавил: — От смерти.

Впрочем, Шульц не понимал по-русски. Но обязательно хотел выучить русский язык.

Аэлита не нашлась, что возразить, и стала прилежно слушать.

— Искусственная пища, господин академик, — увлекаясь, продолжал Шульц, — которую вы так удачно получаете у себя в институте, найдет себе применение, если будет обеспечена энергией и если среда обитания человека не будет вконец отравлена, так что и искус-

ственная пища может не понадобится. Словом, если человек останется жить на Земле.

— Будем надеяться, — отозвался Анисимов. — Вы хотели рассказать о более эффективном способе очистки.

— Да, да, господин академик. Все очень просто, но вместе с тем *кардинально!* Не отстаивать надо сточные воды, а временно уничтожать.

— Уничтожать воды? Временно? Как это понять? — спросила Аэлита.

— В этом весь фокус, фрейлейн! Вода превратится в водород и кислород, если пропустить через нее электрический ток. Он разложит ее на составные части.

— Откуда же взять столько электрического тока? — неожиданно для себя вступила в спор Аэлита.

— Мы возьмем энергию взаймы. Только взаймы! Если есть процесс разложения, должен быть и обратный процесс с выделением энергии. И он открыт! Водородные элементы, где водород и кислород снова превращаются в воду, отдавая при этом тот же самый электрический ток, который мы брали взаймы. Пополнить придется лишь энергетические потери!

— Как интересно! Честное слово! — воскликнула Аэлита.

— Моей ученице всегда все интересно, — заметил Анисимов. — Потому она и стала моей ученицей. Заинтересовалась.

— О-о! Она стала больше, чем вашей ученицей! Она стала вашим ангелом-хранителем, как говорят у нас на Западе.

— Но ведь смесь водорода и кислорода — гремучий, взрывоопасный газ, — заметила Аэлита.

— Есть много способов осторожно его использовать, даже в автомобилях! — возразил немецкий инженер. — Разработан технический проект американцев — использовать энергию Гольфстрима, а полученный электрический ток тут же применить для разложения воды на водород и кислород. Потом направлять газы по трубам к материку в специальные энергетические установки: пусть традиционные паровые или более современные с водородными элементами. Изобретать ничего не надо! Все уже изобретено! И если бы не людская тупость...

Аэлита мягко коснулась рукой Шульца. Он не сразу, но успокоился.

Глава десятая
МОДЕЛЬ ГРЯДУЩЕГО

Анисимов очень заинтересовался идеями Шульца. Аэлиита тогда еще не знала далеко идущих планов Николая Алексеевича, не поняла всего глубокого смысла сказанных им слов, когда он сидел на больничной койке, спустив ноги и откинувшись на заботливо подложенные Аэлиитой подушки.

— Модель будущего человечества нужна, чтобы показать, как может и должно оно жить в грядущем: прежде всего в оберегаемой среде обитания, незагрязненной, восстанавливаемой. И конечно, обеспеченное искусственной пищей и энергией. Для этой модели очень пригодятся ваши мысли, Вальтер. Но, дорогой мой, если сердиться на тех, кто не делает возможного, придется сердиться едва ли не на всех. Пусть Город-лаборатория, о котором мы говорили, убедит ныне живущих, как следует жить, обеспечив себе будущее. Возможно, не напрасно поели мы рейнской рыбы, и слезы Лореlei, пожалуй, послужат счастьем людей.

— Модель грядущего человечества? Великолепная идея! Я представляю себе проект международного Города-лаборатории, где применены во имя грядущего все достижения настоящего. Я немедленно примусь за его разработку.

Больные уже вставали с постели, медленно выздоравливая, и набирались сил.

— Мы бы еще долго валялись, если бы не вы, Аэлиита, — говорил Николай Алексеевич. — А вот теперь докучать стали вам всякими прожектами. Сами виноваты. Не надо было нас выхаживать.

— Ну что вы, Николай Алексеевич! Мне самой так интересно слушать о предполагаемой модели. Правильно! Показать на деле в реальном Городе-лаборатории, как надо жить новым поколениям! Показать во всех деталях! Это же замечательно! Честное слово!

— Вот Вальтер Шульц считает, что в таком городе следует пользоваться только солнечной энергией.

— Только солнечная энергия отразит в модели грядущего энергетику, — подтвердил немец.

— Но почему? — интересовалась Аэлиита. — Разве термоядерная плоха? Ученые уже вплотную подошли к управляемому синтезу элементарных частиц.

— Найн, фрейлейн, найн! — горячо запротестовал Шульц, потом перешел на более спокойный, то есть более трудный для него английский язык: — Будущее человечество не сможет позволить себе ничего сжигать, будь то каменный уголь, уран, дрова или нефть! Это нарушает тепловой баланс планеты.

— Тепловой баланс? — удивилась Аэлита.

— Наша Земля, сама являясь источником тепла, миллиарды лет получает от Солнца определенное количество энергии. Часть ее расходуется на биологические процессы, а остальное излучается нашей планетой в космос. Установилось равновесие, определяющее нынешний климат Земли. По мере роста энерговооруженности в энергобаланс вносится новый член уравнения — энергия сожженного топлива (и ядерного тоже). До недавнего времени это было слишком маленькой добавкой, но по мере роста энерговооруженности она становится заметнее. И не исключено, что когда-нибудь средняя температура планеты поднимется на два-три градуса. Достаточно, чтобы нарушить устоявшийся климат Земли. Начнут таять гренландские, арктические и антарктические льды. Уровень воды в океанах поднимется (подсчитано, на пятьдесят метров!). Затопит все порты и индустриально развитые страны. Вот почему, моделируя будущее человечества, надо ориентироваться только на солнечную энергию. Не обязательно солнечные батареи, знакомые нам по космическим объектам. В распоряжении людей на Земле есть другие «термопары».

— Нагретое, холодное? — спросила Аэлита.

— Да, хотя бы теплые поверхностные слои океана и холод его глубин. Французский инженер Клод давно построил действующую установку такого перпетуум мобиле особого рода. В наше время осуществить это в широком масштабе не составит труда, как стремятся сделать, несмотря на затраты, например, в Японии.

Аэлита любовалась Вальтером Шульцем, страстной увлеченностью, которая удесятерила его силы. Она заметила, с каким одобрением слушает его Анисимов.

Аэлита вздохнула. Надо бежать на почту, где заказан очередной телефонный разговор с Ниной Ивановной, сообщить о состоянии Николая Алексеевича, расспросить об Алеше, о доме.

Когда Аэлита возвращалась с почты в больницу, ее повстречал доктор Танага.

— Молодая госпожа, почтенная Аэри-тян! Могу ли рассчитывать на ваше внимание?

— Конечно, Иесуке-сан. Я слушаю. У вас, наверное, хорошие вести? Наши больные все заметно поправляются. Все-таки вы оказались правы, а не профессор Шварценберг.

— Увы, почтенная Аэри-тян. Профессор никогда не может ошибаться. У него европейский авторитет.

— Но ведь не «болезнь Шварценберга» существует, а синдром Танаги, который надо лечить не антибиотиками, а разработанными вами средствами.

— Так было, пока недуг лишил дара слова самого Шварценберга. Теперь речь вернулась к нему. И в первых словах...

— Выразил радость по поводу начавшегося выздоровления участников симпозиума?

— Выздоровление он приписал вовремя примененным антибиотикам. А их отмена, по его мнению, задержала окончательное выздоровление больных, а потому...

— Ну знаете ли, Иесуке-сан! Как говорят по-русски, это «ни в какие ворота не лезет».

— Простите, что означает «ворота» и «лезет»?

— Это идиомы. Словом, это не укладывается ни в какие нормы. Я имею в виду научно-этические.

Японец печально усмехнулся:

— Я уже сообщал вам, извините, что уважаемый профессор Шварценберг говорил мне о сокращении срока моего стажирования.

— Иесуке-сан! Не может быть! Чтобы ученый с европейским именем...

— Вот именно, Аэри-тян: Этим именем он и дорожит. Синдром Танаги никогда не будет признан в медицине.

— Но наука будет благодарна вам, доктор Танага, за спасение выдающихся ученых, создающих искусственную пищу.

— Аэри-тян, извините. Очевидно, мне скоро придется вернуться в Японию. И я хотел бы просить вас и господина академика об одном одолжении.

— Я уверена, Николай Алексеевич Анисимов сделает для вас все, что только от него зависит.

— Хотелось бы, чтобы это зависело от него.

— Что вы имеете в виду?

— Мне привелось слышать беседы наших больных на английском языке. Я узнал об их планах создать модель будущего человечества. Очевидно, идет дело о какой-то ячейке, городе, острове, я точно не знаю, где будут смоделированы все условия жизни будущих поколений и испробованы имеющиеся сейчас у науки средства для обеспечения модели грядущего человечества всем необходимым.

— Я не знаю деталей, но что-то о модели я слышала.

— Так вот, извините, но мне кажется, что любой такой ячейке, где бы ее ни создать, могут понадобиться врачи.

— И вы хотите, доктор Танага...

— Я хотел бы, извините... В особенности если в этой ячейке модели будущего окажется и вы, Аэри-тян.

— Ах, доктор! Мы стольким вам обязаны, что я уверена в самом лучшем к вам отношении академика. Но я ничего не знаю о себе.

— Ах, Аэри-тян. А мне так хотелось бы знать о вас.

— Но вы еще не покинете нас до выписки ваших больных из больницы?

— Я не уверен, Аэри-тян. Зато я уверен, что господин академик и его коллеги уже скоро выпишутся и приступят к осуществлению своих дерзких замыслов.

— Я не знаю, как поблагодарить вас, Иесуке-сан. У нас в России... Я не знаю, как в Японии, у нас принято женщинам благодарить людей, которым обязаны, вот так... — И Аэлита поцеловала растерянного японца.

Конец первой книги

КНИГА
ВТОРАЯ

4

МОДЕЛЬ
ГРЯДУЩЕГО

Обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди — обстоятельства.

К. Маркс, Ф. Энгельс

КРУТОЙ ПОВОРОТ

*Довольно почестей Александрам!
Да здравствуют Архимеды!*

А. Сен-Симон

Глава первая ДВОЕ В БЕРЕТАХ

В передней прозвучал звонок.

Клеопатра Петровна открыла входную дверь.

Перед нею стояли два солдата в беретах десантников с чемоданами в руках. Один завидного роста, с чуть скуластым лицом и разрезом глаз, напоминавшим Аэлиту, а другой широколицый, ухмыляющийся, верткий, задорный, маленький, почти невидимый за широкой спиной приятеля. И ей даже показалось, они готовы пройти мимо нее в дверь.

«Да что же это такое! Никак Аллин братец заявился! Да еще и нахлебника привел!» — злобно подумала Клеопатра Петровна и открыла свой узкогубый рот, чтобы отшить нахала, лезущего с вещами в чужую квартиру, как вдруг из комнаты появился Юрий Сергеевич.

— Ба! Кого я вижу! Никак сам Спартак Алексеевич к нам пожаловал! — радушно воскликнул он. — Я не

ошибся, надеюсь? Ведь только по описанию любимой жены знаю своего близкого родственника.

— Да, это я — Спартак Толстовцев. Здравствуйте. А это мой друг Остап Порошенко. Земляк, вместе в армии отслужили. У него родня под Москвой, а у меня вот здесь, у вас.

— Ну конечно, дорогие мои! Проходите, здесь ваш дом. Аэлиты, правда, нет. Но я вам после объясню.

— Да мы тут по всем гостиницам шастали. Ну ни единого номерочка, вы представляете! — вставил Остап.

— Стоп! — сказал Спартак и строго взглянул на друга.

— Гостиницы, гостиницы! — вздохнул Юрий Сергеевич, покосившись на мать. — Ведь для кого их строят, шикарно обставляют? Все для иностранцев, для иностранцев! А где простому советскому человеку поселиться, если он не командированный? Неизвестно. Хорошо, у кого родственники есть, как у вас. Так проходите, проходите.

— Насчет гостиниц, так это он, извините уж его, загнул, — сказал Спартак.

— Нормальная экстраполяция, — пожал плечами Остап.

— Признаться, мы с ним прямо с вокзала к вам, Аэлиту давно не видел.

— Увидите, увидите, — пообещал Юрий Сергеевич, помогая гостям раздеться, повесить шинели и суется.

Приехавшие одернули свои парадные мундиры, в которых отправились из части в гражданский мир.

— Так вот, значит, как! — почему-то потирая руки, заговорил Юрий Сергеевич. — Надолго к нам в градстолицу нагрянули?

— Да как придется, — неопределенно отозвался Спартак.

— В погоне за жар-птицей высшего образования?

— Да сразу может и не получиться. Подзабыли малость в армии, — отозвался Спартак.

— Насчет работенки сперва подсуетиться придется, — вставил Остап.

— А какая у вас специальность?

— Да у нас по десятку специальностей у каждого, — затараторил Остап. — Мы в части бодали всякую науку: мы и кашу сварим, и с электропроводкой как с

любимой девушкой, и сварку можем, и о бетонщиках слышали, даже таксистами могли бы, кабы Москву знали.

— Стоп, — прервал его Спартак.

— Есть «стоп», — отозвался Остап, озорно сверкнув глазами.

— Такое у нас словечко есть, из наших инициалов получается, — объяснил Спартак. — Спартак Толстовцев, Остап Порошенкó — выходит «стоп».

— Как остроумно! — восхитился Мелхов.

— Признаться, наши десять специальностей, — продолжал Спартак, — включают прыганье с парашютом, владение автоматом, ну, конечно, и «ать-два»... И еще кое-что... военное...

— Да, все нужные, но заводские специальности, — сочувственно вздохнул Юрий Сергеевич. — Надо пораскинуть мозгами насчет вашего трудоустройства, если вы с него начинать хотите. Кое-что, пожалуй, я мог бы сделать для вас на нашем заводе. Ради жены, как говорится. Да и насчет вуза тоже можно сообразить.

— Система-компания — в основе всякого образования, — мудро изрек Остап.

Клеопатра Петровна слушала, слушала и диву давалась.

Юрочка только что приехал со службы (раньше обычного), прямо из министерства, и ничего ей рассказать не успел.

А рассказать было что!

Мелхова вызвали к одному из высоких начальников, и ехал Юрий Сергеевич к нему с «поджатым хвостом и дрожащей челюстью». Вдруг там узнали о его так небдуманно посланном в Академию наук письме? Всегда зарекался делать что-либо поспешно, а тут... Он «разыграл» благородную ярость некоего маленького человека. Впрочем, не в таком ли состоянии Отелло задушил Дездемону? Эта мысль, как ни странно, чуточку успокоила Мелхова. Она как бы поднимала выдуманного им обиженного обывателя до героя классической литературы.

В приемной почтительные, а порой и встревоженные посетители переговаривались шепотом. А Юрий Сергеевич, сидя в сторонке, обливался потом. Несколько раз он попросил разрешения у кудрявой секретарши выпить

воды из графина. Вода оказалась газированной, а он еще с детства обожал газировку.

Вот ведь как живут в министерстве! И работа и забота! Говорят, в мартиеновских цехах тоже газированную воду дают сталеварам.

Кокетливая секретарша пригласила красивого посетителя, оглушившего полграфина воды, пройти в кабинет (чего доброго испугалась, что он весь графин прикончит).

Посетителя встретил сидевший за столом, чуть приподнявшийся навстречу пожилой человек с жестким пронизательным лицом:

— Садитесь, товарищ Мелхов. Я хотел бы побеседовать с вами как с молодым обещающим специалистом. Дело в том, что мы предвидим переориентацию вашего химического завода. Нынешний его главный инженер, как говорится, душой не принял нового направления производства и доказывал ошибочность наших планов. Вот нам и хотелось бы узнать, что думают по этому поводу другие специалисты, повидавшие Запад. Всегда надо проверять себя.

И он впился в Мелхова жестким пронизательным взглядом.

Юрий Сергеевич не дал себе заерзать на стуле. Как сказать и не промахнуться? Он сидел перед начальником в почтительной, но полной достоинства позе.

— Если вы познакомите меня с новой ориентацией завода, — осторожно начал он, — то вы поможете мне составить свое мнение. — Он рассчитывал, что начальник невольно, но поможет ему. Однако тот был закрыт, как несгораемый шкаф.

— Дело в том, товарищ Мелхов, что страна нуждается в резерве для сельского хозяйства, — загадочно сказал он.

— Минеральные удобрения? — постарался угадать Мелхов.

Начальник позволил себе чуть улыбнуться и «приоткрыть сейф»:

— Нет. Искусственные белки. Из лабораторий им предстоит перейти на заводы. И ваш завод окажется в числе первых, где белки должны получаться не в поле с помощью природных процессов, а в кубах и колонках по химической технологии.

— О, искусственные белки! Это так перспективно! — подхватил Мелхов, уловив в словах начальника главное: теперешний технический руководитель не принял новой ориентации, значит, Мелхов должен принять ее.

Из Римской конференции и разговоров с Аэлитой, рассказывавшей мужу о работах академика Анисимова, которые Мелхов на всякий случай выслушивал, он много знал об искусственной пище. И сейчас с присутствием ему умением блеснул перед начальством своими поразившими того знаниями.

— Я убежден, — заключил свою «оду об искусственной пище» Юрий Сергеевич, — я отчетливо представляю себе, что сказал бы по этому поводу, например, Фридрих Энгельс.

— Фридрих Энгельс? — удивился начальник.

— Да, друг и соратник Маркса. Узнай в свое время об искусственной пище, он, философски осмысливая марксизм, указал бы, что переход от охоты к земледелию в прошлом адекватен переходу человечества от земледелия к пищеделанию в будущем.

— К пищеделанию? — заинтересованно переспросил начальник и что-то записал в настольном календаре.

Глава вторая

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Юрий Сергеевич остался доволен собой. Очевидно, он произвел неплохое впечатление.

По дороге домой Мелхов упивался раскрывшимися перед ним перспективами. Новая отрасль промышленности «пищевая индустрия» — индустриальное производство искусственных белков! Страна нуждается в молодых технических умах, способных без оглядки на старое, привычное развить новое производство. Коль скоро Мелхова вызвали в министерство, ясно, что на него делают ставку. Завтра ему, возможно, придется заменить консервативно мыслящего главного инженера и руководить первым заводом искусственной пищи. Потом таких заводов появится много, и ими всеми тоже предстоит руководить. И тогда потребуется опыт, опыт в новом деле. А таким опытом будет в первую очередь обладать он, Мелхов.

Но в сладких мечтах о своем необыкновенном движении он словно оступился вдруг в яму на гладкой дорожке, вспомнил о своем разрыве с Аэлитой, за спиной которой ему виделся Анисимов — душа искусственной пищи. Пожалуй, академик, чего доброго, окажется у него на пути к уже видимой вдали вершине. И он позвонил из ближайшего автомата своему новому другу и советчику Генри Смиуту. Тот проявил огромный интерес к создавшейся ситуации, особенно близко приняв к сердцу семейные дела Мелхова.

— Как неудачно и, главное, не ко времени произошло все это у вас с супругой, — сетовал он. — Впрочем, давайте спокойно разберемся: кто выгнал ее из дому? Кто подал в суд на развод? Ведь не она же! Так за кем следующее слово? Вот то-то! Почему бы вам, Юрий, не принять «заблудшую» жену обратно? Это будет вполне в библейском стиле. Так сказать, принять в лоно семьи обратно! Ведь у вас сын!

Мелхову доводы эти показались убедительными, в особенности же то, что через Аэлиту удобнее всего завязать отношение с академиком. Что же касается неудачного письма в Академию наук (черт попутал его прикинуться обиженным человеком! Тьфу!), так можно прямо и честно осознать свои ошибки и перед всеми извиниться. («Поклон спине не тянет!»)

Смит говорил, что если академик Анисимов по-настоящему деловой человек, то поймет выгоду установления отношений с Мелховым. Во-первых, отметание всяческих слухов, связанных с подчиненной, во-вторых, Мелхов, вполне вероятно, возглавит производство искусственной пищи — и, возможно, на многих заводах. Отношения вполне могли быть «взаимно выгодными»!..

Всего этого Юрий Сергеевич не успел рассказать матери.

Появился брат Аэлиты Спартак! Не придумаешь лучшего повода для примирения с Аэлитой. Ну и для свидания с Алешей, с которым повидаться отец так и не удосужился.

На столе появилась бутылка. Юрий Сергеевич решил угостить солдат на славу. Матери сын успел шепнуть, что «так надо».

Юрий Сергеевич считал, что умеет разбираться в людях, видит их насквозь — «рентгенизирует». Этот

простак Спартак, по всей видимости, «рубаха-парень», кристально чист, как реторта перед употреблением, незамутнен правдой жизни, знал свое «ать-два» и носился с какими-нибудь романтическими идеями, вроде отца, выдумщика нелепых имен.

— А в вас есть что-то легендарное, от самого Спартака. Я гляжу на вас, а вижу вождя гладиаторов! Ваш папа очень мудро давал такие имена детям: Аэлита, Спартак! Очень романтично!

— Нормально, — заверил Остап, наливая еще по рюмочке. — Спартак — это что-то так: папаша наверняка в болельщиках хоккейной команды ходил.

— Ну что вы! — воздел руки к потолку Мелхов. — Именно вождь гладиаторов, и никто больше! Разве я не прав, Спартак Алексеевич?

— Зовите просто Спартаком. По отчеству неприлично, хотя отец у нас замечательный.

— Я знаю, что замечательный. И в вас и в Аэлите чувствуются его черты. Романтизм, прямота, честность...

— Да что вы, право! Отец одно; а я совсем другое.

— Не скажите, не скажите. Вот я предложил переговорить с кем надо насчет вашего поступления в вуз, — чего греха таить, там при поступлении списочки в ходу, — так вы и слушать не захотели.

— Да и не надо! После армии мы и так преимуществом пользуемся. А вот окажусь ли подготовленным — тут вся загвоздка.

— Так я помогу вам, Спартак! Какой разговор! Математика, физика — это же моя стихия!

— Спасибо. Вот не думал.

— Он думал. Я его продам и все выложу, — вмешался все более хмелевший Остап. — Мы хотели сперва на Урал податься, на заводе годик-другой поднатереть. Отец там, ну и другие прочие...

— И как же?

— Так других прочих не оказалось, — расхохотался Остап. — Не дождалось, в град-столицу учиться двинулись. Вот и мы за ними.

— Вот как? И много этих остальных прочих?

— Одна-единственная.

— Замечательно! Люблю настоящего мужчину! Еще рюмочку за нее, прекрасную незнакомку. Не осмеливаюсь спросить имени.

— Имя обыкновенное — Тамара, — смущенно говорил Спартак.

— Зато фамилия необыкновенная, — вмешался Остап. — Если «идзе» обыкновенным считать, так она — Неидзе. Могла бы в сам стольный град Тбилиси податься, к родственникам всесильным, а она в Москве очутилась ради служения искусству.

— Художница, — пояснил Спартак.

— Даже меня рисовала в классе. Правда, карикатуру для стенгазеты. Это все брызги, но, говорят, по-коже.

Юрий Сергеевич рассмеялся:

— До чего же, Остап, вы хороший друг. Несмотря на злую карикатуру, отправляетесь за тридевять земель с другом, чтобы догнать жрицу искусства.

— Вот-вот! И я ему то же твержу! Цени друга! А мы с ним вместе и на суше, и в море, и в воздухе испытаны.

— И в воздухе?

— Самое что ни на есть пустяковое дело, — продолжал Остап, зорко следя за хозяином. — Для нас с парашютом в затяжном прыжке чесануть, все равно как вам — в курительную комнату.

— Неужели?

— Все одно, что в речку «макнуться». Сперва, конечно, боязно, — продолжал он, подтрунивая сам над собой. — Она неподогретая. А потом, как окунешься, и вылезать неохота. Так же и в воздухе. Глядишь друг на друга и летишь, летишь, парашюта не раскрываешь, чтобы труса не сыграть. Земля — хоть рукой трогай, а ты все нежишься в высоте, как в саду с гуриями. И сразу бац! — и в ямке...

— Стоп, — остановил его Спартак.

— Ну, глаз-то наметался, — уже оправдываясь, продолжал Остап, — рука сама открывает парашют — биоавтоматика или условный рефлекс по Павлову, как хотите! — закончил он, озорно блестя глазами.

— Так все-таки где ж Аэлита? — спросил напрямик Спартак.

— У подруги, — отвел глаза в сторону Мелхов. — Добрая душа, не умеет отказываться. А та, видите ли, за длинным рублем на Север поехала. А квартиру кто будет сторожить? Может быть, милиция? А зачем? Для этого куда удобнее и дешевле иметь безотказных по-

дружек. Аэлита, знаете ли, склонна к жертвам. Предложила всем нам троим с сынишкой переселиться в ту квартиру. Так ведь тесновато в однокомнатной. Ребенок, собака и все такое... Вот и приходится по десять раз в день бегать. Ладно хоть тот дом — башня неподалеку отсюда...

— Может, сразу и сходим?

— Рано еще. С работы она в ясли зайдет за Алешкой. Кроме того, у нас с тобой, прости за фамильярность, мужской разговор будет. Ничего, что я на «ты»?

— Нет, пожалуйста, вы же старше.

— Нет. Дружба так дружба! «Ты» — взаимное. Выпьем на брудершафт.

И они выпили.

— Я тебе все, все расскажу, не стану лукавить, как сначала хотел. Потому что понял, какой ты есть человек! От тебя многое зависит. И не только для моей семьи, но и для всего человечества.

— Для человечества? — удивился Спартак, у которого уже шумело в голове.

— Да, для человечества. Его можно накормить... лишь искусственной пищей, это я тебе потом объясню. Но для этого сперва нужно примирить нас с Аэлитой. А в вуз я тебя подготовлю. Физика, математика — это мне раз плюнуть. И все экзаменаторы свои люди, ты уж поверь. Только бы примириться с женой.

— Так она потому и ушла в ту квартиру?

— Потому и ушла. Это я, дурак, попросил ее об этом. Приревновал! И знаешь к кому? К Мафусаилу! Ему сто лет или сто два, точно не помню.

— Как же это вы?

— А она оскорбила мою мать и меня тоже, червяком назвала, с академиком сравнивать стала. А что академик? Он только придумать искусственную пищу может. А кто ее делать будет? По секрету тебе скажу. Мне это вверху доверить собираются. И вот теперь восстановление семьи — вопрос номер один. Поможешь?

— Конечно, помогу. Ведь у вас же ребенок.

— Сын! И какой еще! Твой племянник, ну вылитый ты! Жаль, я не догадался его Спартаком назвать. Но вы с Тамарой своего непременно Галилеем назовите.

— Галилеем? Почему Галилеем?

— Потому что никому другому это в голову не придет. Итак, насчет работы я все устрою. И в вуз вам бу-

дет рельсовая дорога, смазанная сливочным маслом. Идет?

— Вот с Аэлитой поговорим.

— В этом главное. И ты сумеешь, по твоим правильным глазам вижу, что сумеешь. Ну кому нужна мать-одиночка с ребенком? Кому, как не законному ее мужу, который во всем раскаивается?

— Так если так, то Аэлита, может быть, поймет.

— Надо, чтобы поняла. Надо! Понял?

Глава третья

ЖИВОЙ ПРИБОР

Юрий Сергеевич вместе с двумя солдатами в берегах расположился в скверике против подъезда, где жила теперь Аэлита. Спартаку не терпелось, и он притащил всех сюда раньше времени.

Наконец на узкой асфальтированной дорожке, отгораживавшей сквер от подъездов, появилась черная «Волга». Дверца открылась, и из нее выскочил великолепный рыжий боксер, важно восседавший до того рядом с шофером. Потом вышла Аэлита, держа за руку Алешу.

Шофер попрощался и уехал.

Юрий Сергеевич как замороженный наблюдал за прибытием «своей семьи», как он продолжал считать.

— Каково, Спартак? Ты только прочувствуй, пойми, что во мне творится! — прошептал он, вцепляясь в локоть Спартака. — Я по вызову министерства толкаюсь в троллейбусах, уминаюсь в двери вагонов метро в часы «пик», а тут самую что ни на есть младшую научную сотрудницу на государственной машине возят с работы и на работу! Вот куда идут государственные денежки! И все это я должен забыть и простить! Тяжело, ох, тяжело, Спартак! Но ведь я ее люблю!..

— Так, может быть, машину-то дают из-за собаки? — предположил Спартак. — Вы говорили у них там опыты какие-то. В трамваи и троллейбусы псов не пускают.

— Вот-вот! Выходит, собаке бóльший почет. А не потому ли, спрашивается, что она принадлежит кое-кому? А? Вспомни-ка чеховскую «Даму с собачкой».

— При чем тут «Дама с собачкой»?

— А при том, что «шерше ля фам», как говорят французы — «ищите женщину». Но я молчу, молчу. И все снесу, как обещал. — И он даже всхлипнул, зашмыгал носом.

— Да что вы, Юрий Сергеевич, — поехался Спартак. — Я же пообещал, что поговорю. Как-нибудь уладим.

Машину действительно подавали Аэлите каждое утро и после работы отвозили ее сначала в ясли, а потом домой. И конечно, из-за собаки, которую нельзя было доставлять в институт обычным транспортом. Шофер даже сделал специальную подстилку, которую накидывал на переднее сиденье рядом с собою, чтобы там не оставалось рыжей Бемсовой шерсти.

Собака стала нужна в лаборатории, после того как Анисимов по возвращении из ФРГ поставил перед лабораторией «вкуса и запаха» новые большие задачи.

Нина Ивановна Окунева, занятая парткомовскими делами, то уезжала в райком или горком, то на актив, то на конференцию или на подшефный завод. Лабораторию все более прибирал к рукам Ревич. Он же навязал себя Аэлите в руководители ее диссертационной работы, тему которой дала еще Нина Ивановна, связав ее с реакцией биологических систем на запах, то есть с собакой.

Ревич слыл умным человеком. Став недавно профессором, он скоро понял, какой переворот сулит «живой прибор» в той области науки, которой он занимался. И он начисто забыл свое первоначальное отношение к этому. Он не только допустил наконец Бемса в лабораторию, как это советовал сделать академик Анисимов, но и взял руководство всем, что касалось этого «живого прибора», по чувствительности на много порядков превосходящего все до сих пор известные методы.

Аэлиту же он не уставал поучать.

— Наука имеет свой флаг, — в очередной раз сказал он, расхаживая по кабинету Нины Ивановны, как всегда отсутствовавшей. — И это не тряпка на палке — флаг. Я хотел бы, чтобы вы однозначно уяснили себе это. Стать ученым — это не только написать статьи, книги, даже сделать открытие. Вам надлежит понять

основное, Алла Алексеевна. Надо возвыситься над обыденностью, обрести телескопическую дальность мышления.

— Что значит возвыситься над обыденностью? — поинтересовалась Аэлита.

— Ученый — это самообучающаяся система, говоря языком кибернетиков. Такая система должна располагать чистыми мозговыми ячейками, не забитыми всякой там технятиной. Образование допустимо лишь фундаментальное, подобное первичной программе ЭВМ, позволяющее ученому возводить потом на заложенном фундаменте собственное здание научной работы. А ссылки на предшествующие работы и авторитеты — это тот орнамент, который украшает само здание. Истинный ученый, запомните, никогда не сошлется в современной работе на какого-нибудь самоучку Циолковского или Ломоносова, даже на Менделеева.

— Ну что вы! — возмутилась Аэлита.

— Да, да! Периодическая система элементов носит его имя только в нашей стране, а наука интернациональна.

— Но Менделеев — великий химик!

— Не знаю, не знаю. Существовали химики и не менее значительные. Словом, ссылки нужно выбирать строго продуманно, говорящие не только о вашей эрудиции, но и о тех, кого вы продолжаете, чье имя как бы наследуете. Уясните себе главное. Так вернемся к основам, которых не имел калужский учитель или поморский ходок времен Екатерины Великой, вернемся к университетскому образованию. То, что у вас его нет, не ваша вина, а беда. Вам следует очистить свой ум от всего сора, которым забил его технический вуз. В науке не нужны инженеры в современном понимании слова, так называемые «технари». Это чернь, смерды, да проститься мне такое сравнение. Вот мы с вами поднимаем научную целину, вводим понятие «живого прибора», чего до нас никто в мире не делал.

— Нет, почему же? Собаки заменяли миноискатели.

— Ах, не то, опять не то! — поморщился Геннадий Александрович. — Практическое применение, практическое использование не дело ученого. Наше назначение — решение проблем! Вот меня наградили Государственной премией. За что? Не за съедобное блюдо на столе, а за то, что я предложил *метод*, понимаете ли,

метод, как сделать его *ароматичным*. Я хотел бы, чтобы и вы заработали премию, и я постараюсь помочь вам.

— Но я не премии добиваюсь. Николай Алексеевич поставил перед нами такую замечательную задачу: обеспечить существование изолированной модели будущего человечества.

— Анисимов — великий стратег науки. Этого даже я не могу отрицать. Но зачем же стулья ломать? Лучше на них посидеть рядком и поговорить ладком. — И он забрал из рук взволнованной Аэлиты стул, усадил на него свою подопечную простушку, потом поправил красивые очки в золотой оправе и чуть насмешливо посмотрел на нее.

— О чем же поговорить? — садясь, робко спросила Аэлита.

— Я недоволен темпами подготовки вашей диссертации. Собака показала чудеса. Их надо перевести на научный язык. А статья о «живом приборе» все еще не закончена. Не будет же профессор за вас писать, хотя его имя и стоит там рядом с вашим.

— Я напишу. Я уже кончаю. Честное слово!

— Надо спешить! Вкусом и запахом занимаются и за рубежом. Вот в Америке в широкую продажу пошли всевозможные искусственные кушанья из белка сои. А что, если они додумаются до нашей идеи градуировать приборы сверхчувствительным способом? Собаки и в Америке водятся!

— Я совсем не думала об Америке. Право.

— А надо думать. Поезжайте домой. Машину вам я уже вызвал. Завтра с утра пусть Бемс проделает все по моей программе... Отградуирует своим феноменальным обонянием наш дозиметр и индикаторы запаха.

— Спасибо. Так я бегу, а то в яслях заждались.

Глава четвертая

ТРЯПКА НА ПАЛКЕ

Аэлита подъехала к дому.

Велико же было ее изумление при виде Спартака в военной форме и Остапа, которого знала еще на Урале мальчуганом. Псодаль стоял Юрий Сергеевич, смотря умоляющим взглядом.

Брат и сестра обнялись. Юрий Сергеевич бросился к сыну:

— Хочешь, поиграем в казаки-разбойники?

— А что такое казаки? — спросил Алеша.

Остап занялся Бемсом. Знал он такое «воробьиное слово», что собаки понимали его и «за своего считали», как он сам говорил.

Бемс проделывал все команды, которые подавал Остап: садился, ложился, вскакивал, лаял, приносил брошенную палку.

Юрий Сергеевич тем временем тщетно пытался растолковать трехлетнему сыну как бязи-казаки разгоняли демонстрации революционно настроенных рабочих. Аэлита расспрашивала Спартак о планах на будущее. С Юрием Сергеевичем она поздоровалась лишь издали, кивком. Потом повела гостей в подъезд.

— Мы сейчас с Алешкой придем, — крикнул Юрий Сергеевич. — Так хочется побыть вместе.

«Надо же дать Спартаку минутку на подготовку почвы!» — подумал он.

— Мама! — протестующе закричал мальчик, но отец уже тащил Алешу за руку. И он подчинился только потому, что Бемс остался с ним.

— И ты еще не нашел свою Тамару? — спросила Аэлита, усевшись рядом с братом на тахту.

Остап рассматривал портреты поэтов и читал стихотворные строки под ними.

— Да нет! — ответил Спартак. — Прямо к тебе. Словно знал, не все у тебя в ажуре.

— Нет, почему же? Очень даже в ажуре. Право-право!

Аэлита старалась не смотреть на брата. Она думала о Николае Алексеевиче и о том, что далеко не все у нее как надо.

Время, проведенное в Западной Германии, в особой палате, где Николай Алексеевич был таким близким, понятным, казалось далеким сном.

В Москве он опять отдалился, отгороженный стеной научных интересов. И даже на концерты они больше не ходили. И Аэлита, как никогда раньше, чувствовала себя одинокой.

— Брось, сестренка, — сказал Спартак. — Хоть ты и старшая, а насковзь просвечиваешь. Неладно у тебя. Скажешь, не так?

— Ну так. Только ты не знаешь почему.

— Отчего же не знаю. Мне Юрий Сергеевич все рассказал. Я понимаю. Нелегкое это дело... И даже близким родственникам нечего тут нос свой совать, а все-таки...

— Что все-таки?

Спартак покосился на Остапа. Тот сразу засоби-рался:

— Пойду-ка я «выдам пенки». Заигрались наши де-тишки-то на улице в казаков-разбойников.

Когда он вышел, Аэлита закрыла лицо руками.

— Люблю я его! Честное слово! — прошептала она. — Сама не знаю как, но люблю.

— Ну что ж тут особенного? Столько лет прожили. Любовь, она остается.

— Да не Юрия я люблю, а другого! Пусть пожило-го, но замечательного человека.

— Это которому сто два года?

— Юрий тебе так солгал? Не мог без этого! Как ты ему в состоянии хоть в чем-нибудь верить?

— Ты же верила. Как раз в мои годы.

— Верила! И теперь страдаю. Только тебе да папе могу сказать, как страдаю.

— А он, тот Мафусаил, что ли... Он, что? Не любит?

— Он никогда не говорил со мной о любви. И не нужно. Он слишком намного выше меня... во всем, во всем! Если бы ты знал, какой это человек!

— Да я тебе верю. Больше, чем себе.

— А ты и себе поверишь. Вы еще встретитесь!

Зазвучал звонок.

— Ну вот и ребятки с детплощадки, — сказал Спар-так и пошел открывать.

Ворвались Алеша и Бемс, потом вошел Остап, ши-роко ухмыляясь, а следом за ним бочком, совсем так, как его папаша Сергей Федорович, робко появился Юрий Сергеевич и встал у дверей. Куда делась его им-позантность? Он даже сутулился, как отец.

— Ну и что? Наигрались? — спросил Спартак. — Так не в ту игру вы играли. Надо в пограничников. Остап, надевай шинель. Мы с тобой будем диверсантами, а Алеша — пограничник с собакой, служебной.

Мальчик захлопал в ладоши, глазенки его разгоре-лись.

— У нас все мигом, дело клевое, — говорил Остап, застегивая шинель.

Алеша гордо взял Бемса на поводок и потянул к двери.

Юрий Сергеевич печально провожал взглядом уходящих.

— Чуткие люди, — обратился он к Аэлите. — Поняли, что нам нужно поговорить.

— О чем? — нахмурилась та.

— Я хотел бы показать тебе написанное мной письмо, которое избавит меня от дальнейших объяснений.

— Садись, — пригласила Аэлита, указывая на тахту.

— Нет, ничего. Я тут с краешка на стульчике.

— Как хочешь.

Она взяла незапечатанный конверт и вынула оттуда письмо, адресованное президенту Академии наук СССР.

Аэлита поморщилась. Ей припомнилось другое письмо, написанное тем же почерком и переданное ей Николаем Алексеевичем.

«Глубокоуважаемый товарищ президент!

Считаю своим долгом порядочного человека снять с академика Анисимова Николая Алексеевича всякие подозрения, ложно высказанные мною. Я во всем ошибался и не боюсь в этом признаться. Моя жена чиста, и ее отношение к академику Анисимову адекватно уважению к старшему и почтенному человеку, Человеку с большой буквы, работы которого обеспечат благосостояние человечества на тысячелетия.

У меня нет слов для собственного осуждения!

Приношу искренние извинения и готов любым способом загладить свою вину, вызванную незаурядным чувством, которое я питаю к своей замечательной жене Аэлите Алексеевне Мелховой.

Инженер Ю. С. Мелхов».

— У меня другая фамилия, — сказала Аэлита, возвращая письмо Юрию Сергеевичу.

— Здесь есть еще одно. Самому Николаю Алексеевичу.

— Я не читаю частной переписки.

— Аэлита! Пойми! — вскочил Юрий Сергеевич, картинно прижимая руки к груди. — Я был ослеплен, ослеплен любовью к тебе. Это была лавина, снежная лавина несообразностей, промахов, ошибок. Мне стыдно

вспоминать сцену в суде. Да никем твое место не занято в нашей семье, как я тогда сказал. Я горделиво, именно горделиво солгал, пошел на «святую ложь»! Ложь во имя сохранения твоего уважения ко мне, дабы я не выглядел в твоих глазах жалким и униженным. А главное, пойми, как понял Шекспир Отелло! Это ревность! И наша семья ждет тебя! Вернись! Умоляю тебя!

— Пойдем, — спокойно сказала Аэлита, словно они скучно говорили о прогнозе погоды. — Надо позвать всех с улицы, а то дождь может пойти.

— Конечно, конечно, — суетливо обрадовался Юрий Сергеевич. «Никак пример с Отелло подействовал? До чего же полезны порой классики!» — подумал он, и вслух сказал: — У меня есть зонтик, портативный, складной, из Италии. Ты, наверно, в ФРГ тоже себе такой купила? Я выйду, как бы Алешенька не простудился.

— Я сама сбегаю за ними. Без зонтика.

— Ну вот и хорошо, — удовлетворенно потер руки Юрий Сергеевич. Он даже не думал, что все так просто обойдется.

Вернулась Аэлита, а за нею с шумом ворвались в переднюю и Алеша с Бемсом, потом чинно, чеканя шаг, вошли и Спартак с Остапом.

— Проходите, ребятки, — пригласила их Аэлита.

— Да, да, проходите, друзья мои, нам тут нужно кое-что важное вам сообщить, — суетился Юрий Сергеевич.

Спартак удивленно посмотрел на него, потом перевел взгляд на сестру.

— Есть ситуации, — сказала Аэлита, — когда человек полностью раскрывает себя. Я только что увидела во всей красе Юрия Сергеевича Мелхова, который по чудовищному стечению обстоятельств был когда-то моим мужем. Нет меры, которая измерила бы человеческую мель Мелхова. Я вам, своим друзьям, хочу сказать, что никогда, слышите, никогда не прошу себе своего замужества... Честное слово!

— Из песни слова не выкинешь, — проямлил опешивший Юрий Сергеевич.

— Так нужно выкинуть всю эту песню, мещанскую песню, с которой шагает по жизни этот обыватель из обывателей.

— Ах так? До тебя не дошли мои слова?

— Напротив. Дошли в полной мере.
— Но сын!.. Он останется моим сыном!
— Надо еще суметь остаться его отцом.
— Ну, сцена уже переходит все допустимые границы! — возмутился побагровевший Мелхов и демонстративно вышел в переднюю.

Там он долго надевал пальто перед зеркалом, ожидая, что его вернут.

Но никто не вышел к нему, даже Бемс.

И взбешенный Юрий Сергеевич выскочил из квартиры, хлопнув входной дверью.

Только тогда в передней появилась Аэлита с тряпкой на палке и вытерла пол.

Глава пятая

ЗЕМЛЯ-КОРМИЛИЦА

В лесу пахло трухлявыми пнями и мокрой прелью. Под густой листвой стоял сумрак. Но когда взору открылась свежая пашня, с нее как бы пахнуло русским простором.

Поле уходило горбом за холм, и казалось, там, у неожиданно близкого окоема, кончается земля. А справа черноту пашни оттенял нежно-розовый вал цветущих яблонь.

Аэлита стояла как зачарованная и вдруг заметила на пашне мольберт, а за ним девушку в берете.

Аэлита, сделав по пашне круг, по-озорному зашла художнице за спину, чтобы заглянуть через ее плечо. Николай Алексеевич, не ускоряя шага, пошел по ее следам.

Когда черноволосая девушка поворачивала голову, Аэлита, стоя позади, видела профиль, словно сошедший с камен, и приспущенные в нацеленном взгляде ресницы. Но то, что появлялось на холсте, ошеломило Аэлиту.

Перед мольбертом простирался в пышном цвету яблоневоый сад, гранича со сказочно-дремучим лесом. А на холсте лес этот горел. Огненный смерч словно перелетал с дерева на дерево. Высокие стволы пылалли факелами, дым стелился по траве, и сквозь него просвечивали языки пламени, перебирающиеся по иссохшей траве к очередной зеленой жертве.

— Что же это такое? — в изумлении воскликнула Аэлита.

Художница посмотрела, но не на нее, а на Анисимова.

— Ничего, что мы любимся? — спросил тот. — Или непосвященным половину работы не показывают?

— Я почти закончила, и работ своих не скрываю, — вежливо ответила художница.

— Но что же это такое? — недоуменно спросил Анисимов. — Ведь никакого лесного пожара нет.

Аэлита давно узнала художницу и догадалась, какой пожар она рисует.

— Томка! Пожар твой дымом глаза застелил. Не узнаешь?

Только теперь художница, словно освободившись от чар мира, в каком только что жила, увидела Аэлиту. Вскочила и бросилась к ней в объятия.

— Это все Спартак, — шептала она ей на ухо. — Их часть тушила лесной пожар. Нашли разбросанные самовоспламеняющиеся пластинки: олень наступит — и сразу трава вспыхнет. Но как он рассказывал! Разве мне воспроизвести?

— Не знаю как вам, а мне лицо жаром опалает, — заметил Николай Алексеевич.

— Если вам нравится этюд — возьмите.

— Княжеский дар. Не посмею.

— Закон моих предков. Понравилось — твое, — гордо объявила художница. — Я знаю. Ваша дача за лесом. Закончу этюд, и мы принесем.

— Мы? — удивился Анисимов.

— Это же Томка Неидзе, о которой я вам еще в Терсколе рассказывала. Дочь Вахтанга Неидзе. Помните?

— Как же!

— Пойдемте в совхозный сад. Я вам все расскажу. И Аэлита повлекла Николая Алексеевича за собой.

Дед Тарас ждал гостей.

Маленький, седенький, с серыми висячими усами, пожелтевшими от табака, он сидел ссутулившись на крыльце избушки, курил трубку и, прикрываясь ладонью от солнца, смотрел на приехавших.

— Добрый день, Тарас Григорьевич. Приехали, как обещали, — приветствовал его академик.

— Здравья желаем! Ждем давненько, — отозвался старик.

— Баллон по дороге спустил. Менять пришлось.

— Машина — завсегда машина. Ухода требует. Эгей! Молодцы-тракторцы! Коль с чертями не схожи, покажите рожи!

На окрик деда из кустов появились двое в комбинезонах с множеством карманов и «молний».

— Ты, Остап, давай костром займись, — командовал дед. — Приезжих надо деревенской едой попотчевать. Они там, поди, отвыкли от настоящей-то пищи. Все искусственную потребляют.

— Да пока еще нет, к сожалению, — улыбнулся Анисимов.

На крылечке избушки появился коренастый усатый мужчина в гимнастерке старого покроя, со звездочкой Героя на груди. Черты лица были мелкие, как у Остапа.

— Милости просим. Узнал о вашем приезде и к отцу в сад заглянул. Заодно на цветение посмотреть.

Сели к разгоревшемуся костру. Дед принес котелок с картофелинами и баночку с солью.

— А мы видели твою Тамару с мольбертом, — сказала Аэлита брату. — Какой лесной пожар нарисовала! Будто сама там была, а не с твоих слов. Право-право!

— С Остаповых. Когда разойдется — жарко становится. А Томань моя в эти дни всегда приезжает в совхоз. Взялась кое-что нарисовать для клуба.

— Попрошу, гости дорогие, — приглашал дед. — Нет ягоды вкуснее малины, нет картошечки вкусней печененькой. Не обожгитесь, однако.

— А вы как думаете, Тарас Григорьевич, — сказал Анисимов, вытаскивая из костра запеченную картошку и перекидывая ее из ладони в ладонь. — Наша искусственная картошка будет хуже этой, если ее вот так же запечь?

— Да нет, не сумлеваюсь. Намедни привозили, так не отличишь. И сытно, аж аппетит отбило, — усмехнулся старик. — До ума не сразу дошло, что на неделю вперед наелся.

Все рассмеялись, кроме директора совхоза.

— Нет, вы уж простите меня, товарищ академик, я

тоже пробовал вашу искусственной пищи. Для меня дед оставил. Но не лежит к ней душа.

— Почему же? На вас наша первая надежда.

— А вот у меня на вас надежды нет. Плохую услугу оказываете сельскому хозяйству, товарищи ученые.

— Почему же, Степан Тарасович?

— Сейчас перво-наперво надо сельское хозяйство вытягивать. Индустрия растет от пятилетки к пятилетке, людей из села впитывает. Народонаселение увеличивается. А сельское хозяйство не в тех темпах... Потому и я, металлург, по зову партии на дедову землю вернулся. А тут еще погода подводит...

— Вот-вот, Степан Тарасович! С этого и начнем разговор. Засуха — беда! До сих пор бич человечества! А людям есть независимо от погоды надо. Не так ли?

— Это верно. И мы в любую непогоду трудимся.

— А разве помешает вам, если государство в помощь вашему сельскому хозяйству будет иметь белковый резерв, который сделает ненужным в неурожайные годы обращаться к международному зерновому рынку.

— Нет, это, пожалуй, не помешало бы.

— Так вот, Степан Тарасович! Для Советского Союза это и есть наша задача! Кроме того, в мире есть немало всегда голодающих стран, не обеспеченных продуктами питания, без развитого сельского хозяйства.

— Это все верно, товарищ академик, только земля, она всегда останется землей-кормилицей.

— Никто на нее не покушается. Упаси боже. Никто не собирает землю, как кормилицу, отменять, — убежденно продолжал Анисимов. — Вопрос лишь в том, что должно на ней расти? Очевидно, то, чего нельзя получить более простым и дешевым способом. Например, яблоки, как у вас, фрукты мичуринские в садах и апельсины там всякие — пусть на земле растут, а не в колбах.

— Верно они говорят, Степан, ты слушай, — вступил в разговор дед Тарас. — Пошто я на старости за химию взялся? А ведь невдомек, почему меня, садового сторожа...

— Хранителя совхозного сада, — поправил директор совхоза.

— Ну хранителя совхозного сада, почему меня химия за ум зацепила? Да потому, что твою пашню, которая к моему саду примыкает, деревьями засадить на-

добно. И домов на ей понастроишь удобных. И чтобы люди из городов по своей воле на землю нашу кормилицу переселялись жить. Вот! А тебя — обратно на Урал. Вот такая стратегия.

— Стратегия — вещь хорошая, — не сдавался директор. — Но вот взять тоже академика Вильямса. Он что говорил, чему учил? По сто центнеров с гектара зерна! Вот через сто лет, которые вы нам, хлебопашцам, оставите, по сто центнеров с гектара! Это задача! Ее решить нам помогите, товарищи ученые, с помощью агротехники, удобрений, машин притких... Вот в чем актуальность. На все сто лет.

— Но засухи за эти сто лет могут быть? Так почему же не иметь запас белковых веществ? Ведь покупное зерно не закрывает вашего сельского хозяйства.

— Ну, это вам виднее, что выгоднее: покупать у буржуев или зерно из микробов делать.

— Не только зерно. Все виды пищи.

— А по мне, — вдруг вмешался Остап, — так в страдную пору трактора с трактористами в виде воздушного десанта с неба сбросить. И пошла писать! Земля — дыбом! А потом в другое место, где требуется. Вот и сто центнеров с гектара, как выпить дать!

— Ай да внучек! Трактора на пашню с воздуха! Ну сказанул!

— А что? — вмешался Спартак. — Во время таежного пожара так оно и было. Всех нас с машинами — прямо с воздуха. Пресеку прорубили — гореть нечему стало.

— И машины с воздуха можно — перекидные механизаторские бригады, и белковый запас из микробов можно, пожалуйста, только землю-кормилицу, вы мне поверьте, покуда что рано в отставку выводить, — заключил директор совхоза.

— На пенсию! — подхватил Остап. — Читай «Мурзилку» и подмигивай.

— А ты помолчи, хиппизычник модный, — рассердился вдруг на Остапа отец.

— Молчу, как в рот квасу...

Спартак вскочил и отошел от костра.

Уже стемнело, но среди деревьев виднелась стройная фигурка девушки в берете.

Аэлита проводила взглядом брата, потом перевела глаза на Анисимова. Она любила смотреть на него, лю-

бовалась, когда Николай Алексеевич оживлялся, как во время этой беседы, что-то доказывал.

С костра сыпались искры, словно спорщики, подкрепляя свои слова, били по костру палками.

Подул ветерок. По примеру Анисимова и деда Тараса все стали вытаскивать запеченные картофелины.

Посыпали солью. И были они отменно вкусны.

— Мы придем к вам, Николай Алексеевич! — донесся из темноты голос Спартака. — Этуд принесем.

Глава шестая

КРУТОЙ ПОВОРОТ

Искры остались позади. Далекие мужские голоса подчеркивали тишину леса. Николай Алексеевич и Аэлита пробирались в непроглядной тьме. Он взял ее руку, чтобы провести по корням.

Тепло ее пальцев взволновало.

— Какой переворот нужен в народном хозяйстве, чтобы перейти от земледелия к совсем иному способу получения продуктов питания, — сказала Аэлита. — Право!

Пальцы Аэлиты почему-то дрожали.

— Нужен крутой поворот, — отозвался Анисимов. — Крутой поворот, который невозможно провести сразу, но когда-то сделать его необходимо.

Он, казалось, говорил о крутом повороте в сторону создания пищевой индустрии, но, сам того не замечая, ответил своим внутренним мыслям об Аэлите, ее дрожащих пальцах, о теплоте, которую ощущал.

Он был к себе преувеличенно жесток: какая запоздалая любовь и, как ее следствие, мальчишеское, совсем не соответствующее его возрасту тщеславие. Ну зачем понадобилось в Терсколе кружить эту хорошенькую головку лихостью снежных спусков, масштабностью научных замыслов (ну это куда ни шло!) и, наконец, глупой демонстрацией дилетантских способностей скульптора! Зачем? Для себя? Не ждал ли, что она отыщет его на склоне? Знал, что найдет. И нечего хитрить перед собой! Ведь даже загадал по-детски: если увидит свой портрет, их знакомство продолжится. И хотел продолжения, хотел!

И Аэлита отыскала вчерашнего знакомого, восхитилась портретом и расцеловала ваятеля.

Следовало бы правильно понять непосредственный порыв молодой женщины, вовремя остановить себя, помня о непреодолимом барьере времени. А он?.. Он продолжил знакомство в Москве. Заинтересовал ее своими идеями. И в результате... В результате она не только перешла на работу в его институт, но и ушла из семьи. Разве он не несет за это ответственности? Более того, не отвечает ли он теперь за ее будущее? Он, который ничего не может предложить ей, кроме своей старости. Не время ли, пока совсем не поздно, положить всему этому конец?

И Николай Алексеевич Анисимов, посвятив свою научную деятельность выводу человечества из тупика, в своей личной жизни оказался в безвыходном тупике.

Ночной лес, где под ногами что-то шуршит и где на каждом шагу натыкаешься то на узловатый корень, то на трухлявый пенёк, казался таким же безысходным тупиком.

Николай Алексеевич выпустил пальцы Аэлиты, смутившись тем, что они с Аэлитой идут в темноте, взявшись за руки. Но Аэлита требовательно сжала его руку, не желая отпустить.

Николай Алексеевич считал себя честным человеком, потому дал себе клятву объясниться с Аэлитой, убедить ее, что в их отношениях необходим, именно необходим крутой поворот. И всякий раз не хватало Анисимову силы воли, решительности или, если сказать начистоту, даже жестокости.

Все эти мысли, владевшие Анисимовым, были так же непросветны, как и окружающий его лес.

Аэлита думала о другом, но, строго говоря, о том же самом. Пыталась разобраться, почему не отпускает руки Николая Алексеевича: из-за боязни темноты или радуясь неизвестно чему и ожидая чего-то важного, желанного, что скажет сейчас Николай Алексеевич?

Она призналась в любви к пожилому, но замечательному человеку не только своему брату Спартаку, призналась самой себе. И это было так же ужасно, как и радостно. О барьере же времени, разделявшем их, и думать не хотелось.

А если подумать, то станет ясно, что не остановится она ни перед какой жертвой. Правда, ей и в голову не

могла прийти та жертва, о которой размышлял рядом идущий, любимый человек.

Аэлита давно собиралась приехать к брату. Дача Анисимова находилась совсем рядом с совхозом, где стали работать трактористами Спартак и Остап.

Добираться туда — поездом, нерегулярно курсирующим автобусом, поэтому Аэлита не без некоторой женской хитрости пожаловалась на такие трудности Анисимову, когда докладывала об опытах, проведенных с Бемсом. Джентльменская натура Николая Алексеевича заставила его сразу же предложить совместную поездку на дачу.

Но прямого приглашения Аэлита так и не могла дожидаться. Не считал Анисимов возможным ехать с ней в пустую дачу. Ждал, когда переедет туда на лето дочь-актриса Софья Николаевна с детьми, мальчиком и девочкой, младшими школьниками.

Они переехали как раз к цветению яблонь, и Анисимов сразу предложил Аэлите отвезти ее в совхоз.

Глава седьмая

БАРЬЕР ВРЕМЕНИ

Столь неравная по возрасту пара, взявшись за руки, шла в полной лесной темноте.

Ах, если бы Николай Алексеевич не медлил, а сказал все, что ждала Аэлита! Если бы он снова стал таким близким (пусть слабым!), как в особой палате немецкого госпиталя!

Но Анисимов молчал, и Аэлита с ужасом догадывалась почему. Не подозревал он о ее готовности даже стать (будь то возможно) его ровесницей!

И Аэлита засмеялась своим мыслям.

— Вам весело? — спросил Николай Алексеевич.

— Я счастлива! Право! На минуту, но счастлива, — ответила Аэлита, легко сжимая пальцы Анисимова.

И тогда открылось чистое поле и небосвод, усеянный звездами. То самое поле, с которого днем дохнуло русским простором.

«Самое место, для крутого поворота», — подумал Анисимов и решил, что именно сейчас откроет Аэлите все: и что любит ее, и что отказывается от нее и своего счастья.

Но привычная сдержанность предотвратила непоправимое. Анисимов не сказал рубящих все слов, а произнес совсем иное:

— У меня к вам просьба, Аэлита. Дела складываются так, что мне предстоит весьма длительная поездка за границу. Сначала в Нью-Йорк на Ассамблею Организации Объединенных Наций, а потом...

Аэлита отпустила руку Анисимова и вся похолодела.

— Уезжаете? Зачем?

— Чтобы... В том весь смысл моей жизни. И вашей тоже.

Аэлита зажмурилась. Вот оно главное, что сейчас услышит!

— И вашей тоже, как участницы нашей научной разработки.

Аэлите хотелось помочь ему, подсказать.

— И вам понадобятся помощники. И даже такие, как я. Впрочем, какая же я помощница?

— К сожалению, речь идет о другой помощи. В моем выступлении в Организации Объединенных Наций от имени советских ученых вы не поможете.

— О той идее, которая зарождалась в Западной Германии, в госпитале?

— Да. В особой палате, при вас. Мы мечтали предложить ООН создать Город-лабораторию, как бы перенесенный из будущего.

— Какой замечательный город! Как бы мне хотелось попасть в него!

— Если наш проект пройдет, если ООН выделит необходимые средства и укажет место создания города, мне придется пробыть там, по крайней мере, несколько лет.

— Несколько лет? — ужаснулась Аэлита, останавливаясь, словно наткнулась на дерево.

— Потому-то я и обращаюсь к вам с просьбой.

— Поехать с вами?

— Увы, совсем наоборот. Я знаю, что хозяйка квартиры, в которой вы живете, возвращается с Севера.

— Да. Возвращается.

— А как думаете жить в дальнейшем? Вернее, где?

— В институте предложили вступить в строкооператив.

— И деньги есть для внесения пая?

— Я не решалась рассказать, Николай Алексеевич. Юрий Сергеевич во время своего последнего посещения, оказывается, оставил на кухне конверт со слезным письмом и моими деньгами, которые я швырнула ему в лицо за Бемса.

— Чем же вызван такой поступок?

— Видимо, даже в таком человеке есть доброе начало. Честное слово! Я всегда считала Мелхова безукоризненно честным. Правда, честность могла диктоваться расчетом. Ему хотелось восстановить наши отношения. Но это невозможно.

— Невозможно?

— Я люблю другого человека.

Еще одно слово — и Аэлита назвала бы, кого любит, но вековое представление женщины, что о любви первым говорит мужчина, удержало ее.

Николай Алексеевич все прекрасно понял и тем решительнее продолжил свою мысль:

— Я не знаю, когда вы можете въехать в свою кооперативную квартиру... но совсем не поэтому я хотел просить вас об одолжении.

— Николай Алексеевич, я на все готова. Кооперативную квартиру временно можно и не заселять. Право!

— Почти угадали мою просьбу.

— Почти?

— В том смысле, что на время моего отсутствия вы с Алешей и Бемсом, конечно, могли бы пожить в моей пустой многокомнатной квартире. Словом, постережете ее.

— На время многолетнего отсутствия?

— Да, речь идет о длительном времени.

Аэлита сразу сникла.

— Могу я рассчитывать? — спросил Николай Алексеевич, голос его перехватило от волнения, он боялся, что схватит сейчас Аэлиту в объятия и забудет о своем решении уехать от нее навсегда в надежде, что она устроит свою жизнь. Ведь, любя ее, он желал счастья любимой.

— Я бы сделала все, чего бы вы ни пожелали, — прошептала Аэлита. — Честное слово!..

Они пошли вдоль поля. И оба молчали, хотя мысли каждого были обращены к другому.

На даче ждала дочь Николая Алексеевича Софья

Николаевна. Спартак и Тамара уже сидели за чайным столом и светились таким внутренним светом, что электричество казалось излишним.

Софья Николаевна, дородная русская красавица с таким же иконописным лицом, как у отца, очень страдала оттого, что один глаз у нее был больше другого. Умелой косметикой она скрашивала свой недостаток, но у нее выработалась привычка садиться к собеседнику в профиль. У незнакомых создавалось несколько неприятное впечатление, будто она избегает смотреть в глаза, но непринужденная сердечность сглаживала все.

— Ну вот и папа! — обрадовалась Софья Николаевна. — А ваш брат, Аэлита, прекрасно разбирается в театре — так разделил нашу последнюю постановку, что я предложила ему перейти к нам режиссером.

— Только на тракторе, — рассмеялся Спартак.

— Этюд Тамары чудесен. Хочется вызвать пожарных, — продолжала Софья Николаевна. — Откройте секрет, как удалось его выпросить?

— Все дело в законе ее предков, — отшучивался Анисимов. — Понравилось — забирай. Я бы очень хотел, чтобы Тамаре у нас что-нибудь понравилось.

— А мне у вас все нравится, — смеясь, ответила Тамара. — Так что придется подарить мне вас со всем окружением.

— Считайте, княжна, себя обладательницей нашего замка вместе с обитателями, — и Николай Алексеевич сделал широкий жест рукой.

— Если мне дается право выбора, я возьму себе только одного.

— Неужели меня? — рассмеялся Анисимов.

— Нет, другого, — тоже смеясь, ответила Тамара, сияющими глазами смотря на Спартака, а тот не знал, куда деваться от смущения.

— Друзья мои, — сказал Анисимов, — я только что объявил Аэлите о своем отъезде на долгий срок за рубеж. Сонечка, Аэлита согласилась избавить тебя от хлопот по присмотру за моей квартирой. Они с сынишкой проживут там, пока не достроят кооперативный дом. Оптимальное решение!

Спартак смотрел на Аэлиту и понимал, что в ней творится, какой несчастной чувствует себя сестра. И стыдился собственного счастья. Встретился взглядом с Тамарой, и оба опустили глаза.

Но в чем они были виноваты? И перед кем?

Софья Николаевна тоже все прекрасно поняла, но не показала виду, переведя разговор на веселую болтовню и усадив отца с Аэлитой за чайный стол.

— А какое у меня варенье! — воскликнула она.

— Нет ягоды вкусней малины, нет картошечки вкусней печененькой, — голосом деда Тараса сказал Анисимов и рассмеялся.

Глава восьмая

Трибуна мира

Николай Алексеевич не раз бывал в Америке, но так получилось, что на корабле подплывал к Нью-Йорку впервые. Анисимов уступил настоятельной просьбе Аэлиты, согласившейся остаться в его квартире при условии, что он отправится на Ассамблею ООН не на воздушном лайнере, а морским путем. И Николай Алексеевич, уже нанеся Аэлите тяжелую рану своим молчанием о главном, решил уступить хоть в малом. К тому же морская прогулка сулила ему хороший отдых. На самом же деле не просто уступил, а как бы показал, что Аэлита имеет какие-то права на него. Вот этого в сложившихся условиях делать не следовало.

Николай Алексеевич поднялся ранним утром на палубу, чтобы полюбоваться рассветом в Атлантическом океане.

Облака уже полыхали в высоте, а из-за горизонта веером потянулись лучи, похожие на прожекторы. Это чем-то напоминало детский рисунок. Ведь дети иначе не представляют себе солнца. Анисимов удивился, что за всю свою долгую жизнь ни разу не видел такого зрелища.

Лайнер приближался к Американскому континенту, и Анисимов перешел на носовую палубу.

Западная часть горизонта в отличие от восточной, где всходило солнце, оставалась чистой.

И вот как бы прямо из воды стали вырастать башни... Казалось, сказочный город погибшей Атлантиды в силу тектонического каприза вновь поднимается со дна морского. Правда, башни выглядели много внушительнее тех дворцов и храмов, которые описывал древнегреческий философ Платон.

Башен становилось все больше, и они все теснее примыкали одна к другой, образуя каменный остров среди океана.

Нью-Йорк, не похожий ни на один город мира, включая и американские города, был близок. Однако корабль еще не скоро подошел к порту.

Навстречу лайнеру примчался на подводных крыльях полицейский катер. Таможенные и иммиграционные чиновники по-хозяйски взошли на борт корабля. Их встречали щеголеватые советские моряки. Чиновники обменивались с ними возгласами и даже дружественными тумаками. Таковы американские нравы.

Потом появилась статуя Свободы. Николай Алексеевич привык к ее фотографиям. Сейчас на фоне каменных громад она показалась ему невзрачной.

Чей-то холодный расчет превратил пьедестал дара свободолюбивых французов американцам в карантинную темницу. Деловитые янки сочли, что нет удобнее острова, на котором можно возвести статую Свободы, а также тюрьму для предварительного заключения иммигрантов, жаждущих познать все свободы прославленной страны Бизнеса.

Маленький буксир, дымя высокой прямой трубой, «впрягся» в океанского исполина и потащил его в порт к причалу.

Океанские корабли в Нью-Йорке подходят прямо к центру города, расположенного на пяти скалистых островах и не имеющего пригородов в обычном понимании. Тесно сжатый со всех сторон водой, он мог расти только к небу. Малоэтажные дома и трущобы здесь тоже есть, но ютятся они вблизи самых фешенебельных небоскребов.

Анисимов сошел с корабля и сразу оказался на трехэтажной улице. Где-то над головой по эстакадам между домов с грохотом проносились поезда надземки, ниже двигались автомобили по пересекающей стрит, а внизу забитая машинами улица гудела, шумела, гремела... Анисимова усадили в столь знакомую ему по Москве «Волгу».

— Нам повезло, что удалось остановиться не так уж далеко, — говорил встречавший его молодой человек. — Иногда идешь километра два от припарковавшегося автомобиля.

Машина двигалась еле-еле, почти упираясь в бампер едущей впереди.

— Пожалуй, я скорее дойду пешком. Дайте-ка мне адрес отеля, — сказал Анисимов и решительно открыл дверцу машины.

Никогда не узнаешь так хорошо город, как во время пешей прогулки. В былые приезды этого не удавалось.

Первое, что ощутил Анисимов, выйдя из машины, были духота и смрад от выхлопных газов автомобилей. В ущелье с неизмеримо высокими каменными стенами чувствуешь себя как в нацистской душегубке. И совсем неудивительным показалось Анисимову, что среди прохожих с нездоровым, землистым цветом лица встречалось немало людей в противогазных масках, главным образом женщин.

Вскоре после приезда он был приглашен в Вашингтон и встретился с группой прогрессивных политиков.

Потом были дни заседаний Ассамблеи ООН. Первое время Анисимов находился на галерее для публики.

Но наконец наступил день, когда он прошел в зал и поднялся на трибуну. По решению одного из комитетов ООН Анисимову предстояло по поручению Советского Союза изложить разработанный там план, поддержанный во многих странах видными учеными, а также прогрессивными кругами Америки.

После выступления журналисты атаковали академика. Он дал бесчисленные интервью на многих знакомых ему языках.

Он очень устал, думал лишь о том, чтобы пройтись, развеяться, отдохнуть. Мечтал даже подышать свежим воздухом. Но где? И тогда вспомнил о Централь-парке, этом своеобразном заповеднике прежней природы.

Анисимов знал, что из Даунтауна (Нижнего города) до Аптауна и Централь-парка далеко, но, спросив, как ему дойти туда, все-таки отправился, вспоминая поле, яблоневый сад и рассуждения у костра о землекормилице.

Анисимов любил ходить. Он шел не спеша, разглядывая загоравшиеся огни реклам и лица встречных прохожих, иногда оборачивался. Двое незнакомцев неотступно следовали за ним, очевидно услышав, куда он идет, делали вид, когда русский оборачивался, что рассматривают витрины магазинов.

Анисимов вспомнил, что Нью-Йорк называют Джунглями Страх из-за разнузданной преступности, с которой не могут справиться полицейские силы. Вспомнил и о тщетной попытке после ряда политических убийств в США запретить там продажу огнестрельного оружия. Неожиданно гангстеры оказались под защитой конституции. Билль о правах, статья вторая гласит: «Поскольку для безопасности свободного государства необходимо хорошо организованное народное ополчение, право народа хранить и носить оружие не подлежит ограничениям». И вот это «право народа» в полную меру используется прежде всего гангстерами и, конечно, продавцами и производителями оружия.

Принятая два столетия назад статья о правах, имевшая в свое время, вероятно, смысл, ныне, когда об ополчении и речи нет, выглядит опасным анахронизмом, способствуя развитию преступности.

Анисимов, правнук волжского бурлака-забияки, сам был не из трусливого десятка и при взгляде на тщедушных своих преследователей, один из которых был толст, но рыхл, а другой болезненно худ, утешил себя тем, что скорее всего это репортеры, запоздавшие взять у него интервью, а может быть, и частные детективы, нанятые оберегать его особу.

И мысли Анисимова вернулись к прошедшему дню, сделавшему его особу заметной.

С трибуны, на которую он поднялся, были видны внимательные, настороженные лица людей, ждавших от него чего-то очень важного. Но вряд ли кто-либо из них представлял, какой ценой можно осуществить предложения, разработанные в СССР.

— Человечеству, — говорил Анисимов, — не будет грозить ни голод из-за нехватки продовольствия, ни перенаселение из-за нехватки суши, если люди используют все, что уже сегодня открыто наукой и даже освоено техникой.

Пока переводчики заполняли паузу, Анисимов подготовил следующую фразу:

— Искусственная пища уже не пугало, каким еще недавно была для незнакомых с нею людей. Ныне магазины во многих странах торгуют изделиями из синтетической пищи, основой которой является казеин, как у нас в СССР, соя (Соединенные Штаты Америки) или

дрожжи кандиды, широко используемые в животноводстве для кормления скота и пригодные, как установлено, и для самых изысканных блюд человека».

Анисимов рассказывал о пути, пройденном искусственной пищей, которая ныне может смело конкурировать с обычной, выращенной земледельцами или приготовленной из мяса убитых животных.

— Но дело не только в питании. Человеку нужна чистая среда обитания, незагрязненный воздух для дыхания, неотравленная вода для питья.

Простая истина, понятная на всех языках. Но как этого добиться?

— Людям следует обходиться без автомобилей на улицах, без сточных вод промышленных предприятий, спускаемых в животворные реки. Казалось бы, все так просто, но как трудно осуществимо! Нет ничего тяжелее преодоления инерции, привычки, безответственности, нежелания думать о будущем, о грядущих поколениях. На деле очень многие исповедуют принцип известного французского короля «После нас хоть потоп!». Нет! Потоп из грязных вод и струй ядовитого воздуха не должен прийти на Землю! И потому надо заменить автомобили с собственными двигателями внутреннего сгорания на электромобили центрального питания. Надо уметь идеально очищать сточные воды, возможно, превращать их с помощью электрического тока в составные газы — в водород и кислород, которые, соединясь потом и вернув часть энергии, станут идеально чистой водой. И для всего этого потребуется энергия, энергия, энергия!

Пауза требовала внимания и переводчиков и слушателей.

— Энергию грядущему человечеству придется получать не за счет сжигания горючих ископаемых, запасы которых все-таки конечны, а путем использования такого неиссякающего источника энергии, как Солнце. Только щедрый энергетический поток, принимаемый нашей планетой в течение миллиардов лет и в большей своей части излучаемый ею в космическое пространство, может обеспечить все нужды будущего человечества, избавляя от постепенного, но неуклонного перегревания земного шара из-за сжигания топлива, грозящего серьезными климатическими катаклизмами.

Глава девятая
«ДЖУНГЛИ СТРАХА»

Люди слушали Анисимова с удивлением. Они привыкли решать политические вопросы, но не задумываться, как жить в будущем тысячелетии их правнукам и какую энергию надлежит тем использовать.

— Чтобы продолжить свою цивилизацию разума и не страшиться будущего, чтобы человечеству выйти из «джунглей страха», в которые превращается ныне мир, выйти на простор сбывшихся надежд, люди должны жить иначе, чем живут сейчас. И это надо понять здесь!

Эти слова русского ученого заставили делегатов Ассамблеи ООН переглянуться, как и тогда, когда он ознакомил их с бесперспективностью борьбы с голодом старыми средствами. И словно упали вечные перегородки, незримо отделявшие людей из разных делегаций, как будто на какое-то время вся ассамблея стала форумом единого человечества.

— Но слова, даже сказанные с этой высочайшей в мире трибуны, — продолжал Анисимов, — никого не убедят. Чтобы выйти из «джунглей страха» нужен факел в руках впереди идущего. Таким факелом может стать *пример* того, как люди могут жить, получая продукты питания не в виде привычных даров природы, которые брали от нее тысячелетиями наши предки, а используя природу на первом ее микробиологическом уровне, разводя одноклеточные организмы на дешевой питательной среде и получая от них все необходимое человеку количество белков. Словом, дополнив земледелие и животноводство «микробоводством». Нужно на деле показать, что люди могут жить в городе прекрасной архитектуры и пользоваться средствами транспорта, не отравляющими воздух, производить на заводах и фабриках все современные изделия, не загрязняя вод. Все это мы умеем делать, и пришло время показать, как это можно делать в реальных условиях.

— Как? Как? — послышались голоса с мест, едва переводчики перевели последние слова Анисимова.

— Я уполномочен правительством Советского Союза, а также моими коллегами из разных стран предложить Организации Объединенных Наций создать Город-лабораторию, в котором воплотить в наше время

все условия существования грядущего человечества. Пусть это будет Город Надежды, Хоуптаун, или Урбспери по-латыни, где продукты питания станут получать для всего населения, а возможно, и для других нуждающихся стран, на заводах Города Надежды, на улицах которого не появится ни один двигатель внутреннего сгорания и вместо автомобилей станут двигаться или электромобили, получающие энергию от проложенных в земле кабелей высокой частоты, или бегущие тротуары, приводимые в действие электрическими моторами. Потребную для города энергию даст солнце.

— Так что же? В солнечной пустыне строить такой город? — крикнул кто-то с галереи для публики.

Анисимов понял вопрос и сразу ответил:

— Мы, ученые, вынашивавшие эту идею, могли бы предложить создать такой город на одном из островов Тихого океана или на искусственном острове в любом месте земного шара, но... Если показать пример человечеству, то надо выбирать такое место, где природа сама по себе ничего не сулит человеку, где даже солнце скупо.

Переводчики старательно переводили речь ученого.

— И потому, учитывая всевозможные трения международного характера, учеными выбран континент, провозглашенный Организацией Объединенных Наций ничейным, где нет ни городов, ни сел, ни лесов, ни рек и никакого коренного населения, где природа ничего не дает человеку.

— На Марсе? — опять крикнули с галереи. — На Луне?

— Нам известны великолепные проекты космических городов, предложенные нашим русским ученым Циолковским. На земной орбите ныне американскими специалистами проектируется создание парящего в невесомости населенного космического острова, обеспеченного всеми достижениями современной техники. Однако подобные проекты связаны с обеспечением жизни космического города с Земли, что непостижимо дорого. Город на десять тысяч человек — десять миллиардов долларов. Я не говорю уже о возможной колонизации планет солнечной системы, требующей их полного переустройства. Наше предложение более просто, экономично, доступно сейчас, хотя и выглядит вполне экзотически.

Анисимов сделал глоток кока-колы.

— Город Надежды (Хоуптаун) или *Урбс-спери* в целях наибольшей эффективности пропаганды и чистоты поставленного опыта нужно создать в Антарктиде.

Гул пронесся по залу.

— Да. В Антарктиде! Но не на ледовом панцире, а под ним. Ведь трехкилометровой толщиной льда покрыт когда-то цветущий материк. Если иметь достаточно энергии, которую можно получить за счет разницы температур, скажем, нагретых солнцем слоев воды океана и температуры того же льда, то есть получить превращенную в электрический ток солнечную энергию, то с ее помощью можно протаять в каком-либо месте антарктического побережья огромный грот, где построить на почве материка новый город. Он расположится в гигантском гроте под ледяным куполом, назовем его Куполом Надежды. На почве в искусственно утепленном ледяном гроте вырастут деревья и кустарники, даже цветы, потекут реки от тающего льда. Но не будет вспаханных полей. Они не потребуются. На заводах Города Надежды при затрате в год нескольких тысяч тонн нефти, меньше, чем проливают ныне танкеры в океанах при ее перевозке, будут получаться из дрожжей кандиды белки, а из них все привычные людям виды продуктов питания.

— Сколько же это будет стоить? — спросил американский делегат.

— Я ждал такого вопроса. ООН в состоянии финансировать создание такого международного экспериментального Города-лаборатории, моделирующего жизнь грядущего человечества. Будущее человечество сможет жить только так, как сейчас начнут жить люди в этом городе. Но чтобы создать подобный город в Антарктиде, понадобится отчислить, скажем, пять процентов тех средств, которые ныне тратятся на военные нужды всеми странами. В наших «джунглях страха» тяжелое бремя лежит на плечах людей, не доверяющих друг другу. Пять процентов средств, бесцельно затрачиваемых ныне каждый год на вооружения, отнюдь не поставят под удар народы, не разоружат и так до зубов вооруженных обитателей «джунглей страха». И даже не пропадут для промышленных концернов. Придут к ним в виде заказов. Странам мира стоит объединиться, чтобы обеспечить не только мир без войн, но и дальнейшую жизнь

человечества без голода, перенаселения и страха перед потоком из человеческих тел, — словом, жизнь без войн на земле между народами и без самой безнравственной войны с детьми, которым предстоит принять эстафету поколений.

Председательствующий объявил перерыв, перенеся прения по затронутому вопросу, числившемуся 127-м в повестке дня ассамблеи, на следующий день.

Незаметно Анисимов дошел до Централь-парка. С одной стороны он граничил с Пятой авеню, а с другой — с негритянским гетто, с Гарлемом, расположенным в низине под обрывом.

Анисимов свернул под тень деревьев. Огней реклам, освещавших улицу, здесь не было видно. Стало темно, но зато и менее душно. Все-таки деревья делали свое дело, очищали отравленный воздух. Кажется, здесь единственное место Нью-Йорка, где хоть можно дышать.

Переходя с аллеи на аллею, по которым нет-нет да проезжал автомобиль (не могли ньюйоркцы без этого обойтись!), Анисимов все более углублялся в лесную чашу. Вероятно, когда-то весь остров Манхеттен выглядел так. Скалы с растущими на них деревьями, озера, плескавшиеся у их подножий.

— Сигарету, сэр, только сигарету! — послышался сзади голос.

Анисимов оглянулся и увидел обоих своих преследователей. У них был просящий, совсем не грозный вид.

— К сожалению, джентльмены, я не курю, — сказал Анисимов.

— Тогда, сэр, придется вам заменить сигарету бумажником.

На Анисимова уставились два дула револьверов. Деревья бросали густую тень. Пробивающийся свет фонаря позволял лишь с трудом различить лица грабителей.

— Поторапливайтесь, сэр, мы на работе. Время — деньги, как здесь принято считать, — проговорил на плохом английском языке чем-то знакомый Анисимову голос.

— Не затрудняйтесь доставать бумажник из пиджака, скидывайте вместе с бумажником, — сказал вто-

рой грабитель, — и поторопитесь снять ботинки. По Централь-парку приятнее пройти босиком.

Револьверы угрожающе смотрели Анисимову в лицо. Он покорно снял пиджак со своих широких плеч и нагнулся расшнуровать ботинки.

Ноги тощего гангстера оказались как раз перед ним. Понадобилась доля секунды, чтобы с силой дернуть за них, гангстер полетел навзничь. Анисимов прыгнул на толстяка и нанес ему разящий удар ребром ладони по шее. Тот беззвучно свалился на песок аллеи.

Анисимов выпрямился, взял у лежавшего бандита свой пиджак и неторопливо надел его, предварительно подняв выроненный грабителем револьвер, подумав, что прадед был бы доволен им.

Второй бандит вскочил на ноги и закричал по-испански:

— Святая мадонна! Это же вы, сеньор, тот, кому вся моя семья благодарна по гроб жизни за щедрое благодеяние, оказанное нашей родине. Добрый седой великан!

Говоря это, гангстер прятал свой револьвер в карман.

— Клянусь святой девой, у меня никогда не поднялась бы на вас рука. К тому же вы пожилой человек, сеньор, не говоря уже о том, что добрый, хотя и сытый.

Анисимов взгляделся и узнал того самого безработного латиноамериканца, голодающую семью которого он когда-то накормил искусственной пищей.

— Да, сеньор, это я. Вы меня тоже узнали? Как мы вас тогда благодарили! Надеюсь, вы не убили Мигуэля? — продолжал тот.

— Надеюсь. Он придет в себя минуты через три.

— Как мне вымолить у вас прощение? Мы приехали сюда на заработки. Ну, вы понимаете, на какие. Дома на работу не осталось никаких надежд. Сеньор, если бы мы отняли у вас деньги, то поверьте, как бы мы в них ни нуждались, мы отдали бы их вам обратно, как только я узнал бы вас.

— Что? Плохо дело?

— Очень плохо, сеньор. Ты слышишь, Мигуэль? Это же тот самый сеньор, способный накормить толпу пятью хлебцами.

Мигуэль с трудом поднялся на четвереньки и снизу вверх посмотрел на гиганта, которого хотел ограбить.

— Ну как? — спросил его Анисимов.

— Вы не выступали на ринге? — спросил тот. — Кетч?

— Только в юности. Тогда не знали кетча.

— Мы проводим вас, сеньор, чтобы никто не напал на вас.

— Нет, спасибо, я подышу тут воздухом, а вы оба проваливайте. Хотя подождите. Вот вам каждому по десять долларов. И узнайте про Город Надежды. Может быть, его станут строить.

— Ах, если бы была хоть какая-нибудь надежда! — вздохнул один и вслед за ним другой, вертя в руках десятидолларовые бумажки и словно не веря глазам.

Анисимов зашагал прочь. Потом остановился и бросил назад отобранный револьвер.

«Не надо нарушать конституции чужой страны», — с улыбкой подумал он.

Конец первой части

ЛЕДОВЫЙ ПОХОД

*Вел тебя сквозь тоску,
Сквозь разлуку и тьму
Алый парус Надежды,
Алый парус Надежды!*

Людмила Шипахина

Глава первая

ГОРА И МАГОМЕТ

После возвращения академика Николая Алексеевича Анисимова из Нью-Йорка Аэлита однажды постучала к нему в кабинет. Только эту комнату он оставил за собой до отъезда в Антарктическую строительную экспедицию, решение о которой ему удалось провести на Ассамблее ООН. Остальную часть квартиры он предоставил под благовидным предлогом «ее охраны» Аэлите. Она долго не соглашалась, но уступила. И Анисимов облегченно вздохнул, полагая, что после его отъезда всеисцеляющий лекарь — время — поможет Аэлите устроить свою судьбу. Но как мало знал он женщин и как наивно думал, что Аэлита так просто сложит оружие!

А она, застенчивая, робкая, вошла в его кабинет, где царили книги и скульптуры (Анисимов любовно собирал их, допуская сюда лишь самые удачные собственные творения), и остановилась около кабинетных часов — модели Спасской башни Кремля. Они мерно

тикали в такт раскачиванию маятника, неизмеримо медленнее, чем забилося сердце у Николая Алексеевича.

— Вы скоро уедете, Николай Алексеевич, а я...

— А вы? — поднял брови Анисимов.

— А мне придется напомнить вам о месте своего рождения.

— О Марсе хотите рассказать?

— Да, о том острове, который Кренкель в шутку назвал Марсом. А меня отец совсем не в шутку — Аэлитой.

— Так что же этот остров?

— Я должна была погибнуть на нем, когда зимой мы остались без топлива. Помните, я вам в Терске ле рассказывала.

— Как же! Ваш отец придумал какое-то утепляющее устройство и спас вас.

— Это был ветряк. Представьте себе большую вертикальную трубу, сделанную в сечении в виде латинской буквы S. Откуда бы ни дул ветер, она вращается.

— Эффект выпуклости и вогнутости, — подсказал академик.

— Но на этом дело не кончилось.

— Вот как?

— Отец всю жизнь носится с идеей построить тысячи таких ветротруб, которые вращали бы электрические машины, соединенные Единым энергетическим кольцом.

— Неплохая идея. Ветер где-нибудь да дует.

— А разве вам в Городе Надежды не нужна даровая энергия ветра?

— Постойте, постойте! Догадываюсь, милая моя марсианка!

В дверь царапались. Академик встал и впустил Бемса. Тот удовлетворенно улегся подле хозяйки. Она поставила на него ноги, отчего пес совсем разомлел.

— Так надо вызвать вашего папу сюда, пусть проектирует нам ветроцентральный. В Антарктике ветер всегда дует, хоть солнца и не видно.

— А я уже вызвала.

— Вот молодец! Когда-то вы меня за снежную скульптуру расцеловали. Как бы мне не пришлось сейчас отдавать вам долг.

Аэлита смутилась:

— Я написала папе с мамой, чтобы приехали повидаться со мной и внуком, но папа ответил, что отпуск на заводе у него не скоро.

— Когда гора не идет к Магомету, Магомет идет к ней. Где он? На Урале? Завтра же вылечу к нему сам.

— Завод прежде назывался Надеждинским. Понимаете?

— Отлично понимаю вашу мысль. Почему бы вашему папе не перебраться из бывшего Надеждинска в будущий Город Надежды?

— С вами нельзя говорить. Вы все угадываете.

— Даже то, что вы хотите лететь со мной.

— Вот видите! — счастливым голосом воскликнула Аэлита.

— Вот только не знаю, как Нина Ивановна... Отпустит ли?

— С вами? Так ведь она сама меня в Западную Германию к вам посылала. И ключи у нее, чтобы за Алейшей и Бемсом...

— Мне остается спросить, заказали ли вы уже билеты?

Аэлита кивнула.

Анисимов восхищенно любовался ею.

Глава вторая

ИДЕИ

«Я намеренно пропускаю в своих записках двадцать лет. После окончания института я работал на родном заводе, где мне создали условия для исканий, оборудовав даже специальную лабораторию, казалось бы, не имеющую к металлургии никакого отношения. Но о предмете моих двадцатилетних опытов скажу потом. Мне помогали неизменные друзья Вахтанг Неидзе и Степан Порошенко.

Но пришла пора, и Степан по призыву партии отправился работать в сельское хозяйство. Мечтал перенести туда заводские традиции. Мы с Вахтангом гордимся, что наш друг стал Героем Социалистического Труда и директором совхоза, и не где-нибудь, а под самой столицей.

Дети мои выросли и разлетелись. Только я знаю,

как скучает о них Мария, а она — как не хватает их мне. Но, видно, таков закон природы. Птенцы вылетают из гнезда, чтобы опереться на собственные крылья. Счастливого им полета!

И вдруг... неожиданно прилетела к нам Аэль, говорит, как Магомет к горе, которую не сдвинешь с места. Да еще вместе с всемирно известным ученым, академиком Анисимовым.

И хоть по делу, а не на завод, а прямо к нам приехали!...

Мы хотели гостей позвать, но Аэль отговорила. Один Вахтанг пришел, чутье, говорит, у него особое. Кто тамадой будет?

Мария на стол собрала. Все-таки событие!

Вахтанг смекнул, что случай особенный, потому пошел у нас за столом деловой разговор.

Оказывается, из-за моих ветроцентральной академик сюда прилетел. Я от радости голову потерял.

С Николаем Алексеевичем мы быстро поняли друг друга: если Городу Надежды нужна энергия, то почему не получить ее от ветра?

Моим вертушкам все равно где вертеться, хоть над Южным полюсом. Солнце, нагревая планету в других местах, вызывает движение слоев атмосферы и в Антарктиде.

Анисимов по прямому проводу связался с министром, и в течение какого-нибудь получаса меня откомандировали для участия в Антарктической строительной экспедиции ООН.

Жаль, Аэль останется в институте Анисимова наукой заниматься. Но коль скоро добровольцы в Антарктиду нужны, написал я Спартаку в подмосковный совхоз.

Мария мечтала с внуком познакомиться. И полетели мы с нею в Москву.

Антарктическая строительная экспедиция в Москве помещения еще не имела, и Анисимов предложил мне организовать проектное бюро Ветроцентрали у него на квартире, старинной профессорской, с высокими лепными потолками и просторными комнатами.

Из отделанной дубом столовой вынесли мебель и поставили там с десяток чертежных досок с кульманами. На одну из них Мария претендовала, помогать хотела. Для проектирования пришли молодые инженеры. И взялись мы с ними за былой мой проект.

Пересматривать его пришлось. Ветроцентральный в Антарктиде не могла работать на Всемирное (как я мечтал) ветрокольцо. В безветрие рассчитывать не на что. Надо аккумулировать энергию. Но как?

Идею подсказал Анисимов. При интенсивной работе ветряков часть их энергии направлять для разложения воды на водород и кислород, которые будут храниться в сжиженном виде. Однако не для того, чтобы их сжигать (смесь их взрывоопасна), а чтобы использовать в недавно изобретенных водородных элементах, где эти газы, превращаясь в воду, дают в цепь электрический ток, почти такой, какой требовался для разложения воды. Удалось доказать обратимость процесса!

В квартире академика стало оживленно. Бородатые и длинноволосые проектанты выходили в коридор покурить. У них завязалась дружба с псом моей Аэль Бемсом.

С академиком мы сблизились и часто беседовали. Я много внимания уделял своему внуку Алеше. Академик нередко звал нас с ним к себе в кабинет.

Одна из бесед с ним произвела на меня огромное впечатление, заставила пересмотреть собственные узкоинженерные взгляды на жизнь. Он говорил, расхаживая по своему кабинету:

— Задача создателей Города Надежды шире, чем просто инженерная. Техника даст нам все для существования человека, от энергии, жилища, воссозданной в ледяном гроте природы до искусственной пищи, но техника даст только технику. А кто даст нам Человека будущего? Чем больше я задумываюсь над задачей Города Надежды, тем яснее становится мне, что в грядущем все науки и вся техника отодвинутся на второй план.

— Как на второй план? — изумился я.

— На первый план неизбежно выдвинется воспитание человека. Наше время характерно приматом образования над воспитанием. У нас еще встречаются образованные, но невоспитанные люди. В грядущих тысячелетиях таких не будет. И в нашем Городе Надежды их не должно быть. И доказать, что это возможно, едва ли не более важно, чем утвердить выгоду пользования искусственной пищей, солнечной энергией и чистой средой обитания. Давайте порассуждаем. Новорожденные младенцы, которые появятся через тысячелетие, биоло-

гически будут отличаться от наших теперешних не больше, чем новорожденные в дни фараонов от современных младенцев. Человеческий вид меняется медленно. А вот как меняется нравственный облик людей?

— Думаю, что здесь следует ждать скачка, — предположил я, — скажутся коммунистические идеи.

— Вы правы. Люди будущего обретут нравственные качества, присущие лишь лучшим людям современности. Но, спрашивается, как сформируется этот человек будущего из того же самого «морального зародыша человека», из которого вырастаем все мы, с нашими недостатками?

Я напомнил академику, что потерявшиеся в лесу дети, воспитанные дикими зверями, не становятся людьми, даже попав потом в человеческое общество.

— Вот видите! — подхватил академик. — Эрго — формирование в раннем возрасте происходит только под влиянием человека, и никто его в этом не заменит!

— Кто же должен это делать? Родители?

— А как вы считаете, Алексей Николаевич, можно ли поручить трепанацию черепа родителям? Вы в недоумении? Конечно же, нет! А воздействовать на детский мозг еще более глубоко, чем скальпелем, не умея этого делать? Это допустимо?

— Пожалуй, это несколько остраненно, но... остро.

— Я получил письмо из города Ефремова Тульской области от неравнодушного человека, знающего мои заботы, В. Д. Топырева. Я прочитаю вам отрывки, которые я использую для Города Надежды.

Он нашел лежащее на столе письмо и стал читать:

— «Школа будущего должна быть достаточно большой, обладать столярными и слесарными мастерскими, хлебопекарнями, собственной обсерваторией, библиотекой, школьным комплексом, оборудованным по кабинетной системе, зданием для кружковой работы, спортивным комплексом. И все это вынесено за черту города, поближе к природе. Извините, забыл о посевных площадях (ну, это не для нас!) для занятий садоводством, пчеловодством. Цивилизация должна дать подрастающим все передовое — новейшая архитектура, научные достижения и т. д.». Но главное, о чем пишет мой корреспондент и бесценный советчик, — это труд, труд и труд!

— Воспитание трудом наряду с приобретением знаний? — спросил я.

— Только труд делает человека человеком. Вот чему не могли научить ребенка дикие звери... и не умеют научить нерадивые родители. В огромном числе случаев они не в состоянии привить ребенку и кодекс высшей морали. История знает различные кодексы морали, служившие нуждам правящих классов. И характерно, что в былые времена часто эти кодексы (например, кодекс рыцарской чести наряду с представлением о собственном родовом превосходстве) внушались ребенку-аристократу в закрытых учебных заведениях, в монастырях или кадетских корпусах. Дети вырастали там не слишком образованными, но воспитанными в нужном для правящей аристократии духе. Родители видели детей лишь во время каникул. То же самое предлагает и мой корреспондент. Очень может быть, что школы грядущего будут воспитывать своих питомцев, взяв их из семей, ибо там не всегда могут так квалифицированно сформировать человека, как это окажется под силу подлинным специалистам этого дела.

И так это просто и убедительно прозвучало у академика, что буквально потрясло меня. Так неужели же я, всего себя отдававший техническим идеям, занимаясь чем-то второстепенным, а моя Мария, воспитавшая сына и дочь, делала нечто куда более значительное? Я не успел сразу всего этого проанализировать, но я согласился с Анисимовым, согласился! Я признал вопросы науки и техники второстепенными по сравнению с задачами формирования самосознания человека!

Но, может быть, и здесь найдется для меня поле деятельности? Может быть, возможно найти такое излучение, которое будет способствовать усвоению подрастающим человеком всех нравственных устоев, которые прежде (без особого успеха!) поддерживались в людях прошлого «страхом божьим»? Словом, есть над чем подумать. Идеи возникают и развиваются, когда в них нуждается человечество. А оно нуждается сейчас во всеобщей высокой нравственности.

— В нашем Городе Надежды мы создадим Школы жизни и труда, — решительно сказал академик, — чтобы не только жить так, как будут жить люди грядущего, но и воспитывать новое поколение подобно тому, как, вероятно, будут делать они».

ГУМАНОИД

«К академику однажды пришел какой-то профессор, и они долго беседовали.

Мы с инженерами вышли отдохнуть в коридор, а пес Бемс вертелся у нас под ногами, требуя, чтобы его чесали за ухом, гладили по спине.

Открылась дверь кабинета. Академик провожал гостя:

— Прошу вас действовать, Геннадий Александрович. И пусть в институте привыкают, что обязанности директора отныне исполняет профессор Ревич.

Что-то толкнуло меня. Далекие воспоминания. Геннадий Ревич? Полно! Просто совпадение.

С академиком прощался элегантно одетый человек, держащий себя с достоинством, с выправкой, как у военного. Лысеющая голова, золотые очки и золотые зубы, обнажавшиеся при улыбке:

Нелепая мысль пронзила меня. Генка Ревич, лейтенант из штаба партизанского отряда! Веселый человек. Не может быть!

А профессор Ревич уставился на меня:

— Простите, боюсь, что это не однозначно, но... вы чрезвычайно напоминаете одного из моих соратников. Тем более что ваша внешность, я бы сказал, поддается индентификации.

— Напоминаю кого-то? Может быть, партизана? — спросил я, пытливо вглядываясь в глаза за золотыми очками.

— Алеха! — крикнул профессор, раскрывая объятия.

— Генка! — радостно ответил я.

Мы обнялись.

— Представьте себе, Николай Алексеевич! Это мой фронтовой друг, вместе партизанили. Алеха Толстовцев! Как он здесь оказался? Седой стал, чертяка! А помнишь, как оружие брали у фашистов? А помнишь?..

И он хлопал меня по спине, обнимал, тискал, беспричинно смеялся и даже говорил по-простецки, не по-научному.

— Проходите, проходите в кабинет, — предложил академик. — Вам ведь есть о чем поговорить.

Еще бы! У каждого прошла долгая жизнь.

Мы сидели с Генкой и наперебой рассказывали друг другу о прожитом. Он заставил меня перечислять все, что я изобрел, и не то хмурился, не то улыбался. Иногда качал головой:

— Поразительно! Поразительно! Сколько в тебе зарядов, говоря партизанским языком. Каков твой творческий потенциал, переводя на язык науки! Неповторимая индивидуальность! Ты должен отдать должное моей проницательности. Я и тогда угадывал в тебе нечто особенное. Сколько ты там напридумывал! Один перцовый пистолет из бумажного фунтика чего стоит! А теперь, говоришь, около шестидесяти авторских свидетельств? И в самых разных областях от ветроэнергетики до кибернетики! Да ты, брат, адекватен самому Леонардо да Винчи! Когда-нибудь станут разбираться, кто ты такой на самом деле, как сейчас толкуют о великом Леонардо, который, как известно, был подкидышем.

Мне было неловко. Хорошо, что мы хоть одни в комнате. Я не знал, что он имеет в виду, говоря о Леонардо да Винчи, равнять с которым меня просто смешно.

Но он и не думал смеяться, обуреваемый вздорной гипотезой, принесшей мне столько горечи!.. А ему? Несколько минут общего внимания?

Мне пришлось ненадолго слетать на Урал по старым делам. Вернулся прямо на квартиру академика.

Мария встретила меня сама не своя. Мы заперлись, как она пожелала, в отведенной нам комнате, и я услышал невероятное:

— Алеша! Я ничему не поверила. И дед Ваум не поверил бы. А он мудрый был, однако.

— О чем ты, Машенька?

— Будто ты не человек вовсе. А какой-то гуманоид. Худо!

Я слышал, конечно, рассказы про летающие тарелки и о маленьких человечках, выходявших из них, гуманоидах, якобы прилетевших от другой звезды, чтобы исследовать нашу планету.

— Пришел в перерыв. Все собрались вокруг. И я

была. А он говорит, будто сам видел над партизанским лесом огненный диск.

— Самолет наш сбитый мог он видеть, больше ничего!

— Не самолет, говорит, а диск с куполом вверху, с окошечками.

— С иллюминаторами?

— Да. Так сказал. И что из этого ненашенского корабля будто спрыгнул чужой житель, гуманоид. Какой такой?

— Это значит «человекоподобный». На человека походит.

— На человека походит, — повторила она упавшим голосом. — Спрыгнул, чтобы жить среди людей, детей завести. — И она заплакала.

Я не знал, что делать, как утешить ее, как доказать, что я человек, а не чужезвездное животное, лишь похожее на человека? За всю нашу жизнь, не всегда легкую, впервые я видел, чтобы она так плакала.

— Но ведь ты же не поверила, — говорил я ей, поглаживая ее вздрагивающие плечи.

Она замотала головой и всхлипнула:

— Помнишь, удивлялась, что ты все знаешь? Зачем учиться надо?

— А гуманоиду, думаешь, не надо? — неосторожно сказал я.

— Какой гуманоид? Почему гуманоид? — возмутилась она и снова заплакала.

— Я с ним сам поговорю, — пообещал я. — Заставлю отказаться от своих слов.

— Слово не олень, арканом не поймает.

— Он откажется от своей гипотезы, потому что она ни на чем не основана. Я сейчас же потребую у него по телефону свидания.

Мария утерла слезы:

— А инженеры? Чертить будут?

— Они поймут, что все это неумная шутка.

Мария сквозь слезы улыбнулась. А я кипел от негодования.

По телефону женский голос ответил мне, что профессор Ревич занят, готовится к свиданию с академиком Анисимовым.

— С Анисимовым? Это мне и надо! — воскликнул я, удивив секретаршу.

Ревич действительно приехал к академику, который задержался в Совете Министров.

Я встретил Ревича и решительно провел его в кабинет академика, словно он уполномочил меня на это... Но я был так взбешен, что плохо отдавал себе отчет в своих действиях.

— А, Алеха! — расплылся он в златозубой улыбке. — Когда неофашистам зададим перца?

— Кажется, я задам перца тебе, — пообещал я.

— В чем дело? — недоуменно поднял он брови, уселся на диван и закинул ногу на ногу.

Я поместился на стуле напротив:

— Как ты мог, Геннадий, говорить обо мне черт знает что?

— Алеха, прости, но это мое убеждение. Согласись, что ученый вправе высказывать научные гипотезы. Мы с тобой здесь одни. Давай начистоту.

— О какой чистоте тут можно говорить, если ты грязнишь меня, подрывая мой авторитет?

Ревич замахал руками:

— Ни боже мой! Не подрывал! Никак не подрывал, а умножил твой авторитет, возвысил тебя до уровня неведомого пришельца, призванного поднять нашу культуру и технологию.

— Какой пришелец? Прыжок с парашютом с горящего самолета — это что? Инопланетное вторжение?

— Тише, тише. Сопоставим факты. Самолета никто не видел. Над лесом промелькнуло огненное тело. Согласен? Кое-кто утверждал, что над огнем возвышалась кабина с иллюминаторами.

— Это и была кабина убитого пилота. А турель моя в хвосте была.

— Знаю, знаю твою версию. Но придется тебе примириться с тем, что ты раскрыт. Ничего предосудительного в твоей инопланетной миссии нет. Но люди теперь вправе рассчитывать на твое посредничество в установлении связи со сверхцивилизацией. И я горжусь, что дружил с одним из ее представителей, к каким кое-кто относит и великого Леонардо.

Я молчал. Гнев лишил меня дара речи. Ревич поному истолковал мое молчание и продолжал, упиваясь собственной логикой:

— А как все тонко было разыграно! Человек как

человек! Только уменьшенные пропорции. А после войны оказался не помнящим родства.

— Потерять из-за фашистов всех близких — это не помнить родства? — с горечью воскликнул я.

— Тихо, тихо! Пиано-пианиссимо! Конечно, это неадекватно, но... удобно для прикрытия твоего инкогнито. Люди должны были принять тебя за своего. Широко поставленный научный эксперимент! Преклоняюсь перед вашей цивилизацией. Жениться на землянке и доказать, что ты можешь иметь от нее детей — это тоже запланированные этапы эксперимента. А твой фейерверк изобретений — это ваш щедрый дар нашей отсталой технологии, которая, быть может, вызывает у вас там — не знаю где — жалость или сочувствие. Да, сочувствие, потому что вы гуманны. Это я уяснил, размышляя над твоей жизнью. Не подумай, что я повредил тебе как руководителю проекта Ветроцентрали. Наоборот! Проектанты будут задыхаться от счастья, что выполняют чужепланетную, проверенную близ Альфы Центавра идею. Слово «гуманоид» они будут произносить с придыханием, преисполненные не только уважения, но и поклонения.

— Довольно, — оборвал я Генку Ревича. — Ты всегда был болтуном и останешься таким в любой научной мантии. Ты глуп, Генка, как многие подозревали в отряде. И не поумнел...

— Нет, почему же? Мои коллеги воздают мне должное. Даже твоя собственная дочь, работой которой я руковожу. Кстати, она мне всегда казалась неземной. Теперь я понимаю почему.

— Так как же она могла появиться на свет, если ее отец другого генетического происхождения? — в бешенстве закричал я. — Почему ни одна искусственно осемененная самка гориллы не дала потомства от человека? Почему?

— Стоп, стоп! Если это научная дискуссия, то позвольте ответить вам, заодно развив свою гипотезу. Почему? Да потому, что человек и обезьяна генетически не родственны! А вот мы с вами, пришельцами с Альфа Центавра или Тау Кита, мы с вами родня, одного генетического корня! Очевидно, в незапамятные времена твои предки — которые были и моими! — прилетели на Землю и остались на ней, дав начало человечеству, которое, увы, забыло, откуда оно родом! Они, а не дар-

виновские обезьяны с отсутствующим промежуточным звеном дали начало нашему человечеству! А вы, на своей Альфе Центавра или 62-й Лебедя, более цивилизованные, чем мы, одичавшие потомки космических колонистов, заинтересовались, что стало теперь с их родичами, порожденными былыми космическими переселенцами. Вот почему у тебя дети от земной женщины! Вот почему ты неотличим от человека, если не считать такого второстепенного фактора, как несколько меньшие пропорции.

— Ты балаболка под научной маской. И если не я, то другие твои коллеги тебе это еще докажут.

— Нет, сперва докажи мне, что ты — человек.

— Что требуется для этого? Разбить твои золотые очки, вышибить твои золотые зубы? Это убедит тебя?

— Тебе никогда не сделать этого, ибо гуманоид гуманен и не способен решать спор насилем. Недаром ты фашиста перцем угощал, а не пулей. Теперь-то понятно. Объяснение однозначно.

Мы не заметили, как в оставленных открытыми дверях появились академик Анисимов и моя Аэль. Изумленные, они, может быть, уже давно слушали нашу перепалку.

Ревич увидел их и изменился в лице, расплылся в улыбке и, обращаясь к Николаю Алексеичу, произнес:

— Надеюсь, академик простит мой чисто научный эксперимент. Это была шутка, Аэлиа Алексеевна, научная шутка. Ведь вы сами участвовали в подобных мероприятиях. Помните «пир знатоков»? Мне хотелось показать, как рождаются научные сенсации, которыми потом оболванивают людей. Многого, ах, многого можно добиться научной логикой, каковой пользовались почтенные и непочтенные софисты. Я заканчиваю представление. Финита ля комедия! И я приношу искренние извинения как всем своим слушателям, так и тебе, Алексей Николаевич, бесценный мой человек и фронтовой друг.

Аэль то бледнела, то краснела. Я старался взять себя в руки.

Мне было очень тяжело разочароваться в старом друге. И я заставил себя многое понять в нем. Он изменился? Да, конечно, изменился, приобрел новые черты, стремления, но... Клянусь, где-то внутри он все-таки

остался знакомым мне Генкой. Мне потом удалось еще раз поговорить с ним по душам.

— Зачем ты затеял этот балаган? — спросил я его.

— Слушай, Алеха! Ты был далек от таких проблем, которыми нам, ученым, заниматься считалось «неприличным». Я имею в виду НЛО, неопознанные летающие объекты, попросту летающие тарелки. Все мы, ученые, отмахивались от них, а они существуют, понимаешь, Алеха, существуют. Я сам исследовал загадочное биофизическое поле, которое остается на месте их посадки. Кварцевый излучатель и морской хронометр с гарантированной ошибкой в 0,01 секунды в сутки на месте зафиксированной посадки свидетелями посадки отстают за сутки на две секунды! Неслыханно для таких точных приборов! Отмечено излучение. Наконец, зафиксированы контакты, якобы имевшие место у людей с гуманоидами, похожими, черт возьми, на тебя! Дело дошло до того, что в 1978 году вопрос рассматривался на Генеральной Ассамблее ООН о возможной попытке вторжения инопланетян на Землю. Эта версия не была отвергнута на Высшем международном форуме. Всем странам, членам ООН, было предложено вести наблюдение своими национальными средствами и ставить ООН в известность о результатах. Понимаешь, Алеха! Это «неприлично» для почтенного ученого, но я всерьез допустил, что открою в тебе гуманоида, и старался «взять тебя на пушку», прости, говоря нашим старым «партизанским языком», потом пришлось спустить все на тормозах. Допускаю, что я ошибся, ты не раскололся, но... пойми и меня. Разве не должен был я устроить тебе такое испытание? А вдруг ты оказался бы гуманоидом?

— Вот была бы тебе слава, — усмехнулся я.

— Жаль, не вышло, — обезоруживающе пожал плечами Ревич. — А все-таки я верю в инопланетный разум. И всякий истинный ученый должен быть начеку и не сбрасывать со счета возможности инопланетного контакта. Не все инопланетяне могут оказаться такими славными парнями, как ты, Алеха! Я-то тебя видел в деле в Беловежской Пуще. Ну прости. Пришлось укрыться за щит «ортодоксальности», иначе не пробьешь себе пути. Вот так, друг.

Я старался понять бывшего Генку, ныне профессора. Неужели профессорское звание так обязывает?»

ЛЕДЯНОЙ РИФ

«И вот я снова среди льдов, как когда-то в дни своей юности в Карском море. Здесь в Южном Ледовитом океане они такие же плывущие навстречу заснеженные степи.

Развеялись тучи, и в лучах низкого солнца засверкало разбитое штормом поле. Развалившееся, все в промоинах, оно уже не напоминало белую степь, а шевелилось, тяжело дышало и даже рычало.

Мы со Спартакoм и Остапом наблюдали, как отколовшиеся льдины подкрадывались к нашему лесовозу и ныряли под киль. Потом, словно задохнувшись, ошалело выскакивали на гребень волны в полынье, оставленной шедшим впереди ледоколом «Ильич». По ней, как по проложенной реке, один за другим плыли корабли строительной армады ООН. Несколько десятков. Они растянулись от горизонта до горизонта, находясь на безопасном расстоянии один от другого.

Но вскоре и поле, и полынья, напоминавшая проспект, и шедшие по ней корабли строительной армады исчезли в налетевшем снежном заряде.

Как мне все это знакомо! Ребятам же — в новинку. Тщетно пытались они разглядеть в снежной сетке нагромождения льдов, не то торосы, не то надводные части коварных айсбергов.

— Как бы мордой о причал не чокнуться, — опасно заметил Остап.

Корабль наш словно повис в снежной мути. Метель никак не кончалась. И будто раньше времени опустилась на нас полярная ночь, погрузив в серую темноту.

Жуткий вой сирены пронзил летящую мглу. Казалось, какое-то чудовище взревело диким голосом от боли и в предсмертной ярости трянуло корабль. Палуба «Титана» накренилась. Мы со Спартакoм ухватились друг за друга. Остап вцепился в реллинги. Мимо нас прокувыркалось ведро, потом, сам собой разматываясь, укатился сорвавшийся со щита круг пожарного рукава.

Зыбкая во время качки палуба сейчас как бы заклинилась, став покатой.

Пробежал, скользя по обледенелым доскам, худосоч-

ный Педро из какой-то латиноамериканской страны (Эквадора, Боливии или Парагвая), он истошно орал:
— Святая дева, спаси нас. Разве можно плыть на «Титане»? У него судьба «Титаника»!

— Заткнись, — кричал ему вдогонку его приятель Мигуэль. — Твои ребятишки получают страховку и хоть раз в жизни обожрут.

Ребята мои поняли лишь слово «Титаник» и сделали правильный вывод, что «Титан», как и «Титаник», налетел на айсберг.

А ведь этот голландский лесовоз, зафрахтованный для экспедиции ООН, был гружен моими трубами для ветростанций, бесценными роторами. Они должны дать энергию Антарктиде, и без них там ничего нельзя начать строить.

Мы грузили их со Спартакoм и Остапом в ленинградском порту.

Так гибла надежда на Город Надежды.

Выла сирена, в летящей сетке металась тень. Косые лучи прожектора выхватывали то выпученные глаза, то разинутые рты.

Как легко люди теряют человеческий облик. Пробежавшие латиноамериканцы затеяли у шлюпки драку с неграми из Кейптауна, и только Мбимба, гордый африканец, исполненный спокойного достоинства, пытался разнять их.

Сцепившиеся люди покатались к переборкам, где и застряли, стараясь ударить друг друга.

— А руки все ищут работу, — с горькой иронией произнес Мбимба, как бы извиняясь за происходящее и намекая, почему все они оказались здесь.

Мы с ребятами поспешили к капитану. И нашли норвежца с неизменно торчащей в зубах трубкой. Это был сухопарый моряк со шкиперской бородкой, провалившимся щеками и ледяными глазами. Он докладывал в микрофон, поднесенный ему трясущимся от страха радистом в распахнутом кителе:

— К сожалению, командор, продержаться на плаву не сможем. Ваши трубы потянут на дно не хуже якорей. Нам бы плоты и шлюпки спустить. Что? Высылаете вертолет? Сесть ему некуда, разве что веревочная лестница...

Я представил себе академика Анисимова на капитанском мостике «Ильича». Снег, -наверное, запорошил

его отрастающую бородку, которая делала его еще более похожим на былинного Добрыню Никитича. Но сейчас его богатырский подвиг, совершенный в ООН, где он добился решения создать под ледяным куполом Антарктиды Город-лабораторию — модель грядущего, мог оказаться напрасным. Природа встала у него на пути, топя наши трубы.

Айсберг вынырнул из мглы пугающе близко. Он загородил собой пробитую ледоколом полынью. И корабль врезался в него.

И тут снежную сетку раздернуло. Вдали появились остальные корабли флотилии ООН. С ледокола «Ильич» взмыл вертолет.

Паника у нас на лесовозе могла бы утихнуть. Корабль не погружался в воду, не менял положения. Но покатая палуба страшила, напоминая о близком конце.

Несколько шлюпок удалось спустить на воду, и к веревочным трапам, крича и ругаясь, рвалась толпа.

Невозмутимый капитан Нордстрем, попыхивая трубкой, неторопливо стал спускаться с капитанского мостика.

Я нагнал его.

— Как грузы? — по-английски спросил я его. Пригодились мне мои занятия английским, который я изучал вместе с Аэль, когда она освоила японский.

Капитан раздраженно обернулся, но, узнав меня, ответил насколько мог вежливо:

— Прошу прощения, сэр. По морскому уставу: люди прежде грузов.

— Какова опасность? — постарался уточнить я как можно более спокойно, хотя понимал, что дело плохо.

Норвежец буркнул:

— С вашего позволения, сэр, мы сели... на ледяной риф.

— Можно осмотреть повреждение?

— Иду туда. И если вас не утомит...

Мы спустились в кормовой трюм. Обдало сыростью и запахло рыбой, как в тральщике, на котором мне привелось побывать еще в Арктике.

Электрические лампочки тускло отражались в мутной воде, наполовину скрывавшей огромные, уложенные штабелями трубы.

Потом, не поднимаясь вверх, по ставшему сейчас

крутым соединительному коридору прошли мимо затихшего машинного отделения. Под ногами по железным рифленным плитам струился ручеек. Было скользко.

В носовом трюме мокрые трубы образовали завал, преградивший нам путь. Впереди в электрическом свете поблескивала зеленоватая ледяная глыба. Подводный выступ айсберга, протаранив судно, вдвинулся в трюм, разбросал штабеля. К счастью, он закрыл собой пробоину, подобно кинжалу, оставленному в ране. Но вода все же проникла между льдом и рваными краями пробитого отверстия.

Идти стало совсем скользко и трудно. Я бы не пробрался дальше, если бы не помощь Спартака.

Остановились перед пробоиной. Она ужасала. А наш Остап глубокомысленно изрек:

— Сама льдина проткнула, сама заделала.

И не было в его словах никакой рисовки. Просто таков был парень. Норвежец не понял его, но пришел к тому же выводу. Он обернулся к сопровождавшему нас помощнику, худому и длинному моряку:

— Дать малый вперед. И так держать, чтобы не сползти с ледяного бивня.

— Есть, сэр, — отозвался моряк и исчез.

— Кэптен, — возможно более спокойно и твердо обратил я к капитану, — результат экспедиции зависит от этих труб. Без них остальным судам нечего делать в Антарктиде.

Капитан по-бычьему наклонил голову и тупо уставился на меня, будто впервые увидел.

— Трубы надо выгрузить на айсберг. Все до единой, — посоветовал я.

Моряк выпустил в меня клуб дыма и презрительно произнес:

— Нет порталых кранов, сэр. Мы не в доках, с вашего позволения.

— К нам летят вертолеты. Они и станут кранами.

Норвежец словно подавился дымом:

— Если вы согласитесь, сэр, я послал бы за врачом. Я пропустил мимо ушей его учтивую грубость:

— Лучше за третьим штурманом. Он отвечает за грузы.

— Здесь не только трубы, если вы припомните. Кроме труб, еще и части зданий, в которых установили бы ваши трубы.

— Выгружать надо трубы, только трубы и все трубы, — настаивал я.

— Куда, сэр? В море?

— Нет. На подвернувшийся нам остров.

— Остров? — поразился капитан.

— Да. Ледяной остров. Чем айсберг не остров? Имеет достаточную для размещения труб поверхность и не тонет.

— Ах, айсберг! — понял наконец капитан и наморщил лоб.

Должно быть, привык капитан находить острова на географических картах, а не сталкиваться с ними, плавающими в открытом океане.

— Есть, сэр, — буркнул он и отправился отдавать приказания.

Вместе с ребятами поднялись мы следом за ним на крутую палубу.

Лесовоз слегка содрогался. Винты работали, надвигая его на ледяной бивень, как назвал выступ айсберга капитан. Судно словно цеплялось за врага, поразившего его.

Зазвучала разноязычная команда. Матросы оставили шлюпки и бросились к крышкам трюмных люков. Загрохотали судовые лебедки.

К величайшему изумлению сидящих в шлюпках людей, лесовоз готовился к разгрузке.

Остап, завладев рупором, кричал на смеси всех известных и неизвестных ему языков:

— Айсберг!.. Джаб!.. Работа!.. Арбейте!.. Принимайте на ледяной горе труба. Аллес! О'кэй! Сакраменто! Доннер веттер! Чертова перечница!

Думаю, что он не смог бы объяснить, в чем смысл последнего ругательства. Впрочем, как и предыдущих».

Глава пятая

НА АЙСБЕРГЕ

«Я перебрался на айсберг в одной из шлюпок вместе с латиноамериканцами и негром Мбимба.

Склон айсберга напомнил мне покатую палубу лесовоза. Волны набегали на него, слизывая снег. Мокрый лед был скользким.

Шлюпку вытащили на снег, и его сразу затоптали.

Мигуэль и Педро стали махать снятыми с себя куртками, сигналижая вертолету с первой партией труб, что готовы к их приему.

С вертолета заметили, и скоро первый штабель труб повис над нашими головами.

К кромке льда приставали другие шлюпки.

К гибнущему кораблю подлетел еще один вертолет. И, пока первый опускал на айсберг свой груз, второй вытаскивал очередной штабель из трюма.

Люди, недавно паниковавшие на тонущем корабле, теперь, чувствуя твердую почву под ногами, забыли о пронизывающем ветре, освобождали трубы от цепей, укладывали на снег и махали пилоту вертолета, крича на разных языках: «Вира!», «Майна!», «Даун!», «Ап!», «Унтер!», «Хох!»

Меня очень беспокоил ветер и крутая сторона айсберга, я настаивал, чтобы трубы клали вдоль ската. Но с этими людьми трудно было сладить. Они не признавали в столь невзрачной фигуре, как я, начальство и отмахивались от меня. Я слышал, как латиноамериканцы обменялись репликами, не подозревая, что я понимаю их.

— Ох уж эти боссы! — проворчал Мигуэль. — Не попался нам этот в Централь-парке. С ним бы мы справились.

Не знаю, что он имел в виду.

Педро резко оборвал его, опасливо глядя в мою сторону.

— А что мне! — отозвался Мигуэль. — У нас свобода слова. И все равно нас должны кормить, пока не доставят обратно. Никаких домов не будет! Тю-тю! Хлюп-хлюп! Нет крыш над головой.

— А дома под крышей нас с тобой никто кормить не станет, — напомнил Педро. — Да услышит меня пресвятая дева!

Грохот рухнувшего от резкого порыва ветра штабеля труб, положенных не так, как я требовал, заглушил голоса. Трубы будто нехотя покатались по склону. Снег замедлял движение, но ветер вражьей силой гнал их к воде.

Люди, отозвавшись на мой зов, бросились к трубам. А злобное, грохочущее железо, словно взбесившись, готово было сокрушить все на своем пути.

Но в нас проснулась злость против них, как у ры-

баков, когда пойманные рыбы стремятся улизнуть в воду.

Не было здесь ни ломов, ни клиньев, ни другого инструмента. Нечего было вбить в лед или^н поставить на пути ожившего металла.

И тут случилось, казалось бы, невероятное. Щуплый, с виду трусливый Педро обогнал катящуюся трубу и бросился под нее. Притом не плашмя, а встав на четвереньки, чтобы через него трудно было перекатиться.

Не раз приходилось мне убеждаться, что хорошее пробуждается в людях в критическую минуту.

Труба придавила человека, казалось, расплющила его или вдавила в снег.

Педро истошно кричал.

Мы с Мигуэлем и Мбимбой бросились к нему. Негры из Кейптауна, недавно дравшиеся с ним на палубе, вытащили его и отнесли подальше.

Труба остановилась, другие трубы налетели на нее, громоздясь огромной кучей «хвороста», где каждую «хворостинку» вдвоем не обнимешь.

Я склонился над пострадавшим:

— Крепитесь, сеньор! Я сообщу командору о вашем подвиге и отправлю вас на вертолете в лазарет ледокола. Будете там как дома.

— Дома? О пресвятая Мария! Дома жена с ребятишками. Как вы думаете, сеньор, ей передали аванс? А за мое увечье она получит что-нибудь?

— Полно. У вас только ушиб, — утешил я его. — А ребятишки ваши, уж конечно, теперь сыты.

— Смотрите, смотрите! — послышалось со всех сторон.

Летающий кран нес очередную партию труб. Казалось бы, теперь в этом уже ничего особенного не было, но все же груз был необычен, потому что на обоих концах штабеля, свесив ноги в обледенелых на ветру ботинках сидели два человека.

Я обрадовался, узнав Спартака с Остапом. Значит, в трюмах уже не осталось больше труб.

Ребята прыгнули ко мне на снег и обернулись к лесовозу «Титан».

Он словно ожил, воспрянул. Освободившись от части груза, судно слегка всплыло и снялось с «ледяного рифа», о котором говорил капитан Нордстрем.

Сам он стоял на капитанском мостике, по морской

традиции намереваясь покинуть гибнущее судно последним.

Какое-то время «Титан» перестал походить на тонущий корабль. Корма его без тяжелых труб всплыла, выровнялась. Но ледяной бивень, проткнувший корпус судна, очевидно, выдвинулся, и в пробоину хлынула вода.

Но пока что корабль еще гордо стоял на плаву, словно намереваясь «развести пары» и отправиться в кругосветное плавание.

Дальше все произошло как-то сразу. Если в начале катастрофы нос корабля, вползшего на подводную часть айсберга, был задран, то теперь из-за пробоины он стал погружаться быстрее кормы.

К кораблю подлетел вертолет и сбросил веревочную лестницу.

Нам с айсберга было видно, как человеческая фигурка стала взбираться по ней с капитанского мостика. Но капитан Нордстрем не спешил скрыться в кабине вертолета, а раскачивался над своим кораблем, словно прощаясь с ним.

Еще несколько минут — и корма голландского лесовоза ушла под воду, обнажив на миг винты с намотавшимися на один из них водорослями. Вода забурилась, завертелась, вскипела пузырями.

Потом затихла, и волны равнодушно прокатились над недавней воронкой. Пенные их гривы зачеркнули все здесь происшедшее.

Вертолет понес вцепившегося в веревочную лестницу капитана к ледяной горе. Сверху он, наверное, видел чернеющие на снегу, зачем-то спасенные трубы. Может быть, наш айсберг показался ему обитаемым островком с человеческими фигурками на льду?

Нордстрем, быстро перебирая планки лестницы, забрался в кабину вертолета.

Остап, с восхищением наблюдавший за ним, произнес:

— А ведь трубку-то, стилига, так и не выпустил из зубов! Мастак, видать, по вантам лазить!

— Вот бы в школах для аттестата зрелости ввести обязательное плавание ребят на парусных кораблях! Как ты думаешь? — обратился ко мне Спартак.

Думаю, что он прав. Что-то в этом роде нужно для ребят. Иначе в подобных условиях сдадут...»

ДОЧЬ ДРУГА

«На айсберге, где продувало ветром со всех сторон, привелось мне впервые за время экспедиции увидеть ее, которую я знал еще крошкой с огромным бантом-бачкой в черных вьющихся волосах.

Мы ждали катера с «Иоганна Вольфганга Гёте».

По радио дали общий «адмиральский вызов». На Совет командора приглашались все капитаны кораблей и технические руководители стройки.

Моего Спартака тоже вызвали как молодежного вожака.

Остап, приплясывая на снегу и похлопывая себя рукавицами, говорил:

— Везет же парноному, как в очко картежнику. Отогреешься в салоне. А мы тут без последних достижений культуры смерзнемся как цуцики. Ты хоть милосердную сестру с химическими грелками притащи. На ледоколе у японского доктора вымоли.

— Нет лучше химии, чем внутри нас! — крикнул Спартак и совсем по-мальчишески кинулся бороться с Остапом.

Но тот, ввиду явного преимущества противника, спасая бегством под общий хохот темнокожих и белокожих ледовых робинзонов.

Глядя на Спартака, я сразу понял, что она на катере. Он стал махать руками, приплясывать, смешно выкидывая ноги и скользя на мокром льду. Потом, разбрызгивая набежавшую волну, влетел в воду.

— Кому море по колено? Врут, что только под мухой! — заметил Остап.

С ним можно согласиться.

Я увидел ее. Она сидела вместе с двумя громоздкими мужчинами, чернобородым инженером Вальтером Шульцем и капитаном «Гёте» Денцлером, с виду добродушным, но на деле несносно придиричивым толстяком. На ней были куртка и брюки, как на мальчишке. И берет, из-под которого ветер старался вырвать черные волосы, развернуть их, как она шутила, пиратским флагом.

Я сел напротив нее. Спартак рядом. Он сказал ей странные слова:

— Стихов моих любимый томик...
Но она их поняла и засияла.

Я нашел ее еще в Москве. Ведь она была дочерью моего друга и другом сына со школьной скамьи. И мне хотелось узнать ее.

Спартак повел меня к ее тете, сестре Вахтанга. Она была замужем за известным академиком архитектуры, который не только предоставил девушке комнату в своей квартире, но и привил ей свою неистовую любовь к зодчеству.

«Покажи, что тебя окружает, и я скажу, кто ты». Кажется, я переиначил известное изречение, но сейчас так можно было сказать.

Я вошел в ее комнату и ошляделся. На стенах репродукции: затейливые, многоскульптурные храмы Древней Индии, величественно огромные и предельно простые египетские пирамиды, таинственно покинутые великолепные дворцы и храмы древних майя, причудливые восточные пагоды с загнутыми вверх краями крыш. Здесь и беломраморные шедевры эллинской архитектуры, венчающиеся божественным Парфеноном. И рядом островерхие, иступленно устремленные вверх готические церкви. И оттеняющие их сурово мрачные башни средневековых замков, олицетворение силы, страха и оскудения духа.

Да, Тамара любила свою архитектуру, она поклонялась ей, воздвигнув ей своеобразный маленький храм в своей комнате.

Я сказал ей о своем впечатлении.

— Это ведь голос эпох, — отозвалась она, гордо вскинув голову. — Цивилизации появлялись и исчезали. И оставались от них великолепные, порой загадочные здания, дворцы или храмы, изучая которые, люди пытаются понять, кто, зачем и как их строил, на каком уровне культуры находился, как жил и что думал.

— Так вот что напоминают репродукции!

— Мне не надо напоминать. Я поклоняюсь прекрасному и ненавижу «архитектуру скупых смет».

— А почему здесь нет таких современных зданий, как американские небоскребы?

— Не говорите мне об этих чудовищных коробках стиля нищих духом богатеев.

— Вы решительны в своих взглядах и высказываниях, — заметил я, не решаясь называть ее по старинке на «ты». Она мне казалась жрицей выдуманного ею храма. Пожалуй, она даже воображала себя в толпе молящихся под причудливыми сводами или царственной походкой поднималась по мраморной лестнице дворца, который должен удивлять великолепием и роскошью людей и тысячелетия спустя.

— Вы говорите о решительности моих высказываний? Я в суждениях всегда такая. Спартак знает. Даже природу воспринимаю с некоторым преувеличением. Покажу вам кое-какие этюды — и вы лучше поймете меня. Я пишу то, чем восхищаюсь, и прежде всего силой стихии. Потому, рисуя лес, я изображаю лесной пожар, а река у меня выходит из берегов, затопляя дома и дороги. А море не представляю себе иначе, чем в шторм с девятым валом, накрывающим корабль вместе с мачтами. Потому и ветерок, закручивающий листья на дорожке, представляется мне сокрушительным торнадо.

— Вы выдумщица! — рассмеялся я. — Но рыбак рыбака видит издалека. Недаром я к вам пришел.

Спартак сказал:

— У нее волшебная лупа. Вот и любитесь через нее миром.

— Лупа романтики? Кто бы мне ее подарил?

Они оба рассмеялись.

— Она с твоей собственной лупы копию сняла, — пояснил Спартак.

Мы сразу стали добрыми друзьями. Я написал Вахтангу, что восхищен его дочерью.

Он прислал телеграмму: «Буду тамадой. Прошу вызвать».

Он, конечно, имел в виду свадьбу...

Когда Тамара узнала, что Спартак вместе со мной отправляется в Антарктиду на стройку Города Надежды, она умудрилась перейти на работу в архитектурную мастерскую, занимавшуюся проектированием зданий Города Надежды. А там с чисто женской настойчивостью и лукавством (как она сама заявила) сделала так, что наблюдение за выполнением заказов на блоки зданий поручили ей. И пришлось ей отправиться в Гамбург. И так уж вела дела, что в Антарктиду отправить груз без нее оказалось невозможным.

В конце концов юная жрица богини Зодчества попа-

ла на корабль «Иоганн Вольфганг Гёте» и вот теперь вместе с инженером Вальтером Шульцем почему-то направлялась на Совет командора.

Я любовался ею и Спартаком.

В полынье, пробитой для судов ледоколом «Ильич», на которую вышел катер, стало сильно качать.

Капитан с «Гёте» только посмеивался, отчего у него словно прибавлялось подбородков, второй же великан так согнулся, что спрятал свою разбойничью (по словам Тамары) бороду у себя в коленях. Сама же Тамара — Вахтанг мог гордиться ею — закусив губу, отодвинулась от борта, к которому ее, вероятно, потянуло. Она скорее умерла бы, чем позволила себе перегнуться через него.

Катер приближался к флагману экспедиции.

Я смотрел на Тамару, на ее лицо, напоминавшее древнюю камею, и думал, почему на Совет командора Анисимов вызвал архитектора, когда блоки зданий Города Надежды утонули. Ведь он не знал, с чем я еду к нему на ледокол».

Глава седьмая

ВОДА-ЧУДЕСНИЦА

«Теперь надо вернуться к перерыву в моих записках, к двадцатилетней работе на металлургическом заводе, где удалось создать «лабораторию изобретательства». В бывшей кладовой машиностроительного цеха установили столы со множеством приборов и даже станки: токарный, сверлильный, фрезерный. Все сами делали на них для задуманных новшеств.

Помогло мое предложение избавить сталеваров от заглядывания в мартеновскую печь, когда лицо обдавало жаром. По пучку охлаждаемых стеклянных нитей цветное объемное изображение передавалось на всю длину жгута. Через простейшую оптику можно видеть внутренность печи, не приближаясь к ней. То, что это не ново, меня не обескуражило. Ведь сталеварам стало легче! И лабораторию мы получили для давно задуманных исканий.

— Зачем тебе вода? Простая вода? — удивился Вахтанг.

— Мы с тобой, друг, на восемьдесят процентов из

воды, а земной шар на три четверти залит водой. А свойств ее как следует не знаем.

— Почему не знаем? Зачем так говоришь? Не сжимается, электричества не проводит, не намагничивается, замерзнет — твердой становится. И расширяется!

— Вот-вот! — воскликнул я. — Именно твердой! — и я рассказал Вахтангу, как Мария научила нас на северном острове отеплять дом снежными кирпичами.

— Ледяные стены хочешь? — догадался Вахтанг. — Не растают?

— Если по трубам, заложенным в стены, пропускать холодильный раствор, вода замерзнет.

— Слушай! Мы с тобой дома из воды отлить будем! Степан, — позвал он Порошенко. — Ты литейщик, слушай! Форму сделаем для целого дома с комнатами. Водой зальем. Потом заморозим. Форму разберем. Дом готов. С балконом. С сортиром. Ва!..

— Тьфу! Ну и воображение у тебя! — отозвался Степан.

— Почему так? В книжке прочитал:

Не яйцо воображало,
Не петух воображал.
Человек — «воображало»,
Нет других «воображал».

— Это царица Анна Иоанновна для потехи ледяной дом на Неве приказала построить. А нам в тепле жить надо.

Я сказал, что в ледяных домах должны быть не только каналы для охлаждения, но и теплозащитные, отопляемые панели.

— Лед охлаждаем, комнаты греем! Вместо обоев теплоизоляция. Хорошо! — обрадовался Вахтанг.

— Лед — коварный материал, — предупредил я. — Ледники знаешь? Текут как речки. Медленно, но неизменно.

— А правда! Почему?

— Известное дело. Твердая жидкость — вот что такое лед, — солидно заметил Степан.

— Вот и нужно нам, друзья, придумать, как твердую жидкость в твердое тело превратить, — предложил я.

— Что делать будем? С какого конца?

— Начнем с воды. Пробовать по-всякому.

— Я ж говорю, что мы не яйца, не петухи, а человеки, воображала!

— Верно, Вахтанг. Воображение нам' потребуется.

Так начались наши, может быть, и не вполне оригинальные исследования. Мы были упорны и искали десять лет.

Мы даже старались намагнитить воду, заведомо немагнитную. И обнаружили изменение ее свойств. Она активнее растворяла в себе вещества, не давала накипи. А это было уже кое-что! Узнали, что и в других местах добились подобных результатов. Потом установили, что чистая дистиллированная вода в закрытом сосуде выделяет газы по-разному в разное время суток и времен года. И разница в двадцать раз!

Но над лабораторией нависла угроза.

Однажды к нам вошел новый директор завода Аскаров, переведенный с юга Урала. По его обычно скованному лицу пробегала порой гримаса, которую он подавлял усилием воли. Ему особенно приходилось держать себя в руках, потому что его сопровождал знаменитый ученый, член-корреспондент Академии наук СССР, профессор и лауреат премий, человек высокий и по росту и по положению, с лицом по-орлиному строгим, с широко расставленными глазами и царственно-птичьим выражением.

— Какую вы тут воду из пúстого в порожнее переливаете? — спросил директор и поморщился, как от боли.

— Омагниченную, Садык Митхатович, — отрапортовал Неидзе.

— Что вы скажете? — обратился директор к ученому гостю.

Тот с презрительной усмешкой произнес:

— Вода диамагнитна, и потому магнитные поля ее свойств не изменят. Сомневаться в этом антинаучно.

Это был приговор. Мы с Вахтангом поникли головами.

— Понятно? — спросил новый директор.

— Понятно, но не до конца, Садык Митхатович.

— Конец будет в закрытии лаборатории, занимающейся посторонними для металлургии делами, — заключил директор и поморщился.

И они ушли.

— Жил-был царь, — начал Вахтанг. — Очень любил

слушать советников и набирал их, чтоб говорили красиво, величаво...

Я махнул рукой, а он закончил:

— Так выпьем за советников чистую омагниченную воду. У нас на Кавказе большего оскорбления нанести нельзя. Мы потом ему скажем, как мы за него пили.

— Когда?

— Как только в котельную омагниченную воду пустим.

И мы дали в котельную для питания котлов омагниченную воду. Работали по ночам в лаборатории, которую «забыли» закрыть. Степан в этом помог, он как раз партийные дела сдавал прежде, чем отправиться директором совхоза, куда его перебрасывали.

— Знаешь, почему Аскарлов морщился? — спросил меня Вахтанг. — Будто палец в двери защемило. Камни у него шли. Из мочевого пузыря. Я-то знаю. Потому омагниченную воду надо пить. Растворить камни должна. Ведь в котельной в трубах накипи больше нет!

Мы со страхом ждали нового прихода директора.

И он пришел, но уже без гостя, укатившего в Москву.

— Почему лаборатория не закрыта? — строго спросил Аскарлов.

— На металлургию работала! — бодро отпартовал Вахтанг.

— Домны намагниченной водой охлаждать собираетесь?

— Нет. Котлы ею питать. Посмотрите, пожалуйста. Результат в трубах есть, как у меня в мочевом пузыре. Ни накипи, ни камней. Все растворяется.

— Что? Что? — оживился директор, рассматривая приготовленные для него образцы труб из котельной и поднимая глаза на Вахтанга.

— Омагниченную воду пью, Садык Митхатович. Пью и приговариваю: «Будь здоров, кацо, потому что все можно купить, кроме здоровья».

— Это что? Заклинание?

— Это тост. Но можете и без него пить, Садык Митхатович. В котельную вода без тостов идет. Мы вам насадку с постоянными магнитами приготовили. На домашний водопроводный кран. Никогда болеть не будете. И не поморщитесь.

— Вы что? Хотите, чтобы я вас за знахарство под

суд отдал? 121-я статья уголовного кодекса. Один год лишения свободы.

— Зачем лишать свободы? Там оговорка есть. Можно и общественное порицание. А хотите — административное взыскание. Возьмите, пожалуйста. Хотите «за выговор», хотите «за спасибо».

Директор ничего не сказал, а магнитную насадку на кран взял. Может быть, попробует?

Не знаю, что помогло: растворенные камни или растворенная накипь в трубах котельной, но директор приказ о ликвидации нашей лаборатории не подписал.

И принялись мы с Вахтангом за лед. Десять лет ушло на это, а вернее, двадцать, если считать еще и воду, которая убила нас в неожиданных свойствах, появляющихся у нее под влиянием магнитного поля, смены ночи днем, весны летом или осени зимой. Мы верили, что сумеем превратить твердую жидкость в настоящее твердое тело.

Вдохновила нас работа известного ученого, у которого Вахтанг побывал в Москве (у него там сестра замужем за архитектором), заслуженного деятеля науки и техники, профессора Михаила Михайловича Протодьяконова. Автор новой теории электронных оболочек предсказал существование особого льда, в котором кристаллические решетки обыкновенного льда как бы вдавлены одна в другую: электроны, составляющие одну решетку, размещаются в пространстве между электронами другой. Такой лед должен тонуть в воде и плавиться при нескольких стах градусах. Но втиснуть одну решетку в другую можно лишь при высоком давлении. Но главное, такой лед не будет обладать текучестью, как мы мечтали! Замечательно, что спустя какое-то время этот лед был получен в Англии, как об этом сообщил в своей монографии Н. Х. Флетчер, во всеми предсказанными Протодьяконовым свойствами. Для нас это было поощрением, но еще не решением. Нужно было иметь «лед Протодьяконова» при обычных условиях, перестроить кристаллическую решетку обычного льда под влиянием внешнего воздействия.

И нам удалось достигнуть этого столь же неожиданным путем, каким вода обретала новые свойства при омагничивании. Мы научились превращать простой лед в протодьяконовский на простом морозе, найдя необходимое излучение.

Мы с Вахтангом послали заявку на сделанное открытие в Комитет по изобретениям и открытиям, но получили отказ со ссылкой на рецензию высшего авторитета в этой области, каким оказался тот самый высокий гость, который посетил нашу заводскую лабораторию. Маститый ученый решительно отверг наше «открытие», поскольку его не может быть, ибо оно противоречит основным законам природы.

Нам с Вахтангом осталось только добавить к его заключению окончание фразы чеховского героя, писавшего письмо ученому соседу: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда».

Глава восьмая

СОВЕТ КОМАНДОРА

«Эти записки не обо мне, Тамаре Неидзе, рядовой участнице антарктической эпопеи, а о том удивительном, что ей привелось там повидать, научившись искать и находить.

Я начинаю их с памятного дня, когда командор экспедиции академик Николай Алексеевич Анисимов впервые вызвал меня на борт «Ильича» для участия в Совете командора.

Надо ли говорить, как я волновалась? Но нельзя было выдать себя ни моим немецким спутникам, ни даже Спартаку, не говоря уже об его отце, который пристально изучал меня, пока катер шел к ледоколу.

Все мы, приглашенные на Совет, разместились в «адмиральной каюте» (салоне капитана), сверкавшей белизной и червонным золотом начищенной меди. Сидели на вращающихся кожаных креслах под квадратными иллюминаторами.

Прекрасный интерьер! У моряков изысканный вкус!

Академик всегда поражал меня. Обычно я воображала его себе холодным изваянием, воплощением спокойствия и воли, а увидела былинного богатыря, озабоченного исходом предстоящей схватки, хмурого и взволнованного. Он нервно расхаживал по салону. И даже я почувствовала себя нужной ему...

Как бы хотелось написать портрет с него, с такого!..

Говорили капитаны на разных языках. Академик суммировал мысли:

— Итак, капитаны хотят плыть в Австралию и там в портах дожидаться кораблей, которые доставят утраченное оборудование. Авария с «Титаном» признается не случайной. Прежде злоумышленники клали под компас магнит, теперь испортили радиолокатор, и айсберг остался незамеченным перед самым кораблем.

Как страшно это было слушать! Неужели даже в нашу высокогуманную экспедицию проникают подобные изверги!

Академик остановился посередине салона. На миг он показался мне разгневанным Зевсом. Я понимала его. Будь на его месте, я не знаю, что сделала бы. Но он знал.

— Первое: впредь ввести строжайшую охрану навигационных приборов. Второе: спасенные трубы разместить на палубах кораблей, поскольку трюмы заняты. Для перегрузки воспользоваться вертолетами как летающими кранами. Третье: прежде чем думать об Австралии, решить, сорвана ли наша экспедиция.

— Найн, найн, ништ! — поднялся грузный и бородастый Вальтер Шульц. — Экспедиция не есть сорвана, — начал он на неважном русском языке, который старательно изучал. — Я имею указать на запасный вариант «два-бис», который имел быть разработанным еще на Германия. Без энергии — не есть работа. Электростанции есть на дне океана, но на воде остались корабли, мои господа. Немецкие специалисты всегда делают все по правилам. Я имею сказать, что теперь надо действовать без правил.

— Ай да Бармалей! — не удержалась я. Уж очень он, огромный, бородастый, напоминал мне великана из старой сказочки.

Спартак ухмыльнулся и шепнул:

— Поддержим.

Капитаны, услышав про свои корабли, зашумели.

— Общая мощность всех судовых двигателей есть весьма значительная величина...

— Остановитесь, герр Шульц, безумный инженер! — прервал его Денцлер. — Вы хотите вытащить наши суда на берег? — Он стоял перед Шульцем и был таким же огромным, только со многими подбородками вместо бороды, — два великана из разных сказок!

— Зачем на берег? — возразил по-немецки Шульц. — Суда останутся на рейде, но их двигатели будут вращать

электрогенераторы, которые находятся в трюмах корабля почтенного капитана Денцлера.

— Не трогайте моего судна! Лучше ответьте, как вы передадите электрический ток с кораблей на сушу?

— Катушки с кабелем есть на вашей палубе, герр Денцлер. Кабель надо размотать и соединить им все корабли, протянув дальше на сушу...

— Вы забыли о плавучести! Кабель утонет.

— Зачем так забывать? — снова перешел на русский язык Шульц. — У меня есть намерение протянуть кабель на поплавах. Их надлежит сделать из деревянных барабанов, которые плавучие есть.

— Каков Кирджали! Разбойничий план! — прошептала я Спартаку, подталкивая его локтем, чтобы он выступил. Ведь академик был демократичен, хотел знать мнение и молодых рабочих.

Спартак засмутился, но вскочил.

— Чертовски здорово! — начал он, слегка заикаясь. — Какова на земном шаре мощность всех двигателей автомобилей и тракторов? Оказывается, чуть ли не больше мощности всех электростанций мира. Разве не стоит использовать хотя бы наши судовые двигатели для энергетики? Молодежь поддержит.

И тут со своего кресла сполз, став от этого лишь чуть выше, отец Спартака, Алексей Николаевич, и сразу удивил всех:

— Нет нужды задерживать корабли. Им плавать надо.

Спартак смущенно посмотрел на меня: ему было неловко за отца, не понявшего дерзостного плана Шульца.

Толстовцев продолжал:

— Капитанов отпустим. Электрооборудование с их кораблей разгрузим. Оно понадобится для ветротруб.

— Имею просить прощения, коллега, — прервал Шульц. — Без стен и крыши — не есть дом. Без дома — не есть электростанция, а только шутка.

— Нет, не шутка. Ветротрубы установим над зданиями.

— Тогда будем иметь необходимость стены и крыши делать новые. Материал — камень, к сожалению, есть только под километровой толщиной льда, мои господа.

— Зачем нам делать подледные каменоломни, когда можно воспользоваться просто льдом? Лед — тот же камень, в особенности, если его подвергнуть излуче-

нию, над которым мне привелось работать в течение двадцати лет. Уплотненный под влиянием излучения лед теряет свою опасную текучесть и смело может использоваться как строительный материал. Вся необходимая аппаратура для обработки льда имеется. Из льда легко вырубать кирпичи и блоки будущих зданий. Правда, их придется заново запроектировать. Но почему бы нашей зодчей не воплотить достижения своего отца?

Я встrepенулась, словно что-то сверкнуло передо мной, ослепило на миг. Еще в детстве я слышала о пapiной мечте.

Академик с присущей ему ясностью уточнил мысль Алексея Николаевича.

— Инженер Толстовцев предлагает создать ледяной карьер на куполе ледника и, надо думать, использовать выемки для первых этажей зданий Ветроцентрали, сооружаемых из блоков вынутого льда.

— Благодарю вас, — поклонился Алексей Николаевич и сел.

— Что скажут архитекторы? — спросил академик, смотря на меня.

Наверное, я вспыхнула как еловая ветка в костре:

— Из архитекторов я одна! Вы простите меня, но строить здания для Ветроцентрали не из камня или железобетона, как всюду, а изо льда! Это же сказка!..

Не помню, что там я еще наговорила, кажется, размечталась вслух о прозрачном дворце, для которого нет лучшего материала, чем лед, подобный хрусталу, назвала лед самоцветным камнем полярных широт, прозрачным мрамором, и я не знаю что еще... Может быть, дядя Миша, мой первый учитель в зодчестве, был бы доволен...

Академик смотрел на меня, улыбался и внимательно слушал. Он понимал, что изо льда надо проектировать особые здания. А архитектор — самый захудаленький — всего один: это я! И дяди Миши нет рядом.

Но когда Анисимов закрывал заседание Совета, я чуть не умерла после его слов:

— Быть посему. От плавучей энергетической базы, предложенной инженером Шульцем, не отказываемся.

Но ведь если будет «плавучая энергетика», то никакие ледяные здания не нужны, пропал весь мой запал!

Даже у Спартака и у того лица вытянулось.

Академик невозмутимо продолжал:

— В такую базу мы превратим один наш ледокол «Ильич», благо его атомная установка уже дает электрический ток, и вместо того, чтобы питать им двигатели винтов, мы передадим его по кабелю, как предложил Вальтер Шульц, на сушу, для работ в ледяной каменоломне Толстовцева. Ведь выплавлять лед легче, чем выламывать. Не так ли? А фактуру Хрустального Дворца Ветров, который нам спроектирует наш антарктический зодчий Тамара Неидзе, это не испортит. Энергетикам — ознакомиться с методом облучения строительного льда.

Когда мы выходили на палубу, я подошла к Алексею Николаевичу:

— Спасибо вам.

— За что спасибо? — поднял он на меня глаза.

— За все спасибо. За папу спасибо. За спасенные вами трубы спасибо. За желание создать Ветроцентральный на льду спасибо. За ледяные дворцы, которые вам надо спроектировать, спасибо. Можно, я вас поцелую?

— Можно, Вахтанговна, можно. Мы с твоим отцом лед двадцать лет строительным материалом делали.

Но я просто крепко пожала ему руку. На правах соратника...

Спартак смеялся. А я радовалась. И дядя Миша радовался бы, будь он здесь. Его ученица выходила на «оперативный простор». Он любил приводить мне монгольскую половицу: «Чтобы научиться плавать, надо войти в воду».

Я «поплыла»...»

Глава девятая

ДУХ ОКИНАВЫ

В Японии лучше родиться без рук и без ног, чем без родственников.

Они и только они во главе с почтенным Матсубиси помогли Иесуке Танаге закончить медицинское образование.

Он рано остался без родителей. Они стали постыдными жертвами бомбардировки Нагасаки и умерли спустя двадцать лет после атомного взрыва, оставив юного Иесуке на попечение родственников.

Но когда почтенный Матсубиси-сан после возвраще-

ния Иесуке Танаги в Японию сообщил племяннику, что хочет видеть его, Танага заволновался. Ничего хорошего от этого свидания он не ждал.

Дядя пригласил его в свой офис на улице, примыкающей к Гинзе.

Обычный деловой небоскреб. Лифты, услужливые лифтеры с почтительными улыбками. Низкие поклоны входящим, пожелания удач выходящим.

Ослепительный паркет коридора. Отделанные пластиком стены, отраженные в них огни плафонов.

Секретарша, в больших очках, одетая, как и все в офисе, по-европейски — в белой кофточке и узкой макси-юбке, тотчас узнала Иесуке и закивала в знак того, что шеф ждет его.

У дяди все было толстым и тяжелым. Тучная фигура, заплывшее лицо с тремя подбородками, брови — две толстые запяты, поднятые к вискам, толстые усы, опущенные скобками по обе стороны толстогубого рта, очки с толстыми стеклами. Он снимал и клал их на тяжелый стол, щурясь близорукими глазами на невероятной тяжести несгораемый сейф, который без подъемного крана не вытащить...

Матсубиси встретил племянника без особой радости, хотя вежливо справился о здоровье, подняв от деловых бумаг тяжелый взгляд и указав на тяжелый стул напротив, выразительно жесткий. «Посидел, сделал дело — уходи!»

— Иесуке, — начал дядя, — твои почтенные любящие родственники очень недовольны. Ты не оправдал возложенных на тебя надежд, извини. Ты должен перенять у европейцев их приемы, а ты вместо этого стал демонстрировать им свои, которые более уместно применить здесь, на родине. Это не бизнес, извини.

— Я не мог поступить иначе. Я старался спасти великого русского ученого.

— При помощи столь же великой русской женщины?

— Скорее молодой, самоотверженной.

— Я слышал, что ты занялся изучением русского языка?

— Да, дядя, извините. Это «метод погружения». Мы, изучающие, на долгий срок совершенно отключаемся от всего нам знакомого. Мы говорим только по-русски, пишем по-русски, читаем их книги, слушаем русскую музыку, поем русские песни, более того, мы думаем

по-русски и даже видим русские сны. Я несколько раз видел Москву. Извините.

Дядя откинулся в кресле, взял в руки очки и, покусывая их дужку, задумался:

— А ты хотел бы увидеть ее не во сне?

— Разумеется, почтенный дядя.

Матсубиси опять погрузился в размышление. Потом вяло заговорил:

— Мои друзья по бизнесу, — Иесуке Танага знал, что дядя связан с военной базой американцев на Окинаве, — могли бы оценить твоё знание русского языка. Я ведь угадываю твоё тайное желание. Оно тоже может оказаться полезным. Поэтому ты примешь участие в конкурсе изучающих русский язык и получишь премию — поездку в Москву.

— Но если мне её не присудят? — усомнился Танага.

Дядя выразительно хмыкнул и тяжело поднялся со своего места. Аудиенция закончилась, и оба низко кланялись друг другу. Дядя, тяжело ступая слоновьими ногами, проводил племянника до двери.

Иесуке понял, что на него делается ставка.

Лифтер, открывая перед ним дверцу, с почтительной улыбкой пожелал ему успеха.

«Языковое погружение» закончилось, и Танага принял участие в конкурсе, получил там словно заготовленную для него премию, хотя был не из самых лучших знатоков русского языка, и... приехал в Москву.

Он видел её лишь во сне и совершенно не знал города. Тем более не представлял, как найти Анисимова и Аэлилу.

И как всегда принято считать, ему помог случай, который отнюдь не был случайностью. К столику японца в отеле «Метрополь» подсел американский журналист Генри Смит.

Они вместе любовались мраморным фонтаном в ресторанном зале, плавающими в нём «красными рыбами», которых услужливые официанты по заказу вылавливали сачками, наблюдали за пестрой разноязычной толпой туристов и разговаривали по-английски.

Генри Смит восхитился знанием Танагой русского языка. Он побывал на Окинаве и общался там с японскими бизнесменами, но не выучил по-японски ни слова. А тут — свободное общение с русскими! Ког-

да же Смит узнал об интересе Танаги к искусственной пище и ее создателям, восторгу его не было границ. Он готов был оказать Танаге любую помощь — он знал Москву и русских людей. Иесуке Танага, растерявшийся в чужой стране, рад был предложенной помощи расторопного американца.

Генри Смит поговорил по телефону со своим «русским другом», как он сказал, с которым познакомился в Риме, и узнал от него адрес института академика Анисимова. К сожалению, самого академика в СССР не оказалось, он уехал на Ассамблею ООН в Нью-Йорк, но его заменяет профессор Ревич, «русский друг» попросит его принять Иесуке Танагу. Но... американский приятель почему-то попросил Иесуке Танагу не выдавать в институте своего знания русского языка.

— Значительно удобнее слушать, что при вас будут говорить русские на своем родном языке, не подозревая, что вы их понимаете. Это может пригодиться и вам... и нам, — многозначительно добавил Генри Смит.

Японец, благодарный Генри Смигу за помощь, пообещал говорить в институте по-английски, мысленно решив, что русским языком он воспользуется, когда придет дело до осуществления сокровенной мечты.

Так Иесуке Танага попал в кабинет профессора Ревича, который временно замещал академика Анисимова.

Ревич вышел из-за стола, низко (совсем по-японски) кланяясь посетителю. Иесуке тоже кланялся, удивляясь, какими сходными оказываются обычаи в его стране и здесь.

Говорили по-английски. Японец интересовался миссией академика Анисимова в Нью-Йорке, и, поскольку она освещалась всей мировой печатью, профессор Ревич не делал из нее никакого секрета.

Геннадий Александрович Ревич любил внешние эффекты. Разговаривая с японцем по-английски, он вспомнил «пир знатоков» и Аэлилу, так поразившую всех своим знанием японского языка, и решил блеснуть перед японцем русским гостеприимством. Дама-референт по его просьбе тотчас пригласила младшую научную сотрудницу Толстовцеву. Танага не знал фамилии Аэлиты и, хотя и понял обращение профессора к референту, не догадался, кто появится в кабинете.

Когда вошла Аэлита, он онемел, не мог произнести

ни слова ни на своем родном, ни на одном из знакомых ему языков.

Аэлита узнала Танагу и несказанно обрадовалась:

— Это же доктор Танага! Как я рада вам, Иесукесан! — сказала она на японском языке, по-европейски протягивая гостю обе руки, и, обернувшись к Ревичу, добавила по-русски: — Представьте, это тот самый доктор Танага, который спас от смерти нашего Николая Алексеевича в Германии!

— Ну что вы! Это сделали больше вы, нежели я, — на приличном русском языке произнес Танага и спохватился.

Но было уже поздно. Профессор Ревич пронзительно смотрел на него. Почему это он скрыл при посещении академического института свое знание русского языка?

Вызов Аэлиты, как решил Ревич, оказался несомненной его ошибкой. Он сразу утратил ведущее начало в разговоре с иностранным гостем. Танага и Аэлита оживленно болтали по-японски, и это представлялось Ревичу вопиюще нетактичным. Он не понимал ни слова и решительно не знал, как вновь овладеть положением.

— Господин Танага так хочет увидеть Николая Алексеевича, — объяснила Аэлита. — Надеется, что ООН примет решение о строительстве Города Надежды.

— Но у меня на это мало надежды, — буркнул Ревич. — Слишком рискованная трата огромных денег. И зачем это делать в таком труднодоступном месте? — Ревич сказал это и прикусил язык. Ведь японец, скрывавший свое знание русского языка, понял его.

Академика ждали на следующей неделе. Иесуке Танага успел съездить в Ленинград и снова появился в институте.

Академик Анисимов принял его в том же кабинете, что и Ревич, переводчиков ему, прилично знавшему японский, не требовалось, хотя гость и не скрывал от него своего умения говорить по-русски. Получилось, что в знак взаимного уважения каждый из собеседников говорил на языке другого. И все-таки Николай Алексеевич попросил даму-референта пригласить Толстовцеву.

Японец оживился. Он уже понял, кто придет.

Они вспоминали втроем особую палату, покойного академика Мишеля Саломака, неугомонного бородача Вальтера Шульца и даже напыщенного профессора

Шварценберга. Не забыли и медицинских сестер, даже санитаров.

Когда на следующий день Ревич узнал о решении Анисимова взять доктора Танагу на флагманский ле- докол в качестве врача, то пришел в ужас.

Он присутствовал в кабинете, когда академик убеж- дал по телефону морского министра включить японца в советский экипаж.

— Что вы делаете, Николай Алексеевич! — шипел Ревич. — У меня есть неопровержимые данные, что япо- нец подослан к нам.

Анисимов высоко поднял брови, но продолжал раз- говор с морским министром, который очень неохотно уступал маститому ученому.

Лишь положив трубку красного телефона, Аниси- мов вопросительно взглянул на Ревича.

— Надо быть бдительным, Николай Алексеевич. Вы согреете змею у себя на груди.

— Не забудьте, Геннадий Александрович, что эмбле- ма медицины: змея над чашей. Она символ фармаколо- гии. А доктор Танага будет лишь лечить больных в на- шей экспедиции.

— Но он скрыл свое знание русского языка, посетив меня!

Академик расхохотался:

— Только и всего?

Ревич уничтожающе посмотрел на своего шефа, но смолчал.

Академик продолжал смеяться. Но ведь он не знал, что Танага действительно выполнял совет своего аме- риканского знакомого и просто не сумел выдержать на- вязанной роли, едва увидел Аэлиту!

Аэлита же искренне радовалась тому, что Иесуке Танага поедет с академиком.

— Вы должны будете, Иесуке-сан, лично следить за здоровьем академика, всегда знать, как чувствует себя Анисимов-сан. Он ведь такой пожилой человек. И он так нужен нам... всем. Честное слово, — почему-то сму- тившись, добавила она по-русски.

По приезде в Японию Танага узнал о скоропостиж- ной кончине своего почтенного дядюшки, и ему не при- шлось ехать на Окинаву.

ЛЕДОСТРОЙКА

Нет на земном шаре морозов страшнее, чем в Антарктиде. Водись там воробы, они ледяными камнями падали бы с неба, как в лютые зимы в Сибири. Но никто не летал над ледяными просторами замерзшего материка.

Едва гасли последние перед полярной ночью зори, небо становилось одновременно и черным и ярким. Так сияли на нем южные созвездия.

Когда еще луна не восходила, в одном и том же месте занималась заря, хотя солнце уже ушло за горизонт. Зарево рождено было прожекторами стройки.

Люди в легких комбинезонах и специальных шлемах со спущенным прозрачным забралом работали посменно круглые сутки споро и весело.

— Бери, бери, разноязычные! Оп, взяли! Сама пойдет, сама пойдет! Цепляй крюком за петлю штопора! Это тебе не бутылки раскупоривать! Вира! Вира! Эй, на вертолете! — слышался озорной голос Остапа, державшего перед собой микрофон.

— Черт бы побрал эту загородку перед глазами, — ворчал Мигуэль, — харкнуть некуда, не то что закурить.

И, приподняв на миг пластиковый щит, он сердито сплюнул себе под ноги. Кусочек смерзшегося льда ударился в выемку, откуда вертолет с помощью Остапа и его помощников поднял отделенную от монолита ледяную плиту.

— Моряки в море не плюют. И ты работу не оплевывай, — отозвался Педро, придерживая повисшую на крюке плиту за угол.

— Плевать мне на эту работу! — продолжал Мигуэль. — Нашли место, где делать эти проклятые электростанции!

— Лучше не делать? Лучше на панели сидеть? — рассердился всегда добродушный толстый Билл с чикагских боен, где он потерял работу из-за автоматизации убоя скота.

— Нет, отчего же не делать? Но почему не где-нибудь на Гавайских островах? А то выбрали для Города-лаборатории самое богом проклятое место. Тьфу! —

И Мигуэль снова приподнял прозрачное забрало, откуда вырвалось облачко пара.

— Уж не замерз ли мсье Мигуэль? Или его комбинезон плохо греет из-за обрыва проводов? Что касается меня, то мне здесь несколько не хуже, чем под парижским мостом через Сену, — заметил француз де Грот.

— Таким, как ты, маркизам все равно где мерзнуть, — огрызнулся Мигуэль.

— Чтобы не мерзнуть, лучше крепко работать, — заметил негр Мбимба.

— А ну, навались, ребятенки! — закричал Остап. — Бригадир наш Спартак идет. Мигом разберем, отчего тепло, отчего холодно!

Рабочие поняли только два его слова «бригадир Спартак». И сразу подтянулись, прекратив болтовню.

Они трудились в углубляющемся котловане, из которого вынимали ледяные плиты, ставя их по краям в виде будущих стен. Там за них принимался Алексей Николаевич Толстовцев, который, казалось, никогда не спал. Он поливал их водой и облучал специальными аппаратами, чтобы получить сверхтяжелый, нетекучий «лед Протодьяконова».

Подошел Спартак, крепкий, широкоплечий, одетый, как и все, в легкий комбинезон, прошитый металлическими нитями. Длинный провод от его костюма тянулся к щитовой палатке, где рядом с трансформаторами красовался мраморный распределительный щит. Оттуда то и шел вниз, к бухте, высоковольтный кабель. Атомные установки вмерзшего в лед судна работали на полную мощность, посылая электрическую энергию на ледостройку. Потому горели здесь прожекторы, тепло было людям в рабочих нагреваемых комбинезонах, хотя температура воздуха опустилась ниже семидесяти градусов по Цельсию, потому и кипела в котловане работа, и волшебное излучение Толстовцева превращало лед в камень.

Нож-ледорез тоже нагревался электрическим током. Спартак включил электропитание. Вдвоем с Остапом они понесли от щитовой палатки нож-ледорез к очередной плите. Провод тянулся по незапорошенному льду.

С виртуозной ловкостью друзья обрезали будущую плиту по шаблону с четырех сторон. Другие рабочие тем временем ввернули в нее штопор с кольцом для подъем-

ного крюка. Но прежде требовалось отделить плиту снизу от монолита.

Нагретый ледорез входил в лед с шипением, как раскаленный нож в масло. Нельзя было терять и секунды, чтобы не дать подрезанной снизу плите снова примерзнуть.

— А ну! Не спи, не храпи, не зевай. Вира! Эй, ангелы! На вертолете! — орал в микрофон Остап.

Плита легко отделилась от дна котлована и поплыла по воздуху. Порывистый ветер гнал тучи снега и раскачивал ее.

Но со следующей плитой приключилась беда. Почему-то погасли разом все прожекторы. С вертолета осветили котлован, и рабочим удалось зацепить крюком уже отделенную от дна плиту, но она не поднималась. Вертолет оказался на мертвом якоре.

Напрасно Остап сыпал проклятиями на всех языках:

— Доннер веттер! Гад дем! Сакраменто! Чертова перечница!

Плита примерзла.

И тут все запрыгали где кто стоял. Холод перехватывал дыхание. Тело, которое еще минуту назад согревалось комбинезоном, ledenело.

— Я погибаю! — заорал Мигуэль. — Глоток виски! Спасите!

— Авария, — тихо сказал Спартак Остапу. И закричал: — Всем к складу-палатке. Разобрать шубы, варежки, валенки!

Люди, не знавшие русского языка, все же поняли его и, толкая друг друга, побежали в кромешной тьме, прорезываемой лишь лучом прожектора с вертолета, к складу-палатке, где хранилась теплая одежда.

Зажглись карманные электрические фонарики.

Началась пурга. Летящие сугробы обрушивались на лед, насыпая снежные барханы, грозя занести только что сооруженные стены котлована.

И тут на нескольких языках послышалась команда маленького инженера Толстовцева:

— Всем работающим не выходить из склада-палатки. Прижмитесь друг к другу. Не бойтесь, что занесет снегом. И продолжайте работу.

— Как это продолжать работу? — возмутился Мигуэль. — Мы еще не спятили.

— Продолжайте работу мысленно. Напрягайте мыш-

цы, ворочайте тяжести, не давайте себе замерзнуть! Только в этом спасение.

— Говорил, от работы тепло, — заметил негр Мбимба. Африканцу холод был особенно мучителен, но он переносил испытание стойко.

— Спартак, Остап! — скомандовал Толстовцев. — Берите лыжи. Вертолет лететь в такую пургу не сможет. Ждать восхода солнца долго. Придется самим освещать путь. Идите вдоль кабеля. Найдите повреждение. Скорее всего оно в соединительной муфте на крутом склоне. Смотрите не сорвитесь!

— Есть не сорваться! — отозвался Остап. — У нас никакое дело не срывается, даже окунек с крючка.

И двое друзей в неистовую пургу отправились в путь. Не будь у них такого указателя, как тянувшийся по льду кабель, они заблудились бы на первых же шагах.

Спартак шел впереди, нащупывая лыжной палкой припорошенный кабель. Он круто повел вниз. Катиться на лыжах стало невозможно, пришлось переступить ими, как при подъеме «ступеньками».

Все ниже, ниже. Ветер дул как бы сверху вниз, грозя ощутимой, плотной массой летящего снега сбросить в пропасть, к бухте, где стоит вмерзший в лед ледокол.

Неизвестно, в какой из соединительных муфт произошел разрыв. Но Спартак с Остапом сами прокладывали кабель и знали месторасположение муфт, хотя сейчас в этой адской пляске снега отыскать их нелегко.

Мороз не смягчился от ветра. Скорее напротив. Снежинки льда вполне могли бы быть твердой углекислотой, замерзающей при такой температуре.

Лица завернуты шарфами, собственное дыхание чуть согревает лицо. В ушах вой, руки и ноги деревенеют от холода.

Приходится спускаться все ниже и ниже. В первой соединительной муфте, которую удалось осмотреть, все в порядке. Неприятность где-то ниже, быть может, на самой опасной круче.

И они дошли до места, где кабель свисал со скалы, кончаясь соединительной муфтой, вторая половина которой вместе со снежной лавиной и кабелем скатилась куда-то вниз.

Спартак приказал Остапу остаться здесь и взял разматывающую веревку, чтобы зацепить ее конец за полумуфту с оборванным кабелем.

Требовалось спуститься к подножию скалы, похожей на лыжный трамплин. Спартак прикинул, что здесь на лыжах не скатиться, и стал, борясь с толкающим вниз снежным вихрем, осторожно спускаться «ступеньками» к подножию скалы.

Если кабель не уполз дальше, будет большая удача! А если его утащило вниз — пиши пропало!

Но никогда не бывает так, чтобы решительно все оборачивалось против человека, иначе он не смог бы выжить в непрестанной борьбе с природой.

Сноровка дедов-оленеводов, обитателей тундр, проснулась в Спартаке и подсказала, как ему действовать в непроглядной тьме антарктической пурги. Его фонарик мог достать лучом лишь до конца лыж. Спартак нашел путь с помощью неведомого чувства, не имеющего названия на обычном языке.

Но он умудрился, или с его помощью, или просто потому что ему повезло, найти конец оторвавшегося кабеля.

Закрепив за полумуфту конец веревки, Спартак стал осторожно взбираться по круче. Ориентиром служили собственные следы, которые почти занесло снегом.

Найти Остапа, приплясывавшего около оборванного кабеля в ожидании Спартака, было нелегко. Остап периодически издавал звуки, напоминавшие сигналы маяка в тумане. Голос его охрип и вместо гудения в вое пурги слышалось надсадное хрипение.

Но все-таки именно эти звуки помогли Спартаку найти Остапа.

Как ни прыгал Остап на месте, он отчаянно замерз. Но появление из тьмы фигуры Спартака заставило его забыть о морозе.

Вдвоем принялись они выбирать, а потом тянуть веревку.

Быть может, не так был тяжел кабель, как трудно было вытащить его из уже наметенных над ним сугробов.

Казалось, невозможно представить себе, что при семидесятиградусном морозе люди обливаются потом.

Однако напряжение всех сил Спартака и Остапа давало им даже больше жару, чем электронагрев рабочего комбинезона.

Все-таки они вытащили оборвавшийся кабель. Теперь надо было его присоединить.

Спартак по переносной радиостанции, предусмотрительно захваченной с собой, попросил отключить кабель и узнал, что его отец уже дал такое приказание.

Теперь можно было безбоязненно соединять разо-мкнутые полуштыки.

Но беда не приходит одна. Все крепления, соединяющие полуштыки, сорвало снежной лавиной. Пришлось заменять их той самой веревкой, с помощью которой друзья вытащили оторвавшуюся часть кабеля.

— Веревки и палки — оружие смекалки! — озябшими губами шутил Остап.

Когда друзья возвращались, ориентиром им служило зарево над котлованом, где работа уже кипела вовсю.

Очередная вынутая из выемки ледяная плита плыла по воздуху, чтобы занять свое место в стене.

Глава одиннадцатая

ХРУСТАЛЬНЫЕ ДВОРЦЫ

Снег угнетал беспредельной белизной. Бледное солнце чуть прореживало на севере плотный облачный покров.

И земля и небо были одинаково белы и безмолвны. Лыжня тянулась исчезающей жалкой ниточкой. Снежный простор до самого горизонта выглядел удручающе ровным: ни холмика, ни впадины, ни тени. Земля как бы отражала унылое белесое небо.

Тамара, подняв голову, оглянулась на Шульца.

Этот добрый великан вызвался проводить Тамару до ее Хрустальных Дворцов, никогда не упуская возможности побыть с нею.

Она уже много знала о нем. Во время войны его отец в каком-то военном чине работал главным механиком химического завода под Франкфуртом-на-Майне. Мальчику помнились зарева пожаров над городом после американских бомбежек. Но их пригород был тихим оазисом в адской пустыне пепелищ и руин. Ни одна бомба не упала сюда. Ведь часть акций химического концерна принадлежала американцам! В пригороде размещался госпиталь. По тенистым улицам бродили на костылях несчастные калеки. Мальчик жалел их, в особенности одного — без обеих ног. Инвалид ездил в кресле-коляске на велосипедных колесах, соединенных с обреза-

ненным обручем, который надо было крутить руками. Тогда-то Вальтер и сделал свое первое изобретение: стащил из отцовского гаража запасные стартер и аккумулятор и приладил их к креслу так, что ведущая шестеренка стартера прижималась к резиновому ободу и могла вертеть его. И кресло так помчалось по аллее, что мальчик даже бегом не смог его догнать. Инвалид растерялся, не повернул как надо и «попал в аварию». Кресло сломалось. Проказа мальчика возмутила медицинское начальство. Отец Вальтера имел неприятности. Он строго наказал сына, но его склонность к изобретательству взял на заметку. И это определило судьбу Вальтера. Вместо того чтобы посвятить себя поэзии, как мечтала восхищенная его детскими стишками мать, он поступил в Высшую техническую школу. Заканчивая ее, он рассчитывал помогать отцу в деле очистки водных отходов химического производства. Но на старости лет старший Шульц, ответственный за загрязнение рек рейнского бассейна, угодил в тюрьму, не сумев заплатить крупного штрафа. Вальтер так возненавидел эти сточные воды, что решил уничтожить их в прямом смысле этого слова. Он предложил превращать их электрическим током в газы, из которых потом снова получать уже химически чистую воду в водородных элементах с одновременным возвратом затраченной энергии. Пришло время, и академик Анисимов вспомнил об его схеме как о прекрасном способе аккумуляирования энергии для Антарктической Ветроцентрали. И Вальтер Шульц попал в экспедицию ООН, где встретился с Тамарой Неидзе.

Оттаивая сейчас льдинки в черной бороде, он улыбался:

— Где же мы есть, фрейлейн?

— На глади озера, герр Шульц, неоглядного, как материк. И которое по прихоти злого волшебника замерзло вдруг.

— О нет, то не есть волшебник, фрейлейн! — полушутливо отозвался Шульц. — Перемещение земной оси. Похолодание.

— А на дне этого озера — загадочная страна, когда-то существовавшая без льдов. Добраться бы до нее!

— Я имею сказать, фрейлейн, что ваша фантазия необыкновенна есть! И вам весьма легко иметь покорение меня.

— Ну что вы! Я против покорности.

И она оттолкнулась лыжными палками, пускаясь снова в путь.

Они делали огромный крюк, чтобы добраться до Энергоцентрали по пологой трассе. Прямой путь на купол ледника из бухты, где зимовал на рейде ледокол «Ильч», был недоступно крут.

Наконец они остановились перед выросшими среди снежной пустыни зданиями Энергоцентрали.

Тамара не уставала любоваться своей воплощенной в лёд мечтой. Она помнила, как принялась за проект в мучительную качку, и сразу перестала ее замечать. Радость самостоятельного творчества без указок и ограничений, всеобщее внимание, наконец, вера в нее командора призвали вдохновение. И оно понесло Тамару вывесь, сравнимое лишь с полетом во сне. Во сне она увидела впервые эти колоннады из вращающихся труб, стоящие на уступах драгоценного пьедестала, каким представился ей лёд. И она стала воплощать сновидение в проект. На чертеже впервые появлялась невиданная конструкция.

И когда раздался на корабле крик «Земля!» и Тамара выбежала на палубу, едва ли не впервые с памятного Совета командора, то проект к этому времени уже был готов.

Перед нею простирался таинственный Антарктический материк, поднимаясь вдали ледяным куполом. На берегу меж обнажившихся утесов сползали в море ледники. У подножия скал кипел белой пеной прибой.

И вдруг, словно отмечая радостный для Тамары день, у нее на глазах произошло нечто невероятное. К берегу будто подкралась невидимая подводная лодка и салютовала Тамариной победе залпом торпед.

Но что это были за торпеды! Их вылетали десятки, если не сотни, одна за другой, через равные промежутки времени, как бы выпущенные скорострельной пушкой с непостижимо емким зарядным устройством. Снаряды на лету сверкали в лучах солнца вороненой сталью. На скале же, пролетев десятков метров, они, вместо того чтобы взорваться, оживали и превращались в местных аборигенов, одетых в черные фрачные пары с белой манишкой. Смешные и важные пингвины вперевалку шагали в глущь суши, не обращая никакого внимания на корабли.

Но люди не собирались тревожить этих мирных жителей шестого континента. Они ушли в глубь материка и вверху, на ледяной его шапке, воздвигли рукотворные сооружения, которыми не уставала любоваться молодая зодчая.

Колоннад на хрустальных ступенчатых пьедесталах виднелось несколько. Все они вырабатывали электрический ток, направляемый в центральное здание ледяного ансамбля. В штиль здесь, в *хрустальном храме энергии*, происходило таинство превращения жидкого водорода, накопленного при работе Ветростанции, в воду с подачей в сеть электрического тока.

Загадочность этого процесса подсказала юной зодчей стиль, в котором сочетались прелесть полупрозрачного материала неожиданно наклоненных стен с целесообразностью и красотой. Крутая ледяная крыша напоминала срез айсберга, завершала замысел, где необычное, рациональное и прекрасное сочетались с чертами неумирающих шедевров прошлого.

Это великолепное сооружение составляло вместе с группой колоннад единый архитектурный ансамбль.

Шульц, понимая чувства своей спутницы, долго в молчании любовался хрустальным оазисом в мертвой снежной пустыне.

Потом он снял меховую шапку и низко поклонился Тамаре:

— Как жаль, что только немногие счастливицы есть, которые, подобно мне, видят эти несравненные творения неповторимого зодчества, — торжественно сказал он. — Я имею сказать, что сюда будут стекаться толпы туристов, чтобы отдать дань восхищения таланту.

— Восхищения достойны люди, создавшие это в пургу, на морозе, не щадя себя.

— О да! Энтузиазм работников. И в их числе есть бригадир Спартак. Я знаю, — с некоторой обидой сказал Шульц.

— И Спартак, конечно!

Спартак встретил лыжников при подходе к Энергоцентрали.

— Я уже волновался, моя Тамань, — сказал Спартак. — Спасибо товарищу Шульцу.

— Не стоит благодарственных чувств, — буркнул Шульц и заторопился к Храму Энергии, будто вспо-

мнил, что там назначено сегодня испытание аккумуляющих устройств.

Наиболее смышленным из выбранных им помощников оказался некий Мигуэль Мурильо, когда-то имевший собственную техническую контору. Его и привлек к испытаниям Вальтер Шульц.

Предстояло подать к водородным элементам струи жидкого водорода и кислорода, накопленных и сжиженных турбодетонаторами за время работы Ветроцентрали. Хранились газы в баллонах высокого давления, похожих на гигантские самовары синего и красного цвета. Если бы газы сжигались, то образовали бы взрывоопасную смесь, но здесь горения в обычном понимании не происходило. Шел обратимый электролитический процесс.

— Почему ты не прилетела с командором на вертолете? — с плохо скрываемым недовольством спросил Спартак.

— Люблю лыжные прогулки, а не попутный транспорт, — отрезала Тамара.

— Особенно, когда провожают, — с горечью добавил Спартак.

Тамара ожгла его возмущенным взглядом. Он отвел глаза.

Шульц в сопровождении вышедшего ему навстречу Мигуэля скрылся в причудливом портале Храма Энергии.

— Ну вот и командор на вертолете, — примирительно сказал Спартак, беря Тамару за руку. — Немного же ты обогнала его.

Вертолет завис над Храмом Энергии, словно любясь им сверху.

И вдруг огненный смерч вырвался из разверзшейся крыши, сверкающий кинжал метнулся к небу и вонзился в вертолет. Машина круто пошла вниз, как подбитая птица.

Оглушительный взрыв потряс все вокруг. Шквальный ветер опалил Тамаре и Спартаку лица, бросил на землю. Ледяное здание разваливалось на глазах, как бы распираемое изнутри черным дымом.

Вертолет коснулся земли за ближним зданием. Горизонтальный винт его еще некоторое время вращался.

СПУСК

Конечно, поворот судьбы Мигуэля Мурильо трудно было назвать спуском. В былое время он знал удачу. Имел и собственное дело, и неограниченный кредит, и поющую под гавайскую гитару красавицу жену с бриллиантовым колье на лебединой шее, и рычащий, как ягуар, спорткар цвета вечерней зари на Гавайских островах, где на берегу лазоревого моря красовалась его чудо-вилла в мавританском стиле, и, наконец, состоял членом в клубе избранных. Все было. И не стало ничего. Дело лопнуло, как подрезанная гангстером автомобильная шина на треке, красавица жена переехала в его же автомобиле к другому, более удачливому члену «Клуба бизнеса», который вернее назвать волчьим клубком, где волк волку — волк, а виллу «снесло за долги банковским ураганом». Вот что значит в годы инфляции сыграть на бирже!..

Если человек балансирует в нетрезвом виде на краю обрыва, то может и сорваться. А когда беднягу по-волчьи еще и толкнут в бок, то нетрудно представить, каков его спуск по обрыву на дно оврага, а то и каньона. Так и случилось с Мигуэлем Мурильо. Он был цепок, хватался за все камни и выступы и, несмотря на ушибы, все-таки встал на ноги, отряхнул свой еще элегантный костюм и хотел снова карабкаться наверх. Но... крутыми оказались склоны у оврага дела. Элегантный костюм скоро превратился в отрепья, модные ботинки разлезлись, предназначенные лишь для паркетных полов и автомобильных ковриков, ослепительно белые рубашки стали землистыми, а кричащие, пестрые галстуки были проданы суетливым туристам за бесценок, потому что никому не требовалась ни сила мускулов, ни сметка былого бизнесмена. Тогда-то Мигуэль Мурильо, голодный как шакал, проходил по улочке хибарок. И остановился, ошеломленный. Вместо обычной вони на него пахло умопомрачительным ароматом кушаний, которые подносил ему когда-то в клубе вышколенный лакей. У Мигуэля Мурильо закружилась голова, и он рухнул на фанерные ступеньки, потеряв сознание.

Очнулся он у хлипкого ящика, заменяющего стол, окруженный чавкающими чумазыми ребятишками, на которых покрикивали Мария и Педро. Они-то и накор-

мили Мигуэля поразительными яствами, о которых он и понятия не имел, пока был богат. Какой-то дуралей-волшебник задарма снабдил их небывалой едой, сразу по достоинству оцененной бывшим бизнесменом Мигуэлем Мурильо!

Так началась дружба Мигуэля и Педро, дружба двух бедолаг, один из которых всегда обретался на дне «оврага жизни», а другой лишь недавно свалился в него. Но обоим одинаково редко перепадали случайная работенка или иной способ добыть денег. Тогда-то Мигуэль и подбил Педро отправиться в Нью-Йорк на «заработки». Два пистолета были единственным наследием бывлой благопристойной жизни Мигуэля Мурильо, с которыми он ни за что не хотел расставаться.

А потом две бумажки по десять долларов, бесплатный совет джентльмена, который не дал себя ограбить и сказал о Городе Надежды, и, наконец, вербовочный пункт «Антарктической строительной экспедиции ООН».

Пока этот дурак Педро, подставив собственную спину взбесившимся на айсберге трубам, отлеживался в судовом лазарете, Мигуэль Мурильо не дремал. После спуска надо было вновь подняться.

Он представился толстому немцу-инженеру как бывший владелец технической конторы, и это освободило его от черной работы. Немцу требовались понимающие в технике люди.

И когда перед испытанием водородных элементов Мигуэлю Мурильо удалось одному побыть в Храме Энергии, он хорошо знал, что ему надлежит делать. Правда, времени было мало...

Когда, подготовив все к приходу шефа, он вышел на встречу Шульцу, то заметил девушку в куртке и брюках. Она вполне могла бы сойти за латиноамериканку, черноглазая, черноволосая, с гордо посаженной головой и заносчивым взглядом. С такой можно бы съездить хоть на Гавайские острова, если, разумеется, все закончится, как задумано, и Мигуэль снова «пойдет в гору».

Но потом произошло нечто ужасное. Он вошел следом за Шульцем и вдруг...

— Командор! Шульц! — отчаянно закричала Тамара.

Спартак уже вскочил на ноги и ринулся к месту катастрофы.

— Вы ранены, сеньорита? Помочь? О, пресвятая дева! — склонился кто-то над Тамарой. С его помощью она поднялась.

Из ледяного портала разрушенного здания показался Спартак, неся на руках что-то огромное, Тамара побежала.

На снегу лежал Шульц с запрокинутой головой. Черная борода торчала вверх. Остап вытащил второго пострадавшего.

— Жив! Жив мой Мигуэль! Да поможет ему пресвятая дева! — запричитал Педро.

— Почему не несут командора? — прошептала Тамара и взглянула в сторону вертолета.

Она думала, что увидит его обломки, но машина стояла на снегу лишь чуть покосившись, так, что одна лопасть горизонтального винта зарылась в снег.

От вертолета крупными шагами двигалась громоздкая фигура командора, одетого в меха.

— Кислороду! — еще издали скомандовал Анисимов. — Нацедить из резервуара. И маску противогаза с электроподогревом сюда! Живо. Спартак — за шлемом, Остап — за кислородом!

— Есть, командор! — отозвался Остап. — Без холостого хода — мигом!

Анисимов был жив и невредим! Тамара заплакала от радости.

— А ну! — прикрикнул на нее Анисимов. — Как твоя бабка под обстрелом раненых выносила? Припомни!

Тамара устыдилась слабости и склонилась над Шульцем. Кровь хлестала из горнолыжного ботинка. Она сняла его, потом сделала из пояса Шульца жгут и перетянула поврежденную ногу.

В ледяном разрушенном здании нечему было гореть. Остап проник туда и вернулся с маской, наполненной жидким кислородом. Спартак появился с противогазом.

Тамара надела на бородатую голову маску противогаза, хобот которого и дыхательный фильтр обогревались нагретыми электрическими проводами. Остап поднес к фильтру каску, где с поверхности испарялся кислород. И Шульц пришел в себя.

А рядом стонал Мигуэль:

— Рука моя, рука. Спасите мою руку!

— Теперь все зависит от того, как скоро мы доставим их в лазарет, — сказал командор.

— Вертолет? — спросил Спартак.

— Поврежден, не взлетит. Другой в ремонте.

— Как же тогда? — в отчаянии спросила Тамара.

— Есть способ, — отрубил Анисимов. — А ну-ка! Подать мне горные лыжи Шульца. И второй ботинок с него снимите. Первый я уже примерил.

— Что вы задумали? — ужаснулась Тамара.

— Горнолыжный спорт — моя стихия, — усмехнулся академик.

— А пострадавшие?

— Шульца возьму себе на плечи. Было время — бычков таскал.

— Ну нет! — запротестовал Спартак. — Я помоложе. И горные лыжи у меня есть.

— Тогда бери второго.

— О, пресвятая дева! Он же еще и хочет спасти Мигуэля!..

Анисимов действовал быстро и решительно. Поменялся с Шульцем обувью и стал надевать его горные лыжи. Остап притащил лыжи с ботинками Спартаку.

Анисимову привязали на спину «рюкзак» со стонущим Мигуэлем Мурильо. На могучие плечи Спартака взгромоздили повергнутого чернобородого великана.

Тамара, затаив дыхание, смотрела на готовящихся к спуску лыжников. Ей было даже страшно подумать, что с огромной высоты, откуда стоящий в бухте ледокол казался игрушечным корабликом, можно спуститься.

Остап обратился к ней как ни в чем не бывало:

— И ты готовься. Вспомни Бакуриани. Покатимся следом. Понадобится — подхватим. Усекаешь?

Тамара молча кивнула, сама не понимая, как решилась.

— Делай, как я! — скомандовал Анисимов и оттолкнулся лыжными палками, выходя на крутогор.

В отличие от пологой трассы, по которой поднимались сюда Шульц с Тамарой, спуск непостижимой крутизны начинался сразу же за крайней колоннадой Ветроцентрали.

Лыжни не было. Никто прежде не рисковал спускаться здесь.

Но Анисимов не задумывался об этом. Многолет-

ний опыт выдающегося горнолыжника и понимание, что иного выхода нет, руководили им.

Снежные струи, сливаясь в полосы, летели мимо, ветер бил в лицо, порошил отросшую бороду. Что сказала бы Аэлита, увидев сейчас его?.. Он мчится вниз по крутогору без лыжи, совсем как тогда, в Терсколе. Правда, заплечного груза не было. Теперь он прижимает к земле. Трудно стоять на полусогнутых, управлять лыжами, из-под которых взмывают буруны снега, как у катера на предельной скорости. Что ж, скорость горнолыжника на спуске больше, чем у катера, превышает сто километров в час. Как там Спартак? Идет ли по лыжне? Груз у него вдвое больше!..

Ветер выл в ушах, заглушая стоны Мигуэля Мурильо. Анисимов изнемогал. Оставалось еще больше половины спуска, а силы, казалось, оставляли его. И он застонал, как бы вторя Мигуэлю. Тот даже смолк, услышав сторонний звук. Анисимов сжал зубы. Если он упадет, на него налетит Спартак с умирающим Шульцем. Не для того Шульц выжил в особой палате немецкого госпиталя, чтобы погибнуть теперь! Как воет ветер в ушах, как быстро несутся снежные полосы и как медленно приближается бухта! И кораблик все такой же, словно смотришь на него в перевернутый бинокль. Как-то там Шульц? Такой здоровяк! Но выдержит ли его вес Спартак? Сколько минут понадобится, чтобы доставить их в лазарет?

Но кто это стоит там, внизу, на берегу? Успели сообщить с Ветроцентрали по радио о случившемся? Тогда в Терсколе в конце спуска его встретила «японочка» с именем марсианки. А что, если и сейчас это она? А он бороду отпустил, совсем седую!

Стоны Мигуэля не вызывали теперь ответного стоны. Анисимов приободрился и мчался, выбирая самые крутые склоны, местами пролетая птицей по воздуху, как на лыжном трамплине. Когда-то он проделывал все это с полной «военной выкладкой». Теперь пригодилось.

Только виртуозное мастерство горнолыжника могло одолеть этот «сумасшедший слалом». Анисимов одолел. Он мчался уже по прямой к ожидавшей его на берегу фигурке. Тормозя лыжами так, что снег взмывал фонтанами, заслоняя встречающего.

— Аэлита! — сам не зная почему, крикнул Анисимов и остановился, тяжело дыша.

Перед ним стояла не «японка», а японец. Доктор Исэ-сукэ Танага.

— Принимайте пациентов, — прохрипел Анисимов, чувствуя, что не устоит на ногах. Но все-таки устоял, пока подоспевшие матросы снимали с его спины стонущего Мигуэля Мурильо.

И тут, вздымая фонтаны снега, по проложенной лыжне подкатил Спартак. Но лыжня не выдерживала двойного груза, лыжи его провалились, едва он остановился.

— Шульц! Как вы там? — через силу крикнул Анисимов.

— Без сознания, извините, — пояснил японец.

От берега к ледоколу по льду бухты вела горная дорожка. По ней ездил маленький электромобильчик с аккумуляторами, заменяя катерок.

Доктор с пациентами уехал, пообещав тотчас же прислать электромобиль обратно.

Анисимов дождался Остапа с Тамарой.

— Я думала, что умру со страху, и только потому, что вы уже прокатились по лыжне, заставляла себя мчаться следом, — призналась Тамара.

— Женьшень — человек! В тайге искать — не найдешь такую, — заявил Остап.

— Где Шульц? — спросила Тамара.

— На ледоколе. Сейчас за нами вернется электромобиль.

— Я побегу на лыжах. Так будет скорее! Могу понадобиться.

— Вместе, — решил Спартак.

Анисимов ничего не сказал. У него не хватило бы сил добежать до ледокола.

Две фигурки удалялись по льду бухты.

Конец второй части

ГРОТ

*Любить — значит жить жизнью того,
кого любишь.*

Л. Н. Толстой

Глава первая

КАТАКОМБЫ МОРЛОКОВ

«И снова я берусь писать о Совете командора после всего, что случилось...

Я уже забыла, когда солнце восходило здесь над горизонтом, забыла нежно-оранжевые зори, которые — я так старалась запечатлеть их в красках! — гасят на севере звезды. Уже давно все придавила тяжелая антарктическая ночь.

Утром, выйдя на палубу, я задохнулась от ветра. Южный, холодный, он нес снежные потоки, темные и колючие. Они напомнили мне пургу в начале ледостройки, оборвавшую кабель. Сколько героизма нужно было проявить, чтобы все-таки соорудить Хрустальные Дворцы, которые мне посчастливилось проектировать, чтобы потом я рыдала над руинами центрального здания...

Пора в «адмиральскую каюту».

В светлом теплом салоне не хотелось думать о вьюж-

ной ночи, бушевавшей за темными квадратами иллюминаторов.

В креслах вдоль стен сидели руководители стройки и среди них и я, «незадачливый зодчий разбитых дворцов»...

Анисимов расхаживал по салону, заложив руки за спину:

— Итак, все выступавшие советуют отложить работы на год. Грот не протаивать, поскольку Энергоцентраль вышла из строя, а мощность судовой атомной установки недостаточна.

Я уже смирилась с этой мыслью, когда еще шла сюда. Но Алексей Николаевич Толстовцев возразил:

— Зачем же откладывать на год? Ветроцентрали в обычную пургу, такую, как сегодня, дадут достаточную мощность. Можно обойтись и без аккумулирующих устройств. Временно. Кто нам мешает работать в ветреные дни, а в безветрие отдыхать?

И так просто у него это прозвучало. Я насторожилась. Неужели в заброшенных ледяных дворцах завертятся турбины? Неужели стройка продолжится и запроектированные в нашей архитектурной мастерской здания, детали которых нам доставят в следующую навигацию, будут воздвигнуты под ледяным куполом грота?

Академик оживился:

— Подсказана верная мысль. Работать под надутыми парусами, как плавали встарь моряки. И дрейфовать в штиль, — и он улыбнулся своему сравнению.

— Начинать надо немедленно, — убеждал Алексей Николаевич. Но затем ошеломил меня, сказав: — И нет никакой нужды протаивать грот с огромным пролетом. Не проще ли отказаться от идеи «подледного царства», имитирующего поверхность Земли? — и он посмотрел на меня.

А я не поверила ушам. Что он предлагает? Отказаться от мечты о ледяном куполе, от города под ним?

А он невозмутимо, обидно буднично продолжал:

— Город подо льдом надо сооружать не как земной, а как подледный, на других принципах. И протаивать проще не исполинский грот, а туннели, которые станут улицами города. В стенках туннелей можно разместить жилые комфортабельные пещеры и промышленные предприятия. Пусть ледяные туннели, наподобие земных метрополитенов, пронзят ледяной монолит.

И это говорил отец Спартака! Я похолодела, хотя кровь бросилась мне в лицо. Папа считал его своим другом, изобретателем, мечтателем, а он... он слулит нам...

— Ледяной муравейник! — это я уже выкрикнула, не сдержалась.

Он зло посмотрел на меня — я никогда не думала, что его лицо может стать таким неприятным, — и замолчал, словно не желая мне отвечать. Это окончательно взорвало меня, и я вскочила с места:

— Что предлагают нам под видом новаторства? Самую бескрылую, консервативную в своей сущности идею. — Я чувствовала на себе тяжелый взгляд Толстоцева, но уже не могла остановиться. — Неужели это закон природы, по которому вчерашний новатор становится консерватором, тормозящим свежие, но чужие идеи? Во имя вульгарной простоты отбрасывается основной замысел Города Надежды, где люди должны жить так, как на всем земном шаре в грядущем. А им предлагают сейчас в опытном порядке прозябать в пещерах, в подземельях, напоминающих метрополитен! Или, что еще хуже — в колодцах и норах фантастических морлоков, загнанных туда элоями, выродившейся расой господ, как рассказывал в «Машине времени» Уэллс.

— О, это очень мрачно есть, — услышала я голос Вальтера Шульца.

Я не помню, конечно, в точности, что я говорила, и скорее воспроизвожу свой гнев и возмущение, чем смысл сказанного. Я вспомнила о своей беседе с Шульцем и заговорила о материке Антарктиды:

— Людям, которые решаются моделировать жизнь грядущих поколений, нужно дать все условия радостного и красивого существования. Однако для Города Надежды выбран не остров Тихого океана, а Антарктида, которая когда-то была цветущим материком.

— О да! Имело так быт! — поддержал меня Шульц.

— Он покрылся льдом, этот материк. Так выплавим же такой грот, который обнажит былую почву, откроет прелесть неведомых пейзажей, где меж причудливых скал пролегают русла прежних рек!

— Во дает! — услышала я голос Остапа, который толкал в бок сидевшего со мной рядом Спартака.

— Наполним эти русла водой тающих льдов, а по

берегам посадим деревья. Они вырастут на земле Антарктиды, и мы разобьем на ней сады и бульвары. И среди них поднимутся — слышите? — обернувшись к Толстовцеву, который напоминал сейчас «злобного карла», — поднимутся, а не пройдут в глубине ходами дождевых червей, поднимутся к невидимому в высоте своду радующие глаз дома, от которых не отвернутся и наши потомки. Город в исполинском гроте должен быть Городом Надежды, а не «Катакомбами Безнадежности»! — закончила я и, торжествующая, села, оглядывая присутствующих.

Академик смотрел на меня с ободряющей улыбкой (это главное!). Толстовцев, конечно, был вне себя от ярости. Еще папа говорил мне, каким колючим он может быть, когда затрагивают его самолюбие. Спартак смотрел себе под ноги. Остап поднял большой палец вверх.

Академик предложил Алексею Николаевичу ответить. — Стоит ли решать вопрос, что красивее: ледник, напоминающий голландский сыр, в дырочках которого живут люди-морлоки, или подледный град Китеж, рожденный воображением, пренебрегающим такой мелочью, как тяжелый ледяной свод? Что понимать под красотой? Может быть, она — выражение рациональности? Какие животные восхищают нас? Чьи формы лучше приспособлены для жизненных функций. Даже эталоны женской красоты древних греков, увековечивших их в статуях богинь, характерны широкими бедрами и высокой грудью — символами материнства, которыми наградила женщину Природа. Потому же прекрасны и такие творения Природы, как лошади — воплощение быстроты и выносливости, леопарды — синтез ловкости и силы, и даже змеи, хотя все они совсем непохожи друг на друга. И я не боюсь сказать, что в целесообразности — красота!

— Ах как прекрасны жабы! — воскликнула я, возмущенная его сопоставлениями и профанацией красоты.

Смерив меня презрительным взглядом, он даже не ответил и с холодной, убивающей сухостью продолжал:

— Так рационален ли гигантский свод? Стоит проверить его расчет. В опасном сечении возникают наиболее разрушающие усилия. От сил сжатия понижается точка плавления льда! Вспомните, почему скользят коньки и лыжи в мороз? Снег и лед тают под давлением

полоза, смазывая поверхность скольжения. Если это учесть, то твердое небо над подледным городом Китежем начнет плавиться и рухнет.

— Какой ужас! — с иронией воскликнула я. — Запугивать людей и тащить их в катакомбы морлоков! Запрещенный прием.

— В технике запрещено лишь злоупотребление риском, а не сомнение в прочности конструкции, — обдал меня холодом жестких слов Алексей Николаевич.

Мне стало не по себе. Я не рассчитывала ледяной свод. Мы, архитекторы, принимали его существующим и намеревались строить под ним дома. Я хотела, но не могла спорить с Толстовцевым и не знала, куда деть глаза. Посмотрела на Шульца. Он поднялся.

— Уважаемые коллеги, — начал он. — Расчет есть фундамент инженерной мысли. И всегда полезно его проверять, особенно если иметь идею о возможном плавлении льда под нагрузкой.

Не передать, как горько стало мне. Я так надеялась на него, ведь мы с ним говорили о подледных пейзажах!

— Я имею намерение спасти опасное сечение от расплавления.

Я едва не захлопала в ладоши, с надеждой смотря на своего великана-разбойника. А он с немецкой педантичностью продолжал:

— Надо сверлить сверху, с ледникового купола, буровые скважины там, где опасное сечение есть. А потом по ним, имея артерии, пропускать холодильный раствор. Я имею намерение так предохранить лед от плавления при большой нагрузке.

Я была счастлива. Ай да Бармалей! Какой выдумщик!

И тут встал Спартак. Он больше не смотрел в пол. Что он скажет? Не за отцом же пойдет, если я ему дорога! Впрочем, я сама не знаю, что говорю, вернее, думаю! Но правильное сказать, что в ту минуту я не говорила, не думала, а только чувствовала.

— Я т-так размышляю, — смущенно начал Спартак с обычной своей искренностью. — По мне тот путь правилен, который в гору ведет. А на перестраховочные дорожки, как бы они ни петляли, меня не тянет. Мы с ребятами за подледный простор. — И, стараясь не смотреть в сторону отца, сел.

Наступила тишина. Через иллюминаторы доносился свист ветра. Анисимов мерно расхаживал по салону в глубокой задумчивости. Неужели я была не права? На этом записки Тамары Неидзе обрываются.

Глава вторая

ЗАКОН ПРИРОДЫ

«Я ознакомился с тем, как Тамара описала наш спор о Городе Надежды. Не скрою, мне было горько читать некоторые ее замечания, в особенности о «зломном карле».

Я знал за собой этот недостаток — злиться, когда мне перечат, но со времен полярной станции в Усть-Каре так и не справился, должно быть, с собой.

Тамара не дописала своего отчета о Совете командора. Попробую сделать это за нее.

Задумавшийся академик стоял боком ко мне, склонил большую голову и уперся в кулак отросшей бородой.

Ему предстояло сделать вывод, хотя он не был техником. Как химику, ему далеки понятия опасного сечения, но близки проблемы таяния льда под давлением. Как оценить непересекающиеся пути? Кто-то из великих ученых говорил, что та идея верна, которая открывает новые горизонты. Открывают ли эти горизонты мои «катакомбы морлоков»?

И академик твердо и ясно сказал:

— Проект менять не будем. Но поручим на Большой земле сделать поверочный расчет на компьютерах. И в США и в СССР. Кроме того, здесь, в Антарктиде, смоделируем в леднике ледяной грот меньшего размера, но с тем же соотношением толщины свода и его пролета.

Совет закончился. Все расходились.

Что чувствовал я, «бывший новатор», оказавшийся противником дерзкого, нового? Как она сказала? *Закон природы?* А то, что воспитанный мною Спартак выступил против меня, — это тоже закон природы?

Я вышел на палубу.

Нет, она не убедила меня! С инженерной точки зрения туннели строить выгоднее и надежнее, чем большой грот. Но... только ли одна инженерная точка зрения должна здесь учитываться? Ведь инженерам вы

годнее строить Город Надежды под земным небом, а не под ледяным куполом. Почему не выбрали какой-нибудь островок? Или не создали искусственный?

Да потому, что для чистоты задуманного эксперимента намеренно отказались от всех природных благ, даже от голубого неба над головой. Человек может искусственно создать все ему необходимое даже в лишенном всех даров природы месте. И, может быть, я не прав со своими расчетами, толкая жителей будущего города в туннели? Ведь сюда будут приезжать миллионы людей, чтобы убедиться, как может жить человек, чтобы потом переделать жизнь на своих материках по этому образцу.

Я размышлял, стоя у реллингов, и, не оборачиваясь, невольно слушал болтовню в толпе рабочих.

— Обрадуйте, сеньорита! — обратился один из них, очевидно, к вышедшей на палубу Тамаре. Я заставил себя не обернуться. Я знал ее девушкой на Уральском заводе: огромный бант и вишенки глазенка. А какой королевой выросла! И какой горячей! Что бы сказал Вахтанг, какой бы тост вспомнил? — Обрадуйте, сеньорита! Получим ли мы здесь заслуженный годовой отдых с полным питанием и оплатой за простой?

Продолжая стоять спиной, я представил себе этого рыхлого латиноамериканца с сальными глазами и тонкой полоской усиков.

— Наш неисправимый Мигуэль, мадемуазель, считает, что коль скоро его завезли на юг, то здесь ему должны создать курортные условия, как у нас на Лазурном берегу или у них на Гавайях.

Я знал этого чернявого остряка-француза, которого все звали маркизом де Гротом и который, по его словам, «попал сюда сооружать ГРОТ только из-за своей фамилии и фамильных драгоценностей, растраченных предками».

— Я думаю, что отдых вы заслужите, соорудив Малый Грот, — услышал я низкий голос Тамары, и она стала объяснять столпившимся около нее людям, что это за Малый Грот и зачем его строить.

Обидно, что ко мне никто не обратился с таким вопросом!

Рабочие зашумели. Мигуэль визгливо кричал:

— Это лишняя работа! Мало им одного грота, при-

думали еще и дополнительный. Если они хотят выжать из нас дополнительный пот, то мы знаем, чем ответить.

— Если ты имеешь в виду язык забастовок, то лучше прикуси язык. — Это, конечно, говорил добродушный Билл с чикагских боен.

А француз обратился к хорошо известному мне еще по айсбергу негру из Кейптауна:

— Слушай, Мбимба! Разве ты поддержишь забастовку, чтобы не делать того, ради чего мы сюда приплыли?

— Очень холодно, — ответил африканец. — Работа согревает.

— Вот вам ответ мудреца! — восхитился француз.

Шумя и болтая с Тамарой, рабочие отошли от меня. Я не позволил себе обернуться.

Но, и не оборачиваясь, я знал, кто стоит у меня за спиной.

Конечно, мой сын, Спартак, в которого я вложил всю свою любовь к исканиям, которого старался воспитать и, видимо, не сумел.

Какими глазами он посмотрит на меня сейчас, после своего выступления против отца и его «перестраховочных дорожек»?

Да, это оказался Спартак. Я все-таки обернулся.

Он стоял смущенный и даже робкий. Я помню много потешного мальчонку — «Карапузяку». Он округлял черные удивленные глазенки и без всякого повода смешно и тоже удивленно поднимал плечики. А сейчас в плечах он — косая сажень.

Метель улеглась. Заря погасла и не скоро зажжется вновь. Небо сверкало мириадами звезд, собранных в чужие созвездия. Мы со Спартаком как-то признались друг другу, что знаем только Южный Крест.

— Никак не привыкну к этим созвездиям, — сказал он.

— Что созвездия! — усмехнулся я. — Привыкать к другому приходится.

— Разве ты еще не привык? — сказал Спартак и замолчал, не решился напомнить, как часто отвергались мои идеи.

А он прав, хоть и промолчал! Часто, ох, часто уходил я, если не осмеянный, то непонятый.

— К этому нельзя привыкнуть, — сказал я, но имел в виду совсем другое, имел в виду, что нельзя привык-

нуть к тому, что твой собственный сын идет против тебя.

— Так это ж закон природы! — воскликнул он.

Неужели он понял скрытый смысл моих слов и ответил тому, что не сказано?

Если бы Ревич присутствовал при нашем разговоре, он с еще большей убежденностью стал бы доказывать, что я гуманоид, а Спартак сын гуманоида, умеющие общаться друг с другом и без помощи слов.

Но мы пользовались словами, пользовались!

— Модель — это хорошо, — сказал я. — А романтика прекрасна! Но, как и все прекрасное, способна ослеплять.

— Разве я ослеп? — почти обиделся Спартак. — Я все в ней вижу. Молода она еще.

Конечно, молода! Но это не случайно, что он совмещает понятие романтики с ней, со своей Тамарой, которая еще молода. Да и он сам еще молод.

— Я не хотел задеть тебя, отец. Насчет работы в дни ветров — это у тебя здорово получилось! Так нам и жить. И вообще... ты же знаешь, как я верю в тебя.

— Я увидел это сегодня, — горько усмехнулся я.

— Ты сердисься на меня? Я попросил бы тебя простить меня, если бы...

— Если бы?

— Если бы ты в самом деле признал мою вину.

Что ответить ему? Что он читает мои мысли? Что я не виню его и только делаю вид, будто обижен?

Может быть, это понимание и есть закон природы и не в том, что отцы против детей, а в единстве их цели его смысл? Иначе как осуществлять эстафету поколений?

Я молча пожал Спартаку руку выше локтя».

Глава третья

ЗЛОРЕВИЧ

Как говорили институтские остряки, и. о. директора профессор Ревич правил в институте не железной рукой, а золотой улыбкой, обнажавшей его искусственные зубы.

При Анисимове не было у академика более рьяного последователя, чем Ревич. Этим наряду с несомненны-

ми организаторскими способностями и военными заслугами Геннадия Александровича и объяснялась передача ему руководства институтом.

Со времени перехода из лаборатории «вкуса и запаха» наверх, в директорский кабинет, Ревич заметно охладел к диссертации Аэлиты «Использование биологических систем для определения состава ароматических веществ».

Статья под двумя именами Толстовцевой и Ревича, вернее Ревича и Толстовцевой, была опубликована, кандидатский минимум Аэлитой блестяще сдан, но Геннадий Александрович оттягивал защиту. Возможно, что руководство диссертантом для нового директора выглядело мелковато наряду с задуманной им перестройкой института, переводом его на рельсы чистой науки, что, как он говорил, определялось академическими целями.

Ревич осуществлял свой замысел так решительно, словно не временно замещал директорский пост, а пришел в институт выводить его из прорыва.

Многие научные сотрудники, которых Анисимов считал перспективными учеными, ушли «по собственному желанию», вняв недвусмысленному совету Ревича, сдобренному золотой улыбкой.

За эту улыбку его прозвали сперва Зол-Ревичем, а потом, как бы оценивая результаты его деятельности, переименовали прозвище в ЗЛОРЕВИЧ.

Аэлита потеряла надежду на его поддержку, но усердно работала в библиотеке над списком авторитетов, на которых следовало ссылаться. Ревич был крайне щепетильным. Боже упаси допустить ссылку на кого-нибудь недостаточно признанного в научных кругах, желательных западных!

Библиотекарша, рыхлая пожилая дама, питавшая к Аэлите особую симпатию, с трудом протискивалась между стульями научных сотрудников вдоль длинных столов, заваленных книгами. Аэлита подумала, что она несет что-нибудь найденное специально для нее, но седая женщина, наклонившись к Аэлите, чтобы не нарушить оберегаемой здесь тишины, шепнула:

— Вас вызывает секретарь парткома товарищ Окунева.

— Нина Ивановна? — обрадовалась Аэлита. — Честное слово?

Нина Ивановна по требованию нового директора уже не занималась лабораторией, как и полагалась освобожденному секретарю парткома. Поэтому если она вызывает Аэлиту, то, наверное, есть что-нибудь от Николая Алексеевича.

В партком Аэлита вбежала, взлетев перед тем по лестнице через две ступеньки.

У Окуневой было строгое выражение обычно добродушного лица с двойным подбородком.

— Запыхалась, словно знаешь о случившемся, — недовольно сказала Нина Ивановна.

Аэлита побледнела.

— Николай Алексеевич? — только и могла спросить она.

— Да, о нем речь. Садись и слушай, — властно начала Окунева. — Помнишь, как я тебя в Западную Германию посылала спасти Анисимова? Так вот... и теперь спасти надо...

— Как? — ужаснулась Аэлита. — Он болен, катастрофа?

— Да, можно сказать, и катастрофа. Беда, словом.

— Не мучьте, Нина Ивановна. Что я должна делать?

— Готовься лететь к нему. Попутным рейсом. Через космос.

— Спасать его?

— Спасать его дело. В прошлый раз все из-за слез Лорелеи приключилось. На этот раз не из-за слез, а из-за улыбки Злоревича. Чем не Лорелея? — И Нина Ивановна горько усмехнулась.

А пока в парткоме начался этот разговор, Геннадий Александрович Ревич в кабинете Анисимова ждал гостя.

Дама-референт почтительно ввела элегантно одетого щеголя. Он улыбался, как голливудский киногерой.

— Садитесь, прошу вас, Юрий Сергеевич, — радушно встретил его Ревич, одарив золотой улыбкой. — Я пригласил вас как руководителя нового производства, чтобы обсудить один важный вопрос.

— Я весь внимание, профессор, — расшаркался Мелхов, уже предупрежденный референтом, как следует обращаться к директору, меньше года назад получившему научное звание.

— Вам поручено изготовление искусственной пищи.

— Совершенно верно, профессор. Это первый завод такого профиля.

— Ваше дело заботиться о том, чтобы искусственная пища не отличалась от обычной. Ну, по вкусу и запаху, скажем.

Мелхов насторожился. К чему клонит Ревич?

— Допустим, — осторожно сказал он.

— Не допустим, а сделаем допущение. Завод инициативен, если, разумеется, таковы его руководители. Что это означает? Что он борется за вкус и запах своей продукции, за ее качество, как принято говорить в просторечье.

— Я понимаю, — угодливо согласился Мелхов, хотя еще ничего не понимал.

— Дело в том, Юрий Сергеевич, — доверительно продолжал Ревич, — что мне приходится бороться за чистоту науки. Какова задача науки в отношении синтетической пищи? Синтезировать ее из первоэлементов! Понимаете? Так говорил Тимирязев. А мы — его последователи и ученики. К сожалению, до сих пор искания в области искусственной пищи были направлены на использование биомассы, а не на чистый синтез белков из элементов. Белок, когда он будет синтезирован из воздуха, окажется бесцветным и безвкусным, но питательным. Вот в этом надо видеть главное достижение науки, определяющее нашу научную стратегию. Что же касается имитации пищевых продуктов, чем занималась одна из наших горе-лабораторий, то это дело не академического института. Это ваше дело, товарищи инженеры! Завод сам должен искать формы своей продукции.

— Но без вашей помощи... — встревожился Мелхов, продолжая нащупывать почву.

— Будьте уверены. Помощь окажем. Я готов передать вам всю лабораторию «вкуса и запаха» в полном составе. Сделайте ее заводской, чтобы она служила вашим конкретным интересам, а не псевдоакадемическим целям, связанным с защитами всяких там диссертаций. Назовите ее кулинарной, гастрономической, как хотите.

— Я понимаю. Думаю, что это прогрессивно. На Западе, например, в Америке, фирмы, выпускающие искусственную пищу на основе сои, имеют собственные лаборатории, а не зависят от достижений университетов или специальных исследовательских институтов...

— Словом, академических учреждений, перевода на научный язык. Я рад, что наши взгляды сходятся. Следовательно, я заручился вашей поддержкой в той кампании, которую я намерен развернуть. Чистый белок — достижение чистой науки! Неплохо! Не правда ли?

— Совершенно с вами согласен, профессор.

Аэлита едва не столкнулась с Юрием Сергеевичем, когда сбегала по лестнице, ничего не видя кругом. Он посторонился, не обратив внимания на торопящуюся женщину в лабораторном халате. Столько тут их бегают без толку! Бездельники от чистой науки! Нет, у него на заводе в «лаборатории гурманологии» — да, да! именно так он ее назовет, — там им придется трудиться, а не писать диссертации, которые нужны только им самим. «Лаборатория гурманологии!» Адекватно научности. И недурно звучит. И вообще неплохо иметь в руках важный рычаг для влияния на развитие производства, как вещает несравненный мудрец Генри Смит. Надо позвонить ему.

Нина Ивановна проинструктировала Аэлиту и вручила ей письмо академику от имени партийного комитета института.

Воспользоваться радиосвязью с Антарктидой Нина Ивановна не решалась, ей казалось невозможным обратиться с такой просьбой к самому президенту Академии наук СССР, вторгнуться к нему в кабинет, откуда была налажена связь с Антарктидой, и в его присутствии обвинять профессора Ревича, который под видом «чистой науки» разрушает созданный Анисимовым институт.

— Кому нужна эта псевдочистая наука? — горячилась раскрасневшаяся от возмущения Нина Ивановна. — Эта чистота — синоним никчемности. Надменный отказ от практических результатов во имя чисто теоретических — маскировка интеллектуальной апатентности! Ты все это должна передать Николаю Алексеевичу, — продолжала свои напутствия Окунева. — А полет в Антарктиду я тебе уже обеспечила. Лети, как летела в немецкий госпиталь, хоть наш академик, к счастью, жив и здоров.

На сборы Аэлите требовалось мало времени. Сказы-

валась кровь оленеводов-кочевников. Мать помогала ей. На нее она спокойно оставляла Алешу с Бемсом. Однако свои лучшие платья она не забыла...

Улетать предстояло с нового подмосковного космодрома, оборудованного для будущих трансконтинентальных космических рейсов.

Нина Ивановна сама доставила туда Аэлиту на черной «Волге» академика. Одета как оленеводка, Аэлита изнывала от жары.

В Антарктиду предстояло лететь через космос.

Трансконтинентальная ракета, достигнув первой космической скорости, выйдет на орбиту спутника Земли, на которой и останется, а перед прохождением над Антарктидой отделит от себя грузовой посадочный аппарат. Его поведет всемирно известный летчик-космонавт, знакомый Аэлите по фотографиям.

Он встретил Аэлиту с Окуновой бодрым, собранным и чрезвычайно простой, хоть и был в генеральской форме.

— Времена меняются, — шутил он. — Раньше я за каждый полет в космос по Золотой Звезде Героя получал, а сейчас, когда спущусь со сверхсрочным грузом в Антарктиде, попутно и вас доставив, рассчитываю прежде всего на ваше спасибо, моя единственная пассажирка.

— Вас там и кроме меня сердечно поблагодарят. Честное слово!

— Спасибо-то скажут, но назад не отпустят. Антарктическое гостеприимство мне обеспечено.

— Почему не отпустят?

— Трансконтинентальный космический экспресс многократного использования еще испытаний не прошел, да и для его посадки, как самолета, такой вот космодром требуется. В Антарктиде ничего этого нет. А грузы, сами знаете, никак не ждут. Вот мы и скомбинировали уже существующее для разовой доставки.

— Значит, и я там останусь? — обрадованно повернулась Аэлита к Нине Ивановне.

— А это уж как Николай Алексеевич распорядится. Корабли к нему придут.

— Ну, это еще не скоро! — с едва сдержанной радостью воскликнула Аэлита.

— В том-то и дело, что не скоро, — вздохнул космонавт.

— А что за посадочный аппарат вы поведете? — обратилась к нему Аэлита.

— Надежнейший! Гибрид планера с вертолетом. Отделяемся от ракеты в космосе, салютуем ей собственным ракетным залпом для снижения скорости. Входим в атмосферу, как планер. Тормозим по старинке — парашютами. И, наконец, превращаемся в вертолет. А на нем, будьте уверены, опущу вас на любой пятачок, хоть на капитанский мостик ледокола «Ильич».

— Вас послушаешь, вы предлагаете мне небольшую велосипедную прогулку. Право-право!

— Ну что вы! Велосипед под автомашину попасть может. А у нас трасса свободная! И никаких регулировщиков. Я даже водительские права с собой не беру. Но вот комбинезон надеть придется, а то вы уже «облачились». Да и лампы там тоже ни к чему. — И он с улыбкой похлопал себя по ноге.

Глава четвертая СИГНАЛ БЕДСТВИЯ

Аэлита не раз смотрела по телевидению запуск космических кораблей. Но когда она увидела перед собой решетчатую башню чуть не до неба, куда ей предстояло подняться вместе с космонавтом в лифте, ей стало страшно.

Нине Ивановне тоже было не по себе. Она мысленно упрекала себя, что отправляет Аэлиту в опасное путешествие, признавая этим собственное бессилие. Разве не стремится она вместо обращения в высшие партийные инстанции попросту спрятаться за спину Анисимова?

— Может быть, зря я тебя посылаю? — нерешительно сказала она. — Уж рискнуть бы самой выйти на связь у президента?

— Ну уж нет! — замотала головой Аэлита.

Нина Ивановна пристально посмотрела на нее, потом укоризненно покачала головой:

— Ой, баба! Смотри не обожгись!

— Там же холодно, Нина Ивановна! Честное слово! — засмеялась Аэлита.

По направлению к Аэлите и Окуновой по космодрому, прихрамывая, бежала полная молодая женщина. — Подумайте только, — еще издали услышали они. — Сломала каблук. Думала, не успею.

Через минуту перед ними стояла дочь Николая Алексеевича, Софья Николаевна, и смотрела на них, чуть расширив один глаз больше другого:

— Аэлита, милая! Вы отвезите папе. Специально пекла...

И она протянула узелок, в котором ощущались края тарелки.

— Ему будет так приятно попробовать домашнего пирога с капустой. Вы уж простите меня.

Аэлита растроганно смотрела на красивую женщину, угадывая в ней черты Николая Алексеевича.

— Спасибо. Непременно передам.

— Я так торопилась. На репетицию не поехала. Спасибо, Нина Ивановна позвонила. Тут еще рисунки внучат. Старались. И потом у меня к вам важное дело.

Софья Николаевна отвела Аэлиту в сторонку:

— Вы уж последите там за ним. Ладно? Он ведь такой беспомощный, как всякий настоящий мужчина. Я на вас надеюсь. Я здесь вас обниму, дорогая, а вы идите. У меня каблук сломался.

Аэлита почему-то смутилась, попрощалась с Софьей Николаевной и невольно припомнила лес, по которому они шли с Николаем Алексеевичем ночью, взявшись за руки...

— Пойдем, пойдем, — заторопила Нина Ивановна. — Видишь, космонавт к нам спешит. Успел переодеться. Женщины обнялись и расцеловались.

— Берегите его, — шепнула Софья Николаевна и вытерла платочком слезы.

Аэлита несколько раз обернулась. Софья Николаевна, стараясь приладить каблук, виновато смотрела ей вслед.

Вместе с космонавтом вошла Аэлита в лифт. Он поднял их на невероятную высоту, откуда Нина Ивановна внизу казалась крохотной фигуркой. Все же Аэлита рассмотрела, что она утирает платочком глаза.

На космодроме не было обычных для отправки прежних космических кораблей проводов. Все здесь казалось деловитым и будничным. Определенные лица

находились в определенных местах и в определенное время четко делали определенные операции.

Космическая ракета казалась огромной. В ней вмещался грузовой вертолет размером с железнодорожный вагон. Космонавт повел Аэлилу не через дверь в грузовой отсек вертолета, а помог ей проникнуть в кабину пилота через спущенное лобовое стекло. Дело в том, что вертолет, спешно приспособленный к новым целям, был поставлен на попá, то есть вертикально, и Аэлита, если бы вошла в оказавшуюся теперь внизу дверь вертолета, не смогла бы пробраться к пилоту между заполнившими машину ящиками с водородными элементами. Их доставка и была целью рейса.

Аэлита храбрилась, хотя страх все больше овладевал ею. По существу говоря, она не отдавала себе отчета, на что идет, когда согласилась лететь в Антарктиду.

Федор Иванович, как отрекомендовался космонавт, вел себя радушным хозяином.

— Я, наверное, оставила вас без необходимого вам помощника, — говорила Аэлита, укладываясь на спину в откинутаю кресле рядом с таким же креслом пилота. — Заняла его место.

— А вы и будете моей помощницей, когда мы полетим к вам на Марс.

— Да что я могу! — усмехнулась Аэлита.

— Пока что, как принято у нас на Руси, посидеть молча перед дорогой, — опять пошутил Федор Иванович.

Потом был взлет. Федор Иванович держал связь с командным пунктом. Аэлите казалось, что на нее устремлено множество глаз. Надо держаться достойно!

Она боялась, что при взлете из-за перегрузки может сплеховать. Но перенесла все сравнительно легко. Ее мягко вдавило в подушки кресла. Сразу ей стало худо, но это длилось не так уж долго. А потом пришла необычайная легкость во все клеточки тела, ощущение воздушности.

— Невесомость, — объявил космонавт. — Отпустить вас полетать по кабине?

— Я боюсь, — призналась Аэлита.

— Давно вижу, что боитесь. Но вы молодец баба! К кому летите? Родственники у вас там?

— Да. Отец, брат.

— Целое семейство! А я думал... — и он оборвал

себя. — Впрочем, меня предупредили. Задание у вас серьезное.

— Да. Серьезное.

— Вы на дачу под Москвой сколько времени едете?

— Около часу.

— Ну, у нас времени меньше. Освободите-ка ремень, чуть приподнитесь над креслом, полетайте. А то всю жизнь себя упрекать станете — побывали в космосе, а невесомостью не воспользовались. Во сне летали?

— Представьте, раньше летала.

— Вот и сейчас будет как во сне. Поначалу, прямо сказать, здорово. Правда, ежели долго, тогда другое дело...

Аэлита отстегнула ремень и почувствовала, как приподнялась над креслом. Ее больше ничто не удерживало. Ощущение было именно таким, как в детских снах. Летишь, не делая никаких движений, как облачко над землей, а кто-то там бежит внизу и показывает на тебя рукой. И чтобы подняться еще выше, не требуется никаких усилий. Ненужными оказались они и сейчас.

Аэлита парила в воздухе, чуть-чуть приподнявшись над креслом. И она забыла про страх, всецело отдаваясь радости свободного полета.

— Отделяемся, — предупредил космонавт. — Пристегнитесь крепче ремнями. Автомат сам нас сбросит. Смотрите в окно. Полюбуйтесь.

До сих пор переднее стекло кабины загораживалось стенкой ракеты.

Все произошло удивительно просто. Перегородка, заслонявшая мир, куда-то ушла, и перед Аэлитой открылся черный, усеянный звездами небосвод.

«Разве уже ночь?» — подумала она и тотчас увидела солнце. Оно светило рядом со звездами и не гасило их. На него можно было смотреть, потому что лобовое стекло кабины затянуло светофильтром. Над солнцем щупальцами спрута поднимались языки пламени и свивались причудливой короной.

Потом впереди появилось темное тело, на мгновение погасившее солнце.

— Солнечное микрозатмение, — усмехнулся Федор Иванович. — Это наша ракета вперед пошла и закрыла нам на миг солнце. Мы уже притормаживаем.

Аэлита и сама почувствовала это. Ее снова вдавило в спинку повернувшегося назад кресла.

Она пожалела, что не видит неба. Вот космонавт, тот оставил свое кресло в прежнем положении, привычно перенося перегрузку торможения. Ему помогали ремни безопасности, вроде автомобильных. Ей хотелось повернуться, посмотреть вперед на звездное небо. Но голова вдруг налилась ртутью, веки сами собой закрылись. Виски сжало чужими жесткими ладонями. Сознание помутилось.

Потом все прошло. Аэлита открыла глаза и увидела перед собой не черное, а темно-фиолетовое небо с солнцем, но уже без звезд.

— Идем в планирующем спуске, — пояснил Федор Иванович. — Пока полная автоматика. Я на положении безработного. Вы вполне могли бы и без меня полететь.

— А сесть на палубу ледокола? — напомнила Аэлита. — Вы обещали.

— Разве что! — рассмеялся космонавт. — Водительские права я все-таки захватил. Вертолетные. А то, говорят, академик там серьезный.

И они рассмеялись.

Аэлиту захватило новое зрелище, уже не небо — оно стало привычным, земным, — а сама Земля. Горизонт поднялся непостижимо высоко. Так бывает, когда смотришь на море с горы. Оно словно вздымается у горизонта на заоблачную высоту. Так же и сейчас! Они летели над морем, вернее, над вогнутым океаном. Впереди на высоком, как края чаши, горизонте белело пятно.

— Антарктида, — пояснил космонавт.

— Если бы у меня даже не было никакого дела, я все равно полетела бы с вами, — призналась Аэлита.

Космонавт усмехнулся:

— Храбрый не тот, кто страха не знает, — это вроде нездоровья. Страх ведь как боль — сигнал организма, запрограммированный самосохранением. Мужественный страданье переживет. Отважный страх пересилит.

Потом над головой зажужжал выдвинутый горизонтальный винт. В надвинувшемся ночном небе внезапно рассыпались звезды.

Космонавт вел аппарат по радиопеленгу и вышел точно на бухту, в которой сверху в лунном свете едва различим был крохотный кораблик — гигантский ледокол «Ильич».

Сердце у Аэлиты заторопилось, словно она уже бежала. Сейчас увидит Николая Алексеевича. Как он примет ее? Во всяком случае, назад не отправит. Не на чем! И Аэлита рассмеялась.

— Вот это уже хорошо! — одобрил космонавт.

Это был мастер высшего класса. Он посадил вертолет, если не на палубу ледокола, занятую судовыми, поставленными, видимо, в ремонт вертолетами без горизонтальных винтов, то на лед бухты недалеко от корабля, у подножия вмерзшего в лед айсберга.

По трапу сбегали какие-то люди в меховых куртках с капюшонами. Проектор с ледокола слепил. Не разобрать кто...

— Ну что ж, выходить тем же макаром будем, — сказал Федор Иванович, включая механизм поднятия лобового стекла.

Морозный воздух ударил Аэлите в лицо, перехватил дыхание, которое у нее и без того зашлось от волнения. Она нахмурилась. Не ей, внучке оленевода, бояться холода.

Федор Иванович помог ей выбраться из кабины.

Через минуту они уже притопывали на снегу. Космонавт взял ее чемодан, Аэлита сжимала в руке сумочку, обыкновенную дамскую сумочку, с какой ходила по московским улицам, в которой хранился сигнал бедствия, письмо академику от парткома его института. В другой — узелок с домашним пирогом. Пальцы в перчатках мерзли.

Но где же академик? В толпе бегущих нет его крупной фигуры.

— Э! Да тут и мальчик есть, — заметил космонавт. — Братишка?

— Папа! — закричала Аэлита, бросаясь навстречу Алексею Николаевичу.

Но, рассмотрев в свете прожектора выражение его строго-печального лица, она с размаху остановилась.

— Что случилось? — через силу произнесла она.

— Мужайся, девочка, — задыхаясь от бега, сказал Алексей Николаевич. — Я знал, что ты летишь. Остановить не успел.

— Что случилось? — прошептала Аэлита.

— Понимаешь. Возник технический спор: обвалится ледяной свод в Большом Гроте или нет. Академик разумно решил моделировать сооружение. Все последнее вре-

мя протановался Малый Грот с тем же соотношением пролета и толщины свода.

— И что же, что же? — крикнула Аэлита хриплым, но вернувшимся к ней голосом.

Одновременно она увидела грузную фигуру человека, отставшего от спешащих к вертолету людей. Вот он, академик! А она уже невесть что подумала. Паникерша! И Аэлита облегченно вздохнула.

— Это Вальтер Шульц, — словно прочел ее мысли отец. — А Николай Алексеевич, он там — в Малом Гроте. Их завалило льдом. Свод рухнул... И они там...

Ноги подкосились у Аэлиты, и, если бы не поддерживавший ее космонавт, она упала бы в снег.

Прихрамывая, подошел Вальтер Шульц.

— Будет возможным для вас сейчас же взлететь, товарищ пилот? — обратился он к космонавту. — Скорее, как только можно есть!

— Могу. Куда?

— Туда, где есть провалившийся свод, — ответил Шульц.

— Мужайтесь, моя госпожа, извините, — по-японски произнес невысокий полярник в комбинезоне. И добавил по-русски: — Мы полетим на вашей машине и, быть может, снова окажем совместную помощь пострадавшим.

Аэлита с трудом поняла, что это японский доктор Танага. Ах, да! Его взял с собой Николай Алексеевич.

— Выгрузайте часть ящиков на лед, — командовал космонавт. — Садитесь в машину на их место.

— И я тоже, — решительно заявила Аэлита.

— Со мной, — прозвучал знакомый низкий голос. Аэлита едва узнала Тамару, так осунулось ее лицо, таким лихорадочным блеском горели ее глаза.

Глава пятая

КОЛОДЕЦ ПОМОЩИ

Тамара сидела в вертолете на одном из оставшихся там ящиков. Голова ее поникла, плечи поднялись, стали острыми, глаза смотрели вниз.

— Связь сразу оборвалась, — упавшим голосом говорила она Аэлите. — С купола сообщили, что произошел провал. Вальтер предложил прорыть сверху коло-

дец. Есть надежда проникнуть под рухнувший свод, спасти кого-нибудь.

— Но почему академик там?

— Всегда был впереди. Лично проверял. А всему виной я. Мечтала о подземном просторе с непомерным пролетом.

— Неверно есть так винить себя, фрейлейн, — вмешался Шульц. — Я приобрел теперь понятие, отчего произошло несчастье.

Аэлита через окно видела, как вертолет словно взбирается по почти отвесной круче. Она не подозревала, что здесь не так давно мчался на лыжах Анисимов с раненым латиноамериканцем за плечами.

Казалось, космонавт отлично знает трассу. Но все объяснялось просто. В кабине с ним сидел Толстовцев.

— Да, вина есть моя, — вздыхал Шульц. — Я обязан им жизнью. Ведь Спартак вынес меня на плечах, — объяснил он Аэлите.

— Спартак не отходил от академика, — добавила Тамара. — Лучше бы я...

— Не вы, фрейлейн, а я погубил их. Господь накажет меня. Я имел желание укрепить опасное сечение свода, чтобы избежать плавления льда из-за сдавливания, — продолжал Шульц, обращаясь к Аэлите. Его широкое лицо с правильными чертами было багрово и, несмотря на холод, покрыто капельками пота. На нем застыло такое выражение отчаяния, что Аэлите захотелось поддержать его.

На склоне громоздились глыбы, похожие на россыпь скал. Очевидно, удаленные из Малого Грота, они застряли здесь и не скатились к бухте.

Черным пятном на серебристом лунном снегу обозначился вход в грот.

Аэлита поежилась, представив, что творится там, в глубине.

— Это есть правильно, — повторил Шульц и, бичуя себя, продолжал: — Но это есть нехорошо сейчас. Я сам имел намерение проверить свою методику в экспериментальном гроте и приказал бурить лед сверху, чтобы заложить скважины для будущих каналов с холодильным раствором.

— И что же? — полуобернулась к нему Аэлита.

Шульц снова глубоко вздохнул:

— Прежде чем холодильный раствор попал туда, свод оказался ослабленным этими каналами. И как раз там, где есть опасное сечение. И произошло разрушение. По инженерной вине. Бог осудит меня, и я не имею прощения. — Шульц охватил голову обеими руками и стал раскачиваться из стороны в сторону.

— О каком прощении можно говорить? — вмешалась Тамара. — Я никогда не прошу себе фантазмагории с подземным небосводом. — И она вдруг заплакала, чего никак нельзя было от нее ожидать.

Вертолет спускался на снежную равнину. Тени кромки провала обрисовывали кратер. Будто здесь разорвалась крупная бомба или упал огромный метеорит.

В лунном освещении все вокруг выглядело неземным; сооружения на осевшем льду неестественно наклонились.

Вертолет приземлился.

Аэлита с Тамарой и Шульцем сошли на лед. Покосившиеся буровые вышки, казалось, сейчас упадут. Около них толпились растерянные люди. Они не оправились еще от испуга, когда «сама земля» под ними пошла вниз, и они вместе с вышками опустились на изрядную глубину.

Шульц хотел принять на себя руководство спасательными работами, зашагал было, припадая на большую ногу; согнувшийся, подавленный. Но Остап опередил его:

— А ну, клецки, галушки, вареники! Все ко мне! — скомандовал он.

И странное дело! Остапа, которого из-за своеобразной его манеры говорить порой и русские не понимали, разноязычные строители не только поняли, но и признали вожакom. Только Мигуэль Мурильо проворчал что-то насчет самозванца без технического образования. Но дружеский тумак Билла вполне убедил латиноамериканца.

Строители устремились за Остапом. Маленького инженера не было — он остался в кабине пилота, намереваясь, очевидно, как-то использовать машину.

Шульц, видя, что Остап повел за собой людей, улыбнулся ему и махнул рукой, как бы передавая команду.

Еще перед отлетом Толстовцев подсказал Остапу, который вместе со Спартакom сооружал Хрустальные Дворцы изо льда, как прокладывать «Колодец помо-

щи» — так же, как и строили ледяные здания. Их трупы-колонны виднелись неподалеку.

По замыслу Толстовцева нож-ледорез нужно было «вонзить» в лед наклонно под углом в сорок пять градусов.

— Давай, давай, трудолюбый! Вонзай меч глубже! — кричал Остап, увлекая всех примером. — Забыли, как пятна на яблоках вырезают? Усекаете? Ковырк — и конус прочь! Чего балдеете? Не бери в голову, рубай!

Не все понимали его слова, но все подчинялись. И дело спорилось. Нагретый электрическим током длинный ледорез, похожий на меч, вошел наклонно в лед, как раскаленный нож в масло. Потом, сохраняя тот же угол наклона, «рукоятку меча» перемещали по очерченному на снегу кругу. В центр же круга, по совету Толстовцева, заблаговременно ввернули нагретый штопор с кольцом.

За это кольцо, когда ледяной меч отделил конус от ледника, летающий кран, каким стал вертолет, вытащил первый конус.

В дальнейшем ледовым мечом вырезались уже пустотельные конуса. Космонавт, управляя вертолетом, извлекал их из колодца, который становился все глубже и глубже.

— А ну, племя вавилонское, разноязычное, навались, как на башню! Разом! — командовал Остап.

И как ни странно, его понимали.

Последний конус не пришлось вырезать. На дне колодца чернела дыра в половину его диаметра.

Остап сам «подчистил» стенки колодца. Подвешенный на свисающей с вертолета веревочной лестнице, он, орудуя нагретым мечом, обрезал последнее кольцо по внешнему ободу, и оно провалилось. Снизу донесся грохот. Остап остался без опоры и повис на тросе.

Вертолет поднялся и вытащил его на поверхность ледника.

— Ну теперь, братья-эскулапы — в полный рост! — закричал он. — В темпе вальса — в кабину лифта.

Толстовцев распорядился снова спустить с вертолета веревочную лестницу. Она должна была заменить собою кабину лифта.

Два пассажира вцепились в перекладины один выше другого, и вертолет стал спускать их в колодец. Ледяные его стенки так опасно приблизились, что Танага

стал отпихиваться от них ногами и как бы шел по вертикальной плоскости. Аэлита тоже старалась помочь ему.

Наконец стенки исчезли. Спуск продолжался в пустоту.

Еще через мгновение Танага ощутил ногами дно Малого Грота.

Он просигналил, и вертолет прекратил спуск.

Аэлита, нащупывая ногами ступеньки, тоже спустилась на ледяное дно грота.

Слабые лучики фонариков тонули во мгле.

Танага посмотрел на звезды, различимые в створе колодца, и определил направление к устью Малого Грота.

Аэлита стояла зажмурившись. Воображение рисовало ей жуткие картины: раздавленные тела, навалившиеся на людей глыбы.

Потом она тоже посмотрела наверх и увидела звезды. Они говорили о жизни, а все вокруг — о гробовой тишине и смерти.

Она пошла следом за Танагой. Фонарики едва разрезали густую тьму, словно весь грот был залит черной жидкостью. Аэлита поправила перекинутую через плечо сумку. В руке у Танаги чемоданчик. Они первыми должны оказать помощь.

Стали попадаться льдины обвала.

Время от времени кричали в расчете, что люди лишь отрезаны обвалившимся сводом.

Но никто не отзывался на их призывы.

Наконец в лучах фонариков сверкнули свежие изломы льда.

Обвал!

«Николай Алексеевич! Родной мой! Неужели погиб? Погиб за светлое грядущее, стремясь подсказать, как существовать человечеству. Бедный Спартак! Он еще ничего не успел сделать, но был готов на все ради людей!»

Слезы текли по лицу Аэлиты. Танага шел впереди и не видел этой ее слабости.

До слуха Аэлиты донесся глухой звук.

Она остановила Танагу. Оба прислушались.

— Люди! Люди, — слышался сдавленный голос.

По веревочной лестнице с вертолета, готового в любую минуту поднять спасателей и пострадавших,

с ловкостью обезьяны спустился, вернее, соскользнул, Остап.

Он побежал догонять доктора и Аэлилу. Увидел ее силуэт, понял, что она замахала руками. Остановился, замер.

— Люди! Люди! — слышалось и ему.

Он подбежал к Аэлите и Танаге.

— Я обалдел совсем. Взрывать хотел. Да гуманоид запретил. Велел растаскивать глыбы канатом. Вертолет их нормально вытянет.

Аэлита сразу все поняла.

Втроем они стали закреплять за выступ ближайшей ледяной глыбы петлю на конце ослабевшего троса, который по сигналу Остапа вытравили с вертолета.

Потом вертолет стал подниматься. Трос натянулся и, перегибаясь через край нижнего отверстия колодца, потянул за собой глыбу. Она отвалилась.

— Люди! Люди! — послышалось яснее.

— Это Спартак, его голос, — воскликнула Аэлита. — Жив! Жив!

Сзади слышался топот ног. Это спустились по канату Тамара и Алексей Николаевич.

Он сразу стал с удивительной точностью определять, что и в какой последовательности нужно оттаскивать.

Глыба отодвигалась за глыбой.

Фонариков было теперь больше, и все они светили в одно место. Действовали спешно, но осторожно. Малейшее неудачное движение могло вывести из неустойчивого равновесия глыбы, быть может, нависшие над чудом уцелевшими людьми.

Отодвинулась еще одна глыба, и глазам спасателей предстала необычная картина. Во весь свой могучий рост, лишь чуть пригнув голову, упершись плечами в тяжелую льдину, стоял Спартак. Живой Антей могучей своей силой удерживал готовый рухнуть «подземный небосвод», не давал глыбе повернуться на ребре и придавить того, кто был под нею.

Так восприняла в зыбком свете фонариков внутренность этого ледяного шатра Тамара.

Аэлита же лишь видела, что у ног Спартака лежит академик Анисимов.

Остап крикнул, а Танага всплеснул руками.

Вместе они перенесли Николая Алексеевича в сторону. Аэлита склонилась, стараясь уловить его дыхание.

И только сейчас подледный Антей опустил свою носу. Лыдина тяжело упала на то место, где лежал прежде Анисимов.

Тамара восхищенно смотрела на Спартака, который расправлял плечи, покачиваясь из стороны в сторону. Сколько часов простоял он так, сдерживая грозящую выйти из неустойчивого равновесия глыбу? Следом за глыбой рухнул и державший ее богатырь. Перенапряжение сказалось.

Тамара, став около него на колени, старалась привести его в чувство с помощью самых ласковых слов на грузинском языке.

Танага присоединился к Аэлите, склоненной над академиком.

— Дышит, — прошептала она. — Какое счастье, милый доктор, он дышит! — и она заплакала.

— Извините, Аэри-тян, но русские люди — удивительные люди. Они способны выдерживать небывалые перенапряжения... Кроме того, как врач, я убеждаюсь, что срок жизни человека — сто пятьдесят лет, возраст же академика — средний для мужчины. Дополнительные доказательства едва ли потребуются.

Глава шестая

ПРОБУЖДЕНИЕ

Сознание постепенно возвращалось к Николаю Алексеевичу Анисимову. Сначала он воспринял запах лекарств. Не открывая глаз, прислушался. Знакомый голос произнес немецкую фразу. Ах, это милый Шульц. Его койка — на расстоянии вытянутой руки. А кто это говорит по-японски? Танага! Доктор Танага, их лечащий врач, и Аэлита! Ну конечно! Это любимый ее голос!

Анисимов крепче зажмурился. Не хотелось открывать глаза, просыпаться. Значит, все привиделось ему — и Ассамблея ООН, и строительная армада, идущая среди айсбергов, и начатые в Антарктиде работы! Все это игра больного воображения, которым он пытался лечить себя в этой окаянной особой палате немецкого госпитала. Сейчас послышится каркающий голос профессора Шварценберга, но уже не прозвучит веселый голос бедняги Саломака. А может быть, он еще не умер, и смерть его тоже плод больного воображения? Аэлита прилетела к

нему, чтобы выходить, поставить на ноги. Чем отплатить за эту дочернюю заботу?

Ну конечно, он еще болен. Отравление слезами Лоре-леи, как придумал неповторимый остряк Мишель. Сейчас он скажет:

— Николя! Вспомните парижские фонари и двух подвыпивших молодых ученых! Я никого не ем. А Лоре-лея плачет ядовитыми слезами...

Когда это было? В прошлой жизни? В предыдущем перевоплощении, как считают буддийцы? Как хорошо, что все так: Мишель жив и все видения были лишь игрой воображения, осуществлявшей проект. Ах, это еще впереди! Но Аэлита! Чудесная девочка! А то, что она рассталась с мужем, тоже воображение?

Однако какой это странный, глубокий и такой жизненный сон? И сколько в нем технических находок, сколько подводных камней, которые надо будет обойти! Такие сны прежде называли вещими. Обвал в Малом Гроте. Прав оказался этот маленький гуманоид. И с чего только он привиделся ему, отец Аэлиты, о котором она лишь рассказывала ему? Во сне пришлось пойти на риск сооружения Малого Грота. Какое ценное предупреждение! В реальном проекте, не во сне, все это придется учесть.

О чем говорит милая Аэлита с японцем? Почему они перешли на русский язык? Разве доктор знает его?

Впрочем, все это не имеет значения, важно, что она рядом! Как мило было с ее стороны прилететь сюда, в Западную Германию, оставить ребенка, мужа... Нет! Мужа она оставила раньше, до «пира знатоков». Он еще написал президенту гнусное письмо! И все это было, конечно, до поездки на симпозиум к берегам Рейна. А ведь хотел взять ее с собой, оформил на нее все документы. Возражение секретаря парткома... А она — здесь!

Хорошо, что Мишель жив. Но почему не слышно его голоса? Шульц всегда переговаривался с ним, и это вселяло бодрость, Мишель излучал ее... Аэлита ухаживает и за Мишелем, к нему никто не приехал из Парижа. Замечательная женщина. Раньше говорили, что с такой можно пойти в разведку. Только ли в разведку, если быть откровенным с самим собой?

Анисимов заворочался на койке, хотел вытянуться. Что это? С чего это так болит все тело, словно его били цепями и не оставили живого места. Цепями молоти-

ли пшеницу в родной деревне, если пшеница уродилась, а не щетиной поросла бороздка. Какое же это странное последствие отравления! Надо поговорить с доктором Танагой и профессором Шварценбергом.

— Почтенный академик! Извините. Как вы поживаете, каково самочувствие?

Это по-английски спрашивает доктор Танага. Почему по-английски? Или он забыл, что Анисимов понял бы и по-японски?

— Аэлита, — прошептал Анисимов. — Вы здесь?

Он хотел, но не мог открыть глаза.

— Я здесь, Николай Алексеевич. Я ждала этого мгновения, я не знаю, сколько времени ждала! Честное слово! Ах, как я счастлива!

— Мишель? Как Мишель?

— Николай Алексеевич, родной... да что вы!

— А Шульц?

— Вальтер здесь. Он вышел.

— Разве он уже ходит?

Аэлита с ужасом посмотрела на Танагу, она даже по-японски не решалась сказать, что Николай Алексеевич не видит! И у него амнезия! Полная потеря памяти, вычеркнувшая все события последних лет. Жестокое последствие травмы, повреждение черепа...

Анисимов открыл глаза.

Нет! Он видел...

Он лежал в знакомой больничной палате, ее называют в госпитале особой. Около него Аэлита... его Аэлита. И это главное! Все остальное второстепенно! К ней склонился Танага, он его узнает! Все привычно. Сейчас войдет со своей почтительной свитой профессор Шварценберг, важный и надутый как индюк. Так прозвал его неистощимый Мишель. Но как он будет смеяться, если ему рассказать о его мнимой смерти в чужом сне!

— Николай Алексеевич, родной, закройте глаза. Вам еще рано. Постарайтесь уснуть.

— Уснуть? И снова видеть продолжение фантастического сна? Нет! Я должен и вам, и Мишелю, и Шульцу — всем рассказать, что увидел... Это весьма поучительно. Представьте себе (как вы любите говорить) оживший проект! Мне приснилось, что я вместе с энтузиастами осуществляю наш замысел. Честное слово! — И он рассмеялся.

У Аэлиты полились слезы из глаз. Видеть перед собой бессильные титана, каким ей представлялся всегда Анисимов.

Это было выше ее сил.

— Вы прилетели? — спросил Анисимов, отыскивая руку Аэлиты.

— Да. Прилетела, — пролепетала Аэлита, вспоминая космос.

— Как хорошо. Теперь мы не расстанемся.

— Никогда, Николай Алексеевич! Теперь — никогда!

— Ну вот. А я во сне видел невесть что. Будто вы и впрямь марсианка и отец у вас гуманоид. И будто мы расстались навсегда.

— Это было бы ужасно, Николай Алексеевич. Я не смогла бы! Честное слово!

— Узнаю вас, узнаю, родная. Как хорошо, что вы здесь. Но почему Мишель так храпит? Раньше этого с ним не бывало.

— Это... это... — Аэлита не смогла выговорить, что рядом с Анисимовым в богатырском сне спит Спартак, подледный Антей, как назвала его Тамара. Его поместили сюда, к командору, потому что судовой лазарет был переполнен пострадавшими при обвале.

— Я вас должна обрадовать, Николай Алексеевич, ведь никто не погиб. Так счастливо все обернулось, — нашла Аэлита.

— Никто? И даже бразильский профессор? Значит, все это обычные больничные слухи. Вы обрадовали меня, девочка. Когда я поднимусь, то непременно расцелую вас.

— А я-то как вас расцелую, когда вы встанете, Николай Алексеевич.

— Ну, если все так радостно, моя девочка, то хочу взять с вас слово.

— Какое слово, Николай Алексеевич?

— Вы не боитесь моей дряхлости?

— Да что вы, смеетесь? Вы полны сил и надежд!

— Да, да, *надежд!* И мы хотели назвать наш подледный город *Городом Надежды*. Но у меня есть еще одна надежда.

— Николай Алексеевич, знайте, я на все, на все согласна, но сейчас вы должны уснуть.

— Не раньше, чем вы скажете, на что вы согласны.

Аэлита наклонилась к самому уху Анисимова и прошептала так, что только он один мог слышать:

— Стать вашей женой.

— Спасибо, родная. Вот теперь я спокойно усну, не смотря на храп Мишеля.

И Анисимов снова забылся.

Заглянул выходявший доктор Танага:

— О чем он говорил, Аэри-тян?

— О-о! О счастье, милый доктор, — улыбнулась ему в ответ Аэлита.

— О счастье? — озабоченно нахмурился врач. — Это хорошо.

И они замолчали. Оба знали, что еще ничего не известно: вернутся ли к академику память, здоровье и его способности?

Но Аэлита твердо решила, что, как бы ни повернулось дело, она останется с Николаем Алексеевичем навсегда. Ведь «Любить — значит жить жизнью того, кого любишь!» Она шепнула эти слова засыпающему Анисимову. Он ответил слабой улыбкой и ровно задышал. И своим выздоровлением он докажет всему миру правоту доктора Танаги, решившего, что он достиг всего лишь среднего возраста мужчины. Да! Мужчины!.. И Аэлита покраснела... хотя никто не мог услышать этих ее мыслей.

Глава седьмая

ПРОЗРЕНИЕ

В маленькой палате судового лазарета смолк богатырский храп. Спартак отоспался. Ему хватило двадцати шести часов непробудного сна. Тамара нервничала и все настаивала, чтобы доктор Танага спас его от гибели, привел бы в чувство.

Низенький японец улыбался, обнажая редкие зубы, и говорил:

— Поверьте, Тома-тян, извините, но нет ничего более ласкающего слух врача, чем храп спящего больного.

— Больного? Вот видите, вы сами так сказали!

— Больной — это тот, кто лежит на койке в судовом лазарете.

— И когда он проснется, он встанет с койки?

— Не раньше, чем проснется, Тома-тян, извините.

Едва Спартак открыл глаза, чихнул и стал потягиваться так, что хрустнули кости, доктор появился в проеме двери и, приложив палец к губам, призывая не разбудить спящего академика, поманил его в коридор.

Спартак встал и, прежде чем выйти, долгим взглядом посмотрел на спокойное лицо Анисимова с обострившимися иконописными чертами. Потом вышел в коридор. Там Тамара, не стесняясь врача и Аэлиты, бросилась ему на шею. Спартак поднял ее в воздух и стал кружить.

— Русские — удивительные люди, извините, — тихо сказал Танага Аэлите. — Они способны вынести небывалые напряжения.

Аэлита подумала, что доктор говорит это уже во второй раз.

Анисимов остался в палате один. Аэлита то и дело заглядывала через дверное окошечко, боясь войти и разбудить.

Когда академик открыл глаза, то обнаружил, что лежит в незнакомой тесной палате. Вместо окна в парк немецкого госпиталя, где гуляли выздоравливающие, здесь виднелся квадратный иллюминатор с винтами для его задраивания наглухо.

Где же недавние видения? Аэлита, Танага, Шварценберг? Впрочем, профессор, кажется, не появлялся. Но где Шульц, Мишель?

Нет ничего сложнее процессов, происходящих в мозгу человека. Травма может изменить взаимодействие нейронов, и в результате: мнимая действительность, потеря памяти, безответственные поступки или слова...

Но, проснувшись, Анисимов после сумеречного затемнения, почувствовал в себе необыкновенную ясность ума — и вовсе он не в немецком госпитале, а в судовом лазарете ледокола!

Но почему он говорил с Аэлитой? Или это тоже ему пригрезилось?

Дверь открылась, и Анисимов увидел Аэлиту в ладно обтягивающей ее фигурку меховой одежде. И совсем не привидение, а живую, ласковую. Какой необычный разрез глаз, какое чудесное лицо! Она, милая, родная!

И сразу, как от толчка, он вспомнил все.

Они со Спартаком прошли в глубь Малого Грота, чтобы убедиться в исходе эксперимента — свод выдер-

жал. Рабочие почти все уже ушли. Задержались лишь немногие, приветствуя командора.

И вдруг электрический свет погас...

Когда-то черной осенней ночью молодого профессора Анисимова заставили спуститься в бомбоубежище. На пустынных улицах Ленинграда — полное затемнение, дом давно без электричества. В подвал пробирались ошупью. И тогда загрохотало вокруг, как в ночном лесу во время грозы. Но там хоть молнии ослепляют. А тут лишала зрения тьма. И казалось, все дрожит и рушится кругом: этажи, стены, сама земля. Оглушали невидимые взрывы бомб и близкая артиллерийская пальба.

И эта давняя картина ожила в сознании академика здесь, в искусственном гроте, где непроглядная тьма громыхала, дробилась, оглушала.

«Рушится свод, — успел подумать Анисимов. — Грот нельзя строить под единым сводом!»

Потом Анисимова больно ударило в плечо, задело голову, и он упал, потеряв сознание.

Он уже не видел, как Спартак, заваленный вместе с ним льдинами, уперся плечом в одну из них, чтобы не дать ей раздавить академика. Фонарик на поясе Спартака освещал их ненадежное убежище — подобие шатра, образованного льдинами.

Аэлита смотрела на Анисимова, и глаза ее лучились:

— Николай Алексеевич! Наконец-то! Я так ждала!

— Я долго спал?

— Меньше, чем Спартак, но часов шестнадцать спали.

— Я видел вас во сне.

— Нет, Николай Алексеевич, вы не во сне меня видели. Я, вот как сейчас, была с вами. Честное слово!

— Я допускал это. Гипотетически, — и он замолчал.

Больше всего Аэлита беспокоилась, что он спросит, как она тут оказалась? А он не спрашивал. Она боялась, что московские неприятности станут для него новыми потрясениями. И потом... потом Аэлите не хотелось признаваться Николаю Алексеевичу, что она прилетела сюда не просто к нему, а по поручению секретаря парткома.

— Я помню все, — сказал Анисимов как бы после раздумья.

— Все? Все? Честное слово?

— И даже последние ваши слова в ответ на безответственное предложение в бессознательном состоянии.

— Как вы можете так! Я все глаза проплакала, думая о вас.

— Значит, не забыли?

— Я? Никогда!

— Не люблю этого слова. В нем заложено отрицание. Куда лучше *всегда*.

— И я хочу всегда, всегда... с вами.

— Значит — не утешение умирающему?

— Нет! Это планы живущих!

— Это хорошо звучит. Наклонитесь ко мне. Вот так.

— Ой, Николай Алексеевич! Вы, значит, в самом деле поправляетесь! Я так счастлива!

— Что же мне тогда говорить? — ответил он ее словами, прозвучавшими когда-то при первой их встрече на фоне Эльбруса.

А о том, почему Аэлита оказалась на корабле, так и не было сказано ни слова.

И только когда Анисимов окончательно поправился и Танага заявил, что «чрезвычайно доволен его судьбой», Аэлита появилась в палате, смущенная и сама не своя.

— Ну что еще? — сидя на койке, с улыбкой спросил Анисимов, деланно хмуря брови и снова любуясь Аэлитой.

— Я должна признаться вам...

— Нет! Это я должен вам признаться, став на колени. Я уже могу, — и он сделал движение, но Аэлита удержала его:

— Вы шутите, а я серьезно. Вот, — и она протянула письмо.

— Что это?

— Письмо от партийного комитета вашего института.

— Как? Разве почта работает? Почему без марки? Доплатное?

— Да. Почта — через космос. И почтальон перед вами. Или, вернее, *на́рочный*.

— *На́рочный?* *На́рочная?* — повторял Анисимов, вертя письмо. — *На́рочная вы!* Вот вы кто, родная моя.

Он разорвал конверт и пробежал письмо глазами.

Он обладал завидным даром фотографического чтения, воспринимая весь текст сразу, не прочитывая его слово за словом, строка за строкой.

Академик нахмурился и вцепился рукой в бороду, зажал ее в кулак.

— Я не знал, что вы приедете, я бы сбрил, — вдруг непоследовательно сказал он, стараясь скрыть овладевший им гнев.

— Ну вот! Вы рассердились. Я так этого боялась.

— А вы думаете, я не должен был сердиться? Нонсенс!

— Нет. Я про себя. Вы могли на меня... Честное слово!

— Это за что же? — строго спросил Анисимов.

— За то, что я не просто к вам прилетела, как к дорогому мне человеку, а с поручением.

— Ну, знаете ли, девочка моя! Вы произнесли, как мне показалось в бреду, золотые слова Льва Толстого.

— Я могу их повторить: «Любить — значит жить жизнью того, кого любишь»!

— Так разве это не моя жизнь! — потряс письмом академик. — Ваш поступок для меня лучшее доказательство осуществимости моих несуразных мечтаний.

— Да? — робко прошептала Аэлита.

— Можно понять юных влюбленных, готовых на все, чтобы свидеться. Но насколько ценнее, значительнее готовность подняться хоть к звездам, чтобы защитить дело близкого человека. Я не ошибся?

— Нет, Николай Алексеевич, нет, милый, не ошиблись! Нет у меня никого ближе вас.

Они сидели друг против друга и зачем-то передавали из рук в руки письмо из Москвы.

Глава восьмая

ПОВЫШЕНИЕ

Дама-референт, сидевшая в приемной директора института, позвонила в партком Нине Ивановне Окуневой и передала, что профессор Ревич просит, если у нее нет более важных дел, заглянуть в кабинет директора.

Нина Ивановна давно ждала этого разговора, от которого Ревич под всякими предлогами уклонялся. После радиограммы Аэлиты из Антарктиды о случив-

шемся там несчастье, она не могла найти себе места, мысленно упрекая себя за бездеятельность, за то, что не использует прав партийного руководителя, не оправдывает занимаемого ею поста. Теперь сам Ревич приглашает ее. И она выскажет ему все напрямик и заявит, что Анисимов, как бы далеко он ни находился, не останется равнодушным к его бесчинствам, к разгону сотрудников, закрытию лабораторий, изменению тематики института во имя схоластической чистой науки. Она признается ему, что они с заместителем директора в отсутствие Ревича отправили Аэлилу в Антарктику к Анисимову. Ее не вернуть!

Приняв таблетку успокоительного лекарства, Нина Ивановна решительным шагом направилась к директору.

Ревич торопливо вышел к ней из-за стола, очаровывая золотой улыбкой:

— Простите, что потревожил вас, товарищ комиссар. Но... главковерх требует. И нас обоих: начдива вместе с Фурмановым.

Нина Ивановна поморщилась.

— Я имею в виду президента Академии наук СССР, Нина Ивановна, — быстро переменил тон Ревич. — Машина ждет внизу.

«Если у вас нет более важных дел!» — с усмешкой вспомнила Нина Ивановна формулу приглашения. Какой чисто английский оборот речи!

— Нужны какие-нибудь материалы? — спросила она.

— Не думаю. Мне об этом неизвестно.

— Я готова, — сказала Нина Ивановна, пожалев, что так и не успела высказать Ревичу свое негодование. Но после приема у президента, а может быть, даже во время приема, она скажет все, что требует ее партийная совесть. Однако не в пути, не в машине.

Ехали до Академии наук молча.

Ревич ежился. Он затылком чувствовал недоброе настроение секретаря парткома, но, сидя впереди, рядом с шофером, не оборачивался. И это было символичным. Ревич уже не оглядывался, идя намеченным путем. Он возлагал на встречу с президентом большие надежды и давно добивался приема. Неприятной помехой было лишь приглашение секретаря парткома, у которой ни докторского, ни профессорского звания нет. Рядовой кандидат наук!

А то, что Ревич как ученый всем был обязан Нине

Ивановне, создавшей лабораторию «вкуса и запаха», которую теперь он передавал на завод, Ревич из памяти вычеркнул.

Автомобиль свернул между двумя многоэтажными зданиями и оказался перед каменными столбами ворот Академии наук. Старомодный особняк с колоннами стоял в глубине на фоне деревьев Нескучного сада, спускавшегося круто к невидимой отсюда реке.

Президент Академии наук обладал редким тактом: принимая у себя ученых, он умел превращать прием в свидание равных коллег.

Так и сейчас, когда Ревич и Окунева вошли в его небольшой, отделанный дубом кабинет (для заседаний существовал конференц-зал, где собирался президиум академии), он радушно вышел из-за стола, поцеловал Нине Ивановне руку и обменялся крепким рукопожатием с Ревичем, которого уважал как одаренного ученого.

— Я прошу извинить меня, Геннадий Александрович, за то, что встреча наша все откладывалась. Мне даже хотелось самому приехать к вам, если бы это не выглядело инспекционной поездкой.

— Что вы! Что вы! Вы были бы желанным гостем, — расшаркался Ревич.

Все уселись. Ревич старался угадать в манере обращения с ним президента признание своей правоты в перестройке института. Не зря же он пригласил сюда и Окуневу. Надо думать «для вразумления».

— Осведомлен о ваших смелых начинаниях, Геннадий Александрович, — начал президент.

Ревич удовлетворенно кивнул.

— Понимаю, как вам нелегко возглавлять институт, где под вашим началом работает не один академик.

— Вот именно! Не хватает авторитета нашего замечательного корифея науки Николая Алексеевича Анисимова.

— К сожалению, Николая Алексеевича с нами нет. Так что придется авторитет создавать оставшимся на месте.

Ревич внутренне торжествовал: несомненно, речь идет об академическом звании ему, пусть временному, но директору института.

Президент, словно прочтя его мысли, продолжал:

— Думаю, что руководителю института не повредит избрание его членом-корреспондентом Академии наук СССР. Разумеется, не в связи с занимаемой должностью, а в признание его научных заслуг, которых не занимать стать.

«Вот оно! Каково почтенной Нине Ивановне с ее партийной оппозицией его начинаниям слушать это?» — И Ревич не удержался, чтобы не бросить на Окуневу победный взгляд.

— Правда, всякий процесс избрания связан с досадной затратой нервной энергии, — продолжал президент.

— Ради чистой науки готов на все! — заверил Ревич.

— Собственно, от вас, Геннадий Александрович, потребуется не так уж много. Некоторая перемена обстановки.

— Это совпадает с моими принципами, — признался Ревич. — Потому я и сделал некоторые перемены обстановки во вверенном мне институте.

— Мы, я имею в виду президиум академии, хотели бы вам всемерно помочь в перемене обстановки.

— Ценю признание моих усилий. Заранее согласен на любую помощь.

— Тем лучше. Значит, я могу расценить ваш ответ как предварительное согласие с нашим предложением возглавить вам, уже не временно, академический институт синтетической пищи — так назовем его — с задачей непосредственного получения ее из первоэлементов по Тимирязеву.

— Всегда был его последователем. И ценю ваше понимание.

— Мы предполагаем создать такой институт в Якутии, — невозмутимо продолжал президент.

Ревич едва сохранил на лице внимательное выражение, которым он маскировал до сих пор рвущееся наружу торжество.

— Для Дальнего Севера, где нет развитого сельского хозяйства, такой научный центр будет иметь особое значение. И чистая наука, о которой вы радеете, окажется там необыкновенно практической.

Ревич почувствовал, что остатки волос зашевелились у него на голове. Он снял очки в золотой оправе и стал старательно протирать стекла. Он был ошеломлен, не

зная, как реагировать на почетную ссылку. Склонный к выгодным для себя оценкам и выводам, он готов был допустить, что это его начинания произвели такое впечатление, что ему теперь предлагают институт. А раз так, то можно и поторговаться. Если уж уйти с занимаемого места, то получив достаточную компенсацию, побольше, чем звание членкора, о котором он мечтал и которое президент только что посулил ему.

— Нет слов, чтобы выразить мою радость за оказанное мне доверие и признание выбранного мной научного пути, но... достоин ли я столь лестного предложения? Не кажется ли вам, что возглавить новый академический институт приличествует заслуженному академику, а не какому-то там профессору или даже членкору?

Президент прекрасно понял Ревича и сокрушенно вздохнул:

— Мало, ах, мало у нас молодых и энергичных академиков, которым под силу создать крупный научный центр на голом месте. В принципе вы, конечно, правы, Геннадий Александрович. Но думаю, что первые же работы нового центра под руководством его директора дадут ему основания (и немалые!) на избрание действительным членом академии.

Ревич был умным человеком. Он быстро оценил ситуацию, поняв, что ему предлагают шанс, который может и не повториться в жизни.

— Я считаю предложение президиума за высокую честь для себя. Меня тревожит лишь один вопрос. На кого оставить институт во время отсутствия почтеннейшего Николая Алексеевича, чтобы достойно продолжать начатое им дело?

— Мы рассчитываем на ваш совет, Геннадий Александрович, а также на совет партийного руководства института, — и он посмотрел в сторону Нины Ивановны.

Озорная мысль сверкнула в мозгу Ревича и тотчас отразилась его золотой улыбкой:

— Хотя Нина Ивановна присутствует здесь как секретарь партийной организации, я решусь заверить вас, что она лишь по недоразумению, принимая во внимание ее заслуги в деле научного обоснования имитации вкуса и запаха, до сих пор не удостоена заслуженных ею званий доктора наук и профессора. Не будь этого препятствия, я, не задумываясь, указал бы на нее, как

на достойного заместителя Николая Алексеевича. Ее административный талант и проявленное ныне партийное чутье, — Нина Ивановна опустила голову, но Ревич и глазом не моргнул, продолжая, — подтверждают мое убеждение в обоснованности такой кандидатуры, если бы...

— Я знаю о многолетнем сотрудничестве Нины Ивановны с Николаем Алексеевичем, — сказал президент. — Мы в президиуме вспомнили об этом, когда обсуждали ваше выдвижение, Геннадий Александрович...

«Ах вот как!» — зло подумал Ревич и расплылся в улыбке.

— Насколько я понял вас, Геннадий Александрович, вы выдвигаете на пост и. о. директора института кандидата химических наук Окуневу?

— Да... — промямлил Ревич. — Но не раньше, я полагаю, чем будут оформлены заслуженные ею звания, о которых я говорил. Все-таки такой институт должен возглавляться формально признанным авторитетом.

Говоря это, Ревич прикидывал, что на всякий случай полезно потянуть время. Он еще не знал, как будет реагировать его модная «от парика до туфель на платформе» супруга на переезд из столицы в Якутск. От одной мысли об этом он поежился.

— Словом, — принужденно продолжал он, — мне кажется целесообразным решиться на эти перестановки не раньше, чем пройдут выборы. Ведь Ница Ивановна человек выборный.

— Вы имеете в виду партийные выборы?

— Ну, вероятно, не только партийные, но и академические.

Ревич ловко поставил свои условия. Не раньше, чем он пройдет в Академию наук членкором или даже академиком! Что же касается отдаленного Якутска, то при современной авиации его можно рассматривать почти как Подмосковьё. Предполагаемый научный центр будет «удален» (по времени!) от Москвы не более, чем скажем, институт ядерных исследований в Дубне. Оттуда ехать поездом до Москвы почти столько же времени, сколько из Якутска лететь на сверхзвуковым лайнере, не говоря уже о готовящемся регулярном сообщении через космос. Кроме того, прежде чем открыть в Якутии институт, надо его построить, как и академический городок, типа новосибирского.

— Ну что ж, Геннадий Александрович, мы обсудим ваше предложение, но прежде надо спросить, как сама Нина Ивановна относится к этому? — заключил президент, обращаясь теперь к Окуновой.

Нина Ивановна, в продолжении всего разговора не проронившая ни слова, теперь густо покраснела:

— Я все-таки занимаю партийный пост, пусть и незначительный...

— По партийной линии мы сумеем договориться, — заверил президент.

Ревич насторожился. Почему президент говорит так уверенно, словно уже беседовал обо всем этом где следовало?

— Так как, Нина Ивановна? Или страшновато? — дружелюбно спросил президент.

— Конечно, страшусь, — призналась Нина Ивановна. — Но будет ли согласен Николай Алексеевич?

— Понимать ли это как ваше согласие в случае такой просьбы со стороны академика Анисимова? Кстати, он уже вне опасности.

«Ах вот как!» — снова пронеслось в мыслях Ревича.

— Я соглашусь выполнить любое партийное поручение, если такое будет, — выдохнула одним духом Нина Ивановна.

— Вы, конечно, понимаете, Нина Ивановна, что я не решился бы обратиться к вам с подобным вопросом, если бы не заручился поддержкой.

Ревич забеспокоился. Как так? Он только что надоумил президента рассмотреть кандидатуру Окуновой, которая, конечно же, как кандидат наук не имела никаких шансов пройти на столь высокий пост, а президент говорит о какой-то поддержке. И он уже готов был упрекнуть себя за слишком поспешное согласие. Впрочем, академическое звание, маячившее впереди, определяло многое. А вот то, что он выдвинул кандидатуру Окуновой, выставляет его, Ревича, в выгодном свете. Нет лучшего способа угодить начальству, чем высказать его собственное мнение.

— Итак, прошу вас, Геннадий Александрович, обсудить с Ниной Ивановной вопрос о незамедлительной передаче дел в институте Анисимова. Что же касается Якутского научного центра, то жду вас в понедельник с утра, когда нас посетят по этому вопросу партийные руководители Якутии. Вам теперь придется работать с

ними. Поймите, я верю в вас прежде всего как в незаурядного ученого.

Ревич поднялся. Нина Ивановна тоже встала, но президент снова усадил ее, любезно провожая Ревича до дверей кабинета.

Идя к своей автомашине, где вышколенный шофер открывал перед ним дверцу, чего никогда не делал при Анисимове, Ревич внушал себе, что возвращается с признанием своих заслуг и уже близкими теперь академическими званиями, за которые, правда, придется заплатить работой на периферии. «Но по счетам надо платить! Однако ничего! Аэрофлот выручит».

И ехал в институт Ревич вполне успокоенный, не заботясь о том, как доберется из Академии наук Нина Ивановна. Важно иметь в жизни единую стратегическую линию, а тактика... тактика может быть различной в зависимости от обстоятельств.

Но блаженная золотая улыбка с лица Геннадия Александровича слетела бы, знай он, что все детали сегодняшнего разговора с президентом были обсуждены им по радио с академиком Анисимовым, находящимся в Антарктиде на ледоколе «Ильич».

Глава девятая

ДАР СЧАСТЬЯ

В полярную полночь, в «ясный лунный день», когда в середине антарктической зимы полная луна восходила в дневные часы, академик Николай Алексеевич Анисимов женился на Аэлите.

На ледоколе отпраздновали это событие шумно. Гремело радио, лучи прожекторов отплясывали в небе так же, как участники экспедиции на палубе. Космонавт Федор Иванович запустил запасную ракету торможения, которую не использовал в космосе. И она умчалась на огненном хвосте к звездам, на время став одной из них.

Аэлита светилась счастьем. Ей трудно было представить себе, что этот былинный богатырь с лицом мыслителя, сбривший себе бороду и помолодевший лет на двадцать, — ее муж!..

Анисимов же, кроме юношеской радости, ощущал и

безмерную благодарность к той, которая дважды самоотверженно прилетала к нему, чтобы спасти его, и теперь стала его женой. Анисимов был твердо убежден, что любовь возникает у человека помимо воли и расчета, она зарождается как бы в подсознании, а потому неуправляема и необъяснима. И должно быть, верно будет сказать, что «любят не на шутку лишь без помощи рассудка». И он любил именно так.

Рассудок, вмешиваясь в его любовь, до сих пор сковывал и угнетал. И только теперь, когда все «разумные оковы» были отброшены, Николай Алексеевич ощутил в себе рядом с Аэлитой неизведанную внутреннюю свободу и небывалый взлет всех своих способностей, какого не знал и в молодые годы. И он был счастлив.

Оставаясь наедине, они с Аэлитой любили вспоминать все то, что сблизило их.

— Ты помнишь мои стихи о памяти сердца? — как-то спросил Николай Алексеевич.

— Из-за которых я плакала, когда ты ушел? — И она прочитала:

Грустный мир воспоминаний.
Все они, как в речке камни,
Зыбкой тенью в глубине
Лежат во мне,
На самом дне... —

и они кончались:

Но ты со мной, всегда со мной.

— Теперь ты всегда со мной.

— Да. Но тогда это было не обо мне.

— Тени исчезают в темноте, — задумчиво сказал Николай Алексеевич. И через некоторое время добавил: — А ты знаешь, перед самым отъездом в Антарктику мне привелось выступить в устном журнале перед ленинградцами в Доме культуры на Васильевском. Звал добровольцев в Город Надежды. Были еще музыканты, поэты. И я услышал стихи, перекликавшиеся с моими...

— Что это за стихи?

— «Озеро памяти». Я помню несколько строк:

Вот озеро. Оно слилось из слез,
Из радостей, надежды, ликований.
Горячие ключи воспоминаний
В него текут из-под корней берез.

— Как хорошо! — прошептала Аэлита.

Как мягки, как расплывчаты края.
Где ямы, круговерти и обрывы?
Лишь лилии осенние красивы
Над медленным потоком бытия*.

— Лилии удивительно пахнут. Осень? Кто написал это?

— Одна поэтесса. Я познакомился с нею.

— Поэтесса? — Аэлита отодвинулась. — Я так и думала. Честное слово!

— Она подарила мне свою книжечку под названием «От мира сего». Я прочитал и не удержался от каламбура:

В стихах, подаренных Людмилой,
В прелестной книжке «От мира сего»
Прекрасен мир, и люди милы,
Но сама она — не от мира сего.

— Очень мило, — поджала Аэлита губы.

Она представила себе, как ее Николай Алексеевич дарит эффектной блондинке (почему-то она такой вообразила себе поэтессу) свой каламбур, а та нежно целует его за это. И неожиданно для себя она всхлипнула.

Анисимов подскочил в кресле.

— Что ты, девочка моя! Да за этот каламбур я наверняка пал в ее глазах!

Аэлита хотела и не могла справиться с собой. Да, она ревновала Анисимова. Ревновала без какого-либо повода и без всякого здравого смысла, ревновала к его прошлой жизни, ко всему, что было без нее.

Говорят, ревность рождена собственническим чувством. У Аэлиты это чувство не имело ничего общего с какими-то правами на Николая Алексеевича. Она просто казалась себе полным ничтожеством по сравнению с ним, а женское начало в ней бунтовало, ревнуя. Кто она рядом с той же Тамарой Неидзе? Какая она «героиня»?! Какая там «личность»?! «В науку въезжает на собачьей упряжке», как сострил Геннадий Александрович Ревич, подписывая подготовленную ею статью об опытах с Бемсом. Тамара — это творчество, фантазия,

* Людмила Щипахина. Озеро памяти.

воображение! И темперамент! Вот и сейчас, после всего случившегося в Малом Гроуте, она предложила делать Большой Грот многосводчатым, с колоннами или столбами как в Грановитой палате Московского Кремля. А теперь еще эта поэтесса «не от мира сего»! Аэлита же поистине «от мира сего»! «Обыкновенная обыкновенность», — как сказал все тот же Ревич, в очередной раз переноса защиту ее диссертации.

И все-таки Аэлита была счастлива с Николаем Алексеевичем и совсем не ощущала возрастной преграды, которая так пугала Анисимова.

Однажды Аэлита сказала:

— А помнишь утро после нашей встречи в горах? Я нашла тебя и... свой портрет, сделанный из снега.

— Еще бы! — рассмеялся Анисимов.

— У тебя это не просто «хобби»! Ты мог бы обогатить искусство.

— Если бы отдал этому жизнь. Мало одной жизни человеку. Вот ты и дала мне новую.

— А ты сделаешь еще одну скульптуру? Новую.

— Здесь? — удивился Николай Алексеевич.

— Надо же отвлечься. Доктор Танага советовал.

— Опять из снега?

— Можно и изо льда, — рассмеялась Аэлита. — Даже лучше!

— Изо льда? — академик сразу стал серьезным. — Как ты сказала? Изо льда?

И он стал совершать по предписанию врача обязательные прогулки к ближнему, вмерзшему в лед бухты айсбергу. Там академик задерживался часа на два, потом возвращался на ледокол — и закипало все вокруг. Развернулась подготовка к началу главных работ по протаиванию Большого Грота.

Но только Аэлита знала, чем он занимается во время отдыха.

Однажды доктор Танага пригласил ее к себе в лазарет. Аэлита, несколько удивленная, уселась на жесткий табурет перед белым столом, за которым сидел врач. Зачем он позвал ее?

— Аэри-тян, извините. Я должен называть вас госпожа Анисимова?

— Пусть останется Аэри-тян, как там... в госпитале.

— Аэри-тян, извините. Я очень обеспокоен. На корабле ползут скверные слухи. Бывший бизнесмен Мигуэль Мурильо убеждает людей, что в результате травмы головы у командора опухоль мозга и он теряет рассудок.

— Опухоль мозга? — испугалась Аэлита.

— У них нет рентгеновских снимков, как у меня, — усмехнулся Танага. — Они судят только по тому, что видят. А наблюдают они, как почитаемый ученый, забравшись на айсберг, при свете луны дает волю своей ненависти против льда — бьет киркой по ледяной горе, словно хочет уничтожить ее. Извините. Любопытный для медицины синдром.

— Как это гадко! — поморщилась Аэлита.

— Мне хотелось бы открыть вам, Аэри-тян, что сеньор Мурильо, распространяющий сейчас эти слухи, навел меня на мысль, что взрывоопасными могут быть не только смеси газов, но и сборища людей. Сеньор Мурильо внушает мне подозрения.

— Как это низко! Я думала, что уж сюда-то идут лучшие люди.

— Люди есть люди, не гуманоиды, которых мы себе воображаем, наделяя их, быть может неоправданно, замечательными чертами, редкими и на других планетах. Сеньора Мурильо было бы ошибкой отнести к их числу. Кстати, он был единственным человеком, находившимся в Храме Энергии перед взрывом смеси водорода и кислорода, смешение которых там исключалось. И невольно размышляешь над тем, почему вышел из строя радар «Титана»? Почему исчезли запасные части вертолетов и они не могли взлететь, когда были особенно нужны? Если бы вы не прилетели и космонавт не помог нам, не удалось бы спасти пострадавших.

— Не говорите больше! Я холодею, честное слово!

— И вот теперь эти речи об опухоли мозга и безумии командора.

— Доктор! — решительно сказала Аэлита, уловив в интонации японца нечто глубоко ее задевшее. — Вам надо самому посмотреть на «безумства» вашего пациента.

— Будет ли доволен командор, Аэри-тян?

— Мы пойдем вместе с Тамарой и Спартаком. Для всех важно!

ПОДЛЕДНЫЙ ГРАД КИТЕЖ

В лунном свете снег казался старинным потемневшим серебром. Аэлита вела всех по знакомой тропке, по которой провожала Николая Алексеевича и ходила за ним.

Сейчас он не ждал ее. Мерно вскидывал и опускал кайло, стоя на вершине айсберга. От каждого удара разлетались ледяные осколки. Некоторые на миг вспыхивали в лунном свете. Аэлита подумала, что раньше загадывали желанья при виде падающих звезд. Можно ли загадывать желанья, когда разлетаются искры, и даже такие?

Впереди взбиралась Аэлита, за ней Тамара. Замыкал шествие, страхуя всех, Спартак.

Тамара увидела первая и крикнула:

— Да что это такое? Чур меня, чур!

Аэлита торжествующе рассмеялась.

— Что там, извините? — забеспокоился японец.

— Спартак, Спартак! Скорее влезай, посмотришь в зеркало, — звала Тамара.

— Какое зеркало? — удивился Спартак, карабкаясь по льду.

Анисимов только сейчас увидел подошедших и прекратил работу.

— Это же Антей! Подледный Антей! — продолжала Тамара. — Смотрите, он держит на плечах ледяной свод. И сам он изо льда. А лицо знакомое. Не правда ли, Спартак? Будто смотришься в зеркало. Видишь?

— Вижу. Статуя.

— Чья?

— Неужели на меня смахивает? Вот чудо! — смущенно пробормотал он.

— Чудо, — подтвердил Танага и, обратившись к Аэлите, добавил: — Извините меня за мои сомнения.

Аэлита ликовала. Брат смотрел на свое изображение совсем так, как она когда-то на снежную головку, сделанную Анисимовым близ Эльбруса. И она гордилась своим Николаем Алексеевичем.

— Жаль, такую прелесть унесет летом в океан, — сокрушалась Тамара.

Анисимов спустился к своим неожиданным гостям:

— Вот, подсказали мне, что лед отличный материал для ваятеля.

— Отличен не только материал, но и само изваяние, — заметила Тамара.

— Спасибо, — отозвался академик. — Но знаете ли вы, моя дорогая зодчая, что, делая эту скульптуру, я думал о вас?

— Обо мне?

— Вы видели мысленно грот в виде исполинской Грановитой палаты со столбами, поддерживающими своды. Так почему бы эти столбы не высечь сразу из льда в виде вот таких вот Антеев, как вы сказали?

— Памятники Спартаку? — воскликнула Тамара.

— Можно и не одному Спартаку, но и другим энтузиастам.

Все вместе они стали спускаться с айсберга. Статуя скрылась из виду.

Анисимов объяснял:

— Я высекал «атланта» из льда и думал. И о своем спасителе, удержавшем надо мной льдину, и о том, как постепенно возникают из ледяной глыбы могучие плечи, наклоненная голова моего Антея появляется по мере удаления ненужных кусков льда. И я вспомнил слова великого скульптора, кажется, Родена.

— Любый шедевр скрыт в бесформенной глыбе. Надо лишь убрать все лишнее, что скрывает его от наших взоров! — воскликнула Тамара.

— А ведь как точно! Убрать все лишнее — и ледяной Антей покажется из айсберга.

Аэлита, идя рядом с Николаем Алексеевичем, взяла его за руку.

— А если вдуматься в эти слова? — продолжал Анисимов. — Если поговорить сегодня об этом в нашей с Аэлитой каюте, вместе с Шульцем и Алексеем Николаевичем?

Иесуке Танага шел в каюту командора и его жены в глубокой задумчивости. Чем больше узнавал он своего старого пациента, русского академика, тем более загадочной казалась ему его натура. Может ли так щедро одарять природа человека? Причем не одними только способностями, талантами, но и глубокой человечностью, заботой, чуткостью, проявляемыми Аниси-

мовым в отношениях с людьми, которых другой на его месте мог бы считать лишь подчиненными, а для него они были прежде всего соратниками.

Вот и сейчас людей, усомнившихся в душевном здоровье академика (и первым из таких был сам Танага, врач!), он собирал в своей каюте прежде всего как соратников. Танага еще не знал, ради чего состоится предполагаемая беседа, но интуитивно предвидел нечто значительное, что должно сыграть важную роль во всей дальнейшей судьбе антарктической строительной экспедиции ООН.

В каюте стало тесно.

— Я не такой уж любитель загадок, — начал академик, — и совсем не случайно вспомнил слова великого ваятеля. Они применимы к нам. Мы уже обсудили, что ледяные столбы, поддерживающие свод грота, можно высечь в виде статуй из льда, как и сам свод.

— Ну разумеется! — подхватила Тамара. — Построили же мы на куполе ледника ледяные здания.

— Ледяные здания, — задумчиво повторил Анисимов. — Если внутри грота его столбы будут ледяными скульптурами, то нашим инженерам нужно позаботиться о сохранении их в твердом состоянии. Вальтер Шульц уже предлагал для этого пронизать ледяной массив каналами для холодильного раствора. Очевидно, так же надо поступить не только в отношении свода, но и поддерживающих его столбов. А может быть, и не только столбов? Алексей Николаевич Толстовцев хотел пробить в ледяной толще комфортабельные пещеры, теплоизолируя их ледяные стены, чтобы лед не таял. Стоит сочетать, пожалуй, и теплоизолирующие панели и сеть каналов с холодильным раствором.

— Все-таки хотите вернуться к туннелям ненавистных морлоков? — запальчиво перебила Тамара.

— Отнюдь нет, — улыбнулся Анисимов. — В вашей исполинской Грановитой палате свод над городом будет исчезать в вышине.

— Так где же размещать ледяные пещеры? В стенах палаты? Я не поняла.

Маленький инженер был сосредоточен. Он никак не мог угадать идеи командора, к которой тот старательно подводил своих слушателей, чтобы они сами

назвали ее. И Толстовцев сердился на себя. Притупилась острота мысли? Или надо быть таким счастливым, как Николай Алексеевич сейчас или он сам когда-то на далеком острове, где не осталось топлива? Какое состояние человека способствует тому, чтобы открылись «тайны неуловимой простоты решения», вроде бочки, превращенной в грохочущую вертушку, давшей энергию для спасения новорожденной Аэлиты?

Вальтер Шульц прикидывал на карманной электронной машине параметры требуемой холодильной установки, но главной идеи Анисимова и он не уловил.

А идея была рядом, лежала на поверхности. И все же никто не увидел ее. И слова академика ошеломили:

— Если признать лед неплохим строительным материалом, то зачем нам каменные карьеры на дне грота?

— Как? Вы не хотите обнажать былую почву Антарктиды? — встревожилась Тамара.

— Нет, почему же? Мы непременно доберемся до этой почвы, засеем ее травами, вырастим на ней цветы и деревья. Ведь были же они в утонувшем граде Китеже?

— Это лишь сказочный образ, Николай Алексеевич.

— А если не только образ? Если в самом деле предстать себе, что утонувший город Китеж существует и поглотившая его вода превратилась в лед? И стоит сейчас Город Надежды в ледяной толще, как родеонская статуя внутри мраморной глыбы?

— Град Китеж изо льда? — удивилась теперь и Аэлита.

— Да, как ледяная статуя, которую я высекал из айсберга.

— Вы предлагаете, Николай Алексеевич, — догадался маленький инженер, — вырубить из ледяного монолита все блоки будущих зданий Города Надежды? И очистить от ненужного льда улицы и площади, а в оставленных ледяных блоках пробить необходимые для жилья и производства помещения?

— А блоки пронизать, как я имел сказать об опасном сечении, каналами для холодильного раствора, — добавил Шульц.

— Да, с помощью нашего воображения нам предстоит найти город на дне исполинского грота, мыслен-

но увидеть его улицы, его дворцы и здания, подобные групповой скульптуре.

— А какие они должны быть, эти здания без железобетона? — спросила Тамара, загоревшись новой идеей. — Я уже пытаюсь представить себе ледяные Кижы, или ледяной город Паленке с дворцами древних майя, или причудливые контуры индийских храмов, перенявших что-то от окружающих джунглей.

— Вы сами подсказываете, что окружающая среда, да и сам материал должны помочь зодчему найти стиль сооружений. Недаром ваши Дворцы Энергии, сделанные изо льда, называют хрустальными. Лед напоминает горный хрусталь. А каков он, горный хрусталь, в первозданном виде?

— Кристаллы! — воскликнула Тамара. — Гармония кристаллов! Я уже вижу контуры необычных зданий.

— Вот этого я и хотел, — заключил академик. — Вам, как никому другому, дано увидеть причудливый узор кристаллов, созданных непревзойденным художником — самой природой. Нам предстоит бережно откопать их на дне нашего ледяного грота. И эти откопанные ледяные кубы, призмы и тетраэдры мы превратим в дома и дворцы. Впрочем, — поднял он руку, — все не так просто. Надо помнить, что лед коварен. Он обладает двумя неприятными свойствами: возгонкой, то есть превращением в газы при любой низкой температуре, и текучестью. Можно поставить на льдину гирию и убедиться, что, несмотря на мороз, эта гирия через какое-то время окажется внутри льдины, даже пройдет ее когда-нибудь насквозь. Поэтому и наши столбы-статуи, и наши ледяные колонны, и свод, во-первых, должны быть изолированы покрытием от окружающего воздуха, чтобы исключить возгонку льда и его разрушение с поверхности, во-вторых, дома защищены не только покрытием, но и теплоизоляционными панелями, которые сохранят нам лед. Чтобы победить текучесть льда, нашим инженером Толстовцевым найден способ превращения льда в подлинный камень. Из этого нового камня и будет сооружен подледный град Китеж.

Все встали.

Аэлита торжествующе посмотрела на доктора Тагау. Тот понял ее без слов и сложил руки со сжатыми ладонями:

— Извините.

— Я не решаюсь расцеловать Николая Алексеевича, — сказала Тамара. — Я расцелую тебя, Аэлита.
И, обняв подругу, она шепнула ей на ухо:
— Вот теперь я знаю, кого ты любишь.

Когда гости командора вышли на палубу, в лицо им ударил южный полярный ветер, неся холод полюса. Тучи скрыли луну, и непроглядная ночь слилась с летящими снежными струями. Но неистовая пурга крутила ветротрубы, давая людям энергию.

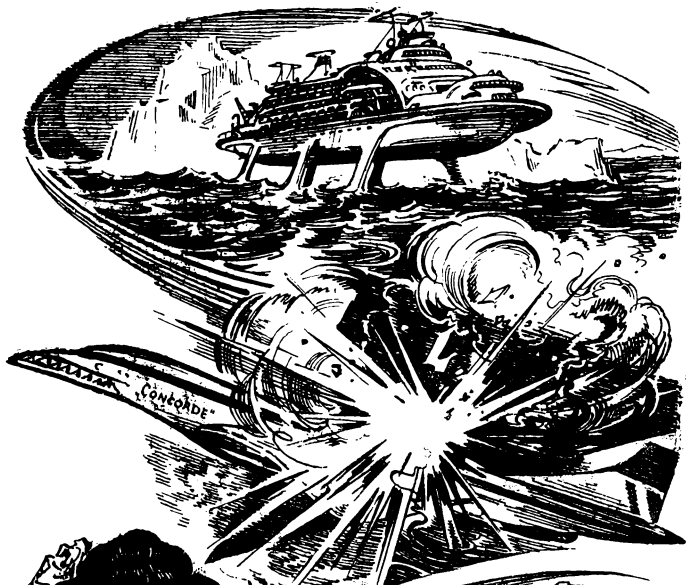
Конец второй книги

КНИГА
ТРЕТЬЯ

ТРЕВОГИ
ЛЕДЯНОГО
ГРОТА

Делай великое, не обещая великого.

Пифагор

КИПЕНИЕ

И передо мной разворачивается грандиозная картина Земли, изящно ограненной трудом свободного человечества в гигантский изумруд.

Максим Горький

ПЕРЕД ГЛАВАМИ

Прошло несколько лет с тех пор, как строительная армада Организации Объединенных Наций по инициативе и с помощью Советского Союза под руководством академика Анисимова направилась в Южный Ледовитый океан.

Там, под ледяным куполом Антарктиды, где природа ничего не сулила человеку, на международной «ничейной» территории возник Город-лаборатория для проведения небывалого в истории человечества эксперимента, моделирующего жизнь грядущих поколений.

Как будут жить наши потомки? Как справятся с теми «проклятыми вопросами», которые ныне стоят перед нами: недостаток продовольствия, зависимость от природных бедствий, голодание почти половины человечества, нехватка территории для возрастающего населения Земли, угроза энергетического кризиса и истощение земных недр?

Академик Анисимов и его ученые соратники вместе с тысячами жителей Города-лаборатории брались доказать, что человек в состоянии жить не *иждивенцем природы*, а потребителем лишь собственного труда, которым может произвести все необходимое даже там, где природа не обещает ничего.

На их примере можно было угадать ту ступеньку в развитии человека, когда он перейдет от слепого пользования истощающимися ресурсами родной планеты к бережному отношению к среде обитания, обеспечивая себя энергией, питанием, одеждой и всем прочим, нужным для жизни, *без насилия над природой*, с одной стороны, и *без рабской зависимости от ее капризов* — с другой.

Тысячи энтузиастов или просто переселенцев из разных стран, кто увлеченный идеей, кто доведенный в родной стране до отчаяния из-за невозможности найти себе применение, кто совсем из других скрытых побуждений, отправились создавать под ледяным *Куполом надежды* город, который первые вдохновители стройки, посланцы Страны Советов, называли *подледным градом Китежем*.

И за эти несколько лет творческими усилиями участников беспримерной стройки он был построен, возник этот сказочный Город Надежды, как стали называть его все, вырос под ледяным сводом на былой земле когда-то цветущего и лишь в последующие геозпохи погребенного под ледяным щитом шестого материка Земли.

На былой его почве в исполинском ледяном гроте принялись привезенные на кораблях деревья, травы, цветы. Поднялись, распустились, зацвели под «ледяным небом», овеваемые искусственно теплым ветерком. Подледной зеленью украсили они улицы между словно вырубленными изо льда своеобразными кристаллами домов, в проектировании которых вслед за первой зодчей Антарктиды Тамарой Неидзе за честь сочли принять участие ищущие архитекторы многих стран мира.

Город жил по своеобразному Уставу, в основе которого лежала прежде всего забота о здоровье людей. Многим приходилось отказываться от дурных привычек, но быт их был обычным.

Они трудились, общались друг с другом, влюбля-

лись, создавали семьи, отдавали детей в Школы жизни и труда. И никто из них не знал страха за завтрашний день и мало кто тяготился необходимостью трудиться. Ведь за свою работу он получал в городе все, что мог потребить. Кроме того, у него рос банковский счет в родной его стране, куда большинство жителей Города отнюдь не стремилось, оценив здесь условия существования.

И все новые волны переселенцев стремились в Город Надежды, который стал уже не только удовлетворять собственные нужды в искусственной пище, но смог помогать голодающим странам своей продукцией, получая взамен все то, что еще не начали производить в Городе Надежды.

Настало время оценить первые результаты эксперимента. Казалось бы, здесь не могло быть двух мнений, но...

Глава первая

«ИВАН ЕФРЕМОВ»

Страшен шторм в Атлантике. Водяные горы встают одна за другой. А на их хребтах развеваются седые гривы, как белые бурки при лихой атаке. И будто вскипают от яростного ветра, загибаются вперед гребни. Злобные языки взмывают с них смерчами, рассыпаясь снежными клочьями, как пена изо рта взбесившихся коней, которых нет сил остановить.

Мраморные скаты валов испещрены прожилками и кажутся готовыми рухнуть стенами.

А ветру всего этого мало! Он несет над волнами струи воды, словно выпущенные из миллиона невидимых брендспойтов. В былые времена такие «водяные заряды» рвали паруса не хуже картечи, опрокидывали каравеллы, ревели над грозно вздымающимися океанскими валами.

Редкий корабль выносит в Атлантике одиннадцатibalльный шторм. Даже такие гиганты, как «Куин Мэри» или «Куин Элизабет», зарывались носом в горные склоны вырастающих перед ними свинцово-мраморных хребтов.

Журналист Генри Смит сам себе не верил: палуба под его ногами совершенно не качалась, будто не бес-

новался вокруг океан и будто штормовой ветер только что там, наверху, на боковом крыле капитанского мостика, не валил его с ног, не захлестывал, не душил... Вот так же, не ощущая шторма, надо умудриться Генри Смигу пройти через бушующий страстями мировой океан, чтобы преуспеть и стать достойным отца, национального героя, сложившего голову в джунглях Вьетнама. Враги обвинили его в истреблении жителей какой-то вонючей деревеньки, но сам президент вступился за него, и Генри Смит, служа национальным интересам, может гордиться им и преуспеть. Пришлось стать и журналистом и даже актером, выполняя для окружающих роль простоватого, чуть нагловатого американца, который, конечно же, рубаха-парень! Потому Генри Смит и сопровождал сейчас как представитель прессы Особую комиссию ООН, уполномоченную решить судьбу Города-лаборатории в Антарктиде, чья деятельность, по мнению ряда стран, «стала угрожать экономическому и политическому равновесию в мире». Из пяти членов комиссии двоих, включая председателя, Генри Смит знал еще по Риму. Теперь предстояло найти их на «Иване Ефремове».

Это был самый удивительный корабль, когда-либо виденный Генри Смитом, корабль, которому любая буря нипочем.

А Генри Смит помнил, как его окатило в одиннадцатибалльный шторм волной на одиннадцатом этаже «Купин Элизабет». Добравшись тогда до салона, где наиболее крепкие пассажиры спасались наиболее крепкими напитками, Генри, хохоча, уверял всех, что баллы, оценивающие силу шторма, нужно определять по номеру этажа, на котором океан тебя достанет.

А тут... на этом диковинном корабле палубы казались жутко неподвижными, как скалы острова или бережные возникшего среди океана порта. Генри Смит уже во всем разобрался и приготовил для редакции описание советского корабля, который свидетельствует о новом направлении в судостроении, что следовало бы учесть при оценке советского распространения на все моря и океаны, где плавают их самый многочисленный в мире флот! А тут еще и такая новинка!

Корабль не качало потому, что корпус его не соприкасался с водой, он находился над волнами, легко прокатывавшимися под его днищем. Плоское, оно совсем

не походило на обычное, с килем. Но эта «платформа», несущая на себе корабельные надстройки, не двигалась на воздушной подушке, как всем известные паромы, пересекающие Ла-Манш. Для океанских рейсов это было бы расточительно. Нет! На глубине двух-трех десятков метров, где не ощущается никакое волнение даже в шторм, двигались два дельфинообразных поплавка, если хотите, субмарины. В них размещались и двигательные и атомные установки в безопасном отдалении от палубных надстроек и пассажирских палуб. Под водой поплавок-субмарина соединялись между собой огромной горизонтальной плоскостью, напоминавшей крыло, а с кормы и носа каждой из субмарин поднимались четыре телескопические мачты, способные менять свою высоту. Над поверхностью воды на этих мачтах, как на сваях, укреплена была та часть корабля, которую обычно и воспринимают как корабль, с палубами, трапами, мостиками, каютами, ресторанами и холлами.

Сооружение это, опираясь на уходящие под воду мачты и мчась над волнами, не ощущало морского волнения, как не ощущают его подводные лодки в глубине. Смит сравнивал подводную часть корабля с затопленным катамараном. Он даже спустился в лифте в одной из полых мачт в машинные помещения и получил бездну впечатлений не на одну тысячу строк. Коридоры субмарин были узкими, люди сновали по ним, одетые в белые халаты, а сверху, над волнами, пассажиры наслаждались морским простором, комфортом и беспримерной скоростью корабля, которая достигалась из-за обтекаемости дельфинообразных понтонов.

Поднявшись в лифте на покойные палубы, Смит стал планомерно обходить роскошные салоны корабля, чтобы отыскать своих давних знакомых из Особой комиссии ООН. Не мешало им шепнуть кое-что насчет судьбы горе-Города-лаборатории.

Генри Смит начал с бара «Тени минувшего». Собственно, так назывался один из рассказов Ефремова, идея которого послужила толчком для изобретения голографии. Смит же воспринял это как намек на то, что спиртные напитки в Городе-лаборатории для всех плывущих туда на работу как раз и будут тенями минувшего, ибо там введен сухой закон, «попирающий права людей, желающих выпить». «Такая фраза, пожалуй, по-

нравится редактору, — подумал Смит и вздохнул: — В ледяном гроте в такой бар не зайдешь!»

Взгромоздившись на высокий табурет и заказав себе двойную порцию виски с содовой, он попытался заговорить с двумя хихикающими девицами. Они посасывали через соломинки кока-колу и косились на него.

К сожалению, девицы говорили между собой на та-рабарском наречии, в котором лишь отдельные слова вызывали знакомые ассоциации с аптекой, клиникой или ботаникой. Смит понял, что бедняги болтают по-латыни! Ведь все направлявшиеся в Город-лабораторию за пару месяцев до отъезда должны были изучить этот мертвый язык модным «методом погружения». Надо же выбрать язык цезарей как международный вместо английского или в крайнем случае французского! Это в средние века монахи и всякие там «научники» в шапочках и мантиях писали трактаты по-латыни и вели между собой никому не понятные споры на том же языке.

Поистине нельзя ученых допускать ни к какому руководству! Но подлинная беда не в этой возрожденной латыни, а в том вреде для мировых рынков, который наносит дальнейшее существование Города-лаборатории.

Однако новая группа «подледных поселенцев» бездумно направляется сейчас туда.

— Не говорит ли господин по-русски? — спросила рыженькая.

Генри Смит обрадовался. Недаром он изучал этот трудный язык. Девушки могли кое-как объясниться на нем.

Одна из них отправилась из Индонезии, другая — из Израиля.

— Ну как, красавицы? — подмигнул Смит, привычно вступая в свою роль. — Что дома не сиделось? Или безработица всех ухажеров... как это сказать? — проглотила, съела, слизнула?

Девушки фыркнули в свои бокалы.

— Не только это, господин, — сказала рыженькая израильтянка. — В Городе Надежды есть надежда...

— Какая надежда?

— Бомбы не будут взрывать, война не грозит у самого порога дома.

— Если война будет в мире, то и Городу Надежды придется несладко, — опять подмигнул Смит.

— Не будет войны во всем мире, — вспыхнула чер-

новолосая бронзовокожая индонезийка. — Несладко не будет! Не будет!..

— Поди, на женихов у вас там надежда? — с ухмылочкой продолжал Смит, сворачивая в прежнее русло разговора.

— Женихи тоже, — засмеялись девушки.

— Мало, что ли, своих парней? — спросил Смит, пересаживаясь на табурет поближе.

— Парней мало таких, — отрезала израильтянка, — которые готовы на все, чтобы жить как в будущем.

— Ого! — заметил Смит, сползая с табурета.

Охота продолжать разговор на тему о будущем, и наверняка коммунистическом, у него отпала.

Он стоя допил свое виски и с испорченным настроением перешел в гостиную, оформленную в древнем эллинском стиле — мрамор, античные статуи, фрески — и носившую название «Таис Афинская».

На памятной доске Смит прочитал, что роман Ефремова с таким названием повествует о блистательной гречанке, которая прошла с Александром Македонским его победный путь, стала египетской царицей и жрицей тайного храма, а потом по доброй воле отправилась в древний город-коммуна Уранополис, где создавались устои будущего человечества.

Генри Смит поморщился. Коммунистическая пропаганда!

«Уж не смахивает ли Город Надежды на современный Уранополис? — ожгла Генри Смита мысль. — Надо взглянуть на дело и с этой стороны».

В эллинской гостиной так нужных Смицу членов Особой комиссии он не нашел. Наступило время обеда. На лайнере имелось два ресторанных зала. Один назывался «Лезвие бритвы», как и произведение фантаста, философски осмыслившего нравственную и физическую красоту человека. Другой — «Туманность Андромеды».

Этот роман Генри Смит читал, возмущаясь тем, что русский фантаст представил грядущее не только как всеобщий коммунизм на Земле, но и как «Великое кольцо» внеземных цивилизаций, объединивших высший разум на тех же принципах.

Насмешка судьбы! Генри Смицу пришлось не только плыть на фантастическом лайнере, носящем имя коммунистического фантаста, но и обедать в зале, названном в честь коммунистического будущего.

— Хэлло, джентльмены! — воскликнул Генри Смит, бесцеремонно присаживаясь к столу, за которым расположились его знакомые: профессор Смайльс и профессор Мирер. — Мы могли бы продлить начатый в Риме разговор об искусственной пище и «белковой бомбе», изготавливаемой ныне в Городе-лаборатории ООН.

Оба члена Особой комиссии никакой радости на своих важных лицах по поводу состоявшейся встречи не изобразили. Но Генри Смит не сбавлял ни тона, ни скорости:

— Прежде всего хочу вас поздравить, джентльмены, с заслуженной Нобелевской премией, присужденной вам обоим на равных. А также с избранием вас одного в палату лордов, а другого в сенат США. Не выпить ли нам по этому поводу? Здесь еще не додумались до сухого закона! И не обсудить ли нам ваши будущие выводы по поводу коммунистического гнезда под антарктическим льдом?

Лорд Литльспринг и сенатор Мирер переглянулись. Оба вспомнили, что последовало за избранием каждого из них в палату лордов и сенат.

Глава вторая

НОВЫЕ ПЭР И СЕНАТОР

Профессор Смайльс и прежде бывал в палате лордов, но лишь толкаясь среди гостей на галерее.

На этот раз он стал главным участником церемонии, которую про себя назвал британским шоу. Почтенного ученого облачили в баронский плащ и в сопровождении двух лордов-поручителей проводили по залу палаты лордов для вручения им лорду-канцлеру королевского рескрипта.

А потом, освободившись от средневековых одеяний, друзья лорды провели неопита в буфет со странным названием «бишеп-рум». Лорд Литльспринг, получив свое новое имя от ручейка в овраге близ отцовского дома, подумал было, что комната эта имеет отношение к шахматам. Однако молодой лорд Стоункросс, директор одной из контор по оптовой торговле зерном, уверил, что здесь прежде переоблачались прелаты, а слово «бишеп». (епископ) так и осталось за комнатой, где

теперь можно недурно закусить и даже выпить. Но к шахматному слону это не имеет отношения.

Лорд Стоункросс любил пошутить и подтрунивал над новым пэром, который теперь никогда не станет премьер-министром Англии, ибо, по старинному английскому установлению, «кретинам, умалишенным и лордам быть премьер-министрами возбраняется».

— Здесь совсем недурно кормят, — продолжал лорд-директор. — Во всяком случае, вам не подsunут искусственной пищи. Кстати, сэр, мы гордимся, что новый пэр Англии в качестве председателя комиссии ООН будет решать судьбу Города-лаборатории ООН, и не сомневаемся, что он встанет на защиту цивилизации.

— Надеюсь, Сэм, — сказал старший из поручителей, лорд Неример, — вы не хотите испортить нам аппетит упоминанием об искусственной пище, — лорд Неример поморщился. — Что касается меня, то я предпочитаю добротную пищу доброй старой Англии, где за членство в вашем, лорд Литльспринг, Королевском обществе нужно платить самим, но здесь, в палате лордов, платят сдельно за каждое посещение по восьми с половиной фунтов.

— Так сказать, на карманные расходы, — заметил лорд-директор. — Но коль скоро зайдет речь о сдельной оплате лордов, выполняющих высокие задания, то... — и он многозначительно щелкнул пальцами.

Профессор Смайльс, ставший ныне лордом Литльспрингом, был умным и проницательным человеком. Он отлично понял, какую оплату и какие услуги имел в виду лорд-директор оптовой закупочной фирмы, имевшей дело с зерном, цены на которое заколебались на мировом рынке из-за появления искусственной пищи.

Сенатор Мирер тоже мог вспомнить, чем было отмечено его избрание в сенат США. Свое первое путешествие в Капитолий он совершил в маленьком сабвее, соединяющем отель с Конгрессом.

В Капитолии, не зная его лабиринтов и стесняясь спрашивать дорогу у спящих там людей (вход сюда всем свободен!), сенатор Мирер оказался в галерее, уставленной бюстами сенаторов, имена которых ничего не говорили, кроме желаний Штатов утвердить свой престиж, отметив бюстом своего представителя.

Наконец он оказался в своей деловой резиденции из двух комнат. В первой сидела весьма строгая леди — секретарь сенатора мисс Челенджбридж, в другой находился его кабинет с аккуратно прибранным письменным столом с блокнотами и фотографией его супруги и двух дочурок (забота строгой секретарши).

Мисс Челенджбридж предстала перед патроном, высокая, высушенная, без всяких следов косметики, но тщательно завитая парикмахером. У нее был острый птичий нос, как и у сенатора, и на редкость близко посаженные глаза, прикрытые непомерно большими очками.

— Вам, патрон, надлежит принять мистера Броккенбергера, — непререкаемо заявила она.

Сенатор возмутился. Он не собирался принимать кого попало. Но Броккенбергер оказался влиятельным лобби, представляющим интересы могущественных компаний.

— Я слуга народа, и мне нет никакого дела до могущественных компаний! Никаких лобби!

— Слушаюсь, сэр, но...

Через час сенатор Мирер принял в своей новой резиденции в Капитолии первого посетителя, мистера Броккенбергера.

— Хэлло, Джимми! Я рад, что мы приветствуем вас здесь, старина! — с этими словами и обезоруживающей улыбкой в кабинет ввалился благообразный толстяк с полдюжиной подбородков и резкими, почти суетливыми движениями, никак не вязавшимися с его тучной фигурой.

— Как вы поживаете? — кисло осведомился Мирер, который никак не считал, что для этого незнакомца он уже и «Джимми» и «старина».

Но мистер Броккенбергер продолжал, развалившись в кресле:

— Итак, Джимми. Белковая бомба привела-таки вас через Северную Дакоту в Капитолий. Пора платить по векселям.

— Я не выдавал никаких векселей. Я избран народом.

— Полно, дружище! Неважно, кем вы избраны. Важно, что вы здесь. И мы этому рады. Наши старания не пропали даром.

— Кто это «мы»?

— О сэр! К вашим услугам моя контора. Высокохитрые юристы «не суй палец в рот, проглотят и хвост!». Ха-ха! У сенаторов скудно с сотрудниками. Одна мымра-секретарша. Вы меня простите, я по-свойски! А кто будет вам готовить речи, наводить справки, окажет любую юридическую услугу? Не плюйте в колодец, старина, лучше опустите туда ведро и лейте из него воду на нашу мельницу.

— Какая там еще мельница?

— Мельница наших клиентов, которая, как и все мельницы, перемалывает зерно. Очень много зерна. И тут ваша белковая бомба как раз кстати.

— Я пошутил, говоря о белковой бомбе!

— Эта прелестная шутка обеспечила вам Нобелевскую премию и ваше избрание земляками-избирателями в сенат. При кое-какой нашей помощи, конечно.

— Крайне благодарен. Ваша забота превосходит даже... вашу толщину.

Посетитель весь заколыхался от смеха. Кажется, он лопнет.

— Я знал, что вы свой парень, проф! О'кэй! Завтра вы станете членом Особой комиссии ООН, которая отправится в Антарктиду, чтобы прикрыть там одну лавочку, которая очень не нравится моим клиентам. Я же сказал, что вам надо платить по вексялям: белковая бомба нарушает стабильность на мировом рынке. Ваша обязанность помочь нам.

— Пока я не облечен никакими полномочиями.

— Полномочия будут, — заверил улыбающийся Броккенбергер.

Когда сенатор после ухода посетителя вызвал секретаршу, то напоминал разъяренного быка:

— Я попрошу избавить меня от таких посещений!

— Что вы, сэр! Но ведь он все равно остановил бы вас в коридоре. Вы их не знаете. Ваш разговор стал бы достоянием посторонних. У меня срочная почта, шеф. Вам надлежит завтра быть в Нью-Йорке.

— Это еще почему?

— Там решается вопрос о вашем участии в Особой комиссии ООН. Вы приглашены на заседание комитета. Я решила попросить, чтобы в сенате посчитались с необходимостью вашего отсутствия.

Мирер поднял глаза на свою властную помощницу и подумал, что, быть может, и она ему скажет о клиентах, которых она представляет.

Глава третья

ПОДЛЕДНЫЕ СЮРПРИЗЫ

«Да, я счастлива! Честное слово! И об этом счастье я и хотела писать, начиная свои «подледные записки», но жизнь есть жизнь, даже с таким замечательным человеком, как Николай Алексеевич, и мне придется рассказать о штурме нашей «подледной крепости», которую он защищал. Рассказать не о своих чувствах и переживаниях, а о том, что происходило вокруг меня.

Николай Алексеевич нервничал. Но только я могла заметить это. Ведь я знала каждое его движение, интонацию голоса, выражение лица. Для всех он был по-прежнему бодрым, энергичным, заботливым.

Я поняла, что не все в порядке, когда прибежала с работы, чтобы покормить Мишеньку. Мы с Николаем Алексеевичем так назвали сына в память Мишеля Саломака. Мама жила в соседней квартире, но ушла в Школу жизни и труда проведать Алешу, а я застала Николая Алексеевича... за стиркой пеленок! Хотела рассердиться, да не смогла. С неумолимой логикой и побеждающей улыбкой он объяснил, что в этом нет ничего унижительного, поскольку он любит малыша не меньше моего. Тем более что меня считает не только кормилицей нашего сыночка, но и всеобщей кормилицей. Я ведь руковожу (подумать только!) «заводом вкусных блюд», где в привычные виды пищи превращается бесцветный и безвкусный белок дрожжей кандиды с биофабрики Мелхова. (Юрий Сергеевич все-таки приехал сюда, но уж, конечно, не из-за сына, к которому безразличен, а скорее всего в расчете на кресло директора будущего международного концерна искусственной пищи!)

Я отняла у Николая Алексеевича пеленки, которые он едва не спалил перегретым утюгом, усадила напротив себя, взяла его нервные руки в свои и стала допытываться, что с ним.

Он сознался, что действительно встревожен беспринципной возней вокруг дальнейшей судьбы Города На-

дежды. Придется ехать в Нью-Йорк, участвовать в прениях, защищаться.

Один раз я чуть не умерла, узнав, что с ним случилось в Централь-парке, а теперь... Нет!.. Я его не отпущу!

Видимо, самым лучшим аргументом у женщин всех времен были слезы. Честное слово! Тем более что Николай Алексеевич их у меня никогда не видел. И он уступил, согласился с моими доводами, решил пригласить в Город-лабораторию комиссию ООН. Пусть посмотрят, прежде чем обсуждать и решать.

И вот удивительный лайнер «Иван Ефремов» встал на рейде в нашей бухте. Втроем с Николаем Алексеевичем и Вальтером Шульцем мы шли по каменной дороге из города в «порт», как звучно назывались прибрежные Скалы пингвинов.

Сзади из Грота тянул теплый воздух, а навстречу свежей струей дул морозный ветерок, неся морские запахи и тающие на щеках снежинки.

Мы обошли скалу, и я замерла от восторга. Над зеленоватой водой висел в воздухе многоярусный белоснежный гигант. Остатки розоватых льдин, заплывших ночью в бухту, слегка покачиваясь на волне, проплывали под приподнятым высоко над водой днищем корабля.

Пингвины теснились на скале, как толпы встречающих, все парадно наряженные в черные фраки и белые манишки. На нас они не обратили никакого внимания.

От спущенного к воде трапа, похожего на парадную лестницу какого-то индийского храма, отчалил катер на подводных крыльях и помчался к берегу, лавируя между льдинами.

Первым на камни из катера выпрыгнул американский журналист, чем-то напоминавший ковбоя из голливудских фильмов, в облегающей ладную фигуру кожаной куртке, в таких же штанах. Не хватало только кобуры с кольцом у пояса.

— Хэлло, мистер Анисимов! В жизни не видел ничего красивее! Гостеприимно ли тащить нас в ледяную пещеру, лишив такой бухты, айсбергов, пингвинов и этих нежных красок, не ведомых ни одному художнику!

— Мы решаемся на это только ради того, чтобы показать вам нами сделанное, — улыбнулся Николай Алексеевич, здороваясь уже с англичанином и американским сенатором, с которыми был знаком еще в Риме.

Последней с катера, подобно богине красоты, сошла Шали Чагаранджи, закутанная в меха, из-под которых снизу виднелось яркое сари. Она озаряла всех «лучезарной улыбкой», как потом говорил о ней Вальтер Шульц, сразу попавший к ней в плен.

Расточая любезности, он повел ее к Гроту в сопровождении строгого седого профессора Станислава Татура из Польши и низенького приветливого вьетнамского министра неопределенного возраста, Нгуен Ван Нама.

Анисимов оживленно обсуждал со своими коллегами научные проблемы, а мы с Генри Смитом чуть потстали. Я вспоминаю каждое его слово, чтобы сопоставить со всем последующим.

— Всю жизнь мечтал о романтике! — вздыхая, говорил он. — Не могу вам передать, с каким волнением войду в ваше подземное царство, принося на его алтарь очень многое.

— Вот как?

— Ну конечно! Вам этого не понять! Но я выкурил последнюю сигарету на лайнере! Ведь на входе в вашу «ледяную преисподнюю» я не прочитаю надписи «Оставь надежду навсегда»?

— Напротив. Мы назвали свой город Городом Надежды. Но надпись «Но смокинг» прочтете.

— Зачем такие строгости? И сухой закон вдобавок? Право, не стоит делать столь суровым наше сияющее грядущее.

— О нет, это еще «не будущее», это лишь попытка представить себе его модель, вероятно несовершенная.

— Совершенен только господь бог в небесах. Но даже там допускается воскурение, когда ангелы воздают ему хвалу.

Американец возвел глаза к небу.

— В нашем подледном городе недопустимо никакое загрязнение воздуха и никакая трата кислорода на горение. Поэтому мы и идем пешком, а не едем на автомобиле. Электромобили перевозят грузы и доставят ваш багаж ночью. Днем все дороги только для пешеходов.

— Я автомобилист, но я восхищаюсь вашими порядками. Дышать на улицах Нью-Йорка трудно, это верно! Мне приятно написать об энтузиастах, предвосхищающих будущее. Ах, если бы я мог победить в себе вчерашний день!..

— Что вы имеете в виду?

— Привычку к мясу! Боюсь подумать о ваших кушаньях и запасах консервами.

— Ну это вы зря! Я постараюсь переубедить вас на «пире надежды», который устрою в честь наших гостей.

— Пир, это когда много кушают и пьют? Но я ведь выпил на лайнере свою последнюю рюмку.

— Вы оцените и наши напитки.

— О'кэй, мэ! С вами хоть в ад!.. Где, правда, черти, вороша угли под сковородками, не курят. О'кэй?

Я рассмеялась.

Мы вошли в Грот.

Генри Смит с подчеркнутым восторгом озирает наше «подземное царство». И даже я смотрела вокруг, словно видя все впервые. И комок подкатил у меня к горлу. Честное слово!

Из-за верхнего освещения свод словно растворялся в высоте. К нему стремились исполинские ледяные колонны, увенчанные скульптурами держащих само небо богатырей, подледных атлантов, с так знакомыми мне лицами. Среди них мой Спартак, Остап и многие их соратники по первым дням работы в Антарктиде.

Хрустальная колоннада разделяла Грот на смежные залы. Они напоминали бы собой Грановитую палату, как говорила Тамара Нейдзе, если бы не были такими огромными, воздушными...

— Да это не ад, а храм какой-то! — не удержался журналист. — И даже с идолами!..

На дне Грота среди естественных холмов, освобожденных от материкового льда, раскинулся город с улицами и бульварами, переходящими из зала в зал. Зелень трав и деревьев, цветная пестрота клумб, даже мостики, перекинутые через вьющуюся речушку, рожденную тающим в глубине Грота льдом, заставляли забыть о километровой ледяной толще над головой.

— Как же они здесь выросли? — удивился Смит деревьям.

— Точно так же, как до оледенения пышные тропические леса. Правда, теперешняя зелень завезена с других континентов, но, как видите, все прижилось, расцвело.

— В средние века я боялся бы за вас, мэ. Монахи уготовили бы вам костер за вашу черную магию. Но сей-

час я переполнен восторгом! А из чего сделаны эти дома? Они хрустальные?

— Дома кажутся такими, потому что их ледяные стены облицованы прозрачными пластмассовыми плитами, внутри которых всегда струится холодильный раствор.

— Мои читатели интересуются: неужели там в шубах спят? Вы уж извините их.

Я рассмеялась:

— Напишите, что тут спят голышом. Электричество греет.

— И я должен уверить, что на стенах квартир нет потеков, на полу ручейков?

— Конечно. Ведь лед защищен изнутри от тепла схлаждающими панелями.

— Это как понять: греющие и охлаждающие панели соприкасаются?

— Совершенно верно. Энергия дает нам и тепло и холод.

— Единство противоположностей, как говорят у вас, марксистов.

— Я вижу, вы изучали философию!

— Вашу страну, мэм, которой не перестаю восхищаться.

— Как я рада вам, мистер Смит!

Я была тогда искренней! Но теперь стыжусь этих слов!

Журналист насторожился и даже положил руку на воображаемую кобуру:

— Что это, мэм? Атака?

Навстречу бежала толпа людей.

— Нет. Это всеобщая утренняя зарядка. Каждый житель города пробегает утром по два-три километра.

— Я знаю своих коллег-газетчиков, которые не преминули бы написать, что их гонят... как это сказать по-русски... нагайками.

— Они сами бегут. Скажите своим коллегам, что они делают это для собственного здоровья.

— И кто так придумал, мэм? Отменить автомобили, бегать... как в каменном веке, подобно нашим велико-лепным предкам!

Неторопливо бегущие люди поравнялись с нами, приветствуя гостей поднятием руки.

— Так рекомендовал японский доктор Танага, один

из наших трех директоров. Он доказывает, что человек остался похожим на своего пращура, который состязался в беге с оленем, силой с медведем. И мы не изменимся коренным образом в ближайшие столетия. И чтобы быть здоровыми, надо двигаться. Потому жители города выбирают себе квартиры не вблизи работы, а вдали от нее. Право-право!

— Сюрприз за сюрпризом! Почему же?

— Помните Шуберта? «Движенье счастье мое, движенье!»

— Ну, мэм, всякого другого репортера вы бы уже убили своими сообщениями. Но я выживу, чтобы воплотить вашу сказку! Кстати, мэм, ваш первый муж и мой старый друг Джордж, кажется, здесь?

— Да. Юрий ведает биофабрикой. Думаю, вы увидите с ним на «пире надежды».

— О'кэй! Но почему «надежды»?

— Мы надеемся на торжество разума. Что человечество будет жить в грядущем, не уничтожая ни само себя, ни среду своего обитания, ни источников питания.

— О, я приду на пир с «надеждой», — отозвался журналист».

Глава четвертая

«ПИР НАДЕЖДЫ»

«Я сбилась с ног, готовясь к приему наших гостей из ООН.

Мы с Николаем Алексеевичем выбрали местом для «пира надежды» ледяной зал директора Города-лаборатории.

Стены самого большого помещения в Гроте словно еще раздвинулись. Это постарались Спартак с Остапом. «Синтез рациональности и озорства». Они так усовершенствовали освещение, что огни люстр многократно отражались в стенах, будто сделанных из горного хрусталя.

Гостям предлагалась жареная «баранина» с «картофелем», паштеты из «дичи», «телячьи» отбивные с «картофелем»-пай, «осетрина» в сухариках.

Город Надежды производил изысканный и богатый ассортимент питательных продуктов не только для собственных нужд, но и для отправки в голодающие районы мира. И все эти вкусные блюда можно было попро-

бовать, оценить. Я не говорю уже о колбасах, сосисках и даже сырах, тоже освоенных нами.

Мама, подвижная и энергичная, как в былые далекие годы, вместе с Алешей, отпущенным для этого из Школы жизни и труда, помогали сервировать стол.

Но, прежде чем пригласить гостей к столу, мне привелось пройти с ними по улицам города, по его скверам, мостам и набережным нашей речушки Ледушки, текущей из глубины Грота, который продолжал углубляться, а ледяной массив таять. Город Надежды рос!

Гости познакомились не только с домами и бытом жителей, но и с производством искусственной пищи.

На биофабрике Юрия Сергеевича, куда я с ними не пошла, их, оказывается, поразило, что биомасса, выросшая на нефтяных отходах, не похожа ни цветом, ни вкусом ни на какой нефтепродукт.

Встретив их у выхода с биофабрики и услышав, как лорд и сенатор обмениваются по этому поводу мнениями, я напомнила им, что коровы, питаясь травой, совсем не походят на растения. Генри Смит в шутку обозвал меня «великой обманщицей», поскольку я взялась показать им свой завод «вкусных блюд», где выпускались самые разнообразные имитированные блюда. Я уверила его, что вкус и питательность наших блюд будут продемонстрированы безо всякого обмана. Все смеялись.

С увлечением показывала я свое хозяйство.

— Вкус, — объясняла я, — к счастью, удается получить комбинацией всего четырех компонентов: поваренной соли (соленый!), глюкозы (сладкий!), лимонной кислоты (кислый!) и пиперина (горький!). Причем приходится иметь дело с миллионными долями этих веществ. Мы пользуемся интенсификаторами вкуса, незначительные добавки этих природных веществ усиливают вкусовые действия основных компонентов. Особенно известны такие интенсификаторы вкуса, как моносодиевая соль глютаминовой кислоты (в Японии ее ставят на стол вместе с поваренной солью), мильтол и другие. Добавление 15 миллионных долей мильтола позволяет на 15 процентов уменьшить содержание сахара. В шутку мы творим чудеса: можем добавкой определенных веществ сделать, например, сахар безвкусным, а лимон выдать за апельсин. Более того, обыкновенную горячую воду заставляем обрести вкус куриного бульона с ха-

рактерной для него вязкостью. Правда, без всякой питательности. В питательных продуктах, которые мы производим, вкусовые качества придаются автоматически дозаторами, которые управляются компьютерами. Люди только меняют в них заранее разработанные программы и заполняют емкости нужными веществами.

— А запах, запах? Как вам удастся достичь ароматичности? — спросил меня лорд Литльспринг.

— Здесь много труднее. Содержание пахучих веществ составляет опять же миллионные доли, а комбинировать приходится, сочетая до четырехсот компонентов (например, запах кофе!). Самым тяжелым было получить индикаторы запаха. Даже лучшие анализаторы во много раз менее чувствительны, чем человеческий нос. Мы еще в Москве создали три опытных образца индикаторов запаха, в чем, представьте себе, нам помогло в миллион раз более чуткое обоняние привлеченной нами для эксперимента собаки.

— Собаки?! — не то удивился, не то возмутился сенатор.

— Для градуировки прибора, — успокоила я американца. — Такой аппарат стоит у нас перед автоматом, запаивающим банки. Он же управляет работой автоматического дозатора пахучих веществ, которые мы добавляем к продукту. Это все высокомолекулярные соединения, названиями которых я не стану вас затруднять. Однако мало добавить ароматичные вещества к приготовленному блюду, надо еще и закрепить запах, чтобы эфиры и другие летучие вещества не испарились. На промышленном уровне все это у нас автоматизировано.

Я показала гостям изящный футляр, в котором хранилось несколько десятков кубиков, каждый из которых пах одним из наших «вкусных блюд».

Лорд и сенатор поочередно брали из футляра щипчиками маленькие кубики и подносили их к носу, восклицая:

— Цыпленок! Утка! Селедка! Бифштекс! Баранина!..

Я предупредила, что это не только эталоны запаха, но и вкуса.

— А у вас нет дубликата? — спросил сенатор.

Я достала другой футляр.

— Вы не могли бы презентовать это мне?

Я протянула футляр сенатору.

— Взятка, — пошутил Смит.

Мы перешли к выпускной камере завода. Через иллюминатор можно было наблюдать, как движутся на конвейере незакрытые банки, проходя под невидимым глазу лучом индикатора запаха, который, выполняя роль последнего контролера, давал электронный сигнал автомату, запаивающему банки с готовой продукцией.

Эти банки достаточно подогреть, чтобы получить готовый обед, рассчитанный на самого взыскательного гастронома. Какое раскрепощение домашних хозяек! За одно это нас надо признать! Честное слово!

Я закончила показ своего завода, пригласив гостей на «пир надежды» для дегустации наших блюд.

Вспоминая Нину Ивановну Окуневу, я нарядилась, как и тогда по ее настоянию на «пире знатоков», в свое яркое платье, похожее на кимоно. Директор здоровья Танага при виде меня снял и протер очки, сказав не по-латыни, как у нас принято, а по-японски:

— Извините, Аэри-тян, но сегодня я окончательно убедился, что ошибался, считая вас не японкой.

— Все нации — родня, — смеясь, отозвалась я.

К нам подошел журналист Генри Смит.

— Хэлло! Что это за диалект, мэм, на котором вы... — Он подождал, пока Танага отойдет, и добавил: — На котором вы говорили с этим почтенным азиатом?

— Это язык моего детства, японский.

— Всегда поражался русским, их способности к языкам! Я и мистера Мелхова принял сначала за англичанина. Настоящий оксфордский выговор. Ах да... простите, — сконфузился он, очевидно, вспомнив о нашем разрыве с Юрием Сергеевичем.

Подошел директор Вальтер Шульц и ослепительная в своей красоте дочь Индии Шали Чагаранджи.

Я привыкла видеть огромного сентиментального немца безнадежно влюбленным в нашу Тамару. Но сейчас он даже не обратил на нее внимания, когда она вошла. Настолько поглощен был своей гостьей, «пылал, как склад огнеприпасов, к которому поднесли горящий факел». Так, глядя на него, озорно шепнул мне Генри Смит.

Я посмеялась и украдкой сравнивала Шали Чагаранджи и Тамару Неидзе.

Генри Смит заметил мой взгляд и снова шепнул:
— Превосходные натурщицы для скульптора. Жрица Огня и Богиня Луны! Не правда ли? Но что они по сравнению с вами! Эх, будь я скульптором!..

Я подумала о Николае Алексеевиче, но ничего не ответила.

Напротив нас уселся Юрий Сергеевич, видный, широкоплечий, со вкусом одетый, как всегда, будто не замечая меня. Но не только меня! Он и Смита почти не заметил, сухо раскланялся с ним.

Он важно объяснял по-английски сидевшим с ним рядом поляку и вьетнамцу:

— Надо увидеть в грядущей истории человечества закономерный переход от животноводства и земледелия к «пищеделанию», к пищевой индустрии. Он столь же закономерен, как и былой переход наших предков от первобытной охоты к земледелию и скотоводству.

Это были не его мысли!

Я подала гостям русский квас, сдобренный искусственным медом, неотличимым от настоящего.

— Я не ошибусь, если замечу вам, сэр, — говорил лорд Литльспринг, глядя на стол, — какова бы ни была на вкус предлагаемая пища, но на вид она весьма импозантна!

— Да. Элегантно, вполне элегантно, — подтвердил сенатор Мирер. — Надо лишь доказать, насколько это вкусно и сытно.

Когда я вспоминаю все эти реплики, чтобы точно записать их, я вся дрожу, еле сдерживаю слезы.

Помню, как говорил Николай Алексеевич, ничего не подозревая, спокойный и уверенный:

— Я передам вам всю документацию и по технологическим процессам, и по проектам заводов пищи. Каждый деловой человек поймёт, насколько выгодно распространять опыт нашего Города-лаборатории.

И гости начали вскрывать банки, чтобы подогреть еду на тарелках в индукционных печах-вазах.

Николай Алексеевич удивленно взглянул на меня. В моей руке застыла вилка с вонючим куском «баранины». Я решила попробовать ее на вкус. Она оказалась кисло-соленой, гадкой.

Лорд Литльспринг, человек хорошо воспитанный, лишь чуть поморщился, но, делая над собой усилие, старался разжевать кусок «мяса».

— Я очень боюсь, что повлияла упаковка, — осторожно заметил он.

Американский сенатор был откровеннее:

— Никогда не ел ничего отвратительнее!

— Джентльмены! — воскликнул Смит. — Я могу поделиться своими консервами. Я прихватил их из Штатов! Нельзя же вставать из-за стола голодными.

Я готова была провалиться от злости, стыда и отчаяния.

«Пир надежды» оказался «пиром моего позора!»

Глава пятая

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

В подъезд одного из ледяных домов вошел Генри Смит. Не обнаружив лифта, с недовольной миной взбежал на пятый этаж.

Со вчерашнего «пира надежды» он был голоден и зол. Надоело восхищаться всей этой вычурной ледяной дребеденью, предназначенной на слом. Да и консервы, которые он поглотил в одиночку в отведенной ему комнате, показались ему дрянными и запить их было нечем. Непроизвольным движением он ощупал фляжку на груди. Но у нее было иное назначение.

— Хелло, Юрий! — по-русски приветствовал он Мелхова, открывшего ему дверь. — Как вы поживаете в своей ледяной берлоге? Я не против ее осмотреть.

— Прошу, — недовольно сказал Юрий Сергеевич, пропуская незваного гостя.

Они прошли через переднюю, ничем не отличающуюся от западных квартир, но обставленную бедно или скупо: вешалка и никакой мебели.

Инженер Мелхов провел американского журналиста в смежную комнату. Та же деловитая строгость: стол, кресло, книжный шкаф. Смита поразила необычайная толщина стен. Юрий Сергеевич угадал его мысли и пояснил:

— Стена ледяная, сравнимая по прочности с железобетоном. Она постоянно охлаждается внутри холодильным раствором, но, чтобы сохранить холод, снаружи с обеих сторон защищена теплоизоляцией. В комнатах поверх нее уложены отделочные панели.

— Уже знаю. Одновременно служат и для отопле-

ния помещения. Нагреть, чтобы тут же охладить.
Пустая трата денег!

— Вот мой домашний кабинет. Рядом спальня.

— И вам не тесно в двух комнатенках? Одному из
видных специалистов Города-лаборатории! В Штатах,
право, вас обставили бы лучше: особняк, сад при нем,
гараж, автомобиль! Бар напротив.

— Возможно. Но здесь я, увы, на правах холостяка
или, точнее говоря, покинутого мужа. Живу как на би-
ваке.

— Знаю. Сочувствую. Имел удовольствие поозна-
комиться с вашей женой в порту.

— С бывшей женой.

— О! Мы еще вернем ее вам, только будьте с нами!
Перед богом она навсегда останется вашей. Браки за-
ключаются на небесах. И не расторгаются там.

— Пока что мы не на небесах, а в «подземелье»...

— Вот именно, парень! Вы в подземелье! В «прихо-
жей ада», я бы сказал.

Мелхов нахмурился.

— Не падайте духом, старина. — хлопнул его по
плечу Смит. — Мы найдем с вами общий язык. Все
идет прекрасно! Вчерашний провал за обеденным сто-
лом чего стоит!

— Вы так думаете, Генри?

— Конечно! Закурим сигарету? О'кэй?

— Здесь не курят, Генри. Расход кислорода на го-
рение недопустим.

— А! — небрежно махнул рукой с зажигалкой
Смит. — Я читал на воротах вашей преисподней, что
она для некурящих.

— Да. Мне пришлось бросить курить, — кивнул Мел-
хов.

Смит достал сигарету и бесцеремонно закурил, ост-
ро следя за реакцией хозяина. И поскольку тот не ше-
вельнул бровью, он продолжал уже по-английски:

— Хэлло, Джордж! А вы не задумывались над тем,
что запреты, введенные в Городе-лаборатории ее «на-
учниками», попирают элементарные права людей? Каж-
дый человек имеет право решать для себя, будет ли он
курить, пить, нюхать марихуану и развлекаться с де-
вочками. И никто не может отнять у него этих обще-
человеческих прав, узурпированных здесь, в Городе-ла-
боратории ООН, вопреки всем ее установлениям.

— Это не совсем так, Генри, — попробовал возразить Мелхов. — ООН тут ни при чем. Запрещают же курить в огнеопасных местах.

— Вот именно! В огнеопасных. Здесь жарко, очень жарко, Джордж, несмотря на ледяные стены и ледяной свод над головой. Настолько жарко, что все может рухнуть. Вчера вы должны были понять это.

Мелхов поднял брови:

— Причины вчерашнего выясняются.

— Должно рухнуть! — стряхнул пепел на пол Генри Смит. — Комиссию славно угостили! Не выпить ли нам по этому поводу, старина? Помните Рим, ресторан, подслушивающие приборы, которыми вы пользовались?

— Я не понимаю...

— Знаю, что не понимаете, но я помогу. Подслушивающие приборы — это еще куда ни шло, но вот общение в Москве с сотрудником некоего Агентства — это уже действительно жарко. Не правда ли?

— Кого вы имеете в виду, Генри? Себя?

— Я очень боюсь вас скомпрометировать, Джордж! Словом, я не хотел бы этого. Но мы найдем общий язык. Не правда ли?

Мелхов насупился и молчал.

— Выпьем для храбрости, Джордж. — И Генри Смит достал из пиджака карманную флягу. — Конечно, у вас и рюмочек нет. Придется по очереди из отвинчивающейся пробки. О'кэй?

— Я пропущу, — буркнул Мелхов, отодвигаясь.

— Правильно! Я и предлагаю «пропустить» по одной. Собственно, в этом на первых порах и будет ваша задача. Надо с этого начинать борьбу с бессовестным нарушением прав людей, загнанных сюда, под лед. Я оставлю вам достаточно сигарет. Пусть курят все ваши помощники, которых вы будете угощать, пусть нарушают запреты, пусть пьют. Фляг у меня в багаже тоже достаточно. И еще я вам подсуну таблетки. Восторг! Вы никогда не бывали в магометанском раю, не общались с гуриями? Так я вам помогу, а вы поможете своим собратям. А потом все вместе они помогут нам!

— Зачем вам это?

— Пустое. После вчерашнего вашу лавочку прикроют, но на это уйдет уйма времени, ООН такая неповоротливая организация. Еще, чего доброго, вынесут во

прос на Ассамблею. Надо повернуть дело скорее. Пусть все развалится изнутри. Верно я говорю? О'кэй?

Мелхов молчал. Смит оценивающе разглядывал его.

— А-а! Понимаю! — воскликнул он. — Чтение мыслей на расстоянии — личная заинтересованность? О'кэй?

— В чем?

— В искусственной пище! Ведь по моему же совету вы стали крупным специалистом по этой части, настолько крупным, что приехали сюда заведовать разведением микробов. И теперь вы размышляете, выгодно ли вам разрушать сделанное и что вы будете иметь взамен?

Мелхов молчал. Одно колено у него дрожало, и он закинул ногу на ногу, чтобы унять несносную дрожь.

А Генри Смит пускал к потолку кольца запретного сигаретного дыма и опрокинул одну за другой уже две чарочки виски.

— Итак, о выгоде. Прежде всего вам, Джордж, невыгодно... невыгодно, Юра, — он перешел на русский язык, — чтобы кое-кому стало известно, почему вы оказались здесь, по чьему указанию. И чьих указаний не хотите теперь выполнять. Это во-первых. Во-вторых, — и он снова перешел на английский язык, — Агентство, которое я представляю (вы понимаете, надеюсь, что речь идет не об информационном агентстве). Это Агентство в состоянии гарантировать вам кресло одного из директоров химического комбината в Штатах. Ну не все ли вам равно, Джордж, что будет производить этот комбинат: газ «ти эйч» для психовоздействия, противозачаточные средства или вашу дрянную искусственную пищу? Советую вам подумать. Выгода! Выгода, друг мой! Вот двигатель прогресса и подлинная подоплека всех подвигов.

Мелхов молчал.

— Молчание очень ценится в нашем Агентстве, Джордж, вам надо это знать. Поэтому я снисходителен к вашему немногословию. Итак. Вот вам пачки сигарет, вот таблетки «рай Магомета», вот на первое время пара флажков спиртного. Важно, чтобы его попробовали, захотели и потребовали еще. Я на вас полагаюсь, дружище. А теперь не будем испытывать судьбу. Я вас покидаю. Спешу на заседание разгневанной комиссии.

Юрий Сергеевич молча проводил незнамого гостя.

Все оставленные им пакеты остались лежать на письменном столе.

«Ну, можно сказать, что «дело в шляпе»! — размышлял Смит. — Члены комиссии, едва не отравленные во время дегустации, вынесут теперь, конечно, нужное решение. А этот московский щеголь с произношением попугая достаточно запуган, чтобы послушаться своего друга, обретенного еще в Риме!»

И Генри Смит, заложив руки за спину и перейдя на пружинящую походку, стал насвистывать веселый мотивчик.

Глава шестая

БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

У Города Надежды был свой аэродром. Но не обычный. Вместо посадочных полос на ледяном куполе в его массиве протаяли туннель с расширяющимся устьем. Летчики, подлетая к нему со стороны бухты, переключали управление на автоматические приборы, и те с абсолютной точностью вводили воздушный корабль в просторный ледяной грот, залитый электрическим светом. И самолет садился там на идеальную ледяную дорожку, защищенную от свирепых антарктических ветров.

Из Нью-Йорка за членами Особой комиссии ООН прислали специальный самолет. Генеральный секретарь просил лорда Литльспринга и членов его комиссии прилететь в Нью-Йорк к открытию Генеральной Ассамблеи ООН. Накал страстей вокруг дальнейшего существования Города-лаборатории так возрос, что затратить много дней для возвращения обратным рейсом на лайнере «Иван Ефремов» нежелательно.

Лорд Литльспринг спешно собрал комиссию, и представитель печати Генри Смит присутствовал на нем. Генеральный же директор Города Надежды академик Анисимов не считал возможным прийти, чтобы не влиять на мнение своих гостей. Он ограничился лишь сообщением, что неудача с дегустацией продукции была вызвана выводом на заводе из строя дозаторов эссенций, а также, что особенно досадно, индикатора запаха, контролирующего готовую продукцию. Более того, кем-то уничтожены и два запасных индикатора, так что завод «вкусных блюд» остановлен до прибытия новых индикаторов из Советского Союза, производство которых еще надо там освоить. Однако, несмотря на предстоя-

шую многомесячную задержку, вопрос об изготовлении искусственной пищи практически решен — ведь завод пищи успешно работал! — и от комиссии будет зависеть распространение отработанной технологии в тех регионах мира, где нуждаются в дополнительных пищевых продуктах.

— Генри Смит, слушая членов комиссии ООН, был ошеломлен, потрясен, обескуражен. Кто поймет этих «научников»? Ведь и новоиспеченный лорд и новорожденный сенатор, оба получили все необходимые указания. Неужели они не поняли, почему их выбрали? У них были все основания для признания эксперимента в Городелаборатории неудачным. Ведь им поднесенным обеденным столом такое!.. И вместо естественной реакции они вдруг заговорили о дальновидности ученых, о том, что ямка под ногами не может затмить весь простор до горизонта (и это все англичанин!). А сенатор не нашел ничего лучшего, как пожелать перенести на континент те ограничения, которые члены комиссии приняли в подледном городе! Якобы для всеобщего здоровья. Ну а об остальных членах комиссии и говорить нечего, ведь они прежде всего помнят, что инициатором всей этой антарктической истории был Советский Союз.

И когда лорд Литльспринг готов был уже принять общее решение, чтобы передать его по радио в ООН, Смит попросил лорда в нарушение обычных журналистских традиций, когда репортер только слушает и записывает, разрешить ему обратиться с дружеским предостережением:

— Леди и джентльмены! Не верю своим ушам. Вы, которые должны стоять на страже цивилизации, допускаете разорение трудолюбивых фермеров различных континентов. А какова сущность местного общественного устройства? Деспотическое угнетение людей в ледяной пещере, куда нас с вами загнал общественный долг? Это же рассадник коммунистических идей, под шумок осуществленная здесь утопия, скомпрометирующая всем предшествующим ходом истории!

Однако под ледяными сводами Антарктики запал «ковбоя печати» пропал даром. И сенатор Мирер и лорд Литльспринг, так же как и остальные члены комиссии, Резонно возразили, что если уж говорить о свободе конкуренции в «свободном мире», то нет никаких оснований запретить в Антарктиде изготовление вполне пригодных

питательных продуктов новым способом. Кстати говоря, им пользуются и многие фирмы как в США, так и в других странах. Иное дело, если бы комиссия установила бесперспективность или вредность научных исканий Города-лаборатории. Вчерашний эпизод с злонамеренным выводом из строя важной аппаратуры завода отнюдь не переубедил членов комиссии, которые выразили намерение немедленно сообщить в Нью-Йорк о своих положительных выводах. В их распоряжении коллекция вполне доброкачественных образцов, полученных на заводе от Аэлиты.

И тут Генри Смит понял, что проигрывает сражение, а вместе с тем и свое будущее. Надо было менять тактику:

— Леди и джентльмены, я как слуга печати склоняюсь перед вашим научным авторитетом. О'кэй! Пусть будет так. Отныне я ваш сторонник и рупор, который донесет ваше мнение до миллионов людей. Но позвольте предостеречь вас. Я слишком хорошо знаю своих газетных коллег. Ваше краткое радиосообщение позволит предубежденной печати свободного мира обрушиться на вас, подобно тому как я только что сделал здесь, поверьте, с единственной целью ознакомить вас с этими неблагоприятными приемами.

— Что вы предлагаете, мистер Смит? — брезгливо осведомился лорд Литльспринг.

— Я предостерегаю вас и советую не передавать по радио выводов, не подкрепленных основательной аргументацией доклада. Тем более что сообщение о вонючей искусственной пище на «пире надежды» уже передано и вызвало, конечно, резкую реакцию.

— Вы поторопились, а мы нет. Доклад еще не готов, — проворчал сенатор.

— Вы закончите его в самолете. А я не поторопился, сэр. Я выполнял свой репортерский долг. А теперь я с той же энергией помогу вам в самолете. Моя пишущая машинка к вашим услугам. Мой журналистский опыт ваш. Вы доставите свои выводы вместе с обоснованным докладом на день позже, но зато убедите Генеральную Ассамблею, не дадите печати никаких шансов и спасете Город-лабораторию, против которого ведется такая беспринципная кампания. О'кэй?

Лорд Литльспринг посоветовался с членами комис-

сии и решил не торопиться с радиосообщением. Итоги доклада, несомненно, окажутся внушительнее, чем неаргументированные выдержки из него.

Генри Смит вздохнул облегченно и расплылся в улыбке, когда лорд Литльспринг с кислым выражением на лице благодарил его за помощь и за желание лететь вместе с комиссией.

Англичане вежливый народ! И манера речи у них особенная! Они даже осужденного на казнь приглашают «взойти на эшафот, если он ничего не имеет против». А если имеет?

Очевидно, Генри Смит что-то «имел против» и к вылету самолета опоздал.

Члены комиссии, в особенности Шали Чагаранджи, волновались.

Она засияла вся, увидев бегущего по ледяной дорожке человека с чемоданом.

Но это был не Генри Смит, а всего лишь посыльный с его чемоданом. Он прихрамывал, был толст, смугл, задыхался, и у него был подбитый глаз

Все это заметила Шали Чагаранджи и удивилась. Разве в Городе-лаборатории, где нет пьющих, можно представить себе драку? Скорее всего человек упал ишибся. Она пожалела его.

Хорошенькая стюардесса влюбленно не отходила от Шали Чагаранджи. Сама она имела осиную талию, стройную фигурку и мечтала стать кинозвездой.

Шали Чагаранджи была приветлива с Бетти, узнала все заботы и мечты американки. Если в Индии будет сниматься задуманный Чагаранджи фильм о женщинах разных рас и народов, там найдется роль и для Бетти.

Девушка не могла сдержать слез благодарности. Свет юпитеров, кинокамеры, экран!..

Чемодан Генри Смита лежал на его кресле в почти пустом салоне, где расположились все пассажиры и куда вместе с Бетти поднялась наконец и Шали Чагаранджи.

А Генри Смита все не было!

Лорд Литльспринг пребывал в недоумении. Командир самолета, широкоплечий атлет из Атланты со стальными глазами и мужественной ямкой на подбородке, уже несколько раз подходил к председателю комиссии, торопя с вылетом.

Сверхзвуковой лайнер типа «Конкврд», походивший

на доисторического ящера с готовой открыться зубастой пастью, которая вовсе не была пастью, а лишь кабиной пилотов, легко разбежался по гладкой взлетной полосе и вырвался из ледяной пещеры прямо в воздух.

Летчик из Атланты припомнил рассказы отца, ветерана второй мировой войны, о скрытых аэродромах, откуда истребители так же вылетали из-под земли, как сейчас лайнер из ледяного грота.

Самолет сразу же начал набирать высоту. Внизу виднелась зеленоватая бухта с беленьким пятнышком антиштормового корабля «Иван Ефремов», который уплывет теперь обратно уже без членов Особой комиссии ООН, но с непонятно почему опоздавшим Генри Смитом на борту.

Воздушный лайнер ушел в стратосферу, где и развил свою сказочную скорость.

— О Бермудском треугольнике рассказывают много басен, — со смеющимися глазами говорила стюардесса, — но, поверьте мне, мы десятки раз пролетали над этими будто бы гиблыми местами и, как видите, с прежним комфортом доставляем вас в Нью-Йорк. Не угодно ли кому-нибудь из вас виски с содовой, коньяку, пива или кока-колы?

К удивлению стюардессы, даже мужчины попросили кока-колу.

Раздав всем фигурные бутылочки безалкогольного напитка, Бетти остановилась перед чемоданом, лежавшим на кресле опоздавшего пассажира, и с очаровательной улыбкой, которая украсила бы экран, сказала:

— Ну вот вам, леди и джентльмены, еще одно опровержение страшных легенд. Мы вполне благополучно пролетаем над Бермудским треуголь...

Она не договорила.

Страшный взрыв разорвал в клочки бедную девушку с ее заботами и мечтами, уничтожил и обожаемую ею Шали Чагаранджи и всех остальных членов Особой комиссии ООН, находившихся в салоне.

Взрывной волной вышибло дверь в радиорубку и оглушило радиста, который ничего не успел передать в эфир.

Только пилоты в своей вынесенной вперед кабине, похожей на голову птеродактиля, остались живы.

— Бермудский треугольник, — многозначительно сказал первый пилот, спокойно снимая ненужный шлем с

наушниками и потирая пальцем ямку на подбородке. — Уровень океана, парень, здесь на целых двадцать пять метров ниже, чем в любом другом месте. Мы проживем, пожалуй, на доли секунды дольше. О'кэй?

— Не так ли кончали и наши предшественники, шеф? — невозмутимо отозвался второй пилот, с трудом удерживаясь в наклоненном вперед кресле и глядя на приближающиеся снизу свирепые волны океана.

Глава седьмая

«ЧУДОМ УЦЕЛЕВШИЙ»

«Все мы в Городе-лаборатории были потрясены известием из Нью-Йорка. Самолет с комиссией ООН исчез...»

Генри Смит успел передать по радио, будто комиссия на своем завершающем заседании вынесла решение об отрицательном отношении к эксперименту, разукрасив репортаж описанием ужасов отравления искусственной пищей всех членов комиссии.

Николай Алексеевич не выдержал и, вне себя от горя и гнева, слег.

Как же я была слепа, выслушивая пошлые любезности американского журналиста! И вот столкнулась теперь с его подлинной сущностью, с наглой ложью, спекуляцией на проведенной кем-то диверсии! Все это подкосило Николая Алексеевича. Ведь лорд Литлспринг, прощаясь, сообщил об одобрении комиссией деятельности Города-лаборатории вопреки результатам диверсии.

Я ничего не могла выяснить на заводе. Кто, когда и как мог совершить это гнусное злодеяние, которое ставило весь наш Город Надежды в затруднительное положение. Мы не только срывали поставки питательных продуктов в голодающие страны, мы не могли теперь даже прокормить население города. Я была в отчаянии.

Николай Алексеевич послал в ООН свое опровержение газетной «утки» Генри Смита, в ответ на что опубликовавшие «утку» газеты обрушились на академика Анисимова, который якобы не в состоянии опровергнуть факт компрометирующей искусственную пищу дегустации и все же решается якобы «в своих целях фальсифи-

цировать решение погибшей комиссии. Бог да упокоит их души! Однако чудом оставшийся в живых единственный свидетель показывает иное!»

«Оставшийся чудом в живых!»

Я задыхалась от ярости, уподобилась львице, защищающей детенышей. Честное слово! Я стала «следователем», хотя никто не уполномочил меня на такую деятельность. Решила вывести на чистую воду этого «пирата печати», сумевшего обмануть и усыпить меня! Я почти ненавидела себя! Право-право!

Конечно, теперь, спустя какое-то время, я допускаю, что моя «самодетельность» могла принести больше вреда, чем пользы. Я делала все неумело, непрофессионально, давала виновным шанс укрыться! Выяснить по горячим следам то, что я была в состоянии, все-таки полезно. Даже пусть меня осудят за мои действия, но я такая, какая есть. Тем более что даже Николай Алексеевич, видимо, допустил ошибку, слишком доверяя завербованным в Антарктиду энтузиастам. У нас не имелось в городе, насчитывающем несколько тысяч жителей, ни полиции, ни судебных органов, как нет их в обычных научных поселениях — полярных станциях, экспедициях и тому подобное. Так решили в ООН.

Неожиданно Генри Смит явился сам, решил наглой прямоотой «разоружить» меня.

Он был возбужден, одет неопрятно, небрит, говорил отрывисто, перебивая сам себя, изображая человека, перенесшего величайшее потрясение.

— Мэм! Именно к вам я хотел прийти к первой! — начал он. — Перед вами чудом уцелевший. Я знаю, как волнуется сейчас весь Город-лаборатория. Не мне решать его судьбу. Достаточно того, что я сам определил собственную судьбу, не разделив участи тех, кто оказался на борту злосчастного самолета. Он исчез, исчез в районе Бермудского треугольника. И этим сказано все, ибо нет в мире места страшнее.

Я слушала Смита в кабинете Николая Алексеевича. Больного мужа осматривал сейчас в спальне доктор Та-нага.

Я сидела на диване, а Генри Смит рассказывал по ковру между письменным столом и книжным шкафом, размахивая руками и то дело поминая бога.

— Да! Только вмешательством божьей силы могу я объяснить свое чудесное спасенье, мэм!

— Но, кроме божьей силы, вам, очевидно, помогло и то, что вы трусливо не явились на самолет? — с достаточной холодностью спросила я.

— О да! Именно вам, мэм, я могу признаться в этой так называемой «трусости»! Я лично объясняю ее внушением свыше. И не боюсь в этом признаться, ибо это сохранило мне жизнь, а она для меня, поверьте, представляет некоторую ценность. Не то я вместе с недавно гостившими здесь почтенными членами Особой комиссии ООН метался бы сейчас за решеткой гнусного зоопарка.

— Что вы имеете в виду? — нахмурилась я. — Шутки неуместны.

— Помилуйте, какие шутки! Ведь я вам сказал о Бермудском треугольнике. Позвольте мне напомнить вам о нем. Прошу вашего внимания. Это очень важно.

— Безусловно, — согласилась я, едва преодолев неприязнь к этому человеку.

Журналист достал записную книжку и стал цитировать:

— Я приведу лишь несколько случаев из многих сотен. Но они наиболее впечатляющи и, безусловно, безупречны. Итак: «Исчезновение самолетов 5 декабря 1945 года, уже после окончания второй мировой войны, с военной базы на полуострове Флорида, США. Пять военных самолетов с опытными летчиками вылетели в обычный патрульный полет с возвращением обратно. Вылетели в 14 часов. В 15 часов 15 минут легли на обратный курс, все время поддерживая связь с военной базой. И вдруг такой разговор по радио:

База: Каковы ваши координаты?

Командир звена: Не можем сообщить, не понимаем, где находимся.

База: Держать в сторону запада.

Командир звена: Не можем установить, где запад.

Командир базы: Определите по солнцу.

Звено: Не видим солнца. Не знаем, в какой оно стороне».

И дальше отрывочные радиосигналы терпящих бедствие. И все...

Я поежилась. Смит продолжал:

— С базы вылетел специальный спасательный гидро-

самолет, оборудованный на случай помощи при всяких катастрофах, способный сесть на воду, спустить лодки, гасить пожар и прочее. Он был снабжен самыми надежными приборами связи и локаторами.

— И что же? Он вернулся ни с чем? — спросила я.

— Он не вернулся. Он исчез, как и пять предыдущих. Это нельзя себе представить, но, увы, это так. В Бермудском треугольнике нарушаются обычные представления. Там возможно все!.. Вы можете прочесть об этом событии, обошедшем всю американскую прессу, и в книге исследователя загадочных аномалий Чарльза Берница «БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК» начиная со 2-й страницы по 20-ю!.. Волосы поднимаются дыбом, когда читаешь!

— Целая книга об этом?

— Издание 1974-го, потом 1977 года. Очень серьезный труд. Но вот еще один случай. Он опубликован у вас, в России, в вашей газете «Правда» 7 марта 1977 года под заголовком «ОПЯТЬ БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК». Цитирую: «Во время тренировочного полета американского бомбардировщика КА-6, пилотируемого капитаном-лейтенантом Полом Смитом...» Это не мой родственник, мэм. «...с штурманом Ричардом Гленардом на борту, попав в зону Бермудского треугольника, самолет сразу же потерялся. Радиосвязь с авианосцем «Джон Кеннеди» оборвалась. Поиски, как обычно в этом районе, результатов не дали». Подписано спецкором «Правды» Т. Колесниченко.

— Кажется, я читала это сообщение.

— Вы читали, а я переживал. И только вчера определял по этим сообщениям свою судьбу, мэм. А вы готовы назвать это вульгарной трусостью. Нет! Это предвидение, опять повторяю вам — внушение свыше. Но извольте вспомнить о кораблях тоже. Вернемся к 1918 году. 4 марта того года огромный рудовоз «Циклоп» водоизмещением в двадцать тысяч тонн вышел с острова Барбадос, прошел мимо Кубы и... исчез. А на его борту находилась такая важная персона, как американский посол в сопровождении видных дипломатов. И никаких следов, ни одного спасательного круга, шлюпки, обломка... Ни одного сигнала! Об этом сообщала в свое время вся американская пресса. Но вас, конечно, убеждают лишь советские сообщения. Извольте. Журнал «Техника — молодежи», номер 5 за 1965 год, стра-

ница 33. У меня все записано. Я мог бы перечислять вам загадочные случаи до вечера.

— Но ведь научные экспедиции обследовали тот район и ничего не обнаружили.

— Извините, мэм. Кое-что обнаружили. Например, вмятину в океане.

— Как вас понять?

— Опять цитирую вам для убедительности вашу «Правду»: «Американский исследовательский спутник с помощью электронного дальномера с огромной точностью определял расстояние от орбиты до поверхности Земли. И он обнаружил, что в районе Бермудского треугольника уровень океана на двадцать пять метров ниже, чем повсюду!» Каково? Это на поверхности океана! А под поверхностью? Могу сообщить вам, что американские исследователи обнаружили там пирамиду... да, да! — пирамиду размером больше пирамиды Хеопса, внутри которой, быть может, и действуют те ужасные аппараты, которые совершают бермудские преступления.

— О чем вы говорите?

— Об инопланетянах, мэм! О злобных гуманоидах, разбойничьи приютившихся на нашей Земле и захватывающих время от времени наших землян, чтобы пополнять свои инопланетные зоопарки.

— Вы говорите отвратительные вещи, мистер Смит!

— О нет, мэм! Вам легко морщиться, а каково мне, который сопровождал по долгу службы членов Особой комиссии ООН, внушающих мне не только величайшее уважение, но и искреннюю любовь и восхищение. Подумайте, каково мне представить себе несравненную Шали Чагаранджи, с которой сорвали все одежды, чтобы любопытные посетители зоосада могли лучше рассмотреть телосложение землянки. Или каково представить себе лорда и сенатора, которым через прутья решетки просовывают косточки с мясом, чего, увы, они не видели здесь и из-за чего, быть может, там подерутся между собой. И все это на потеху уродливым инопланетным зевакам с огромными головами на щупальцах или напоминающим телосложением наших мальчишек с лицами старичков. Я все это знал, мэм, я все это ярко представлял себе! И не послужит ли это оправданием тому, что вы называете трусостью, а я чувством самосохранения, благоразумием? И я молю сейчас бога лишь об одном.

— О чем?

— Чтобы они вернулись невредимыми из безвременья.

— Что это за надежда?

— О мэм, недаром ваш город зовется Городом Надежды. Я процитирую вам последнее сообщение, свидетельствующее о разнообразии действий инопланетян на Земле.

— Тоже советский источник?

— И советский тоже. В вашем еженедельнике «За рубежом» в 1975 году воспроизведена страница 103 книги упомянутого ученого Берница: «Скачок во времени произошел пять лет назад на аэродроме Майами (это у нас в Штатах!). Он так и не нашел убедительного объяснения. Пассажирский самолет «Нейшн эрлайн» с 127 пассажирами на борту приближался к посадочной полосе с северо-востока и фиксировался наземным радаром. Внезапно он исчез с экрана и появился лишь десять минут спустя. Самолет совершил посадку без всяких осложнений. Его командир и экипаж были удивлены беспокойством наземного персонала аэропорта. По мнению летчиков, у них все было в порядке. Но диспетчер сказал командиру: «Дружище, в течение десяти минут вас не существовало!» Летчики сверили свои часы с аэродромными и обнаружили, что все самолетные часы отстали ровно на десять минут, как раз на то время, на которое исчезал самолет. Важно сказать, что все часовые механизмы на Земле и в воздухе были сверены между собой всего двадцать минут назад!» Вот в чем моя надежда, — закончил Генри Смит. — Я молю бога, чтобы «это» было безвременье, а не гуманоиды, эти инопланетные уродцы, замышляющие, быть может, изменить западный общественный строй на Земле!»

Глава восьмая

СНОВА ГУМАНОИД

«— Ну конечно, ты вспомнила о том, что меня называли гуманоидом, когда о гуманоидах зашла речь, — с усмешкой сказал мне отец, как только я начистоту выложила ему все.

Он сидел в кресле, едва доставая ногами до пола,

отвернувшись от чертежной доски и пронизательно, но ласково глядя на меня.

Верила ли я в то, что мой отец действительно гуманоид и что во мне самой течет инопланетная кровь? Стараясь быть откровенной с самой собой, я должна признаться, что чуть-чуть, совсем немножко, но допускала это. Словом, такую возможность, выражаясь математическим языком, не считала равной нулю. Честное слово! И я сказала папе:

— Если ты гуманоид с другой планеты, то и я ведь сродни и тебе и другим гуманоидам, которых сейчас хотят обвинить в тяжких преступлениях.

— Дело не в этом, — сказал серьезно папа. — Давай рассудим, кому на Земле выгодны такие «инопланетные преступления», как гибель «Конкорда»?

— Думаю, тем, кого не устраивала деятельность нашего Города-лаборатории, скажем, оптовым торговцам зерном, теряющим барыши при поставке продовольствия голодающим районам мира.

— Не только, не только... Это верная экономическая подоплека. Но есть еще и другая — общеполитическая.

— Какая связь между научным экспериментом и политикой?

— Прямая. Город, где люди отдают все, на что способны, получая для себя все, в чем нуждаются, пугает апологетов капитализма. Они готовы кричать о пропаганде коммунизма под флагом ООН. Теперь взглянем на наши события.

— На приезд комиссии, на исчезновение «Конкорда»?

— Легко понять, кому выгодно скрыть подлинные выводы комиссии. Если они отрицательны для Города-лаборатории, как утверждает Смит, то нет никакого смысла препятствовать их обнародованию. Но если они были положительными и почему-то их предварительно не передали по радио, то исчезновение членов комиссии позволило господину Смиту выступить как единственному свидетелю, который присутствовал на заключительном заседании комиссии. И он утверждает прямо противоположное тому, что устно передал Николаю Алексеевичу лорд Литльспринг.

— Значит, Смит?

— Конечно, именно господин Смит представляет и отстаивает интересы врагов Города-лаборатории. И ра-

ди этого задержался, не полетел, хотя на первый взгляд ему выгоднее скорее оказаться в Америке. Спрашивается, почему?

— Он отгородился дурной славой Бермудского треугольника, в районе которого исчез самолет, «преступлениями» гуманоидов.

— Твоя задача не только реабилитировать воображаемых гуманоидов, но и разоблачить землян, отнюдь не воображаемых, по указке которых действовал Смит. «Иван Ефремов» еще не отплыл. Полезно поговорить с самим Смитом, припереть его к стене. Возможно, вскроется прямая диверсия.

Я уже знала, что должна делать. И через некоторое время была на борту лайнера.

Смита я нашла в баре «Тени минувшего», где он наверстывал упущенное за время пребывания в Городе Надежды и уже изрядно нагрузился. Быть может, этим объясняется его наглый тон, каким со мной он прежде не говорил. Или он уже считал себя недосыгаемым? Преодолев отвращение, я обратилась к нему:

— Мистер Смит, я не успела узнать у вас, почему вы сочли нужным отправить на самолете багаж, не собираясь лететь?

— О мэм! Пустое! Не налить ли вам рюмочку? Женщинам с вашей наружностью очень идет, когда они сидят с рюмкой в руке.

— Позвольте мне заменить ее ручкой, которой я запишу ваши показания.

— Показания? Прикажете рассматривать нашу беседу как допрос? Вы забываете, что я уже в международных водах на борту зафрахтованного международной организацией корабля!

— Вы давно на международной территории. Но вам полезно вспомнить, что вы на борту советского корабля.

— Ага! Уже договорились с экипажем о попрании прав свободного журналиста? А международные соглашения? Я буду протестовать!

— Но почему вам не ответить на такой простой вопрос? Ведь я отвечала на все ваши вопросы, когда встречала вас.

— Пожалуйста, я отвечу. Я джентльмен. Но отвечу не «следователю», а лично вам, мэм, в знак моего к вам расположения. Особого расположения, мэм! С вами я сам не свой! Эх, будь мы в другое время, в другом

месте! Но теперь... прошу вспомнить, что мне удалось доказать вам, что я вовсе не трус. Мне это очень важно!..

— Вернемся к чемодану.

— Да, мэм, я отправил чемодан. Но это было уловкой.

— Уловкой?

— Какой же вы детектив, мэм, если не делаете вывода, что при виде моего чемодана улетающие успокоились. Время шло, «Конкорд» уже нельзя было больше задерживать. На это я рассчитывал.

— Вот теперь ваши мотивы ясны. С кем же вы отправили свой чемодан?

— А! — махнул рукой Смит, выпивая залпом двойную порцию виски и сползая с высокого табурета. — С первым встречным. Ведь охотников получить наличные деньги, которых нет в обороте в вашем ледяном коммунистическом царстве, куда больше, чем вы воображаете.

— И все-таки. Как выглядел этот любитель наличности?

— Откуда я знаю? Я не заметил в нем никаких особенностей.

— Но диспетчер аэродрома заметил.

— Какая нелепица, господин прелестный сыщик! Какой судья поверит вам, если учтет, что диспетчер не может отлучиться от пульта, находящегося на большом расстоянии от самолета.

— Дело в том, что диспетчер был молодым парнем, плененным красотой Шали Чагаранджи, а она, ожидая вас, в волнении ходила около самолета. Диспетчер же любовался ею в бинокль.

— Даже это установили? Поздравляю.

— Не только это, но и то, что Шали Чагаранджи обрадовалась, увидев посыльного с чемоданом, а диспетчер рассмотрел и его.

— И что же? — с наглой улыбкой спросил Смит.

— Диспетчер увидел, что толстяк хромал и у него был подбит глаз. Так кто это был?

— Оставьте меня в покое, господин частный детектив! Я не обязан знать, кто дерется в вашем прославленном подледном раю и ставит друг другу фонари под глазами.

— Мне вполне достаточно этого вашего подтверждения, — сухо закончила я.

— Я ничего не говорил вам, ничего не показывал! — заволновался Смит.

— Ничего, кроме того, что записано моим магнитофоном.

— Вы не предупредили меня об этом!

— Я думаю, что вам еще представится возможность давать показания следственным органам на континенте.

— Не думаю, не думаю, мэ. Едва ли ваши руки дотянутся дотуда.

Я вернулась в Город Надежды. Теперь предстояло найти хромого толстяка с подбитым глазом.

За все время существования Города Надежды у нас не произошло ни одной драки. Доктору Танаге не было известно ни об одной травме за эти дни. Я оказалась в тупике».

Глава девятая

КЛИНКИ РЖАВЕЮТ

«Я ничего бы не добились, если бы не Спартак с Остапом. Они с воодушевлением решили помочь мне.

Нашелся человек, который все знал. Это был наш знаменитый кулинар «маркиз де Грот».

Его привел ко мне Остап:

— Клевое дело: «последние известия», «светские сплетни», «утиное стадо для западных газет» — и все это нормально в одном лице, вернее, личике с усиками. Рекомендую, «маркиз де Грот», который все знает. Дай тете ручку.

«Маркиз» смущенно улыбался:

— Мсье Остап слишком преувеличивает мою осведомленность, мадам. Я лишь кое-что слышал и кое-кого видел.

— Кто он? Приведите его ко мне.

— Если позволите, мадам, мы приведем к вам одну даму. От нее вы узнаете больше, чем от прихрамывающего толстяка с подбитым глазом, ибо глаз ему подбила именно она.

— Балдей не балдей, а похоже, что это так, — глубокомысленно заключил Остап. — Ждите нас с Марией. Крутанем с пол-оборота.

Мария пришла робкая, сконфуженная, в черной мантилье. Когда-то красивое лицо ее осунулось. Она заговорила страстно:

— Да заступится за меня пресвятая дева! Не выгоняйте нас из Города, сеньора. Я не могла поступить иначе. Я расскажу вам все как на исповеди, если господа оставят нас одних.

— Зажигать фонари под глазом, должно быть, дело дамское, придется нам, маркиз, топтать ножками, пока не позовут.

Это была Мария, жена Педро, которых повстречал в Южной Америке Николай Алексеевич.

Едва мы остались одни, Мария расплакалась:

— О сеньора, да защитит вас пресвятая дева, мы так преданы вам, так преданы! И, если бы он не сказал так о вас, которую мы все чтим, у меня рука не поднялась бы.

— Расскажите по порядку, милая Мария.

— Да благословит вас господь за вашу ласку, добрая сеньора. Он явился в наш дом со словами, что старая дружба, как клинки из хорошей стали, не ржавеет.

— Кто он?

— Да все тот же проклятый Мигуэль Мурильо, с которым связала нас судьба из-за нашей с Педро доброты. Когда ваш супруг, сеньора, будь благословенно его имя, угостил нас замечательной едой в самые наши голодные дни, то этот Мурильо проходил мимо нашей лачуги и от запаха разогретой еды упал в обморок — так изголодался. А каждый голодный нам друг, мы накормили и выходили его, сеньора. С тех пор они с мужем стали дружить. Куда-то уезжали на заработки, скрывая это от меня. Но толку было мало, если не считать того, что оба завербовались в ваш благословенный Город Надежды. Только здесь обрели мы надежду жить, не умирая с голоду.

Я под села к Марии, обняла ее за плечи и вытерла платком слезы, которые струились по ее смуглому лицу. Она поцеловала мне руку, которую я не успела отдернуть.

— Я все расскажу вам, сеньора, все-все, только не выгоняйте нас отсюда.

— Никто не выгонит вас, Мария. Важно, чтобы Город не прикрыли, как того хотят некоторые богатей.

— Да коснется их черный ангел своим крылом. Вот

теперь мне становится понятнее, зачем он явился к нам. Сначала он перевел разговор на воспоминания, твердил все о каком-то Централь-парке, пугал, будто их с Педро могут узнать, тогда им несдобровать, их сразу же вышибут отсюда. А что делать тогда нам с ребяташками?

— Полно-полно, Мария. Никто здесь не обидит вас, честное слово!

— И он еще сказал, что «старик в свое время откупился от них, дав каждому по десять долларов, и теперь припомнит, если Педро не послушает Мигуэля».

— Если не послушает?

— Да. Он грозил открыть «старику», кто они такие — Мигуэль с Педро. И он говорил, пусть и меня вышибут отсюда, но ты со своими ублюдками пойдешь по миру. И еще страшал, будто бы в Городе Надежды должна произойти чистка, всех неугодных сошлют на Большую землю, и Педро в первую очередь, если он не послушается старого друга. Он говорил все это и курил.

— Курил? — ужаснулась я. Для меня это было кошунством!

— И курил и пил спиртное. Мой Педро попробовал только одну рюмочку, клянусь пресвятой девой, а от сигарет отказался.

— К чему же склонял Педро его старый друг?

— Чтобы Педро подговаривал всех защищать свои «права», угощал бы сигаретами, подносил выпивку и требовал бы от дирекции отмены всяких там запретов. И чтобы привозили из Австралии настоящее мясо, не то откажутся от работы. Он уверял, что недовольных много. Дай им только сигнал. И напоследок потребовал, чтобы Педро и эти недовольные выбрали бы его, Мурильо, одним из директоров.

— И вы все это слышали, Мария?

— Я вступила в мужской разговор, потому что тревожилась за детей. Я сказала, что не надо бояться чистки, что можно обратиться к вам, сеньора, что вы душевная женщина. И тогда Мигуэль стал зло смеяться. Мне страшно повторить его слова.

— Повторите, Мария, это важно.

— Но они касаются вас, несравненная наша заступница.

— Все равно. Это нужно для следствия.

— Для следствия? — испугалась Мария. — Он на-

звал вас распутной женщиной, которая якобы продалась старику, чтобы ловко устроиться здесь со своим бывшим мужем, сделав его любовником. И будто сыночек ваш вовсе не от старика, который на это не способен, а от бывшего мужа и вы вдвоем старика водите за нос.

— Какая мерзость! — не выдержала я.

— Именно мерзость, сеньора. Я тут не выдержала и ударила Мигуэля в морду, иначе ведь не назовешь его свиное рыло. Он бросился на меня с кулаками. Тут Педро ввязался в драку, и мы вдвоем так отдубасили негодяя, что он вылетел с лестницы нашего второго этажа. Добавлю, что и ребятишки наши помогали нам. Это была драка так драка! Всем семейством, да простит мне пресвятая дева. И мы выбросили вслед ему его дрянные фляжки, из которых Педро должен был угощать спиртным своих друзей.

— Спасибо, Мария. Теперь ясно, кто принес в самолет чемодан.

Остап и Спартак, едва Мария закончила свой рассказ, пообещали привести Мигуэля Мурильо.

Он был отвратителен, этот тип, неопрятный, опустившийся, с одутловатым лицом и синяком под глазом. От него несло перегаром.

— Не верьте ни одному слову из того, что наговорила на меня эта ведьма, — сразу начал он, даже не выслушав моего вопроса. — У нас здесь учреждение Организации Объединенных Наций, и я требую присутствия при разговоре со мной беспартийного чиновника ООН. И моего адвоката из Филадельфии.

— Вам еще придется говорить в США со следователями и другими чиновниками и вызывать своего адвоката. Вы принесли в самолет чемодан журналиста?

— Я не знаю, что в нем было. Наверное, обычное барахло.

— Не слышали ли вы в чемодане тиканья часов?

— О сеньора! Меня изувечила эта проклятая семья. Я стал туг на ухо и ничего не слышал. Я и вас-то слышу с трудом.

— Современные адские машины делают без часовых механизмов, — заметил Спартак. — Химический или радиоактивный запал.

— Ясное дело, — согласился Остап. — Нормально.

Из такого типа признание добрым словом не вышибешь, надо припереть его к стенке.

— Что он говорит, сеньора? Я требую, чтобы его слова были переведены на принятый здесь международный язык.

— Он говорит, — сказал Спартак по-латыни, — что вас, господин Мурильо, надо припереть к стенке.

— Что? — испуганно завопил Мигуэль. — Меня хотят поставить к стенке, расстрелять? Это самосуд! Я требую вмешательства академика Анисимова. Он не допустит расстрела ни в чем не повинного человека, который позволил себе лишь выкурить одну сигарету. За это не расстреливают, не расстреливают!..

— Не бойтесь, — заверила я его. — Если вас будут судить, то не за сигарету, а за соучастие в диверсии, погубившей самолет «Конкорд» вместе со всеми пассажирами и экипажем.

— Я ничего не знаю об этом. Спросите лучше мистера Смита. Его багаж я нес, а не свой. И я не мог знать, что несу.

— Это другое дело, — сказал Спартак. — А сейчас смывайся, пока мы с Остапом не добавили тебе к тому, что ты уже получил от семейства Педро.

Мигуэль Мурильо исчез.

У нас, добровольных исследователей, было слишком мало доказательств того, в чем мы были уверены.

Но что толку от нашей уверенности? Она никого не убедит!»

Глава десятая

РЕЙС СПАСЕНИЯ

«Я была в отчаянии! В отчаянии от того, что не могу удержать Николая Алексеевича от полета в Нью-Йорк.

Там на Генеральной Ассамблее ООН некоторые страны под давлением заинтересованных монополий потребовали, чтобы «Город-лаборатория прекратил существование, поскольку Особая комиссия ООН, трагически погибшая при возвращении, по свидетельству чудом уцелевшего журналиста, высказалась против продолжения эксперимента».

Умом я понимала, что Николаю Алексеевичу необходимо отбить в Нью-Йорке нападение, но сердцем...

Словом, не знала, что делать.

Николай Алексеевич, огромный, уверенный, спокойный, как утес, участливо выслушивал мои тревоги с тем тактом, на который только он один способен. Однако оставался непреклонным в своем намерении. Его действительно как скалу нельзя сдвинуть с места, если он что-либо продуманно решил.

На Генеральной Ассамблее вслед за советским делегатом выступили представители прогрессивных стран. И в результате принятие решения о Городе-лаборатории было отложено до прибытия на Ассамблею его Генерального директора.

За академиком Анисимовым прилетел из Москвы специальным рейсом сверхзвуковой лайнер Ту-144М (модернизированный вариант первого в мире сверхзвукового самолета).

Николай Алексеевич ласково утешал меня:

— Не следует находиться во власти сенсационных легенд, родная. Это нонсенс! Подобными вымыслами мог пользоваться лишь такой субъект, как господин Генри Смит, дабы выгородить себя при твоих распросах.

— Но ведь он цитировал авторитетные сообщения!

— Допустим, он говорил о фактах. Но их можно объяснить и без привлечения «зловредной деятельности» инопланетных гуманоидов на Земле.

— Как же объяснить? — спросила я упавшим голосом, подумав об отце и его возможной связи с этими пришельцами.

Пусть буду выглядеть непроходимой дурой, но я готова умолять папу обеспечить одному ему известными путями безопасность полета Николая Алексеевича. Конечно, папа посмеется надо мной, чего доброго, обзовет «бабой». Ну и что ж! Пусть баба! Честное слово! Должно быть, в этом моя сущность!

А Николай Алексеевич продолжал:

— В районе Бермудского треугольника, кроме понижения там уровня океана, обнаружены вихревые морские течения, неизвестные в других местах. Они способны вызвать самые необычные погодные условия, когда полностью исчезает видимость, нарушается радиосвязь. При взаимодействии же с сильными ветрами возможно возникновение волн, вызывающих инфразвуки с частотой около пяти герц. Такие частоты, не воспринимаемые слухом, губительны для людей, вызывают у них не только

психическое расстройство, но даже и гибель! Вот почему там могли исчезать самолеты, которыми уже некому было управлять, и погибали корабли; или с них в панике, рожденной психическим расстройством из-за инфразвуков, бежали все пассажиры и команда. Естественно, что на той высоте, на которой пролетит наш сверхзвуковой лайнер, все эти явления не могут сказаться в такой мере, как при патрульном полете исчезнувших самолетов из Флориды или надводном плавании судов.

— Но ведь «Конкорд» летел так же высоко!

— Это еще одно логическое заключение для выводов твоего расследования. «Конкорд» не мог погибнуть над Бермудским треугольником из-за причин, которые я перечислил.

— А гуманоиды? Может быть, они управляют временем или четвертым измерением?

— Это уже, прости меня, чистые спекуляции!

— А самолет, который пробыл в безвременье десять минут?

Николай Алексеевич задумался:

— Видишь ли, мы мало знаем о времени как субстанции. Есть ученые с именами, которые допускают возможность вмешательства в эту загадочную субстанцию. Что касается меня, то я не допускаю приравнивания времени к другим координатам континуума «пространство — время». И время в нем особая, *воображаемая* координата, движение по которой и характеризует существование материи. Материя проявляется, поскольку она движется во времени. И, разумеется, движется лишь в одном направлении. Время не температура, которая может повыситься или понизиться, оно неадекватно ей, как необоснованно полагают авторы некоторых гипотез.

— А при достижении околосветовых скоростей?

— Течение времени замедлится. Теоретически по Лоренцу — Эйнштейну, практически — в результате эксперимента с американским реактивным самолетом, часы на котором отстали за время облета земного шара.

— А не потому ли отстали часы на злополучном самолете в Майами на десять минут, хотя он не летал вокруг Земли, а всего лишь шел на посадочную полосу аэродрома?

— Не знаю, родная. Вспоминаю слова Шекспира: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

— Не хочу, чтобы сны, неведомые «нашим мудрецам», случились с тобой наяву! — в полном отчаянии воскликнула я.

— Но пойми, я должен быть там, должен!

— Хорошо. Я отпущу тебя, но лишь при одном условии.

— При каком же условии, родная?

— Если сверхзвуковой лайнер обойдет стороной Бермудский треугольник. Ведь Ту-144М ничего не стоит сделать такой крюк!

Николай Алексеевич заразительно рассмеялся:

— Поистине невозможно переспорить женщину. Будет по-твоему. Собственно, командир корабля уже предложил мне такой маршрут.

Казалось, можно успокоиться, но я все-таки, не страшась насмешек, пошла упрашивать папу использовать влияние на «своих собратьев гуманоидов», хотя, возможно, их вовсе и нет.

Конечно, он хохотал, мой папка, взявшись за бока, похожий на озорного мальчишку с выгоревшей добела шевелюрой. Но в его ласково-проницательных глазах мне удалось увидеть нечто такое, отчего я сразу, сама не зная почему, уверилась в благополучном исходе перелета в Нью-Йорк. Клянусь, если бы я не поверила в тот миг, что отец связан с гуманоидами, то ни за что не отпустила бы мужа, ему не привелось бы сделать всего, что он сделал, решающим образом повлияв на ход событий. Словом, если бы не эта моя слепая, пусть легкомысленная вера, все было бы по-другому! Но Николай Алексеевич в решительный час смог выступить на Генеральной Ассамблее ООН.

Но могла ли я, пока он был там, быть спокойной за него?»

Конец первой части

ТРЕЩИНЫ

*Коль мысль сильна —
так дело полно силы.
В. Шекспир*

Глава первая

ОПАСНАЯ ЯЗВА

Академик Анисимов улетел из Города Надежды, и его обязанности Генерального директора Города-лаборатории принял на себя доктор-инженер Вальтер Шульц.

Шульц был в высшей степени добросовестный и педантичный человек. Именно к нему пришлось Аэлите прийти после отлета Николая Алексеевича со своим «невероятным предложением». Она хотела временно обойтись без индикаторов запаха на контроле готовой продукции, но дозаторы при этом отлаживать особенно тщательно с помощью такого чуткого индикатора, каким может быть пес Бемс. Ведь еще в Москве она приучала его в лаборатории «вкуса и запаха» помогать ученым. И без него не удалось бы создать индикаторов запаха для отладки автоматических дозаторов, ни для контрольного комплекса. Так неужели же этот пес не выручит всех сейчас, не поможет так наладить дозаторы,

чтобы возобновить производство? Аэлита взялась восстановить в нем былые навыки. И это удалось! И она продемонстрировала Шульцу безукоризненную работу Бемса: он безошибочно идентифицировал все запахи пробных доз автомата и при отступлении от норм лаял, сигналивая о неверной наладке. Совершенно так же, как лают четвероногие помощники саперов, обнаружив мину.

Вальтер Шульц остался доволен:

— Это есть большая дерзость! Но вместе с тем и большая идея. Если так можно вновь пустить завод и накормить голодных, то мы применим ваш «живой прибор», фрау Анисимова.

Юрий Сергеевич, узнав о таком «непроизводительном решении», пришел в ярость. Он явился в кабинет Генерального директора и заявил протест против использования собаки в химии да еще пищевой.

Однако два оставшихся директора — Шульц и Та-нага все-таки решили пустить завод «вкусных блюд» с живым прибором для отладки дозаторов, оговорив, что это лишь временное аварийное решение, что собака к пищевой продукции отношения иметь не будет и лишь поможет в настройке автоматов, впоследствии же при получении индикаторов запаха из СССР будет ими заменена.

Но все знали, что ждать их оттуда скоро нельзя. Аэлиты, занимавшейся там ими, кстати, с помощью того же Бемса, нет. Профессор Ревич в Якутии, руководит новым институтом. К этой проблеме придут новые люди! Извечный конфликт с запчастями!

Инженер Вальтер Шульц взял за правило ежедневно обходить свои владения. Начинал он свой обход с биофабрики Мелхова.

Когда он впервые пришел туда на следующий день после принятия им решения о пуске завода Аэлиты, Мелхов встретил его с подчеркнутой официальностью, всем своим видом демонстрируя несогласие с решением нового Генерального директора.

Внушительная фигура немца возвышалась рядом с Юрием Сергеевичем, который и сам отличался немалым ростом.

Генеральный директор пожелал начать осмотр с ледяного трубопровода, по которому нефть поступала на фабрику из «порта», от Скал пингвинов, куда достав-

лялась ледокольными танкерами в огромные ледяные нефтехранилища.

Расход нефти, первоначально в Городе-лаборатории ничтожный, сильно возрос, когда лаборатория Аэлиты превратилась в завод, Мелхову тоже пришлось увеличить выпуск белка дрожжей кандиды. И надо отдать ему справедливость: с этой задачей он прекрасно справился.

Шульцу было неприятно ухудшение отношений с Мелховым, которого он уважал как специалиста. Кажется, он был с ним недостаточно вежлив в споре о том, пускать ли с «живым прибором» завод Аэлиты или нет. Теперь ему хотелось загладить некоторую свою грубость, и он искал для этого повода.

Повод оказался в стерильной чистоте, которая встретила на биофабрике нового Генерального директора Города-лаборатории.

Ему попадались на глаза люди в белых халатах с голубыми отворотами. И во врачебных шапочках, словно он оказался не на предприятии, а в клинике.

— О достойный господин Мелхов! — начал латинской тирадой Шульц. — Я не так часто бывал у вас прежде и рад выразить свое восхищение. Как говорили в Древнем Риме: «Больше сделает могущий!» Глядя на ваши блестящие трубы, ослепительные колонки и пузатые, как я, кубы, я размышляю о том, что все это заменяет неоглядные пашни, на которых трудились столько поколений наших с вами предков. А эти почтенные сотрудники в белых халатах! Это же крестьяне грядущего, которым легко сохранять маникюр и отнюдь не сгибаться от непомерного труда белых земледельцев.

— Химия, достойный господин Генеральный директор, помогает человеку перейти от земледелия к пищевому делу.

— Вот и хорошо, достойный господин Мелхов! Ваши слова должны исключить предрассудки.

— Я чужд им, достойный господин Генеральный директор. Если я протестовал против «живого прибора», то лишь как производственник. Нельзя поставить всю технологическую цепь в зависимость от дрессированного животного.

— Но, но, почтенный инженер Мелхов! Надо вспоминать, что не только технологическую цепь, но и жи-

вую цепь солдат ставили в зависимость от дрессировки собак, отыскивавших мины на поле боя. Пес будет иметь дело с дозаторами, а не с пищей.

Мелхов молча поклонился. Не в его расчете было углублять конфликт.

Он провел руководителя к огромным чанам с бесцветной студнеобразной массой:

— Только вчера это было нефтяными отходами. Я думаю, мы вправе считать, что выращиваем здесь несметные «стада» одноклеточных существ, способных дать жизнь многим людям на Земле.

— И ни капли пролитой крови! О да, достойный инженер Мелхов. Мы будем считать вас крупным микроскотководом! — И Вальтер Шульц затрясся от смеха, радуясь собственной шутке.

Юрий Сергеевич почтительно улыбался.

— Чабан, пастух, ковбой! — продолжал Шульц, дружески хлопая Мелхова по плечу. — Скоро вам выходить на мировой арен, — продолжал он по-русски. — Не какой-то карликофабрика, не какие-то чаны, а моря биомассы! Питание для всего человечества! Яволь!

От Мелхова Шульц прошел прямо на завод к Аэлите, но на ступеньках лестницы застал двух работников в белых халатах, которые прятали в рукава зажженные сигареты.

Шульц не хотел терять своего достоинства и сделал вид, что ничего не заметил.

На заводе «вкусных блюд» Шульц попросил Аэлиту показать камеру, где «работал» Бемс, помогая наладчикам отстроить дозаторы.

Аэлита провела Вальтера Шульца вдоль заработавшего вновь конвейера и остановилась перед иллюминаторами в стене. Там виднелся рыжий боксер, старательно принимающий к выданным автоматами пробным дозам, из которых потом после их смешения получался тот или иной вид пищи.

И вдруг пес залаял.

— Сигнал о неполадке! — нахмурилась Аэлита. — Неверно налаженный дозатор!

К ней подошла девушка в белом халате с голубыми отворотами и что-то зашептала.

Аэлита грозно свела брови:

— Ушам не верю! Честное слово! Наладчики вышли на работу в нетрезвом виде!

— Как такое может быть? — изумился Шульц.

Девушка, очевидно, нашептывала Аэлите имена и гневно жестикулировала. Лицо Аэлиты покрылось красными пятнами, но она взяла себя в руки и стала объяснять:

— До сих пор у нас не случалось такой беды. Я просто не понимаю...

— Я тоже не имею понимания. Желая просить вас присылать ко мне провинившихся. Я буду вести с ними важный разговор. Их придется заменить. У вас есть правильное замечание: «незаменимых нет»! Они подписали договор о соблюдении Устава и подлежат отправке на родину.

Аэлита кивнула добавив:

— Заменить невозможно разве что только одного Бемса.

— О!.. Бемс! Это великолепный собака! То есть я хотел выразить, «великолепный прибор»!

— Да, наш, к сожалению, пока незаменимый «прибор отладки».

Действительно, пес Аэлиты Бемс стал «незаменимым живым прибором», поскольку индикаторов запаха не осталось.

Город-лаборатория прежде всего был лабораторией, где ставили эксперимент.

Шульц утешал себя, что в лабораторных условиях он имел право на эксперимент с «живым прибором» и академик Анисимов по возвращении не осудит его за регулировку автоматов с помощью «живой биологической системы», именуемой собакой, тем более что продукция завода «вкусных блюд» теперь пойдет... и в голодающие страны!

Весь день бродил он по Городу Надежды, любуясь необычными фасадами ледяных зданий и зеленой разбитых между ними бульваров. Но нет-нет да улавливал запах спиртного от случайных прохожих.

Из-за отсутствия в Городе-лаборатории полиции (ее создание не санкционировал Совет безопасности из-за боязни «нарушения прав человека») Шульцу некому было поручить расследование диверсии на заводе и нарушений Устава Города. Он лишь подумал о двух друзьях, которые могли бы помочь ему, о Спартаке и Остапе.

Он вспомнил о них еще раз поздним вечером, когда счел своим долгом пройтись по затемненным бульварам Города. Ночь здесь была условной, отмечаемая гаснущими фонарями на улицах. Перевезенные с других континентов деревья прекрасно прижились в оранжевых условиях Грота на доисторической почве шестого материка. Свет дежурных фонарей едва проникал сквозь плотную листву, источавшую горьковатый аромат невидимых цветов.

Шульц подумал о «живом анализаторе запаха» и вдруг услышал отчаянный женский крик.

Остановился и прислушался.

Женщина звала на помощь.

Шульц ринулся сквозь заросли, раздвигая гибкие ветки руками. Ему оцарапало щеку, сучья застряли в бороде, а листва едва не сбила очки.

За кустами он увидел безобразную картину: двое мужчин срывали одежду с отбивавшейся девушки, стараясь повалить ее наземь и заткнуть ей рот.

— Остановитесь, смерды! — по-латыни прорычал Шульц.

И тотчас почувствовал, как на него напали еще двое, которых он не сразу заметил. Но свалить с ног бородастого «великана-разбойника» было не так просто. Он схватил одного из нападающих за голову, другого отпихнул ногой.

Девушка продолжала кричать на незнакомом языке.

Шульц так сдавил голову противника, что тот застоялся. Упавший от толчка ногой поднялся и снова кинулся на Шульца. К нападающему присоединился тот, кто раздевал девушку. Его сообщник продолжал держать ее, заломив ей руки.

Шульц отпустил стонавшего, и тот кулем свалился ему под ноги. Теперь предстояло справиться лишь с двумя. Шульц не был ни борцом, ни боксером. Но сейчас какой-то первобытный инстинкт проснулся в нем. Он ловко парировал удары противников, и, когда один из них попытался ударить его ногой ниже живота, он захватил ногу и так повернул ступню, что раздался хруст. Нападающий взвыл и выбыл из боя.

Поняв, с кем имеют дело, хулиганы бросились бежать. Драчун, потерявший сознание, пришел наконец в себя и уполз в темные кусты. За ним последовал и его сообщник, прыгая на одной ноге.

От дравшихся несло перегаром, вызывая у Шульца тошноту.

Он подошел к девушке и... не поверил глазам. Он готов был поклясться, что перед ним, полуобнаженная, на коленях, стоит сама Шали Чагаранджи, погибшая в Бермудском треугольнике.

— Я вам так благодарна, достойный господин, — сказала девушка, пытаюсь обрывками одежды прикрыть свою наготу. — Я не поверила бы, что такое может произойти здесь! Когда вы появились, такой могучий, я решила, что это сам командор спешит мне на помощь.

— Нет, это я, Вальтер Шульц, его заместитель и ваш слуга. Но кто вы, наследница богини красоты?

— Почему вы смотрите на меня так удивленно, достойный господин? Я просто Чандра. Из Индонезии. — Она встала. — Приехала с подругой на лайнере «Иван Ефремов». Надо найти нашу Рахиль. Ее напичкали наркотиками. Они слишком подействовали на нее, и она уже не представляла интереса для гнусных смердов. Понимаете, достойный господин?

Вальтер Шульц кивнул.

Они нашли израильянку, бесчувственную, безвольную. Она сидела на траве, прислонившись спиной к дереву, ничего не слыша. Ее глаза были пусты, язык не ворочался, руки висели плетьюми...

— А ведь она такая умная, всегда такая веселая, огненная, как и ее волосы. Что сделал с ней этот проклятый героин! — горевала Чандра.

— Вы сказали, что прибыли с последним рейсом «Ивана Ефремова». У вас нет закалки первых ледовых строителей. Надо установить, кто из приехавших вместе с вами привез сюда эту мерзкую отраву!

Чандра старалась привести в чувство подругу.

Шульц любовался ею.

Глава вторая

«ПРАВОЗАСТУПНИК»

«Продолжить мои расспросы попросил сам Вальтер Шульц. Он отбил ночью от пьяных хулиганов красавицу Чандру. Боюсь, что наш влюбчивый «великан-разбойник», как прозвала его Тамара, снова попал в тяжелое положение. Честное слово! Он, помимо обязанно-

стей Генерального директора Города-лаборатории, теперь нес еще и рыцарскую охрану спасенной им девушки. Каждый вечер появлялся у девичьего общежития и робко следовал за нею, пока она гуляла с подругами по бульварам.

Нам удалось с помощью доктора Танаги найти человека с поврежденной ногой. За медицинской помощью вынужден был обратиться молодчик из Калифорнии по имени Стив Клиффорд. Сбежав от богатых родителей, он примыкал одно время к банде «отрицателей», творивших всяческие безобразия под флагом непризнания всех условностей, традиций общества, религиозных заповедей и представлений о порядочности. Они называли себя подонками.

Он оказался не из слишком твердых, уверял, что не знал Устава Города, а договор подписал не читая. Однако быстро назвал своих сообщников по нападению на Чандру, хныкая, что это спиртное сделало его «отвратительным животным», сам же он «совсем другой». Он пытался оправдаться тем, что не прикоснулся к Чандре и напал на Шульца, думая, что защищает от него девушку, которую захватили «приятели толстяка». Клиффорд воображал, что так выгородит себя.

Спиртное нашлось в одной из бочек с химикалиями, к которым имел доступ Мигуэль Мурильо.

Опять этот тип!

Но дело было не в одной бочке. Обнаружились и наркотики: героин, марихуана и какие-то новые таблетки «рай Магомета».

Молодчики, хранившие их, нахально уверяли, что это предметы первой необходимости, от чего они не могут отказаться, пусть им даже грозит высылка на континент.

Они отправятся из Города Надежды все четверо с первым же рейсом корабля или попутного танкера.

Но Мигуэль Мурильо! Мои записи позволяют воспроизвести «беседу» с ним.

Спартак и Остап снова «вежливо» (со скрытой угрозой применить силу) привели его в кабинет Николая Алексеевича.

На этот раз Мурильо держался более самоуверенно:

— У вас нет никаких доказательств, что я распространял наркотики и спиртное из какой-то там бочки. Вы просто приписываете мне нарушение Устава Горо-

да, видя во мне правозаступника. Да, я главарь недоброжелателей, выступающих против деспотии администрации, не выборной, а навязанной нам, свободным людям, томящимся в вашей ледовой тюрьме!

— В ледовой тюрьме томитесь вы, правозаступник? — удивилась я. — Вы что думаете? Если назваться «правозаступником», то можно прикрыться этим словом как щитом от ответственности за любые преступления?

— Никто не дал вам права определять якобы совершенные мной преступления! Это насилие над моей личностью, самосуд! Я отвечаю только перед международной коллегией, поскольку завербован сюда Организацией Объединенных Наций. И я имею право на защиту, на адвоката, на общественное мнение, на внимание ко мне мировой печати, кстати, уже упоминающей мое имя, к вашему сведению.

— Я слышала по радио статью пресловутого Генри Смита, задание которого вы выполняли. Это он придумал вам маску «правозаступника», хотя вы до сих пор так себя отнюдь не проявляли.

— Чего церемониться с этим смердом?! — на своей ужасной латыни вмешался Остап. — Адскую машину на «Конкорд» принес? Принес! Это ясно как арбуз. Население Города Надежды разлагал? Разлагал! Это точно как циркуль. И разлагал всеми запрещенными способами. Выгнать его надо наверх, на ледяной купол. Дать ему, смерду, тулуп, жратвы и его же собственного героя и спиртного. Пусть ошалевает и околеет пьяным.

Мигуэль Мурильо, все поняв, пришел в неописуемый ужас.

— Там слишком холодно! — завизжал он. — Это не по-христиански! Это хуже жинчевания! Я протестую! Имейте в виду, у меня есть связь с культурным миром. Я оповещу всех о готовящемся злодеянии.

— Сначала мы оповестим мир о совершенных тобой злодеяниях, — зловеще пообещал Спартак. — Вот это имей в виду, помесь шакала и гиены.

— Вы не смеете сравнивать меня с животными! Я человек!

— Очень сомневаюсь, — покачал головой Спартак. Вошли директора Шульц и Танага. Я встала и доложила им все, что нам удалось установить.

Они сели и посоветовались между собой.

Мурильо исподлобья, хмуρο смотрел на них.

Заговорил Танага:

— Город опасно болен. Это говорю я как врач, извините. Язвы, опасные язвы лечат по-разному. Ныне антибиотиками. В былые времена раскаленным железом, которое прикладывали к ране.

— Я протестую, — испугался Мигуэль Мурильо. — Я протестую против применения ко мне дьявольских пыток этого азиата.

— Говорю о лечении, извините, а не о пытках, — ровным голосом отозвался японец. — Кроме того, о лечении Города, а не одного из его бывших жителей.

— То есть как это бывших? — захныкал Мурильо. — Я еще живой.

— Но не для нас. Для нас вы гной, сочащийся из раны. Гной, продукт деятельности микробов, извините.

— Вот эти так называемые «микробы» нас и интересуют, — вставил Вальтер Шульц. — Намерены ли вы, господин Мурильо, показать чистосердечно, по чьему наущению вы действовали? Вы, кажется, католик? Мигуэль Мурильо кивнул.

— Я тоже католик. Могу принести библию, на которой вы поклянетесь памятью первых христиан Рима в правдивости своих слов.

— Они правдивы и без всяких клятв. Мне не в чем винить себя ни по-латыни, ни на каком другом языке.

— Обвинять вас будем мы на международном языке и по законам общечеловеческим, — сурово пообещал Вальтер Шульц, поднимаясь во весь свой огромный рост.

Мурильо сжался.

— У меня, извините, накопился большой счет к этому недостойному господину, — вкрадчиво сказал японец. — Давно наблюдал за ним. Ему придется ответить, почему отказал локатор на корабле «Титан», который налетел из-за этого на айсберг. Мурильо находился на его борту. И от завода «вкусных блюд», где совершена диверсия, он был неподалеку.

— Не только я! Там были сотни людей! — выпалил «правозаступник».

— Но почему, хотелось бы знать, взорвался Дворец Энергии? — продолжал Танага. — Там он был единственным помощником достойного господина Вальтера

Шульца, когда испытывались аккумулирующие устройства с жидким водородом и кислородом?

— Эти газы образуют взрывоопасную смесь, и я рисковал своей головой, участвуя в испытании, плохо подготовленном инженером Шульцем. Виновник взрыва рядом с вами, а не напротив, достойный господин Танага! — яростно защищался Мурильо.

— Извините, но ваши ответы не удовлетворяют меня, — заключил доктор. — Тем более что осталась невыясненной причина пропажи запасных частей вертолетов, которые не смогли из-за этого прийти на помощь людям в тяжелые дни ледяного обвала. И вы, Мигуэль Мурильо, облегчили бы свою судьбу, если б назвали своих сообщников.

Мигуэль Мурильо переменял тон:

— Нет, достойные господа! Ваши старания обречены! Вы пытаетесь свалить все свои беды на одного человека! Это нелепо. Построенное вами здание разъезжается по швам. И не моя в этом вина. У вас здесь живут тысячи людей. Неужели вы думаете, что против вас работает только один человек, несчастный Мурильо, которому вы готовы скрутить руки? Нет! Когда это будет предано гласности, вы будете осмеяны за свою наивную беспомощность. Уже одно то, что вы пытаетесь сделать меня виновным во всем, говорит за меня, а не против. Презумпция невиновности приоритет, достойные господа!

— Это значит, *«не пойман — не вор»*? — прервал его Остап. — Не тешься, недостойный господин, поймаем и тебя, хмырь болотный, и твоих сообщников, на которых ты пока только намекаешь.

За дверью послышался детский смех, это Алеша заменил меня и привел Бемса с завода, и в приоткрытую дверь рыжим вихрем влетел мой любимый пес.

Ткнувшись сначала мне в колени, он стал ласкаться к Танаге и Шульцу, потом метнулся было к Спартаку и Остапу, но при виде Мурильо ошетинился и зарычал.

— Уберите от меня это чудовище! — завопил Мурильо. — Я сообщу миру, что меня здесь травил собаками. Он загрызет меня. — И Мурильо демонстративно поджал ноги.

— Не бойтесь, — сухо сказала я, отдавая одновременно команду Бемсу. — Вас ждет иная участь. На континенте. При мне собака вас не тронет. Можете даже погладить ее.

— Тогда другое дело, — сразу оживился Мурильо. — Это же теперешний «наладчик» дозаторов. Без него мы пухнем с голоду. Не так ли? Ну ладно, так и быть, поглажу его. — И Мигуэль, вынув руку из кармана, с напускной боязливостью потянулся к Бемсу.

Тот, скосив на меня свои огромные выразительные глаза, не шелохнулся. И вдруг взвизгнул, бросился ко мне.

— У него там язва! Опасная язва! — крикнул Мурильо, отдергивая руку. — Чего доброго, еще заражусь какой-нибудь паршой.

Я удивилась. У Бемса на голове как будто не было ранки. Может быть, расчесал за ухом?

— А еще рычал на меня, — торопливо говорил Мурильо. — А я не люблю, когда на меня рычат во время допросов...

— Это вас ждет еще впереди, на континенте, — пообещал Спартак.

Директора все же решили отпустить Мурильо до получения бесспорных доказательств его причастности к нарушениям Устава Города или к еще большим преступлениям. Ни тюрем, ни надсмотрщиков у нас в Городе Надежды не было, да и бежать из него некуда».

Глава третья

ПОТЕРЯ

«С Бемсом у меня так много связано в жизни!..

Каждый ее поворот, каждое большое или маленькое событие мы как бы делили с ним. Он всегда был со мной и в горе и в радости, заглядывая мне в глаза своими огромными, все понимающими глазищами. В них читалось сочувствие, участие, ободрение. Честное слово!

Николай Алексеевич искренне полюбил пса, и тот сразу же привязался к нему. Но ко мне Бемс относился с какой-то особой собачьей заботой, не говоря уже о преданности!

Стоит задуматься: прав ли человек, наделяя разумом только себя одного? Может быть, это и так, если понимать под «разумом» прежде всего способность к творчеству, такую «примету» разумности, как «свобода поступков». Например, обмануть или не обмануть, предать или не предать, выполнить задание или не выполнить.

С таких «позиций», пожалуй, человек действительно куда «разумнее» собаки, которая не знает такого выбора, она всегда окажется истинным другом и бескорыстным помощником, хотя и лишена абстрактного мышления...

Сколько примеров можно привести из тяжелых времен войны: помощь раненым, доставка донесения через простреливаемое поле, обнаружение мин или захват пробравшегося к нам противника. И все это делалось беззаветно, не жалея себя.

А скорбь по умершему хозяину! И не только по умершему... Мы знаем собак, регулярно приходивших на могилу хозяина. Знаем случай, когда пес ежедневно встречал невернувшуюся подводную лодку и все ждал, ждал... И знаем еще случай, когда собака дежурила на аэродроме, где бессердечно оставил ее улетевший хозяин, который вовсе не погиб, а просто бросил, предал своего четвероногого друга. Работники аэродрома взяли тоскующего пса к себе, как приютили таких же горюющих собак и смотритель кладбища и работник порта.

Мама рассказывала, как истосковался Бемс по мне, улетевшей «курьером» через космос в Антарктику. А когда наконец привезли его сюда, не передать словами его радости. Казалось, у Бемса сейчас разорвется сердце, он подвывал, лаял, прыгал выше моего роста, норовя лизнуть меня в щеку или в нос.

И здесь, в Городе Надежды, он стал равноправным его жителем.

Нет, пожалуй, не просто равноправным, а бесценным, даже незаменимым. Честное слово!

И вот мой Бемс заболел. Немного удалось ему поработать!

«Освобождение от работы», как заправскому трудящемуся, выдал сам доктор Танага...

Пес страдал, невыносимо страдал. Я видела это по его затуманенным глазам, по повороту головы при моем появлении. Он с трудом вставал. Задние ноги не подчинялись его отчаянным усилиям.

Сердце разрывалось, когда я смотрела на беднягу!

И он стонал, как человек... Честное слово!

Я часами не отходила от его постели (он всегда спал на своей собственной кровати). А сейчас, когда по нужде он сползал с нее, то потом не мог взобраться обратно. Приходилось ему помогать. И он смущенно, извиняющимися глазами смотрел на меня.

Доктор Танага не мог определить его странной болезни. И только анализ крови обнаружил в ней следы сока гуамачи, этого страшного южноамериканского растения. Причина стала ясной — отравление.

Но как могли отравить Бемса, когда он ни при каких условиях не возьмет еды из чужих рук?

И тут подозрение овладело мной. Я попросила доктора осмотреть старую рану, которую задел Мигуэль Мурильо, погладив пса по голове. Бемс еще взвизгнул тогда от боли и отпрянул ко мне.

Доктор Танага после осмотра вернулся с озабоченным лицом.

— Извините, Аэри-тян. Должен обвинить всех нас, находившихся при допросе этого негодяя.

— Всех нас? — удивилась я.

— Дело в том, что никакой старой ранки на голове пса не обнаружено, но найден свежий порез. Мурильо нагло сделал его у всех у нас на глазах!

— Значит, глядя Бемса по голове, он поранил его отравленным лезвием? Чтобы сорвать выпуск продукции?

— Вы высказали мое предположение, Аэри-тян, извините.

— Как же спасти его, доктор? Умоляю!

— Человека спасти не смог бы. Но для собаки имею право не останавливаться даже перед незаконными средствами.

Я была согласна на все, лишь бы вылечить моего бедного Бемса.

И Танага использовал самые дерзкие методы, известные только у них, на Востоке...

Но улучшение не наступило.

Прибегал из школы Алеша. С глазами, полными слез, молча всхлипывая, долго простаивал он у кровати Бемса. А тот, отрешенно глядя невидящим взором в пустоту, все же шевелил обрубок хвоста.

Доктор Танага применял все доступное и даже запретное.

И наконец сказал мне латинской поговоркой:

— «Сделал все, что мог. Больше сделает могущий». Это звучало приговором.

Бемс страдал все больше и больше. Судороги сводили его такое крепкое, мускулистое тело. Во время припадков он быстро перебирал ногами, словно стремитель-

но бежал куда-то И было страшно смотреть на этого «мчащегося», но недвижимого пса.

Скоро полный паралич разбил его. Он еще приподнял кое-как голову при моем (и только при моем!) приближении.

Древнеиндейская отравка делала свое дело. Малая ее доза приводила не к быстрой смерти, а вызывала симптомы, казалось бы, неведомой болезни. Пес умирал в страшных мучениях.

Доктор Танага взял меня под руку и увел в кабинет Николая Алексеевича. Я с горечью устала на письменный стол, около которого негодяй Мурильо смертельно ранил моего бедного Бемса. И опять «не пойман — не вор!» Будет все отрицать, и нет возможности призвать его к ответу!

— Аэри-тян, — очень серьезным тоном начал японски Танага, — позвольте говорить на языке вашего детства. Знаю, какую боль вызовут мои слова, но верю в ваше мужество. У нас, врачей, существует врачебная этика, долг целителя. Мы не говорим умирающему о близкой смерти, не называем его страшной болезнью и всячески отодвигаем неизбежный конец, каких бы страданий ему это ни стоило. Однажды в Японии молодой врач восстал против этой традиции, заявил, что, если больной обречен на мучительную смерть, наш долг человеколюбия не длить его мучения, а помочь ему спокойно уйти из жизни, не испытывая боли. Но этот наивный врач дорого поплатился за свою «дерзость» и «антигуманизм», даже принужден был уехать стажироваться в Европу, чтобы неудачное выступление забылось.

— Вы говорите страшные вещи, Танага-сан!

— Никому не признался бы теперь в этих опасных мыслях своей юности, Аэри-тян, никому, кроме вас! И потому вам следует решиться...

— Бемс? — испуганно спросила я.

Танага кивнул.

— Если людей наша врачебная этика и заскорузлые традиции заставляют мучиться лишние дни, то в отношении собак такого запрета нет.

— Вы хотите усыпить его?

— Все произойдет без вас, Аэри-тян. Надо помочь бедному животному.

— Но знаете ли вы, Танага-сан, что мы не восстановим производство пищевых продуктов. Дозаторы мы не

наладили, индикаторов запаха нет. Бемса необходимо вылечить!

— Увы, добрейшая из женщин! Мне все известно как одному из директоров. Достойный господин Шульц, — он перешел на официальный латинский язык, — распорядился прекратить экспорт пищевых продуктов, срывая поставки и идя на неустройки, но сохраняя запасы пищи для населения Города. Однако вашего бесценного контролера на завод не вернуть.

— Как это ужасно, Танага-сан! Ведь Бемса действительно нечем заменить. И мы не держали охраны! В этом большая наша ошибка. Подумать только! Все индикаторы запаха испорчены!

— Не ошибается тот, кто ничего не делает. И еще одной ошибкой было бы продолжить страдания пса. Он не заслужил такого жестокого отношения, извините.

— Жестокое отношение! Вы можете подозревать во мне жестокое отношение к любимому существу?

— Нет, Аэри-тян, извините. Не подозреваю этого, стремлюсь лишь подготовить вас, женщину, к мужественному решению.

— Усыпить Бемса?

— Он спокойно уснет как от снотворного. И не будет страдать.

При всей своей воображаемой «мужественности» я, как девчонка, разрыдалась на груди нашего милого доктора. Он гладил мои волосы и увещевал:

— Все будет сделано без вас. Простой укол. Ведь столько раз я делал это, стараясь спасти его.

— А теперь?

— Спасу его от страданий. Вам не следует быть со мной.

— Нет, — решительно мотнула я головой. — Остаюсь с ним до конца. Пусть женщина, но ведь вы сами требуете от меня мужественности.

— Это слишком тяжелое испытание, Аэри-тян.

— И все-таки буду с вами... с ним... до конца.

— Извините, — почтительно произнес Танага.

Дальнейшее помню как во сне.

Мы прошли к Бемсу. Я сидела подле него и гладила его по голове между ушей и думала: не здесь ли ранил его проклятый Мурильо!

Танага уходил готовить шприц,

Он вернулся с молоденькой сестрой милосердия, маленькой и изящной японочкой, своей дальней родственницей, последовавшей за ним в Город Надежды.

Японочка взяла в руки голову Бемса, которую я продолжала гладить, ощущая его тепло. Ведь у собак нормальная температура около сорока градусов. У них всегда «жар». Может быть, у Бемса сейчас было даже больше... Мне жгло руку...

Танага привычно помазал спиртом лапу, словно делал лечебную процедуру, дезинфицируя место укола, потом ввел иглу в нащупанную перед тем вену.

Бемс не реагировал.

Сквозь слезы я видела его закрытые глаза. Казалось, он уже уснул.

И вдруг он дернул головой так, что девушка не смогла удержать ее. Глаза на миг открылись, и я боюсь вспомнить, что в них прочла! Голова упала, потом он снова поднял ее. И в этот миг меня обдало струей.

— Ай-яй! — укоризненно сказал Танага, прикрывая низ живота Бемса большим куском ваты.

Прощальной лаской держала я ладонь на голове своего уходящего друга и беззвучно рыдала. Японочка в белой наколке одной рукой придерживала крутой лоб Бемса, а другой протягивала мне мензурку с питьем. Пришлось через силу проглотить его.

Доктор Танага, вставив в свои уши наконечники резиновых трубок, прослушивал сердце Бемса.

Наконец он неторопливым движением вынул трубки из ушей, аккуратно сложил фонендоскоп в футляр и сказал:

— Конец, милая Аэри-тян. Вы настоящий мужчина.

«Настоящий мужчина» горько плакал, припав губами к рыжей, еще теплой шерсти своего потерянного друга».

Глава четвертая

ИНДИКАТОР ЗАПАХА

Завод «вкусных блюд» встал. Индикаторов запаха не было. Запасы пищевых продуктов Города не пополнялись, поставки в другие страны прекратились, а люди там... голодали...

Около ледяных цехов толпились рабочие. Перед эк-

странным заседанием у Вальтера Шульца я не удержалась и забежала сюда.

— О сеньора! — завидев меня, воскликнул Педро. — Мы вас ждем как святую заступницу. Руки наши отвыкли от безделья: Дайте им что-нибудь делать. Ведь едут нам дают!..

— О добрая сеньора! Да просветит вас пресвятая дева, как помочь нам, — добавила жена Педро Мария, держа младенца на руках.

Зачем они здесь? Ведь они имеют все независимо от занятости! Я же не могу распустить персонал завода, перебросить кого-нибудь на другие работы. Завод должен действовать, должен!

Я стояла среди озабоченных людей и ничего толком не могла сказать им.

— Жаль бедной собаки! — вздохнул грузный Билл, хороший мастер псевдомясных блюд. — Если тут котлами и трубами заменяют Чикагские бойни, так неужели нет прибора, который заменил бы пса?

Я пожимала плечами, чувствуя себя виноватой перед доверившимися нам жителями Города Надежды. Восстановить испорченные индикаторы запаха не удалось...

— Толкаться здесь, мадам, нам теперь не пристало. Не позволяет этикет «знатных людей грядущего», — заметил француз де Грот.

— Вот и займи место Бемса, — посоветовал Билл. — Духи парижские любишь? Значит, есть у тебя маркизское чутье. Не хуже собачьего.

— Пробовал, Билл, пробовал. Но нос мой оказался хоть и длинный, но... тупой.

Мы действительно попробовали заменить индикатор человеком, но неудачно.

— А еще аристократ! Видно, вонь парижских ночлсжек у тебя обоняние отбила.

Я заторопилась в Директорат и, пообещав нашим «безработным» непременно найти выход, побежала. Николай Алексеевич все-таки приучил меня бегать!

Впереди на бульваре показалась так хорошо мне знакомая подтянутая фигура статного широкоплечего человека, с иголочки одетого. Он шел, гордо неся голову, словно у него срослись шейные позвонки.

Я сбавила шаг. Не хотелось его догонять. Он ведь всегда делал вид, что не замечает меня. Напускное пренебрежение оскорбляло. Но на это он и рассчитывал.

Почему люди, когда-то близкие, могут так перемениться? Неужели от любви до ненависти только шаг?

А была ли любовь? Была ли она у девчонки, «пытавшейся пристроиться», как уколола меня однажды его мать? А была ли любовь у него, избалованного красавца, которому понадобилось подчинить себе «строптивую азиаточку», как он меня прозвал? Не решилось ли все его самолюбием и себялюбием?

Тщетно пыталась я оправдать его, понять, взять вину на себя.

Ну и что ж! Вина моя бесспорна. Но не в том, что я ушла от него, а в том, что «выскочила» замуж.

И как я была слепа! Не видела ничего, кроме броской наружности. Не разглядела за высоким ростом приземистого человечка, ползающего среди обретенных им удобств!

Однако я так и не прозрела полностью!

Юрий Сергеевич продолжал удивлять: после приезда сюда он ни разу не повидался с сыном. Пусть ему неприятно появляться у нас с Николаем Алексеевичем в доме, но в Школу жизни и труда, где по Уставу Города воспитывался Алеша, он мог бы заглянуть!..

Идя следом за ним, я не хотела думать о нем, честное слово! Скорее беспокоилась о белках кандиды с биофабрики, количество которых продолжало расти, не поступая в переработку. Шульц распорядился доставлять их в дальний угол Грота. Там было как в погребе. Сказывался обнаженный ледяной массив, в который мы продолжали вгрызаться.

В Хрустальном зале Директората все приглашенные уже сидели за столом. Шульц укоризненно посмотрел на часы. Полторы минуты опоздания! Все из-за того, что я перешла с бега на шаг. Я извинилась.

Папа издали тепло улыбнулся мне. Юрий Сергеевич посмотрел «насквозь», будто я была прозрачной. Тамара Нейдзе помахала точеной рукой. Доктор Танага кивнул и отвел глаза за большими очками.

Я обошла стол и села рядом с папой.

Шульц открыл заседание, сказав, что ждет советов. Закончил он словами:

— Положение угрожающее, достойные господа!

И обратился ко мне, могу ли я что-нибудь предложить.

— Выход есть! Честное слово! — вскочила я. — Вот моя старая диссертация «Определение запаха чувствительными приборами и биологическими системами»...

— Кому нужна эта теоретическая галиматья? — буркнул по-русски Юрий Сергеевич.

— Достойная госпожа имеет в виду какие-нибудь приборы, которые позволят пустить завод? — поинтересовался Шульц.

— К сожалению, достойный господин Генеральный директор, таких приборов пока нет. Их обещают освоить в Советском Союзе в ближайшие месяцы. А ждать нельзя.

— Так что же вы имели в виду предложить?

— Вызвать на самолете собак с ближайшего континента. В моей работе рассмотрены все приемы, которыми обучали Бемса. Они помогут дрессировке. Мы сможем быстрее наладить дозаторы.

— С континента? Собак? Опять собак? — послышались голоса. — А сколько времени их натаскивать?

— Увы, достойная госпожа, — вздохнул Шульц. — Рассчитывать быстро на такую помощь, по крайней мере из Америки, невозможно, ибо власти США запретили полеты лайнеров в Антарктиду после трагедии в Бермудах с «Конкордом», который мы не перестаем оплакивать. Увы!..

— Это происки недостойного журналиста Генри Смита, извиняюсь, — вставил Танага. — В своих статьях он требовал запрета полетов к нам.

И тут поднялся мой папа:

— Прошу простить, достойные господа! Если нельзя быстро ждать дрессировщиков с собаками, то передайте диссертацию моей дочери мне. Надеюсь, что требуемый «индикатор запаха» можно создать, для чего исследование Аэлиты окажется полезным.

— Что здесь происходит? — воскликнул Юрий Сергеевич.

Все обернулись к нему. Он поднялся, слегка побледнев, проводя рукой по чуть волнистым (я-то знала, что завитым!) волосам:

— В чем хочет убедить нас инженер Толстовцев? Будто ему, оторванному от научно-исследовательских баз, в одиночку по плечу сделать то, что оказалось не под силу таким корифеям, как Рентген и Иоффе?

— Изобретения тем и примечательны, достойный инженер Мелхов, что они делаются *впервые*, осуществляя прежде недоступное. Я не собираюсь копировать испорченные индикаторы, а предложу новый. Пусть назовут меня упрямым, но я буду твердить, что в нашем случае на помощь к нам придет бионика, неизвестная в прежние времена. Надо не копировать достижения природы, а использовать их.

Бионика? Я вопросительно взглянула на Танагу, но тот отвел глаза и опустил голову.

Юрий Сергеевич ответил назидательно:

— Как известно, *«упрямство — оружие слабых, а упорство — орудие славы»*. Но славу не добудешь эфемерными фантазиями! Ближе к земле, достойные господа! Рассчитывать надо не на несуществующие приборы, а на реальную помощь Америки, воззвать к ее традиционному благородству! Лишь американские самолеты способны на рейс к нам. Запрет на полеты должен быть снят! И я лично не остановлюсь перед тем, чтобы ради этого поставить под удар даже самого себя!

Он красовался, став в позу героя, готового на самопожертвование.

— Кто же снимает запрет? — спросил Вальтер Шульц.

— Я, достойный господин Генеральный директор! Вот магнитофонная лента, которая прозвучит на весь мир и ляжет вещественным доказательством и на стол международного и на стол федерального суда Соединенных Штатов, разоблачая мистера Генри Смита и его Агентство, которое отнюдь не принадлежит к числу информационных.

Юрий Сергеевич включил свой магнитофон. В Директорате зазвучал голос Генри Смита:

«— Хэлло, Юрий! Как вы поживаете в своей ледяной берлоге? Я не против ее осмотреть...»

Дальше мы услышали и намеки шантажиста, и наглые угрозы, и гнусные предложения «журналиста», пытавшегося по заданию некоего Агентства разложить обшество Города-лаборатории изнутри.

— Какая мерзость! — застонал Вальтер Шульц, тебя свою черную бороду.

— Надеюсь, достойные господа, что отныне роль мистера Генри Смита в судьбе «Конкорда» станет яснее, — торжественно провозгласил Юрий Сергеевич.

Все молчали.

— Пусть меня осудят, — патетически продолжал он, — но и учтут тот вклад в расследование злодеяний врагов Города-лаборатории, который я, не задумываясь, вношу.

Так вот какая дружба направляла Юрия Сергеевича в его действиях и даже в семейной жизни! Я встала, с трудом сдерживая презрение:

— Напрасно инженер Мелхов считает, что вовремя выступил со своим разоблачением. Он явно запоздал. Трусливо покрывая Генри Смита, почему-то молчал во время расследования. Я не задыхаюсь от восторга по поводу его сегодняшнего «героического» поступка. Что ж, пусть магнитофонная лента ляжет на судебный стол. Боюсь, что Городу Надежды не скоро станет от этого легче. И хоть теперешний президент США не раз помогал нам, ему могут помешать снять запрет с полетов через Бермудский треугольник из-за компрометации какого-то газетчика. Там компрометируются и куда более значительные персоны: и сенаторы, и губернаторы, и вице-президенты, и даже президенты. В лучшем случае назначат сенатское расследование деятельности Агентства. Все решается, на мой взгляд, проще. Дрессировщиков с собаками доставят нам на Ту-144 из Советского Союза. И моя диссертация поможет им.

Доктор Танага захлопал в ладоши. Тамара Нейдзе поддержала его, но Шульц осуждающе посмотрел на них. Наступило молчание.

Его прервал мой папа:

— А я все-таки прошу этот материал передать мне. Могу заверить: *бионический индикатор запаха* будет.

Я никогда не видела Юрия Сергеевича таким смятым, смущенным, как после моей горькой речи. Это не помешало ему бросить на меня испепеляющий взгляд.

Я отвернулась и передала диссертацию отцу».

Глава пятая

«ИНОПЛАНЕТНАЯ ТЕХНИКА»

«Странной секретностью окружил папа свою лабораторию! Даже мне мягко сказал, что я могу помешать ему!..

Только для доктора Танаги и его помощницы было

сделано исключение. Я ревновала к милой японочке собственного отца. Ей можно ему помогать, хотя там никаких медицинских процедур нет, а мне, так-заинтересованной в задуманном приборе, нельзя!..

Но я сделала вид, что поняла отца, потому что восхищалась его решимостью изобрести необыкновенное.

Ждали прилета Ту-144 с собаками. Сколько же времени понадобится, чтобы их натаскать!..

С обратным рейсом Ту-144 повезет нашу почту в ООН — разоблачающую Генри Смита магнитофонную ленту, переданную Юрием Сергеевичем.

Неожиданно и очень корректно он попросил свидания со мной.

— В связи с индикатором запаха и работой моей биофабрики, — сказал он, предлагая встретиться на бульваре.

Я пришла туда чуть раньше, но он уже ждал меня, вскочил, почтительно поздоровался, словно не он столько времени не замечал меня, и попросил разрешения сесть рядом на скамейку. Я отодвинулась от него подалее.

— Ради общих интересов я хотел бы узнать о гипотезе профессора Ревича, высказанной о вашем отце, — сухо начал он.

Можно было предвидеть любой вопрос, кроме этого!

— Шутка ученого! Честное слово! Он потом сам смеялся над ней.

— И все-таки, о чем? Это очень важно при оценке результатов «бионического эксперимента» вашего отца. Поверьте.

— Ревич выдумал, будто папа, похожий на мальчика в красноармейской форме, спустился на парашюте к партизанам... не с самолета, а с летающей тарелки.

— Весьма шутливо, — с каменным лицом произнес Юрий Сергеевич.

— Он назвал папу «гуманоидом», проводящим на Земле биологический эксперимент, в результате которого появились на свет мы со Спартаксом. И еще будто все папины изобретения — это давно ему известные достижения инопланетян.

— Вот это важно!

— Папа очень рассердился. И Ревич покаялся в озорной выдумке, которой хотел показать, как легко одурачить людей, подбирая факты и спекулятивно толкуя их.

— Благодарю за информацию. Она ценна для меня. И пригодится, как я уже говорил, по завершении секретных работ с индикатором запаха.

Я встала и пошла. Он не удерживал меня, хотя я долго ощущала затылком его взгляд.

Скоро нам привелось встретиться вновь.

Шульц объявил состав комиссии для испытаний индикатора запаха. В нее, кроме меня, вошли Юрий Сергеевич, Танага, Спартак, Остап и де Грот, который ведал на заводе «вкусных блюд» цехом аромата.

Папа встретил нас в своей лаборатории. В глубине ее я увидела Кати-тян, но без ее белой наколки.

Оказывается, Танага послал ее к папе как лаборантку. Должно быть, меня, руководительницу злополучного завода, мой милый папка постеснялся использовать и прикрылся секретностью.

Испытания прибора должны были проходить по программе, взятой из моей диссертации: повторялся опыт, проведенный когда-то с моим Бемсом, — из четырех палочек лишь одна была поднесена к пахучему источнику. Бемс находил ее безошибочно, хотя ни один прибор не обнаруживал ее. Новый прибор оказался не хуже Бемса.

Я глазам своим не верила! Ведь я прочитала столько литературы, знала, что выдающиеся ученые считали создание подобного аппарата невозможным. Наш старый индикатор и в сравнение не шел!

Юрий Сергеевич придирчиво повторял испытание в разных вариантах.

— Клево! — заметил Остап. — Только, Юрий Сергеевич, как бы он вас того... не тяпнул.

— То есть как это «не тяпнул»? Прибор?

— А как же! Нюх у него собачий, как бы и прикус такой же не был.

Танага и Спартак рассмеялись. Юрий Сергеевич покраснел от злости.

— Это слишком серьезно для шуток. Кстати, об одной старой шутке, которая сейчас выглядит достаточно серьезно. — И Юрий Сергеевич торжественно перешел на латынь. — Я утверждаю, что такой индикатор запаха создать, изобрести, сделать за такой короткий срок невозможно.

— А он есть! — восхищенно воскликнул Остап на

своей ужасной латыни. — Новый принцип, никому никогда не известный!

Вошел Вальтер Шульц:

— Надеюсь, достойные господа, мы действительно воспользуемся в нашей работе чем-то никому и никогда не известным!

— На Земле, — многозначительно заметил Юрий Сергеевич, — но не на других планетах.

— Что вы имеете сказать, достойный господин? — насторожился Шульц.

Я посмотрела на папу. Он весь съежился и подбрался, как для прыжка.

Юрий Сергеевич возвысил голос:

— Я думаю, что мы имеем все основания утверждать, что испытываемый прибор инопланетного происхождения. На Земле его создать нельзя!

— Однако он создан, — зло вставил папа.

— Создан кем-то где-то! А сюда принесен неведомыми нам путями, которые стоило бы распознать.

— Что вы хотите сказать? — И мой низкорослый папа встал перед высоченным Юрием Сергеевичем и почему-то не показался мне маленьким, хотя человек с мелкой душонкой смотрел на изобретателя сверху вниз.

— У меня существовало лишь подозрение, теперь уверенность. Просим вас, достойный господин Пришелец, раскрыться. Это касается не только всех нас, так долго считавших вас землянином, но и меня лично! И я имею право...

— Вас? Лично? — заинтересовался Шульц.

— Да, достойный господин Генеральный директор. Этот прибор — прямое доказательство, что перед нами гуманоид-инопланетянин, который не только произвел на свет с помощью земной женщины своих детей, но и подсунул мне свою дочь, лишённую естественных земных качеств. А я-то тщетно искал причин нашей психологической несовместимости!.. Более того, он лишил меня собственного сына, кровь которого испорчена инопланетной примесью!

— Молчать! — взревел всегда невозмутимый Вальтер Шульц. — Наши отцы в Германии слышали такие подлые бредни расистов! Я немец, но другого поколения! И я не потерплю таких теорий, тем более в га-

лактических масштабах! У меня к достойному инженеру Толстовцеву нет ничего, кроме восхищения и за его дочь и за его прибор!

— Но у меня иное мнение! — сопротивлялся Юрий Сергеевич.

— Стоп, «чистокровный арие-землянин»! — гневно оборвал его Спартак. — Первым же рейсом «Ивана Ефремова» мы отправим вас в Африку, в ЮАР, единственное место на нашей планете, где вы найдете единомышленников!

— Найдется кое-кто и в Америке, — подсказал Остап.

— Кстати, достойный господин Мелхов, Директорат решил, что вам следует сопровождать магнитную пленку, разоблачающую Генри Смита, и выступить на предстоящем суде свидетелем, — вставил Шульц.

— Нашли повод, чтобы выдворить меня отсюда? Мировая общественность станет на мою сторону! — закричал Юрий Сергеевич, направляясь к выходу.

— Будете в Америке, не забудьте выпросить себе там политическое убежище. Для вас клевое дело получится, — по-русски напутствовал его Остап.

— Прошу прощения, разрешите сказать и мне, — вступил мой папа. — Придется открыть все. До сих пор я щадил свою дочь.

Сердце у меня упало. Признаться? В чем? Неужели?..

Он стоял рядом с Вальтером Шульцем и теперь казался очень низеньким. Алеша уже догнал его ростом! Но голова, лицо у него были нормальные, человеческие, как у меня и у Спартака. Только шея выглядела длинной и тонкой. Но ведь и у меня такая же! Не может быть! Не может быть! Я почти кричала (мысленно). А папа спокойно говорил... об индикаторе запаха:

— Мне помог доктор Танага. Бионика — наука, использующая особенности биологических систем. Собака обладает феноменальным чутьем. Мы потеряли нашего верного друга, но его органы обоняния благодаря доктору Танаге и его помощнице Кати-тян сохранены. Я не знал, как воспримет это Аэлига. Боялся ранить ее.

Ах вот в чем дело! Милый папка! Он оберегал меня!..

— Важно было сохранить живые органы работоспособными, питать их, чтобы они функционировали внут-

ри прибора. Наконец, принять сигнал, расшифровать его и передать на циферблаты. Вот это мне и удалось сделать с помощью японских друзей.

— Значит! Значит!.. — воскликнула я. — Это Бемс?

— Да, родная. Какая-то его сохранившаяся частица.

Сквозь слезы смотрела я на поблескивающие никелем детали, на отливающее синевой стекло циферблата, на застывшую красную стрелку, вздрогнувшую, когда Юрий Сергеевич проходил мимо.

И это все, что осталось от моего милого, чуткого Бемса, который даже после кончины продолжает преданно служить людям!..

Но Мелхов! Зачем понадобился ему этот фарс «разоблачения»? Ведь он умный человек! Я не могу разобраться в скрытых мотивах его выходки! Может быть, он хотел «хлопнуть дверью», понимая, что ему уже не остаться в Городе Надежды? Но какую-то выгоду он, конечно, хотел извлечь! Я и сейчас не могу ответить на эти вопросы, а тогда у меня не было времени задуматься.

В лабораторию вбежала перепуганная Катитян. Она что-то зашептала на ухо Танаге. Тот почернел весь и, нервно потирая руки, подошел к Вальтеру Шульцу.

Кровь отлила от лица Шульца, и черная борода на нем стала еще контрастнее.

— Аэлита, друг мой, достойная наша госпожа. Должен сразу сказать вам... наш достойнейший господин Генеральный директор Города-лаборатории Анисимов исчез.

— Как исчез? — холодея крикнула я.

— В самом центре Нью-Йорка. Мы только что получили радиосообщение оттуда.

Говорят, я без чувств упала на пол, едва не разбив индикатор запаха».

Глава шестая

БЕЗЗВУЧНЫЙ ВЫСТРЕЛ

И снова Анисимов оказался в «джунглях страха», в Нью-Йорке.

После трудных дней дискуссии в одном из комитетов, где без конца повторялось одно и то же, Николай Алексеевич шел по Пятой авеню. Но не вечером, а в днев-

ные часы, когда асфальт размякает от жары, а дышать от выхлопных газов двигателей решительно нечем.

Нарядную улицу наполнял густой поток автомашин. Они не столько двигались, сколько стояли. Но моторы их работали.

Николай Алексеевич дал слово жене не оказываться вечером в опасных местах. Но днем-то здесь совершенно безопасно. Рослые полисмены, «бобби» (с высшим образованием) стоят на каждом шагу. Ведь в полиции здесь платят больше, чем профессорам в университетах!

Рассеянным взглядом скользил Анисимов по витринам, где зазывные рекламы старались перешибить одна другую. Казалось, все богатство Америки выставлено здесь на распродажу. Остается лишь убедить покупателей купить, заставить их заплатить деньги... А к одетым по моде манекенам они уже привыкли, им это приелось! Требовалось нечто новенькое, например, стриптиз в витрине, а не в ночном шоу! Как в Амстердаме, например!..

И вот отнюдь не манекен, а живая миловидная девушка, сидя на неубранной постели, защищенная лишь вогнутым, а потому невидимым стеклом витрины, без конца снимала и надевала чулки или другие части интимного дамского туалета, демонстрируя красивые ножки и фигурку, а главное, продающиеся товары.

Наивно выставленные в другом магазине дамские трусики, раскрывающиеся одним движением застежки-«молнии», на которых написано «Нет, тысячу раз нет!», уже не привлекали к себе внимания, поскольку их никто не снимал у всех на виду.

Аэлита просила Николая Алексеевича ничего ей не покупать, и он не заходил в магазины, а медленно шел по нескончаемой, прямой, как артиллерийский ствол, улице.

Он любил ходить. Во время прогулки хорошо думалось, а сейчас вспоминалась недавняя дискуссия.

Господа в комитете ООН стремились подготовить нужное им решение Генеральной Ассамблеи, изощряясь в аргументах.

— Я не говорю уже об экономическом уроне, который наносит Город-лаборатория международной торгов-

ле зерном, — говорил элегантный представитель Западного мира с прямым пробором прилизанных волос. — Но я обращаю внимание комитета на явное нарушение Устава Организации Объединенных Наций, чего господин Генеральный директор Города-лаборатории не может отрицать.

— Это какое же нарушение? — удивился Анисимов.

— Ни одно из подразделений ООН, — любезно пояснил тучный господин, поддержав своего собрата, — не может служить целям пропаганды какой-либо одной идеологии вопреки другим политическим взглядам. Вот основа интернационализма.

— Это не ответ, — настаивал Анисимов.

— Извольте, мы разъясним вам то, что, полагаю, давно вами усвоено при получении указаний, как захватить в свои руки Город-лабораторию и поставить там дело, — с витиеватой изощренностью и гаденькой улыбкой произнес первый.

— С таким же успехом можно считать захваченным профессорами местный университет! Дело в Городе-лаборатории поставлено согласно требованиям науки и проводится в жизнь международным Директоратом...

— Знаем, знаем: один японец, один немец и во главе русский коммунист.

— Права всех директоров одинаковы. Генеральный директор не обладает полномочиями американского президента.

— Однако по чьей-то подсказке Город существует без денежного обращения. Каждый получает по потребностям, а отдает по способностям! Мы, к вашему сведению, знакомы с основоположниками марксизма по их трудам! Чей же призрак бродит ныне уже не по Европе, а по всему свету?

— Это, кажется, цитата из статьи злонамеренного журналиста Генри Смита? Но «охота за призраками» не лучше «охоты за ведьмами». Я приведу вам два примера, когда эти пугающие вас принципы без всякого страха перед «призраком» используются в Западном мире. Например, научные станции в Антарктиде. Все, кто живет там, находится как бы на полном пансионе и никогда не расплачиваются наличными деньгами за жилье, съеденный обед или ужин. Вместе с тем они добросовестно делают порученное им по их способностям дело.

— Их ничтожно мало, этих карликовых поселений, господин академик.

— Однако больше, чем городов-лабораторий. Он пока один.

— Вы обещали еще пример.

— Да, общеизвестный. Любои корабль! Морских судов, согласитесь, куда больше, чем полярных или высокогорных научных станций на Земле или в космосе. Однако в море члены экипажей транспортов или танкеров находятся на полном довольствии, обеспечены жильем и не расплачиваются за это каждый день. Должен сказать, что и у нас в Городе-лаборатории его жители, подобно полярным ученым или морякам, зарабатывают деньги. Но тратить их там не на что. Они накапливаются на текущих счетах наших людей в банках. Согласитесь, что такая форма расчета не является коммунистической пропагандой. Где ж тут обман или ошибка ООН?

— Подводя итог нашим спорам, сэр, мы охотно признаем в вас недюжинного красного пропагандиста.

— Должен ли я понимать, что ваши доводы исчерпаны?

— О нет, сэр! Это только начало. Продолжение следует, как писал великий французский писатель Александр Дюма-отец, печатая свои авантурные романы фельетонами.

— Могу ли я считать, что глава-фельетон сегодняшнего номера завершена?

— Нет, сэр! Прервана на самом интересном месте, поскольку остались не выяснены такие вопросы, как, например, почему в Городе-лаборатории нет профсоюзов, могущих организовать забастовки?

— Потому что там нет нанимателей и продающих им свой труд людей. Все там работают сами на себя, ибо Город-лаборатория как бы принадлежит тем, кто там трудится.

— Антарктический колхоз?

— Коллективное хозяйство, в точном переводе. Однако не совсем точно, поскольку владельцем города считается ООН.

— Итак, сэр, продолжение следует. Примите наше восхищение вашим умением вести дискуссии. Очевидно, сказывается практика ученого.

— Практика ученого помогает логически мыслить,

господа. Примите и мои уверения в совершенном к вам почтении.

И они раскланялись.

И так в конце каждого заседания.

Дышалось на улице тяжело. Опять, как и в прошлый раз, попало несколько прохожих в противогазах. Нью-Йоркцы приспособиваются.

И Анисимов почувствовал, что ему не хватает воздуха, что он задыхается.

Нужно дойти до Централь-парка. Больше в этом городе деваться некуда. Что касается нападения, то оно не повторится — ведь два снаряда в одной воронке не взрываются!.. А ведь в предыдущий раз он именно там почувствовал облегчение, надышался... Кстати, надо подумать о разведении в подледном Гроте водорослей хлореллы. Она выделяет много кислорода. В Антарктике же воздух обеднен кислородом. В Гроте можно довести атмосферу до оптимального состава...

И Анисимов, войдя в зеленую чащу Централь-парка, вздохнул всей грудью. Стоило пройти всю Пятую авеню, чтобы добраться сюда!

На аллеях было много гуляющих, играли дети.

В такой обстановке бандиты не попросят сигареты.

Два человека в темных костюмах и мягких фетровых шляпах шли навстречу. Один из них наклонился и потрепал по кудряшкам прелестную девчущку. Другой потрепал по плечу его самого.

Потом оба они оказались перед Анисимовым.

Николай Алексеевич почувствовал недоброе, собрался весь.

Но никто не попросил у него ни сигарет, ни прикурить.

Просто тот, кто ласкал девчущку, выхватил из-за борта пиджака подвешенный там пистолет и в упор выстрелил в Анисимова. Звука выстрела не последовало. Бесшумное оружие!

Седой богатырь, который на голову был выше нападавших, беззвучно повалился на песок аллеи.

Кто-то из прохожих обернулся, другие шли, не обращая внимания на свалившегося, должно быть пьяного, джентльмена.

Спутник стрелявшего не успел подхватить Анисимова и теперь старался поднять тяжелое тело.

— Держи, держи его, Гарри! Вот так всегда с ним! Напьется и бродит, пока не свалится.

Никто из прохожих не заинтересовался происходящим.

Дети продолжали играть «в гангстеров».

Мальчуган в матроске, веснушчатый, как вождь краснокожих О'Генри, целился из игрушечного автомата в двух дядей, тащивших подвыпившего дедушку, и вопил:

— Тра-та-та-та! Вы убиты, вы убиты! Тра-та-та-та!

Глава седьмая

«ВИЛЛА-ГРОБ»

Анисимов медленно приходил в себя. Память будто снова отказала. Мучительно не хотелось открывать глаза.

И вдруг зазвучал рояль. Кто-то проникновенно и совсем близко играл любимый этюд Скрябина, тот самый, на музыку которого написаны стихи, когда-то прочитанные Аэлите:

Память сердца — злая память.
Миражами душу манит...

Что это? Слуховые галлюцинации?

Он сделал усилие, приоткрыл глаза и увидел... окно с затейливой железной решеткой. А за ней зелень на фоне эмалево-синего неба.

«Действительно галлюцинации, — подумал он. — То слышу любимую музыку, то вижу себя... в «инопланетном зоопарке», о перспективе попасть куда наслышался перед полетом через Бермудский треугольник. Нонсенс! Бермуды позади. Теперь тянется дискуссия в одном из комитетов ООН. Да! Пятая авеню, живые раздевающиеся манекены в витрине магазина. Потом Централь-парк... Что же дальше?»

Некоторое время академик еще изучал узор прутьев в окне, потом окончательно пришел в себя и сел.

Слуховые галлюцинации продолжались. На рояле с большой артистичностью кто-то играл прелюдии Шопена. Одну за другой. Анисимов превосходно знал их все. В последний раз они с Аэлитой слушали их в Большом зале консерватории. Нет! В зале имени Чайковского.

«Но если это инопланетный зоопарк, то землян демонстрируют в привычной для них обстановке и даже с земным музыкальным сопровождением. Это делает честь остроумию гуманоидов», — не без иронии подумал Николай Алексеевич.

Он находился в богато убранной комнате, библиотеке или кабинете, судя по большому числу книг в высоких шкафах.

Анисимов встал и, подойдя к одному из них, принялся рассматривать корешки переплетов: книги из различных областей знания на английском, немецком и французском языках. Есть и итальянские по истории искусства, и даже японские.

Николай Алексеевич взял одну из них и, к своему удивлению, узнал собственный фундаментальный труд по химии, переведенный на английский язык.

— Хэлло, сэр! Мы не помешаем?

Академик обернулся и увидел двух человек, вошедших без стука.

«Кто это? Гангстеры, преградившие путь в Централь-парке? — сразу вспомнил он. — Нет, непохоже!»

Один из вошедших казался воплощением респектабельности. Гладко выбритое, благородное лицо, четкие волевые морщины у губ, раздвоенный подбородок, серые глаза, совершенно седые, аккуратно зачесанные волосы. Мог бы быть президентом... крупной компании, директором банка, дипломатом, ученым...

Другой — худощавый брюнет с болезненным цветом удлиненного лица с провалившимися щеками. Чуть навывкате темные, беспокойные, горящие лихорадочным светом глаза. Разорившийся делец, неудачливый актер, изобретатель?

— Если не ошибаюсь, сэр, вы интересуетесь научными книгами? Могу я сделать вывод, что вы причастны к науке? — спросил первый. — В таком случае мы коллеги. Позвольте представить вам доктора Эдварда Стилла из Хьюстона, специалиста по ядерным боеголовкам.

— А меня вам представил профессор Энтони О'Скара, настолько известный в научном мире, что нет нужды говорить, что это тот самый физик-теоретик, которого ценил сам отец водородной бомбы мистер Тейлор, — поклонился худощавый Стилл.

— По-видимому, сэр, вы тоже тяготеете в той или

иной мере к ядерным делам? — поинтересовался О'Скара.

— Нет, джентльмены, — отозвался Анисимов. — Я взял с полки книгу, написанную мной и переведенную в Америке.

— Позвольте взглянуть, — попросил профессор О'Скара. — О! Мистер Анисимов! Поистине неисповедима воля господня, сведшая нас в странном месте, именуемом «вилла-гроб».

— «Вилла-гроб»? — удивился Анисимов.

— Да, видимо, надежное убежище, куда доставили нас по очереди, возможно, одним и тем же способом.

— Что касается моей особы, — вмешался Стилл, — то меня подстрелили как нужное для зоопарка животное.

«Опять зоопарк! — нахмурился Анисимов. — Снова гуманоиды?»

— Совершенно так, — подтвердил профессор О'Скара. — В заповедниках и зоопарках применяют эти гуманные снотворные пули. Пока я спал, меня перевезли сюда из Калифорнии. Одному господу известно, на какое расстояние.

— А меня из Хьюстона! Я не думаю, чтобы это оказалось поблизости. А вас, мистер Анисимов?

— По-видимому, меня «застрелили» снотворной пулей в Нью-Йорке.

— Тогда все ясно! — воскликнул Стилл. — Наша «вилла-гроб» может находиться в любом месте под синим небом, поскольку хоть его можно рассмотреть сквозь решетки.

— Кто это играет так превосходно на рояле? Еще один из похищенных? — спросил Анисимов.

— О нет, сэр! Это наш страж, тюремщик — гангстер Джо, — пояснил профессор О'Скара.

— Гангстер-пианист? — удивился Анисимов.

— О, это целая история, сэр! Садитесь, прошу вас, поскольку за этими решетками мы располагаем относительной свободой, — пригласил Стилл.

— Мистер Стилл разбирается не только в духовной, подобно мне, но и в светской музыке. Это сблизило их с Джо, если слово «сблизило» здесь уместно, — солидно начал профессор О'Скара.

— Я узнал о нем все и ничего о нашей судьбе, — продолжил Стилл, торопясь и проглатывая в скорого-

ворке некоторые слова. — Что нам грозит? Требование выкупа? Выведывание у нас секретов производства? Переправка иностранной разведкой за рубеж, или просто рэкет, взимание дани, чтобы похищения не повторялись? Об этом Джо ничего не сказал, а может быть, и не знает. Джо — это кличка Кристофа Вельмута. Я слышал о нем, поскольку интересовался музыкальными конкурсами. Он подавал надежды, жаждал славы, успеха, денег... Но наркотики сыграли с ним злую шутку: не вдохновили, а погасили в нем артиста. Не прошел даже на второй тур конкурса. И опустился на дно. Пьянство, наркотики, сомнительные собутельники. Наконец, гангстерская шайка и прозвище Джо, зачеркнувшее все, кем он был. Теперь он стережет нас. Можете взглянуть на него. Он играет в холле. И весьма недурно, если не слишком пьян.

— Он исполняет мои любимые вещи.

— Он будет рад узнать это, хотя перед ним на рояле лежит автомат. Пули в нем, предупреждаю, не сновторные.

Анисимов в сопровождении новых знакомых перешел в холл и увидел за роялем человека лет двадцати восьми, с испитым лицом и длинными свалывшимися волосами, свисавшими до плеч. Он играл, полузакрыв глаза, и чуть раскачивал хилое тело.

Трое ученых уселись в мягкие удобные кресла и, слушая его, смотрели на синее небо сквозь зарешеченные окна.

Анисимов думал о горькой судьбе этого, несомненно, талантливого человека.

— Эй ты, Джо, скотина! Хватит твоего проклятого шума. Не услышать, как улизнут эти проклятые научники. Ишь, как разомлел, будто в объятиях постаравшейся продажной девки! — слышался грубый, хриплый голос.

В дверях с автоматом в руках стоял гориллоподобный сутулый субъект, у которого волосы росли прямо от бровей.

— Эй вы, ублюдки! Идите жрать то, что вам приговорил сегодня добрый Гарри. Пальчики оближете. — И, повернувшись, вышел.

Пианист не обратил ни малейшего внимания на этот окрик и виртуозно заканчивал двадцать четвертую прелюдию Шопена.

Профессор О'Скара поднялся со словами:

— Это Гарри, второй и главный наш тюремщик. У него страсть стряпать немислимые кушанья. Они поистине ужасны. Но не дай вам господь их не похвалить. Говорят, он пристрелил приятеля, когда тот поморщился, жуя пережаренную индюшку. Друзья стали уверять, что у несчастного просто болел зуб. Гарри открыл ножом рот убитого, убедился, что половина зубов у того сгнила, и проворчал: «С такой поганой пастью нечего было браться за мою превосходную индюшку» — и пихнул труп ногой. Это нам в назидание красочно рассказал голубоглазый Джо. Вы только посмотрите на его глаза!

Музыкант блистательно закончил прелюдию и, выждав, когда Стилл и присоединившийся к нему О'Скара похлопали в ладоши, встал, взял с рояля автомат и указал стволом на дверь.

Вошли в отделанную дубом столовую, где на стенах висели темные доски с вырезанными на них изображениями убитой дичи.

Столы были накрыты на пятерых: дорогая сервировка, накрахмаленные салфетки.

— Жрите, — скомандовал Гарри, когда все уселись — американцы с одной стороны, Анисимов напротив, а гангстеры с автоматами, положенными на белоснежную скатерть, с боков друг против друга.

— У меня пятеро детей, мистер Анисимов. И еще двоих я взял на воспитание. Я уповаю на волю божью, но предпочитаю хвалить местную кухню, — прошептал профессор О'Скара.

— Хотел бы я видеть того паршивца, который не похвалит? — мрачно изрек Гарри, видимо, обладавший тонким слухом.

— Должен вас предупредить, сэр, — твердо сказал Анисимов, — что я согласно своему убеждению не ем мяса. Никогда.

— Что? — взревел Гарри, хватаясь за автомат.

— Я готов похвалить вашу стряпню, — отдельно продолжал Анисимов, — но лишь в том случае, если блюда не будут содержать мясного.

Гарри-горилла вскочил и выпустил автоматную очередь над головой Анисимова. За ним жалобно зазвенел разбитый плафон.

Николай Алексеевич не шевельнулся.

— Насколько я понимаю, меня, как и этих джентльменов, доставили сюда не для того, чтобы упражняться в стрельбе по живым мишеням в комнате, где пули портят богатую отделку.

— Дьявол вам в проклятую вашу глотку! Это хорошо, что вы напомнили мне про обшивку, не то я разможил бы вам вашу проклятую голову.

С этими словами Гарри с автоматом наперевес вышел из комнаты.

— Он пошел в магазин купить чего-нибудь овощного, — примирительно заметил Джо. — Вы должны извинить его, мистер. Он плохо воспитан. Не знал отца, как не знала его и мать, панельная шлюха. Он родился не по ее воле и воспитывался не ею. Я говорю это вам, сэр, потому что видел, как вы слушали мою музыку. Гарри не то что я. Он с детства среди них, — и он указал глазами на автомат. — Его воспитала старуха Фоб, пока не умерла с перепоя. И он всегда выполнял то, что ему поручали. Даже самые страшные задания вроде взрыва банка, за что он и получил свою кличку Гарри в память покойного президента, устроившего хорошую встряску японским макакам. Если вы будете вести здесь себя хорошо, то ничего с вами не случится. А вечером, если хотите, я вам еще сыграю.

— Мне понравилась ваша музыка, Джо. Я готов забыть, где нахожусь.

— Где находитесь? — переспросил Джо и усмехнулся. — На «вилле-гроб».

Глава восьмая

УКРАСТЬ АТОМНУЮ БОМБУ

Генри Смит любил ездить по американским дорогам. Идеальное бетонное покрытие, чуть шершавое, чтобы избежать скольжения шин, позволяло делать ход машины покойным, располагающим к воспоминаниям и размышлениям.

По пути в Вашингтон Генри Смит решил завернуть в Балтимор, навестить там мать, которую обожал, трогательно заботясь о ней, никогда не забывая послать ей из своих далеких репортерских скитаний сувенир с теплой сыновней запиской.

Представляя, как она встретит его, Генри Смит ду-

мал о себе, о детстве и все еще не устроенной пока личной жизни.

Мать научила его еще мальчишкой гордиться отцом, национальным героем Америки, сложившим голову во Вьетнаме за великие идеалы свободы и демократии. Позднее Генри узнал, что национальный герой погиб около вонючей вьетнамской деревушки, сожженной по его приказу вместе со всем населением, несомненно партизанским и враждебным. Вероятно, были там азиаты разного пола и возраста, пусть даже старики и дети, но при тотальной войне, навязанной американцам азиатами, считаться с такими вещами не приходилось. Потому Генри не осуждал отца, а готов был взять с него пример. Он унаследовал от него силу воли, ловкость и не слишком большую разборчивость в выборе средств и действий. С раннего возраста он понял, что в мире каждый человек заброшен в джунгли, где предоставлен самому себе. И свобода, полная и неограниченная, дарованная ему свыше, касается именно свободы действий, поэтому Генри не собирался остановиться перед сожжением какой-то там деревушки или чего-нибудь покрупнее, если за этим станет дело.

Избрав после окончания колледжа, где помнили заслуги его отца, журналистское поприще, он подумывал о большем.

Его бойкое перо привлекло к нему внимание не только газетных боссов, но и некоторых спецслужб, не раз прибегавших к услугам журналистов, если они «обещающие парни». Оказавшийся таким «обещающим парнем» Генри Смит охотно брался за самые рискованные поручения.

Это приносило ему дополнительный доход, который казался недостаточным для его аппетита. Поэтому, когда представилась возможность оказывать услуги, кроме спецслужб, и еще кое-кому, кто, по всей видимости, был к ним близок, Генри Смит проявил двойное усердие, получая теперь куда больше, чем прежде, и подумывал уже о собственной газете, когда он будет посылать парней в горячие места, которые пока посещал сам, будь то Африка, Иран или Ближний Восток.

Вот почему он направлялся сейчас в Вашингтон, где в Капитолии его ждал сам Броккенбергер, «Король лобби», не раз дававший ему важные поручения, тем самым определяя его будущую судьбу.

С этими мыслями, отнюдь не собираясь поделиться ими со своей любимой матерью, Генри Смит остановил новенький сверкающий кар на тенистой улице балтиморского пригорода.

Почтенная дама жила в собственном коттедже. Не знала, куда посадить сына, бегала по комнатам, хлопотала. Потом угощала домашней снедью и поносила всех соседок, жаловалась на доктора и многочисленные свои болезни.

Генри жалел мать и уже ненавидел важного доктора, который только слал счета, а не помогал.

Далеко впереди желтым пятнышком маячила попутная машина. Прямая бетонная дорога серой лентой летела навстречу Генри Смицу, а перед его мысленным взором все еще стояла провожавшая мать. Когда-то стройная, властная красавица, а теперь скрюченная невыносимым спанделезом, желчная и несчастная... но, как прежде, заботливая. Она заставила его надеть ремень безопасности, нежно любимая мама!..

Генри Смит включил радио. Пела, вернее «визжала», модная певица, выразительница нового музыкального стиля, которые сменялись на концертных эстрадах со скоростью мелькавших сейчас мимо ярко раскрашенных автозаправочных станций.

Увы! Слишком поздно увидел Смит, как с боковой дороги выехал фургон и сразу же застрял поперек шоссе. Генри резко вырулил машину, чтобы объехать чертов фургон слева, не видя, что за ним творится. А там навстречу мчалась машина...

Тысячью ножей, гадко скрипнувших по тарелке, взвизгнули тормоза. Потом у Смита вытряхнуло все внутренности, и слева от него что-то захрустело. Это машины ударились боками и пробороздили одна другую ручками дверей.

В глазах у Смита помутилось, натянулся, врезаясь в тело, ремень безопасности, вспомнилась мама... И провал...

— Очнитесь,, сэр, — тряс его полисмен в шортах и широкополой шляпе. — Очнитесь, черт вас возьми! Вы были на левой стороне.

— Врача, — простонал Смит.

— Я остановлю первую же машину, и вас довезут до доктора. Но в полицию вызовут. Я сожалею, но придется платить, сэр. Виновен тот, кто оказался за разделяющей чертой на полосе встречного движения.

Какая-то машина остановилась.

— Не беспокойтесь, шеф. Я его доставлю куда надо, — заверил чей-то знакомый голос.

Генри Смита усадили рядом с водителем в роскошную открытую машину «ягуар».

И она красной молнией рванулась с места, унося Смита в обратную от Вашингтона сторону.

«А как же Капитолий?» — мелькнуло у него в мыслях.

— Ну, как, парень, очухался? — спросил водитель.

На сиденье за рулем едва умещался добродушный толстяк с полдюжиной подбородков. И он затрясся в беззвучном смехе. Смит не верил глазам. Это же сам Броккенбергер, «Король лобби», к которому он спешил в Капитолий!

Броккенбергер теперь уже громко хохотал:

— Недурная встряска? А? И целехонького усадили ко мне в «случайно проезжавшую машину»! Ха-ха! Ничего не скажешь! Мои «ягуары каменных джунглей», как вы их обозвали в одной из своих паршивых статей, все-таки умеют делать свое дело. О'кэй?

— Да, сэр. Но зачем же мою новенькую машину...

— Заткнитесь. Вы заслужили хорошего тумака. Какого черта вы проиграли в ледяном Гроуте всю игру?

— Да, босс. Но едва ли в этом моя вина.

— А чья же еще? Кого мы послали туда и зачем?

— Это все нобелевские лауреаты, босс! Уверяю вас! Они вообразили, что могут иметь собственное мнение, хотя им внушали, как себя вести...

— Еще бы! — хмыкнул Броккенбергер. — У этого осла в золотых очках в комнатенках Капитолия была мымра-секретарша, которая наверняка ему все напомнила.

— И мне не оставалось ничего другого, сэр, как «задействовать запасной вариант»...

— Заткните свою паршивую пасть. Лучше помолчать об этом даже в моем «ягуаре», где можно не опасаться подслушивающих аппаратов, которыми набит Капитолий.

— Так вот почему мы встретились на шоссе!

— Идиот! Если бы вы были так же догадливы и там!..

— Но разве комиссия долетела до Нью-Йорка?

— До него долетел этот Анисимов, а не оказался с вашей помощью среди всех на «Конкорде». Тогда было бы о'кэй!

— Мне не пришло это в голову, босс.

— Даже острые ножи тупеют, если их не точить.

— Я готов, сэр, быть ножом, мечом, кинжалом.

— Знаю. Потому и «подобрал» вас на дороге. Что-бы наточить.

— О'кэй, сэр!

— К делу. Вы читали статью профессора Тейлора, отца водородной бомбы, который утверждал, что ее можно украсть?

— Да, сэр. Но там говорилось, как сохранить материалы, из которых можно создать атомную бомбу.

— «Предупреждать» об этом все равно что указывать на такую возможность.

— Но, сэр, администрация после этой статьи, вероятно, приняла нужные меры. Сам президент... нераспространение...

— У нас было время, пока статья готовилась к печати. Ее можно было прочитать и до выхода в свет.

— Должен ли я понимать, что...

— Вы ничего не должны понимать. Только действовать, как укажут.

— Да, босс.

— Заполучить материалы для атомной бомбы, о которой болтал «папаша всеобщего уничтожения», оказалось возможным. Но этого мало. Нужны еще мозги, которые способны сделать из материалов действующую штуку. Они уже гостят у нас. Вам предстоит завернуть им их паршивые щупальца так, чтобы мозги сработали как надо. Словом, если вам не удалось взорвать город под ледяным куполом...

— Надо взорвать сам ледяной купол! — догадался Генри Смит.

— Вот вам и поручается обработать полученных нами специалистов. Кстати, и вашего Анисимова тоже.

— Как? И он там? Зачем?

— Постарайтесь связать их всех троих одной веревочкой. И атомную бомбу с белковой тоже.

— О'кэй, босс! Можете положиться на меня. Я все устрою.

— У вас не будет другой возможности, парень, — зловеще напутствовал Броккенбергер. — Говорят, саперы и гангстеры не ошибаются дважды.

— Но где мне действовать и когда, сэр?

— А мы уже приехали, сын мой. Вот она, «вилла-гроб». Тиха как могила. И чтобы выйти из нее, надо... воскреснуть. — И Броккенбергер снова затрясся в беззвучном смехе. — Пришлось одолжить ее для такого благого дела. Сейчас я дам приказ по радио своим паршивцам впустить вас. Вылезайте. О'кэй!

Генри Смит выбрался на шоссе.

Красный «ягуар» молнией метнулся с места.

Смит стоял перед калиткой тенистого парка, в глубине которого виднелась богатая вилла. Он рассматривал затейливую вязь железной решетки и размышлял над последними словами босса. Поворота с пути, на который судьба толкнула его, уже не было.

— Эй вы там, пошевеливайтесь, дьявол вам в глотку! — услышал он хриплый голос в репродукторе, вделанном в столб калитки. — Открыта ваша проклятая дверь. Толкайте.

Глава девятая

«МОЗГИ НА ЩУПАЛЬЦАХ»

Холлвиллы был просторным двухсветным залом с прозрачным сводом. Внутренние галереи второго и третьего этажей изнутри охватывали холл. Широкая мраморная лестница разделялась на втором этаже надвое. Внизу по обе ее стороны стояли беломраморные статуи Афродиты и Дианы.

Пол был устлан дорогими коврами. Бесценные вазы, японские, китайские, индийские, стояли вперемежку с разностильной мебелью и говорили скорее о расточительности, чем о вкусе. И все это в чрезмерном количестве. Гигантский холл при всей его претенциозности чем-то напоминал типичный для Америки универсальный магазин, и все, что находилось в нем, казалось выставленным на продажу.

Белый концертный рояль «Стейнвей» стоял особняком, выделяясь неожиданным пятном.

Доктор Стилл уже приготовил его для артиста, поднял крышку, напоминающую крыло огромной белоснежной птицы.

Анисимов уселся в мягкое кресло, нежно обнявшее его со всех сторон.

Несмотря ни на что, он готов был слушать музыку и не позволял себе упасть духом.

Оба же его товарища по заключению после «обеда с выстрелами» пребывали в подавленном состоянии.

— Однако вы, сэр, с характером, — не то с восхищением, не то с укором заметил Анисимову профессор О'Скара, когда они вставали из-за стола, отведав наскоро приготовленных овощных блюд.

Солнце уже не заглядывало через узкие и высокие, как в средневековом замке, окна. В восточных небо приобрело фиолетовый оттенок, а в противоположных — отражало закатную зарю.

— Что-то запаздывает наш артист, — сказал профессор О'Скара, вставая. — Пойду сообщу ему о сегодняшнем аншлаге.

И, солидно шагая, благообразный, но понурый, он удалился в боковую дверь.

Ждали его долго. Доктор Стилл нещадно курил сигарету за сигаретой, обдавая Анисимова табачным дымом. Николай Алексеевич старался не морщиться. Оба молчали.

Наконец появился О'Скара, медлительный, даже чуть торжественный.

— Увы, джентльмены, — сказал он, опускаясь в кресло. — Концерт, очевидно, не состоится.

— Отчего же? — огорчился Анисимов.

— Наш виртуоз «перебрал», как сказал бы сам об этом, если бы мог говорить. Он находится в весьма плачевном состоянии. И даже потерял свой автомат.

— Что? — вскричал Стилл. — Где автомат?

— Я нашел его на пороге спальни Джо, поднял и...

— Где же он? Где? — вскочил Стилл, глаза его лихорадочно блеснули.

— Я положил оружие под подушку Джо. Хорошо, Гарри не заметил. Он пристрелил бы беднягу.

— Гангстер — бедняга! А мы? Не понимаю вас, профессор, — возмутился Стилл, с размаху снова опускаясь в кресло. — Вы отказались от оружия, которое могло вернуть нам свободу! Вы умалишенный!

— Не горячитесь, доктор Стилл. Я не мог взять оружие, ибо это повлекло бы кровопролитие, что противно божьей воле.

— А держать нас — это с ведома господ бога?

— Доктор Стилл, я уважаю ваши убеждения и считаю на то же с вашей стороны.

— Даже если это лишает меня свободы, которую я мог бы обрести с оружием в руках?

Анисимов внимательно присматривался к своим коллегам и наконец решил вмешаться в спор:

— Джентльмены, я сожалею, что концерт не состоится.

— Да, сэр, концертант мертвецки пьян, — подтвердил профессор О'Скара.

— Но не заменить ли нам музыку беседой?

— Я готов. Но только после того, как выясню, где теперь автомат! — живо отозвался Стилл.

Он почти бегом выскочил в дверь, куда перед тем ушел О'Скара. И уже через минуту вернулся:

— Там горилла-Гарри. Он приводит в чувство своего напарника. И страшно ругался, увидев меня. Мог бы пристрелить. Честное слово!

«Честное слово!» — Анисимов грустно улыбнулся. Перед его мысленным взором предстала Аэлита, такая далекая и в то же время близкая. Как убивается, бедняжка, не зная, где он и что с ним!

Но на лице Николая Алексеевича ничего больше не отразилось, и он обратился к профессору О'Скара:

— Не скрою, профессор, ваш поступок с автоматом и Джо тронул меня, даже удивил, но вызвал и уважение.

О'Скара поклонился. Они сидели рядом в креслах, а Стилл напротив.

— Но в то же время у меня возникла мысль. Как же вы, столь гуманный по своей натуре человек, тем не менее отдаете свои знания для создания страшных средств массового уничтожения?

— Боюсь, что вам, атеисту и коммунисту, не понять меня, дорогой академик. Вы верите в свои доктрины, я в бога. Ни один волос с головы человека не упадет без воли господней. И если я сделал кое-что в области физики и помог тем профессору Тейлору создать водородную бомбу, то этот же мой вклад используется ныне

и для управляемой термоядерной реакции, сулящей человечеству избавление от энергетического голода.

— А ядерная война? — напомнил Анисимов.

— Только господь волен развязать или не развязать ее. И совесть моя чиста. Что бы страшное я ни сделал в физике, использовать это без божьей воли не дано! Не дано! И недаром уже которое десятилетие проходит на земном шаре без мировых войн! Следовательно, моя работа оказалась благодной и принята богом как сдерживающая сила.

— Вот так же и с автоматом, — раздраженно перебил Стилл. — Все в божьей воле. Хочет — выпустит нас на свободу, хочет — нет! А почему, спрашивается, он допустил наше похищение, уважаемый профессор О'Скара, пекущийся о гангстере Джо? Вы думаете, достаточно ходить в церковь, молиться католическому богу и творить добрые дела вроде сегодняшнего, и «все о'кэй»? Так ведь нет же! Слышите, нет!

— Вы говорите как атеист, доктор Стилл. Мне не хотелось бы продолжать разговор в этих тонах.

— Извольте, перемену пластинку. Предвижу, что мистер Анисимов может задать вопрос и мне: «А вы гуманный человек? Так почему же вы стали специалистом по ядерным боеголовкам, сулящим смерть, смерть и смерть?»

— Признаться, вы предвосхитили мой вопрос, — подтвердил Анисимов.

— К вашему сведению, я гуманен! Но это не мешает мне ненавидеть человечество! Вся история его — это история войн, убийств, преступлений. Мои далекие предки две тысячи лет назад остались без родины и никак не могут в полной мере обрести ее опять. Да, да! Я родом из Вены, откуда меня увезли мои почтенные родители, весьма состоятельные люди, — может быть, слышали о ювелирной фирме «Штильмейстер»?.. Эти мои родители успели перевести свой капитал и уехать с сынишкой в Америку перед самым аншлюсом, захватом Австрии Гитлером. Злодеяния Гитлера общеизвестны. Но разве его безумные идеи забыты? Разве мир воцарился на Земле, как сказал только что почтенный профессор О'Скара? Разве не вспыхивает на материках то здесь, то там пламя войны? Люди в военных мундирах в лучшем случае убивают людей в другой форме. Террористы, не считаясь с мундирами, захватывают са-

молеты, убивают и политических деятелей, и женщин, и детей, кого угодно! Мир кипит, как перегретый котел, и я не знаю, в божьей ли силе предотвратить взрыв? Разговоры о разоружении, о сдерживании гонки вооружений смешны. Да, да, сэр! С моей точки зрения, смешны! Хотя в принципе я не против этого! Но, судите сами, если уже давно ядерных материалов в мире хватало, чтобы уничтожить все живое на Земле семнадцать раз, — а теперь, наверное, уже раз тридцать! — то не все ли равно, сколько раз? Всего одного раза достаточно. Так чего же сдерживать производство боеголовок? Одной больше, одной меньше!.. Их производят потому, что выгодно производить. Вот почему, занимаясь ими, я отнюдь не делаю вреда человечеству, которое, кстати сказать, вполне его заслужило. Для меня это только бизнес, приносящий мне доход. И не желаю я слышать о преступном человечестве, из которого я выделяю одну только элиту — ученых. Лишь перед ними, а не перед политиками, готов я отчитаться в своих действиях и в своих взглядах.

— Вы это и сделали сейчас, сэр, — заметил Анисимов.

В холл вошел новый человек, которого американские ученые прежде не видели. Анисимов же едва владел собой.

Это был журналист Генри Смит.

— Хэлло, джентльмены!

Глава десятая ВЫКРУЧИВАНИЕ РУК

Генри Смит толкнул калитку и оказался на выложенной цветными ракушками дорожке. Специально обработанные, они не потеряли своей подводной яркости. Казалось, что идешь по морскому мелководью. Благоухали орхиден.

Струя фонтана впереди капризно меняла направление, и радуга то и дело вспыхивала в ее брызгах.

В листе кустарника, обрамлявшего аллею, острый глаз Смита разглядел нацеленные на него стволы пулеметов, очевидно, управляемых с виллы. Смит даже крикнул. Разве сам он не сделал бы так же, поручи ему босс оборудовать «убежище»?

На открытой веранде с автоматом в руках стоял обезьяноподобный детина, сверля Генри Смита маленькими глазками.

— Гангстер? — спросил он хриплым голосом.

— Будем знакомы, парень. Представляться не имею привычки. Где тут у вас в берлоге телефон? В холле?

— В холле проклятый рояль и эти бездельники. Им дозволено слушать музыку, а не болтать по телефону.

— Кто же играет им на рояле?

— Джо! Когда он не пьян, то производит больше шума, чем две шайки, затеявшие перестрелку при деже добычи.

— Проводите меня к телефону. Надо связаться с Агентством и узнать об этих бездельниках все, чтобы заставить их поработать.

— В саду? — поинтересовался Гарри. — Лопаты сунуть?

— Нет, не руками, а мозгами.

— Руки можно выкручивать, а мозги лучше вышибать.

— О'кэй, парень! Мы сговоримся.

Гарри провел Смита в подвальный этаж виллы, где за обитой железом дверью оказалось большое помещение с пультом во всю стену. Там имелись все современные средства связи: и телефон, и радиоаппаратура, и несколько телеэкранов, на которых видны были комнаты виллы, а также часть сада и ограда вокруг него.

— Мое хозяйство, — ухмыльнулся Гарри.

— О'кэй! — восхищенно прищелкнул языком Смит и уселся за телефон. На ближнем экране он увидел роскошный холл с беседующими пленниками, и усилил звук, чтобы слышать их разговор.

По телефону он заказал досье профессора Энтони О'Скара и доктора Эдварда Стилла (Эдуарда Штильмейстера, родившегося в Вене). Досье Анисимова ему не требовалось.

Скоро защелкал телетайп. Из него поползла лента с ровными машинописными строчками, заключавшими в себе все подробности жизни двух видных американских ученых.

Пробежав глазами сообщение, Генри Смит решил, что с этими «мозгами на щупальцах» надо действовать тонко. Лишь бы не помешал этот русский фанатик.

Смит привел в порядок свой серый в клеточку костюм, поморщился при виде пятна на рукаве, памятки от недавней аварии, одернул пиджак и отправился в холл.

— Хэлло, джентльмены! — весело начал он, ошеломив своим появлением беседовавших ученых. — Я пришел, чтобы выручить вас.

— А как на это посмотрят Джо и Гарри? — усмехнулся Стилл.

— Один из них подобен трупу, а другой занят его реанимацией. Я предпочту, чтобы у нас с вами до этого дело не дошло.

— Какое дело вы имеете в виду, сэр? — солидно осведомился профессор О'Скара.

— Дело по специальности каждого. Мне неприятно видеть вас даже в этой роскоши, но вдали от родных и близких.

— Хотите и их переправить сюда? — прервал Стилл.

— О нет, джентльмены. Не относитесь ко мне предвзято, прошу вас. Я всего лишь посредник, движимый прежде всего человеколюбием. Вы знаете отлично, что ни один противозаконный акт, совершаемый решительными людьми, не обходится без всеми уважаемого посредника: юриста, адвоката, бизнесмена или политика. Важно, чтобы ему доверяли обе стороны. В моем лице вы видите журналиста, который преисполнен желанием скорее добиться для вас свободы.

— Что им нужно: выкуп, секреты, молчание? — перебил Стилл.

— Молчание полезно всем. Выкупа не требуется. «Террористическая организация борцов за грядущее» сама заплатит каждому из вас за подпись под манифестом.

— Манифестом? — удивился профессор О'Скара.

— Под манифестом против всех видов бомб, грозящих лишить человечество будущего.

— Каких же именно? — попросил уточнения О'Скара.

— Ядерных и белковых, — невозмутимо ответил Смит.

— А это что еще за чертовщина: «белковая бомба»? — спросил доктор Стилл.

— Вас собрали здесь вместе, трех виднейших ученых, чье слово отзовется на всех континентах. Не сомневаюсь в вашей общей готовности протестовать про-

тив ядерной гибели мира. Но ныне этого мало. Надо заботиться о грядущих поколениях, которым грозит «белковая бомба»...

— Чем грозит? Чем? — перебили американца.

— Спросите своего коллегу академика Анисимова, отца «белковой бомбы», чьи усилия грозят наводнить мир искусственной пищей, которая породит в третьем и последующих поколениях уродов, обреченных на вырождение. И если академик Анисимов, отбросив личные интересы, выступит с вами совместно, то я с гордостью пожму ваши руки, вручив вам обещанные чеки.

— Что за невероятное предложение! — воскликнул О'Скара.

Вмешался Анисимов:

— Прежде всего я должен представить вам этого негодяя, так называемого журналиста Генри Смита, которому приказано любой ценой добиться закрытия Города-лаборатории в Антарктиде, занятого проблемами ликвидации голода в мире. Он не постеснялся извратить выводы Особой комиссии ООН, посланной туда и погибшей при загадочных обстоятельствах. Представить себе связь между ядерной угрозой и искусственной пищей просто нонсенс!

— Но вы, академик, против ядерных бомб? — перебил Смит.

— Конечно.

— Так почему вы не хотите поступиться своим бизнесом, хотя ваши уважаемые коллеги своим бизнесом готовы поступиться? Не так ли, джентльмены?

— Подпиши под манифестом против ядерных бомб вам обеспечены.

— Этого мало. Нужно сломить упрямство вашего третьего коллеги.

— Здесь нет упрямства! Есть только забота о голодающих на земном шаре людях! — вставил академик.

— Вы ставите, академик, своих коллег перед тяжелым выбором. Или совместный с вами манифест против всех видов бомб, о которых я говорил, или...

— Что «или»? — забеспокоился Стилл.

— Или помощь нашим борцам в создании из имеющихся у них материалов еще одной боеголовки с водородной бомбочкой.

— Кто и где будет ее взрывать? — потребовал ответа О'Скара...

— Это не имеет никакого значения. Взрыв будет предупредительный, чисто символический. Он произойдет в пустыне, где на тысячи миль нет никакого жилья.

— Зачем же тогда это нужно? — изумился профессор.

— Я отвечаю на этот вопрос, — вмешался академик. — Чтобы повредить ледяной купол над Городом-лабораторией и прекратить там разработку и изготовление искусственной пищи.

— Белковых бомб, уточняю я, — добавил Смит, выпуская клуб дыма своей сигары.

— Можете вы не дымить так своей вонючей сигарой? — возмутился Анисимов.

— Прошу простить, здесь не ледяной Грот с его ограничениями личных свобод. Курю где хочу. Что же касается выбора, на который вы толкаете своих коллег, то принятие ими решения будет облегчено сообщением, которое я как посредник должен сделать: в руках тех, кого я представляю, находятся семьи профессора О'Скара и доктора Стилла. Жена профессора, пять его детей и два воспитанника. Все они могут испытать мучения, о которых можно прочесть лишь в обличающих фашизм документах. Престарелые родители доктора Стилла, венские евреи Штильмейстеры, могут быть переданы в руки куклуксклановцев, отличающихся изобретательным антисемитизмом. Но все это лишь в том случае, если почтенные ученые сделают неверный выбор, забыв, что ни один волос не упадет у человека, не будь на то господней воли, и то, что от взрыва одного лишь ядерного устройства не прекратится жизнь на Земле, просто будет сделано на одну боеголовку больше.

Американские ученые молчали. Наглый шантажист спекулировал их собственными, очевидно, подслушанными, мыслями.

— Что же касается отца белковой бомбы, то напомню ему, что у нас в Штатах умеют заставлять молчать всех, кто мог бы поднять нежелательный голос даже как свидетель. Вспомните убийство века, гибель Джона Кеннеди. Не менее восьмидесяти возможных свидетелей один за другим были устранены. Убрать вас, Анисимов, ничего не стоит. Но борцам за грядущее нужно сломить ваше упрямство и заставить вас с соратниками отказаться от издевательств над природой, созданной богом. Никому не дано пренебрегать ее дарами во имя

гносных достижений химиков, уродующих наследственный код людей. Я могу лишь гарантировать вам, если вы взамен пообещаете подумать, что позабочусь о вашей супруге с малюткой и вызову ее в Нью-Йорк для «свидания с вами». Но если разум не восторжествует в вас и манифест не будет подписан, то... вам же и выпадет честь присутствовать при сбрасывании ядерной бомбы на хрупкий Купол Надежды. Более того, придется даже помогать штурману правильно выбрать место для бомбометания, которое обеспечат своей помощью борцам за грядущее ваши более разумные коллеги.

— Это худший вид шантажа, который можно себе представить! — воскликнул профессор О'Скара.

— Не будем спорить, джентльмены. Могу лишь заверить вас, что с вашей помощью или без нее, но Купол Надежды будет взорван.

Конец второй части

МОНОЛИТ

Истинное мужество обнаруживается во время бедствия.

Вольтер

Глава первая

ЧИСТЫЕ РУКИ

Дэвид Броккенбергер, прозванный «Королем лобби» за искусство влиять на законодателей, любил мыть руки. Это было его страстью, привычкой, потребностью. По несколько раз в день.

От хорошеньких секретарш требовалось умение угождать боссу выбором туалетного мыла, ласкающего крема, освежающего одеколona и способностью так промывать каждую складочку на толстых, похожих на сардельки пальцах патрона, чтобы не удалось обнаружить на розовой коже каких-либо пятен (словно это относилось к его репутации!). К праздникам безболезненный маникюр (мистер Броккенбергер боялся даже вида крови, ему становилось дурно!). Обрезанные, как бы заточенные жесткие ногти покрывались ярким лаком. И наконец, надлежало ответить кокетливым смешком на шлепок ниже спины, которым заканчивалась любая процедура. Отметив таким образом чистоту своей ла-

дони, мистер Броккенбергер поворачивался на вращающемся кресле к огромному как пьедестал письменному столу без единой бумажки. Зачем они ему при его феноменальной памяти и конфиденциальных делах!

Его стерильно чистым рукам мог бы позавидовать любой хирург, но операции Броккенбергера были совсем иного рода. «Операционными» ему служили коридоры Капитолия, тесные комнатенки его «юридической конторы» и огромный высокий зал, чем-то напоминавший внутренность европейского кафедрального собора — Чикагская зерновая биржа. В качестве «ассистентов» им привлекались почтенные конгрессмены, крикливые биржевые маклеры и юркие агенты корпораций по скупке зерна, не говоря уже о некоторых неопределенного вида помощниках, скрытых в глубокой тени.

В этот день в Чикагском «храме зерна» множество людей толкалось вокруг двух «амвонов» — восьмиугольных возвышений, на которых восседали агенты крупнейших закупочных корпораций. Агенты помельче занимали места на еще двух восьмиугольных «эстрадах».

Воздух гудел от возбужденных голосов. Взоры всех были устремлены на гигантское табло, заменявшее в этом «храме» иконостас. Там вспыхивали цифры.

— Это грабеж! Рэкет! Гангстеризм! — орали со всех сторон взбешенные фермеры.

— Почему грабеж? — елейно спрашивал с «амвонов» Броккенбергер.

— А потому, что обычная закупочная цена лишь в семь раз меньше магазинной, а теперь... Полюбуйтесь на табло!

Светящиеся цифры сообщали, что закупочная цена в пятнадцать раз меньше, чем в магазинах!

Шум и крики превратились в рев.

Казалось, так уж бывало: ведь корпорации скупали зерно не только за цену, в семь раз меньшую, чем в магазинах, скупали и по цене, в четырнадцать раз меньшей. И многим фермерам по приезде домой предстояло расплатиться с частью долгов, погрузить свой скарб на грузовичок и ехать куда глаза глядят.

Крайнее возбуждение в зале биржи было делом обычным. Случались и потасовки.

Сегодня около восьмиугольного возвышения нача-

лась драка. Разъяренные фермеры набросились на агентов скупочных компаний, а за тех вступились специально нанятые молодчики. Свалка прекратилась неожиданно. Остановил ее мистер Броккенбергер.

Взобравшись на стол одного из маклеров, в пиджаке с оторванным рукавом, с сорванным галстуком, он орал в микрофон:

— Остановитесь, фермеры! Я спасу вас! Я повлияю на закупочные цены, положу вам в карман пачки долларов!

Такое обещание сразу заинтересовало дерущихся.

— Вы думаете, почему так падают цены? — продолжал Броккенбергер. — Грабеж оптовиков? Ничего подобного! Они сами пролетают в трубу! Разве зерно, которое вы выращиваете, а они покупают, способно выдержать конкуренцию с дохлыми микробами? Их сбывают по бросовым ценам коммунисты из своей ледяной берлоги в Антарктиде!

— Врешь, мерзавец! — крикнул коричневый от загара здоровяк, грозя кулаком.

— Все вы будете разорены, — громогласно вещал Броккенбергер. — Все пойдете наниматься временными рабочими вместе с грязными черномазыми! Забудете, что такое собственность, что такое *свое хозяйство*? Благодарите коммунистов!

— А вас не надо благодарить? — крикнул все тот же фермер.

— Меня поблагодарите, когда я спасу вас! А для этого требуйте вместе со мной закрытия микробного рассадника в Антарктиде, конкурирующего с вашим зерном! В поход! В поход на Нью-Йорк, к ООН-билдингу!

Следом за Броккенбергером возбужденная толпа приехавших из разных штатов фермеров с криками вырвалась на улицы Чикаго и двинулась в Нью-Йорк. Предупрежденная полиция бережно охраняла стихийно растущее шествие, во главе которого ехал в автомобиле (из-за одышки) Дэвид Броккенбергер, сделавший свой крупный политический шаг.

Шаг этот не остался незамеченным.

Теперь Дэвид Броккенбергер, кроме Вашингтона, Нью-Йорка и Чикаго, зачастил еще и в де-Мойн, столицу богатейшего сельскохозяйственного штата Айовы.

Там он стал выступать на предвыборных митингах как кандидат... в сенаторы от штата Айова.

Клиенты, которых он представлял в Капитолии, теперь решили, что после «исторического похода» на Нью-Йорк и ООН такому парню, как Броккенбергер, надо дать развернуться.

И претендент на сенаторское кресло визгливым тенором пел с трибуны песню, которую охотно подхватывали фермеры и простые работяги айовских земель.

Айова — индейское слово и означает оно «прекрасная земля». И айовцы, включая выходцев из России, пели о ней:

Айова, Айова!
Штат-чудо, нет слова!
Кукуруза со столб!
Урожай — «сам-сто»!
Кукуруза — со столб!
Урожай — «сам-сто»!
Урожай — «сам-сто»!*

Эту песню о богатстве штата и противопоставил будущий сенатор искусственной пище. Он нашел ученых, которые охотно предупреждали о возможном вреде этой пищи для внуков и правнуков тех, кто ею станет пользоваться. Это и стало предвыборной платформой Броккенбергера.

У Дэвида Броккенбергера тугой белый воротничок упирался в шесть подбородков. И на эти шесть подбородков приходилось... три лица.

Первое, улыбающееся лицо добряка и своего парня, смотрело с предвыборных плакатов и газетных полос.

Второе лицо видел лишь журналист Генри Смит, подобранный на шоссе после автомобильной аварии.

Третье же лицо Дэвида Броккенбергера сулило принести ему дополнительные голоса — лицо чадолюбивого «дедушки Дэви».

В его обширном доме на окраине одного из городков Айовы жило множество родственников, близких и дальних, особенно детей разных возрастов. Он всех их кормил, одевал и устраивал в жизни.

* Перевод с английского автора.

Когда он приезжал на отдых (а отдыхал он мало), ребяташки облепляли его как сказочного рождественского деда, забирались к нему на плечи, на спину, цеплялись на ноги.

В таком виде дедушка Дэви стал появляться на предвыборных плакатах, дабы растрогать простодушных избирателей, ибо «дети любят лишь достойных!» (так гласила подпись).

Глава вторая

ПРОКЛЯТЫЕ БЕРМУДЫ

Фред Стовер и Чарльз Мак-Гарни встретились в кафетерии одного из аэропортов Флориды, откуда их лайнер должен был отправиться в специальный, приобретенный частной компанией, рейс.

Фред Стовер допивал кофе и доедал свою неизменную порцию «хэм энд эгг». Он кивком указал Чарли на свободный стул.

— Кому нужна эта чертова переделка багажного отсека? Пропороли самолету брюхо. Как бы не было завихрений! — проворчал он, дожевывая ветчину и со скабливая ножом со сковородки припекшееся яйцо.

— А мне даже интересно, что за чертовщину везут эти научники, если ее можно загрузить только снизу?

— Как бы не вывалилась в воздухе.

— Ничего, командир! Зато во всех последующих рейсах мы будем разгружать пассажирские чемоданы одним поворотом рычага в салоне. Р-раз! И они посыплются на подставленную платформу.

— Вот именно. Посыплются. Как яблоки из корзины. С меня хватит новшеств. Это вы хотите перейти в астронавты и слетать на Марс. А я мечтаю о пенсии.

— Но она же маленькая, командир!

— Ничего. Парни подросли. Девочки выскочат замуж. Нам со старухой хватит. Ну тронем сбережения...

— Старуха? — рассмеялся Мак-Гарни. — Да она же красавица, командир!

— У вас везде красавицы! По очереди влюбляетесь во всех наших стюардесс.

— Разве я виноват, что компания заменяет их, едва они выйдут замуж? Но такой, как наша Лиз, еще не было? Правда?

— О'кэй! Но должен вас огорчить, парень. Она с нами не полетит.

Чарльз сразу сник:

— А как же пассажиры?

— Их только шестеро. И у них свой повар.

— Что же, пассажирские салоны так и будут пустыми?

— Нет, парень. Пойдем с полной нагрузкой. Вместо пассажиров возьмем горючее, горючее и горючее. В специальной таре. Словно собираемся долететь до вашего Марса и обратно.

— Я думал, только перелет через Атлантический океан.

— Кто платит деньги, тот и заказывает... — глубокомысленно закончил Фред Стовер вставая.

Мак-Гарни залпом допил свой кофе и тоже поднялся.

Пилоты вышли на летное поле.

Их самолет стоял в стороне от других. К нему подъехала платформа-прицеп с какой-то огромной «штуковиной», скрытой в длинном ящике.

— Вот наш «главный пассажир», — усмехнулся командир.

— Любопытно, что бы это могло быть? Похоже на гроб великана.

— Не вижу такого сходства! — вдруг рассердился командир.

Летчики подошли к самолету.

Платформу подвели под багажный отсек. Створки пола в нем, специально сделанные для этого рейса, были открыты.

— Прямо как на бомбардировщике, — присвистнул Чарли.

Фред Стовер сердито посмотрел на него.

— А где же Джим? — оглянулся Чарли.

— Тоже не полетит. У них свой штурман.

Чарли опять присвистнул, но уже без слов, чтобы не раздражать командира.

За погрузкой «штуковины» наблюдали два джентльмена. Один из них, седой, походил на директора банка, а другой, чернявый и вертлявый, — на неудачливого актера.

Поодаль с мрачными лицами стояли еще два человека: один сутулый, с длинными руками и низким лбом,

другой длинноволосый, с блуждающим взглядом голубых глаз.

К летчикам торопливо шагал плотно сбитый человек в клетчатом костюме.

— Хэлло, джентльмены! Генри Смит, журналист, — представился он. — Сопровождаю научную группу. Все сношения с пассажирами только через меня.

— Хэлло! — хмуро отозвался командир. — А где штурман?

— Его заменю я. Отбывал военную службу в авиации.

— Авиация сейчас не та, — проворчал командир.

— И пассажиры у вас не те. Заметьте, — назидательно произнес Генри Смит. — О'кэй?

— Понятно, — буркнул Фред Стовер и стал подниматься в кабину пилотов.

Второй пилот задержался. Он видел, как из подъехавшего «кадиллака» через почтительно открытую Генри Смитом дверцу вышел огромного роста пожилой джентльмен, наверное, главный из ученых.

Генри Смит предупредительно поддерживал его под локоть и, стараясь заглянуть ему в глаза, в чем-то убеждал его.

До Чарли донеслись последние слова Смита:

— Поверьте, сэр! Я сделал для вас все, что мог. Она с ним здесь, на континенте. И в полной безопасности. И даже отец с матерью прилетели за ней сюда. О'кэй? Но ваша подпись под манифестом спасет остальных...

Старый ученый ничего не ответил и стал подниматься в салон.

Погрузку закончили, и наблюдавшие за ней пассажиры тоже направились к трапу.

И тут Мак-Гарни заметил, что двое из них держали в руках автоматы.

Так вот почему лайнер отправлялся из этого захолустного аэропорта! Вот почему не осматривают багаж пассажиров и не пропускают их через специальную камеру с приборами, реагирующими на скрытое оружие!

Странные пассажиры и не думали его прятать, словно были конвоирами заключенных.

Мак-Гарни все это чрезвычайно не понравилось.

Когда он доложил о виденном командиру, тот ответил:

— Я так и думал, парень. Мы с вами влипли в

скверную историю. Никогда не прошу ее нашей авиа-компании.

— Должно быть, они здорово заплатили.

— Да. Купили и рейс, и нас с вами, двух болванов. Достаньте из сейфа два пистолета. Спрячьте один в карман, другой дайте мне.

— О'кэй, сэр! Но пистолеты против автоматов — это все равно что трехколесный велосипед против «бьюика».

— Все-таки жаль, что Лиз не летит с нами. Некому посмотреть за пассажирами.

— Нет! Что вы, шеф! Это очень хорошо, что ее нет с нами. Я так думаю.

— Может быть, и правильно думаете, Чарли, — ласково закончил командир.

В кабину пилотов заглянул Генри Смит:

— Поехали, джентльмены! Моя команда на местах!

— Курс? — сухо поинтересовался Фред Стовер, берясь за штурвал.

— Как в договоре. Через Атлантику — Кейптаун.

— Кейптаун? — удивился Мак-Гарни.

Фред Стовер надел наушники, поправил ларингофон на шее и запросил диспетчера аэропорта:

— Иду на взлет. Прошу разрешения.

— Разрешаю взлет с полосы 4а, — послышалось в наушниках. — Счастливого полета!

— Знает ли он, куда нас провозжает? — тихо произнес Мак-Гарни.

Ревели моторы. Лайнер, стоя на месте, содрогался, словно объятый ужасом.

— Как правый? — спокойно осведомился командир.

— По-моему, в полном порядке, — отозвался второй пилот. — Скорее всего барахлил прибор.

— Во всяком случае, хорошо, что мы позавтракали. Никто не принесет нам сюда съестного на подносике.

— Хорошо, — согласился Чарли и добавил: — Хорошо, что Лиз нету.

Самолет тронулся с места, развернулся, вышел на указанную для взлета полосу и стал разбегаться. Двигатели шумели, свистели, ревели.

Через минуту он уже был в воздухе.

В кабину заглянул Генри Смит.

— Все о'кэй! — весело крикнул он и захлопнул дверь.

— Хотя с погодой повезло, и то ладно! — заметил Чарли.

— Бермудский треугольник обойдем слева. Небольшой перерасход горючего. Наш новый штурман, наверное, мало что понимает в Бермудских сюрпризах.

— Не очень он мне нравится.

— Да. Он мало смахивает на нашего Джима.

— Что верно, то верно.

Стовер перевел управление самолетом на автопилота. Приказал Чарли сидеть в своем кресле и следить за приборами, а сам направился в пассажирский салон посмотреть на «команду» Генри Смита.

Генри Смит встретил его в штурманской рубке, на полной радио- и навигационной аппаратурой.

— Хорошо, что вы заглянули ко мне, — преградил путь командиру Генри Смит. — Будем менять курс.

— Как менять? — удивился Фред Стовер.

— Очень просто. Под прямым углом. Девяносто градусов, как в прямоугольном треугольнике. Летим на юг.

— Куда?

— В Антарктику.

— Такого уговора не было. Трасса незнакомая. Опытного штурмана нет. Возможно обледенение. Мы не подготовились к такому перелету.

— Пустое, командир! О каком уговоре идет речь, если в договоре обусловлено, что курс буду прокладывать я? Вот и подчиняйтесь.

— Вы разговариваете со мной, сэр, как террорист, захвативший самолет.

— Самолет не захвачен, шеф, а закуплен мной на этот рейс. И если вы не хотите, чтоб он стал для вас последним, выполняйте мои указания. Марш в кабину. Поворачивайте ваше летающее корыто на девяносто градусов!

— Вы понимаете, что требуете? Мы же влетим в Бермудский треугольник!

— Вот и прекрасно! Никому не придет в голову нас там искать.

— Предпочел бы, чтобы этого не требовалось, — буркнул Фред Стовер и добавил: — О'кэй! Я только проверю баки с дополнительным горючим. Мне следовало бы догадаться, зачем они.

— Так-то лучше, шеф. Проверяйте и выполняйте.

Фред Стовер прошел через отсек, где обычно Лиз

готовила пассажирам обед. Сейчас здесь хозяйничал гориллоподобный субъект, положив автомат прямо на пустые тарелки.

Другой субъект с автоматом растянулся в пассажирском салоне в кресле рядом с двумя учеными, они наблюдали перед вылетом за погрузкой «штуковины». Третий ученый, тот, что приехал последним, сидел в конце салона, в кресле у прохода.

Идя мимо него, Фред Стовер тихо сказал, не обращаясь к нему:

— Вы не можете намекнуть мне, сэр, зачем мы поворачиваем в Бермудский треугольник?

— Нет места удачнее, — многозначительно ответил тот.

— Для чего, сэр?

— Для овладения положением.

— Но гуманоиды?

— Если они не найдут вас, то вам стоит найти их.

— Зачем? — искренне удивился Стовер.

— Эй вы там! — закричал Джо, вскидывая автомат. — Поменьше болтовни!

Фред Стовер открыл дверь в следующий салон. Здесь на всех креслах лежали большие канистры с горючим.

«Тупица! — обругал он себя мысленно. — Какой же осел! Судя по количеству горючего, можно дотянуть до Антарктики и обратно. А он сказал про бермудских гуманоидов. Это, пожалуй, куда ближе. Видно, над каждым его словом стоит поразмыслить».

И он вернулся. На седого джентльмена в последнем кресле не обратил теперь внимания, дружески кивнул Джо и даже подмигнул ему, прошел через «кухню» и бросил на ходу «повару»:

— Не забудьте и пилотов, парень.

В штурманской он отрапортовал Генри Смигу:

— Все о'кэй, сэр. Хватит до Южного полюса и обратно.

— Так-то лучше, — усмехнулся Генри Смит.

В кабине пилотов Фред Стовер взгромоздился в свое кресло и командовал второму пилоту:

— Беру на себя. Курс на Бермуды.

— Как? Бермуды? — ужаснулся Чарли.

— Да. Проклятые Бермуды!

СБРОШЕННАЯ БОМБА

Самолет висел во мгле. Казалось, без всякого движения. Сверху, снизу, с боков его окружала белесая муть. Солнце исчезло, и нельзя было определить, в какой оно стороне. Блеклый свет исходил отовсюду.

— Наш Джим испугался бы, — заметил Мак-Гарни.

— Испугаешься, как почувствуешь себя глухим слепцом в темной комнате, где нет ни шороха, ни звука.

— Вы так думаете, шеф? А радио?

— Он запретил связь с континентом. Надолго ли?

— Помните, говорил, что с погодой повезет, — усмехнулся Чарли.

— Так вы же правы, мой мальчик! Еще как повезло! За такой туман и полжизни не жалко! Декорация первый сорт!

— Ах вот как? Тогда другое дело, командир!

— Люблю догадливых, — удовлетворенно хмыкнул Фред Стовер. — Как правый?

— Работает на полную мощность, как и левый.

— О'кэй!

Открылась дверь кабины. Послышался голос Генри Смита:

— В чем дело, ребята? Почему стоим?

— Самолет стоять не может, сэр. Он или летит, или падает.

— Куда мы летим?

— Этот вопрос, сэр, я привык задавать штурману, которого вы взялись заменить.

— Какого черта ни один прибор не работает? Даже компас! У вас на пульте нет общего выключения?

— Выключение снаружи, сэр. Мы в мешке из мглы. Предпочел бы другой материал. Попробуйте радио. Пусть запеленгуют с суши.

— Никакой связи с континентом! Если вы выполнили точно мой приказ, то мы летим на юг.

— Хотелось бы в это поверить.

— Мне не нравится ваш тон, шеф! Я подозреваю, что этот мешок неспроста.

— Я тоже так думаю, сэр.

— Вы нарочно влетели в него!

— Я предупреждал вас о Бермудском треугольнике. Самолеты перед гибелью успевали сообщить, что теряли ориентировку в этих проклятых богом местах.

— Плевать мне на ваши предупреждения! Я хорошо знаю бермудские сказки. Сам к ним руку прикладывал.

— Очевидно, им показалось мало вашей руки. Хотят еще и голову.

— Кому это «им»?

— Гуманоидам, инопланетянам или как там их еще назвать.

— Не устраивайте мне здесь балагана! У нас на борту ученые, которые поднимут вас на смех.

— Ничего не имею против, сэр. У меня будет спокойнее на душе. Надо проведать пассажиров. Долг командира, сэр. Вы не против?

Генри Смит неохотно пропустил вперед первого пилота.

Трое ученых и гангстеры встретили их молчаливо.

— Джентльмены. — обратился к пассажирам Фред Стовер. — Положение серьезное. Требуется научная консультация.

— По специальности? — едко осведомился доктор Стилл.

— Самолет потерял ориентировку, и я очень боюсь, что рассказы о Бермудском треугольнике и гуманоидах, похищающих самолеты, имеют под собой почву.

— Я буду признателен вам, — вставил Генри Смит, — если вы своим научным авторитетом развеете нелепое суеверие, которое мешает нашим пилотам.

— Я не взялся бы так огульно порочить летчиков, — неожиданно вмешался академик Анисимов.

— Что вы хотите сказать? — насторожился Смит.

— То, что все мы, находящиеся на борту самолета ученые, допускаем вмешательство инопланетян.

— Ну уж от кого-кого, но от вас, академик, такого утверждения никак не ожидал! — с упреком воскликнул Смит.

Анисимов и глазом не моргнул, хотя заметил удивленные взгляды коллег:

— Полагаю, что профессор О'Скара и доктор Стилл подтвердят мои опасения.

— О чем это они бубнят? — мрачно спросил Гарри, толкая Джэ стволем автомата в бок.

— Кажись, дело дрянь, — отозвался тот, весь превратившись в слух. — Заблудились мы, что ли... не пойму...

Первым понял игру Анисимова Стилл.

— Русский академик, безусловно, прав! Вполне вероятно, что всем нам без исключения, — он выразительно взглянул на гангстеров, — грозит гибель, а может быть, и хуже...

— Куда гнете, научник? — оборвал его Гарри.

— В плену у гуманоидов нас выставляют в инопланетном зоопарке. И сквозь решетку инопланетный уродец просунет палку с куском мяса, из-за которого вы, Гарри, подеретесь с Джо.

— Послушайте, Стилл! — возмутился Смит. — Вы бессовестно цитируете мою статью, где я рисовал подобные картины.

— Тем они значительнее, сэр!

— Болван! Это же было для печати! Выдумка!

— Я не знал, что для печати вы пользуетесь необоснованными выдумками.

— Джентльмены, — вмешался командир корабля. — Если есть хоть малейшее подозрение на вмешательство инопланетных сил, надо убедить мистера Смита пойти на радиосвязь с континентом.

— Прошу простить меня, я только музыкант. Вернее, был им. Конечно, я не все как следует понимаю, но мы с Гарри тут перемолвились словечками и думаю, что дело дрянь. А как, эти гуманоиды в самом деле существуют?

— Спросите у такого авторитета, как профессор О'Скара, — пожал плечами доктор Стилл.

Профессор, недоуменно прислушивавшийся к происходившему, теперь откашлялся и солидно произнес:

— Любая гипотеза оправдывается только фактами. Думаю, что в создавшейся обстановке нет надобности держать за руку одного из гуманоидов, чтобы понять связанную с ними опасность.

Смит позеленел от бешенства.

— Вы что, сговорились все?

— Когда? — спокойно спросил Анисимов. — Вы только что сообщили о нашем критическом положении.

— Скажите, это верно, что гуманоиды где-то близко и мы в их власти? — напрямик спросил Джо, покусывая губы.

— Похоже на то, — заметил Фред Стовер, глядя в пллюминатор.

За окном было мутно, как в грязной воде. Там даже чудились какие-то сгустки в виде пятен.

— Так чего с ними церемониться? Перестрелять! — вскочил Гарри, вскидывая автомат.

— Мысль в основном правильная, — заметил Анисимов. — Думаю, что под словом «перестрелять» надо понимать применение оружия.

— Какого еще оружия? — возвысил голос Генри Смит.

— Которым оснащен самолет, самого мощного из всего боевого арсенала человечества, — продолжал академик.

— Что? Применить против гуманоидов водородную бомбу? — вне себя закричал Генри Смит.

— Я не знал, что мы везем водородную бомбу. Это в самом деле меняет дело, — сказал Фред Стовер. — Стоит рискнуть.

— Ничего это не меняет! — кричал Смит. — У бомбы иное назначение.

— Стоп, стоп! — вмешался Гарри. — Если есть чем обороняться от всякой там проклятой вземной нечисти, так нечего миндальничать.

— В самом деле, сэр, — поддержал Гарри Джо. — Мы взялись доставить вашу игрушку до нужного места. Но если туда не попадешь, не лучше ли пальнуть ею?

— Молчите вы, «Шопен с автоматом»!

— Шопена не троньте! — вспылil Джо. — А молчать мы не будем. Гарри, займись-ка им!

— А ну-ка, босс! Какого вам еще Шопена надо? Тут дело до шкуры доходит. — Говоря так, гориллоподобный гангстер стал теснить Смита, целясь в него из автомата. — А ну живо! Если ученые говорят, что надо оборвать их щупальца этой водородной штучкой, то пошевеливайтесь! Мы не обучены, как ее сбрасывать, придется вам самим!

— Это самоубийство! — кричал Смит отступая. — Кто знает, что произойдет в мешке из мглы, когда температура поднимется до ста миллионов градусов!

— Мне кажется, что это не должно вас останавливать, — утешительно произнес профессор О'Скара.

Леденящий страх объял Генри Смита, пронзил его тело тысячью игл. Но, отдавая ему справедливость, надо сказать, что он пугался не направленного на него автомата, хотя непроизвольно пятился, даже не гуманоидов, в которых не верил, а страшился расправы, ждущей его по возвращении из «холостого рейса». Уж лучше попасть гуманоидам в руки!

И не он, а будто самостоятельное, управляемое инстинктом самосохранения тело действовало помимо его сознания.

Трое ученых, летчик и Джо без забытого им автомата вошли следом за Смитом и теснившим его Гарри в салон с креслами, заваленными канистрами с горючим.

Смит уже уперся спиной в дверь багажного отсека, коснулся лопатками большого красного рычага, появившегося здесь после переделки самолета.

— Хватай лапой! — приказал Гарри.

Генри Смит с ненавистью смотрел на вышедшее из повиновения гориллоподобное чудовище. И вдруг понял, что все это подстроено академиком, чтобы напугать невежественных гангстеров и с их помощью избавиться от водородной бомбы. Но нет! Он, Генри Смит, сын национального героя Америки, погибшего возле сожженной им вьетнамской деревеньки, не подчинится, не подчинится никогда!..

Так мелькнуло у него в мыслях, а рука тем временем сама собой ухватила за рычаг, а тело всей тяжестью навалилось на него, раскрыв тем створки багажного отсека под «гробом великана»...

Все застыли, ожидая чудовищного взрыва.

Успеет ли самолет отлететь, или он в самом деле никуда не летит и испарится сейчас в инопланетном мешке из мглы?

Глава четвертая

БЕЗВРЕМЬЕ

Стартовавший с одного из аэродромов Флориды пассажирский лайнер Фреда Стовера бесследно исчез. Радиосвязь с ним сразу же оборвалась и не возобновилась.

С авианосца «Джон Кеннеди», находившегося в ат-

лантических водах, сообщили, что локаторы обнаружили неизвестный самолет. Он держал курс через Атлантический океан и внезапно изменил направление полета под прямым углом.

На радиозапросы авианосца ответа не последовало.

Поскольку самолет летел в район Бермудского треугольника, очевидно, его постигла горькая участь некоторых предшественников.

Пока береговая служба приходила к этому печальному заключению, а жадные до сенсаций репортеры торопливо заполняли блокноты поспешными интервью, самолет Фреда Стовера продолжал «висеть» в мешке из мглы, полностью потеряв ориентировку.

Взрыва водородной бомбы не последовало.

Вместо нее взорвался Генри Смит.

Забыв об автомате Гарри, он закричал:

— Почему не взорвалась бомба? Кто ответит за это?

— Придется вам привлечь к ответу гуманоидов, — не без издевки произнес Анисимов. — Очевидно, им по силам предотвращать атомные взрывы.

— Не морочьте мне голову! Хватит того, что вы запудрили мозги этим головотяпам с автоматами. Не в гуманоидах здесь дело!

— Должен согласиться с мистером Смитом, — солидно вставил профессор О'Скара. — Я возьму на себя смелость отвести излишние обвинения от гуманоидов. Конечно, ядерная бомба отказала не по их вине, а по нашей с доктором Стиллом. Просто два куска урана-235, соединяясь вместе для начала спонтанной цепной реакции инициирующего взрыва, были выбраны нами так, чтобы не составить вместе критической массы. Мы не хотели вызвать всеобщей ядерной войны.

Стилл согласно кивнул.

— Ублюдки! Предатели! Мразь интеллектуальная! — захлебываясь от ярости, вопил Генри Смит. — Эй, Гарри, Джо! Пристрелить всех троих! Стреляйте! Палите!

Но гангстеры не шевельнулись. Гарри опустил автомат, а Джо оставил свой в соседнем салоне. Он сделал шаг вперед.

Генри Смит, потеряв над собой всякую власть, подскочил к нему и размахивал выхваченным из кармана револьвером у него перед лицом.

— Стреляйте! Почему не стреляете?

— Уберите, крикун, свою проклятую пушку. Бизнес есть бизнес. И у вас и у нас.

— О каком еще бизнесе вы хрипите, выкидыш гориллы?

— Заткнитесь, не то я продырявлю ваш проклятый язык. Нам заплачено за то, чтобы выловить ученых и доставить вашу проклятую бомбу до места, где ее сбросят. Вы сами хватались лапами за рычаг. Дело сделано — и баста!

— Гарри хочет напомнить вам, сэр, что за дополнительные убийства нашему синдикату не заплачено. А у нас такса, и деньги вперед. И у нас строго. Я сожалею, сэр, — примирительно заключил Джо.

Вместо ответа Генри Смит выстрелил в Джо. Тот взвизгнул подбитым зайцем и, тряся простреленной ладонью, закричал:

— Я же пианист! Он раздробил мне руку!

Гарри выпустил очередь из автомата. Она прозвучала сухо, как просыпанные на паркет стальные шарики.

Но Генри Смит, предвидя это, успел нырнуть за баки с горючим. Пули пробили ближние канистры, и из них струйками полилась жидкость. Но, очевидно, поврежденными оказались и стенки салона. Кондиционированный воздух стал со свистом уходить наружу, а внешний холод — самолет летел на значительной высоте — сразу стал ощутим. Салон наполнился морозным паром, как сени полярной станции, когда открывается зимой наружная дверь.

Генри Смит исчез в тумане. Он не подавал о себе знать ни криком, ни выстрелом. Может, был ранен очередью Гарри?

Дальнейшая стрельба грозила взрывом и пожаром. Фред Стовер скомандовал всем перейти в первый салон. Но, раньше чем они это сделали, раздался звук закрываемой двери в багажный отсек. Очевидно, Генри Смит укрылся там.

— Теперь я думаю, — сказал командир корабля, — нам следует связаться по радио с берегом.

— А как эти.. проклятые гуманоиды, что ли? — угрюмо спросил Гарри.

— Высший разум гуманен. Может быть, помогут нам.

— Держи карман раструбом. Много их, гуманных, на проклятой Земле!

— На Земле есть разные, — уклончиво ответил Фред Стовер, направляясь в штурманскую рубку. — Вот в космосе не знаю.

Анисимов и О'Скара возились с раненым гангстером, перевязывая ему руку.

Доктор Стилл стоял в стороне и насмешливо наблюдал за ними.

Через некоторое время Фред Стовер объявил:

— Связь с берегом установлена. Предлагают вернуться. К сожалению, джентльмен, который заплатил за рейс, отсутствует. А во Флориде переполох. Успели всех заживо похоронить, провозгласив нас новыми жертвами Бермудского треугольника. Нам будет устроена встреча что надо!

— Э, шеф! Такое не пойдет! — решительно заявил Гарри-горилла. — Сейчас на вашем проклятом корабле хозяин я! А приземляться в лапы репортеров и полиции не дам.

— Гарри! Врача, умоляю скорее вызвать врача! Надо спасти мою руку! Я же пианист... — стонал Джо.

— Шкуру спасти надо, а не руку, — отрезал Гарри.

— Что вы предлагаете? — спросил профессор О'Скара.

— Джентльмены! — вступил доктор Стилл. — Надо вернуться во Флориду.

— А что там промычим? — пробурчал Гарри.

— Вызовем врача, сразу же вызовем врача! — выкрикнул Джо.

— Тюремного, — мрачно добавил Гарри. — Нет, не пойдет. В автомате хватит зарядов. — И он угрожающе потряс оружием.

Фред Стовер усмехнулся.

— Вполне хватит, чтобы отправить всех нас вместе с самолетом на дно океана, поверхность которого здесь на двадцать пять метров ниже, чем в других местах.

— Наплевать мне на ваш проклятый океан! Я спросил: что мычать будем? Смыться нам надо.

— Если только за этим дело, то могу предложить план, — вступил доктор Стилл.

Все обернулись к нему.

— Мы были захвачены гуманоидами и возвращаемся домой.

— Кто поверит? Им, проклятым, улики подавай.

— Есть улика! Вернее, доказательство! Все это вре-

мя мы находились во власти гуманоидов в безвременье.

— Это как же? — нагнул по-бычьей голову Гарри.

— Боже, какая боль! Он перебил мне кости! — сто-
нал Джо.

— Заткнись, — обернулся к нему Гарри. — Не то
успокою, — и он потряс автоматом.

— Вы сказали, сэр, безвременье? — спросил Фред
Стовер.

— Конечно! Можете вы перевести все самолетные
часы на час назад? Мы тоже переведем свои часы.
Предположим, мы были в каком-то другом измерении
и, ничего не подозревая, возвращаемся, чтобы оказать
медицинскую помощь пассажиру, пострадавшему от не-
счастливого случая. Пусть выяснится, что самолет побы-
вал в «безвременье», что нас «целый час не существо-
вало»! Шутка гуманоидов, уже имевшая, как известно,
место в прошлом. И никаких, заметьте, термоядерных
бомб, никаких рейдов в Антарктику! И всем нам один
почет.

— Недурно задумано, — присвистнул Фред Сто-
вер. — Но у нас есть еще один свидетель, который мо-
жет не поддержать этой версии.

— Какой свидетель! Где свидетель? — зарычал Гар-
ри-горилла. — А мы с ним потолкуем. Мигом!

И он скрылся за дверью, прихватив с собой авто-
мат Джо.

Никто не мог видеть за закрытой дверью, как
в непроглядном тумане проползал Гарри по проходу
между креслами с наваленными на них канистрами.
Горячее из пробитых баков залило проход, сделало его
скользким и вонючим. Гарри весь промок и пропах,
словно нырял в переполненную цистерну.

Каждую секунду готовый к выстрелу, вооруженный
двумя автоматами, он упорно полз вперед.

Наконец ряды кресел остались позади. Гарри осто-
рожно поднялся и стал шарить рукой по стене. Нашупал
дверь в багажный отсек, за которой скрывался Генри
Смит, но открывать ее и звать недавнего босса не стал.
Он продолжал шарить по стене, пока не нашупал рычаг.

С силой потянул он его, но тот не поддавался. Стало
понятно, почему Генри Смит наваливался на него всем
телом, чтобы сбросить водородную бомбу вниз, в океан,
на гуманоидов.

Гарри напрягся, недаром он руками гнул ствол ружья, рычаг со скрипом, но все-таки повернулся.

Кто-то крикнул за переборкой, а может быть, это показалось Гарри. Да это и не интересовало его. Он лишь проворчал:

— Смазать не могли в проклятой спешке.

Дело сделано. Пол в багажном отсеке раскрылся, и там теперь пусто.

Произошло это примерно в том самом месте, где не так давно от взрыва чемодана Генри Смита упал в океан лайнер типа «Конкорд» со всеми пассажирами и командой. Теперь туда отправился и сам Генри Смит.

Гарри, распространяя острую вонь, вернулся.

— Его там нет, — заявил он. — Должно быть, похитили проклятые гуманоиды.

— Это придаст нашему случаю особую правдоподобность и вызовет еще больший интерес, — заметил доктор Стилл.

— Вы позволите мне, джентльмены, нечаянно разбить свои наручные часы? — спросил Анисимов.

Глава пятая

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ОДИНОЧКИ

Пожалуй, никогда на захолустном аэродроме Флориды не собиралось столько встречающих. Толпа заполнила летное поле. С трудом удалось отстоять лишь посадочную полосу для самолета Фреда Стовера.

После его приземления к нему направились карета «скорой помощи» и самоходный трап, на первую ступеньку которого бойко вскочил сенатор Дэвид Броккенбергер. Он плакатно сиял радостью и добродушием.

Трап остановился. Он поравнялся с дверцей, и в ее проеме показался сутулый верзила. Обменявшись с сенатором взглядами, он помог спуститься худощавому спутнику с поднятой перевязанной рукой.

Дедушка Дэви ободряюще похлопал раненого по спине, когда тот залезал через заднюю дверцу вместе с услужливым врачом в белом халате в санитарную машину.

Верзила уселся рядом с шофером:

— Куда катишь?

— В госпиталь.

— Гони налево по автостраде.

— Куда, сэр?

— К проклятым болотам.

Обнаружив направленный на него ствол автомата, шофер не стал возражать.

Когда ожидавший в зарослях катер унес Гарри и Джо к горизонту зеленой пустыни болот, шофер сказал врачу:

— Теперь их не скоро найдут.

— Искать не будут! — уверенно хмыкнул врач.

По трапу спускались летчики и три пассажира.

— Хэлло! — встретил Фреда Стовера сенатор и восторженно объявил: — Вас, ребята, целый час не существовало!

— Мы этого не заметили, сэр.

— Что же вам запомнилось?

— Полная мгла, сэр.

— Может быть, на Аляске вам больше повезет. Компания предписывает немедленно перегнать туда самолет.

— А пассажиры?

— Останутся на пресс-конференцию.

— О'кэй, сэр. Кто платит, тот и предписывает.

И Фред Стовер стал взбираться по трапу обратно. Чарли Мак-Гарни последовал за ним. За спиной он услышал дробный стук каблучков, обернулся и расплылся в улыбке.

— Хэлло! — крикнул он Лиз и штурману Джиму, которые дожидались их здесь и собирались теперь лететь с ними.

Пресс-конференцию проводил сам сенатор в недостроенном зале ожидания аэропорта. Репортеры с фотоаппаратами, телекамерами, магнитофонами и блокнотами расположились всюду, даже на неубранных еще строительных лесах.

Сенатор торжественно зачитал свое личное послание, в котором поздравлял академика Анисимова и его спутников со счастливым исходом их путешествия, же-

лая дальнейших успехов в полезной для человечества деятельности.

Затем сенатор с не меньшей торжественностью объявил, что установлено отставание всех самолетных часов на 58 минут. Он попросил специалиста по Бермудскому треугольнику Сандерсона, автора книги «Остерегайтесь, гуманоиды!», дать объяснение феномену.

— Джентльмены! — начал похожий на мачту небольшой яхты эксперт. — В прошлый раз лайнер компании «Нейшен ээрлайн» шел на посадку и исчез с радарного экрана на десять минут. Никто на самолете этого не заметил, но часы у всех, кто там находился, отстали именно на эти десять минут. Сейчас все часы на самолете Фреда Стовера, если не считать одних, разбившихся, отстали на 58 минут! Очевидно, лайнер побывал в безвременье.

— А что это такое? И как в него попасть? — задал вопрос репортер сверху, со строительных лесов.

Эксперт задрал к нему голову и ответил:

— Безвременье — это такое состояние физического тела, когда время как один из показателей этого состояния, обусловленное другими влияющими на него факторами, скажем, температурой, давлением, внешним магнитным или еще каким-нибудь полем, изменяется.

— Как градусник на морозе?

— Удачное сравнение! Температуру изменяют путем нагревания или охлаждения. Какие-то иные, нам пока неизвестные факторы точно так же могут влиять и на время, что отмечается его измерителями — часами. Ничего удивительного в безвременье нет. Это понятие не означает отсутствие времени, а лишь изменение показаний «временных градусников», то есть часов, которые, как установлено, отстали в этом рейсе на 58 минут.

— Кто мог изменить внешние условия для летящего самолета, чтобы время на нем стало течь по-иному?

— Разумеется, гуманоиды! Инопланетяне, пришельцы! Они там и тут проявляют себя. То мы слышим о летающих тарелках, то о посадках, то о контактах, то, что особенно беспокоит человечество, о явном вмешательстве в земные дела, например, в районе Бермудского треугольника. В своей новой книге «Остерегайтесь, гуманоиды!» я предупреждаю человечество о бесчеловечности поведения космических пришельцев. Пришло время во-

оружаться, господин сенатор, не только против наших земных врагов, но и против «врагов небесных»!

— Простите, джентльмены! — поднялся профессор О'Скара. — Последнее неосторожное заявление уважаемого эксперта о «врагах небесных» заставляет меня заступиться за небо и приоткрыть завесу тайны Бермудского треугольника. По крайней мере, в нашем случае.

Сенатор Броккенбергер беспокойно заерзал на стуле.

— Ваши часы отстают? — перебил он.

— Нет, сэр. Они были переведены, как и все другие на самолете, на час назад.

— Неслыханно! — возопил журналист со строительных лесов. Его крик подхватили репортеры внизу. Поднялся невообразимый шум.

— Зачем? — тупо спросил Броккенбергер.

— Мы действовали в порядке самообороны, господин сенатор, чтобы вынудить гангстеров, фактических хозяев самолета, согласиться на его возвращение.

У репортеров засверкали глаза и фотолампы, навострились уши, зачесались руки, запрыгали вечные ручки.

Сенатор Броккенбергер отчаянно стучал подсунутым ему молотком по найденной железке.

— О похищении самолета не было никаких радиосигналов! — кричал он в микрофон. — Здесь не суд, джентльмены! Но в Штатах есть суды, могу вас заверить. И они, когда надо, разберутся в показаниях пассажиров. Перевод часов, в котором они сознаются, обман. Тот, кто обманул однажды, способен обмануть еще раз.

Профессор О'Скара поднял руку:

— Если наш самолет *исчезал* на час якобы по вине гуманоидов, то ваш покорный слуга, профессор Энтони О'Скара, и доктор Эдвард Стилл, сидящий со мной рядом, а также и третий наш коллега, русский академик Анисимов *исчезали* на куда более долгий срок отнюдь не по вине гуманоидов.

— Я просил бы призвать к порядку профессора О'Скара, — вскопчил жердеобразный эксперт. — Гуманоиды — это слишком серьезно, чтобы можно было с этим шутить. Они могут быть здесь, среди нас.

Сенатор Броккенбергер ухватился за новую тему:

— Даже в этом зале? И они не отличались бы по внешности от нас? Вы уверены?

— Более уверен, чем в том, что часы якобы переведены назад. Мы легко узнаем негра среди белых. А вот гуманоиды, представители чужой, скорее всего враждебной расы прячутся среди нас. Наш долг, наша обязанность...

— Наша обязанность, сэр, — неожиданно вмешался доктор Стилл, — выявить не только враждебных гуманоидов, но *враждебных человечеству людей*, которым понадобилось украсть ядерную бомбу, чтобы сбросить ее где-то в Антарктиде.

— Полноте, доктор Стилл, — перебил его Броккенбергер. — Ядерная бомба не кошелек с деньгами, ее не украдешь! — И он рассмеялся, поддержанный кое-кем из репортеров.

— На возможность украсть ядерную бомбу указывал сам Тейлор, — продолжал Стилл. — Украли, разумеется, не бомбу, а материалы. А чтобы сделать из них бомбу, *«украли»* нас с профессором О'Скара.

— Так где же она, преступно сделанная вами ядерная бомба? — накинулся на Стилла Броккенбергер.

— Ее сбросил мистер Генри Смит на гуманоидов, не доставив ее, как того требовалось, до Антарктиды.

— А кто это такой Генри Смит? — наивно заинтересовался Броккенбергер. — Мы не видели его среди прилетевших.

— Он исчез.

— Странно. Куда же он исчез?

— Не знаю, — пожал плечами доктор Стилл.

— Вот видите, вы ставите себя в незавидное положение. Сначала признаетесь в обмане с часами, потом в преступном участии в краже ядерной бомбы, наконец, свидетельствуете об исчезновении живого человека.

— Этот человек в панике, вызванной потерей ориентации самолета, сбросил ядерную бомбу на воображаемых гуманоидов, потом затеял перестрелку с гангстерами, которые стерегли нас, и исчез.

— Доктор Стилл! Я призываю вас не давать показаний, которые могут быть истолкованы против вас. Едва ли ваши коллеги захотят во вред себе поддерживать вас.

В зале поднялся такой шум, словно рядом взлетал самолет.

Боккенбергер, толстый, с багровым лицом, держа микрофон у рта, словно готовясь его разжевать, орал не

только на весь зал ожидания, но и на все летное поле:

— К сожалению, пребывание в безвременье не осталось без последствий. Бредовые слова о какой-то водородной бомбе, об исчезновении человека, галиматья с часами, все это говорит о неменяемости пассажиров, вернувшихся из безвременья. Я бросаю утопающим веревку, ибо если принимать их показания всерьез и признать, будто водородная бомба сброшена на Бермудский треугольник, то почему, спрашивается, она не взорвалась? Может быть, потому, что гуманоиды помещали? Почему исчез некий незарегистрированный пассажир Генри Смит? Потому что гуманоиды его похитили? Так? Выходит, в гуманоидах ваше спасение, господа! Газеты вполне могут сообщить своим читателям, что если мы имеем дело с преступлением, то совершенно оно одним человеком, одиночкой, неким Генри Смитом, которого больше нет.

— Но есть еще свидетели, господин сенатор! — поднялся академик Анисимов. — В вашей стране хорошо налажена версия преступников-одиночек, которые последовательно убивали президента Джона Кеннеди, его брата Роберта Кеннеди, очередного кандидата в президенты, наконец, прогрессивного негритянского деятеля доктора Мартина Лютера Кинга...

— Мы уклоняемся от темы пресс-конференции, а потому я закрываю ее! — прокричал сенатор Брокенбергер.

Глава шестая

НОВЫЙ УДАР

В Нью-Йорке, где Анисимов рассчитывал отыскать Аэлилу, якобы прилетевшую спасти его, должен был решиться и вопрос о дальнейшей судьбе Города-лаборатории.

В отеле, академик останавливался здесь и до своего похищения, услужливо-невозмутимый портье встретил его как доброго знакомого и вручил ключ от прежнего номера, словно постоялец никуда не отлучался. «Неужели Смит заплатил?» — удивился Анисимов.

В просторном вестибюле с абстрактными панно на стенах, мягкими креслами со скучающими людьми, рекламными проспектами, разбросанными на низень-

ких столиках, и грудями чемоданов была обычная гостиничная суета: кого-то искали, кого-то ждали, шумели, громко разговаривали и курили, курили, курили. И мужчины и женщины. Николай Алексеевич поморщился.

Бой в лихо заломленной шапочке и в красной курточке с золотыми пуговками подскочил, предлагая услуги. Нести нечего, но он все равно решил проводить джентльмена, вызвал лифт, и они вместе поднялись на девятнадцатый этаж.

По коридору, отделанному сверкающим пластиком, шла пожилая, неумеренно накрашенная дама, неся бонокку с синим бантом. Тоненькая негритянка в белой наложке тащила за ней огромную картонку. Вылощенный джентльмен с усами вежливо уступил дорогу. Они не замечали Анисимова, ведь ничего не знали ни о «вилле-гроб», ни о «безвременье».

Мальчик взял у Анисимова ключ и распахнул дверь номера. Все здесь выглядело как в то утро, когда академик в очередной раз отправился сражаться с врагами Города-лаборатории. Даже оставленный блокнот лежал на том же месте у телефона.

Анисимов сунул мальчику мелочь и схватился за телефонную трубку, сам не зная, с чего начать поиски Аэлиты.

Что-то заставило его обернуться.

Дверь в смежный номер оказалась открытой, и в ее проеме стояла... Аэлита, маленькая, нежная, испуганная и обрадованная.

У Николая Алексеевича дух захватило, он не верил глазам. «Неужели Смит не солгал?» — мелькнуло у него в мыслях.

Аэлита замерла, по щекам ее капельками скатывались слезы. Потом она бросилась к мужу, опустилась на пол и спрятала лицо у него в коленях. Он гладил ее волосы, вдыхая их тонкий аромат. Оба молчали.

Спохватившись, она выбежала в другую комнату и вернулась с ребенком на руках, с гордостью показывая спящего сынишку.

И Анисимов повторил уже вслух:

— Неужели Смит не солгал? И ты в самом деле здесь!

— Как? Ты знаешь, что это Генри Смит? — удивилась Аэлита. — Представь, несмотря на всю мою не-

приязнь к нему, он продолжал по-особенному относиться ко мне. Честное слово!

— В самом деле?

— Есть вещи, в которых женщины не ошибаются.

— Ты так считаешь? — Анисимов задумался.

— По неуловимым мелочам они кое о чем догадываются. Понимаешь?

— Пытаюсь понять. Неужели даже у такого негодяя есть какие-то человеческие чувства? И он хотел тебя спасти...

— Почему меня спасти? Тебя! Речь шла о тебе. Он телеграфировал, что только я смогу это сделать.

— Или ты в самом деле была ему настолько дорога, что он любой ценой хотел уберечь тебя от ядерного взрыва над Куполом Надежды...

— Как? — ужаснулась Аэлита. — Ядерный взрыв?

— Да. Они замыслили его. Или... в Нью-Йорке тебя удобнее было захватить, чтобы грозить мне расправой с тобой.

— Чудовищно! Но это значит, что мой папка прав! Он не отпустил меня одну. Согласовал с Москвой. И выходить из отеля не позволяет. Они с мамой сейчас вернутся.

В дверь постучали.

— Может быть, это они, — сказала Аэлита, направляясь к двери.

— Просим извинить нас, миледи, — произнес незнакомый Аэлите благообразный седой джентльмен.

— Входите, профессор О'Скара, — обрадовался Анисимов. — Вот уж кого не ожидал увидеть! Познакомьтесь с моей женой.

— Мы с доктором Стиллом рады выразить восхищение и ею и ее супругом, — поклонился профессор О'Скара, пропуская вперед доктора Стилла.

— Это мои товарищи по испытаниям, — представил Аэлите вошедших академик. — Они подтвердили, что Вольтер был прав: истинная мужественность проявляется во время бедствия.

— Но бедствие, к счастью, позади! — воскликнула Аэлита. — Что будете пить? Виски, коньяк, кофе?

— Не уверен, не уверен, что позади, хотя все в руках господних, — отозвался профессор О'Скара.

— Если позволите, то кофе с коньяком, мэ. Мы долгое время были лишены этого. Не удивляйтесь на-

шему появлению, академик, — непринужденно заговорил доктор Стилл. — Приключения, «вилла-гроб», безвременье сделали нас с профессором на время заметными людьми. Мода капризна как дитя. Только этим я объясняю, что ваши коллеги оказались в Нью-Йорке, в ООН, где создается комиссия по антарктическим делам.

— Судьба и воля господня влекут нас все-таки в Антарктику. К тому же личная просьба американского президента...

— Это меня радует, — признался Анисимов. — Даже президент!

— Если так, то нам с доктором Стиллом, очевидно, надо принять приглашение и войти в число двадцати членов комиссии. Может быть, это несколько смягчит для вас удар.

— Какой удар, профессор О'Скара?

— Профессор имеет в виду, что председателем комиссии будет жирный Броккенбергер, который так предвзято вел пресс-конференцию.

— Броккенбергер? — воскликнула Аэлита из соседней комнаты, куда унесла ребенка. — Враг искусственной пищи номер один? Под этим черным знаменем он победил на выборах в Айове.

— Тогда дело еще более осложняется, — нахмурился профессор О'Скара. — Может быть, президент имел это в виду?

— Это действительно удар для меня, джентльмены. И я ценю вашу готовность смягчить его.

— Мы прежде всего ученые, академик. И мы будем руководствоваться своей совестью. Это мы можем обещать, — произнес профессор О'Скара. — И уже пообещали Белому дому.

— Что касается меня, то я уже грешу против своей совести, академик, соглашаясь участвовать в оценке моделирования грядущего.

— Почему, доктор Стилл?

— Да потому, что нельзя моделировать условия существования грядущего человечества, у которого *нет будущего*.

— Простите, доктор, как вас понять? — вмешалась Аэлита, успевшая заказать по телефону кофе.

— Я сторонник прогноза такого грядущего, когда человечество, по существу, изжившее себя, если и уце-

леет в ядерный век, в век бездумного осквернения среды обитания, то все равно не сможет существовать в условиях возрастающей по экспоненте энерговооруженности. Сверхэнергетика будет связана с такими мощными полями, в которых не выжить никаким биологическим системам, в том числе и человеку.

— Что же, по-вашему, разуму придет конец? — с вызовом спросила Аэлита.

— Нет, почему же, мэм? Эстафету разума у людей примут ими же созданные кибернетические системы, более совершенные, чем наши организмы, более приспособленные для условий сверхцивилизации. А эти условия определяются законом роста энерговооруженности. Если его экстраполировать, можно вычислить, когда человек уступит свое место на Земле киберу.

— Это невероятно, доктор! — возмутилась Аэлита. — Гадко!

Официант в белой куртке, постучав в дверь, внес кофе и графин с коньяком.

Аэлита оказалась не только радушной хозяйкой, но и непримиримой спорщицей:

— Ваша посылка ошибочна, доктор. Вы произвольно экстраполируете в будущее кривую роста энерговооруженности, считая, что она устремлена в бесконечность.

— Но это так, мэм! Закон экспоненты. Математика!

— В природе действуют только *ее законы*, а не математическая схоластика.

— Однако, мэм, вы вооружены! — заметил профессор.

— Я вооружена простой логикой. В природе все строго обосновано. Потому общий ее постулат, вытекающий из принципа сохранения материи, это *закон насыщения*, касается ли это условий образования космических тел, намагничивания стали или существования биологических систем. Космические тела возникают только из материала, рассеянного в космосе, пока он не израсходован, сталь намагничивается до тех пор, пока ее молекулы определенным образом не ориентированы, биологические системы — животные да и человек — насыщаются, пока не утолят голод или жажду. Никому не придет в голову утверждать, что человек, захотевший пить, должен превратиться в нефтяной бак, чтобы побольше вместить воды. Он не выпьет больше того, чем

ему надо. И энергии он не произведет больше, чем ему необходимо. Зачем же ему превращаться в бесчувственную машину, зачем развивать энергетику во вред себе? Не понимаю, честное слово!

— О мэм! А говорят, что у женщин своя логика! — поднял руки доктор Стилл.

Николай Алексеевич гордился Аэлитой. Она раскраснелась и еще больше похорошела.

— Однако, академик, вы находитесь под защитой такого ангела-хранителя, что сам Броккенчерт вам не страшен! — воскликнул профессор О'Скара, получивший явное удовольствие от горячей речи Аэлиты.

— Все дело в том, джентльмены, — серьезно отозвался Анисимов, — что порядочность ученого определяется восприятием им логики. Но я не уверен, что она действует на сенатора Броккенбергера.

— Да, — согласился О'Скара. — Судя по недавней пресс-конференции, трудно быть уверенным в его порядочности. В Белый дом, да и в Капитолий я бы его не пускал.

Глава седьмая

ВМЕСТО БОЙНИ

Многое поразило членов «комиссии Броккенбергера» в Городе-лаборатории: и ледяные дома вдоль зеленых бульваров на дне Грота, и вырастающая за сутки в тысячу раз по объему биомасса дрожжей кандиды, и превращение ее в волокна в прессе, изобретенном отцом Аэлиты.

С бункера этого пресса начала показ завода «вкусных блюд» Аэлита. Биомасса загружалась в бак-пресс, венчающий высокую колонку, которую Аэлита любовно погладила по полированной поверхности. В бак под давлением накачивали воздух, и студень вытеснялся через множество отверстий, превращаясь в пучок нитей. Они затвердевали в колонке и наматывались в ее постаменте на катушки.

— Похоже на производство искусственных тканей, — заметил Аэлите доктор Стилл.

— Пожалуй, стоит вспомнить, — солидно вставил профессор О'Скара, — что сто лет назад весь мир одевался в изделия из естественных материалов: шер-

сти, льна, кожи, хлопка. А теперь уже не сможет обойтись без синтетики, без искусственного волокна.

— Вы хотите сказать, профессор, — обрадовалась Аэлита, — что через сто лет так же будет и с синтетической пищей?

— О что вы, мэм! Всегда вредно спешить с выводами. Лично я предпочитаю рубашки из хлопчатобумажной ткани, но...

— Но все еще впереди! — вмешался Стилл. — Говорят, есть такая песенка.

— Не знаю, споет ли ее наш председатель, — буркнул О'Скара, видя, что Броккенбергер раздраженно торопит хозяйку завода перейти в другие цехи и поскорее закончить обход.

Американские ученые заинтересовались цехом, где стоял шум, характерный для текстильных фабрик, и отстали от основной группы.

С удивлением смотрели они на работающие ткацкие станки.

— Вот уж чего не ожидал увидеть! — признался Стилл. — Или здесь ткут съедобные белковые рубашки?

— Нет, сэр. Я здесь делаю мясо, — ответил по-английски переходивший от станка к станку грузный рабочий в синем комбинезоне с множеством карманчиков.

— Мясо? — удивился профессор О'Скара.

— Именно мясо, сэр. Я всегда делал мясо.

— Что вы, парень! — рассмеялся Стилл. — Искусственная пища пока еще несовершеннолетняя. А вы *«всегда»!*..

— А я и не занимался ею, джентльмены... Я бил скот... — добродушно пояснил рабочий.

— Можно поболтать с вами минуту?

— Станки работают сами. Русские ткачихи обслуживают много больше станков, чем я.

— Ткачихи и вы! Что же заставило вас забросить настоящий мужской труд и заняться таким дамским делом?

— Занимался я многими делами. На ринге выступал. Рука тяжелая, но медлителен, проворства нет. На Чикагскую бойню не хотел идти. Животных жалко. Я всех бездомных собак подбираю. Но нужда заставила. Бизнес есть бизнес.

— Ох уж этот бизнес! — вздохнул Стилл. — Ради

него станешь хоть отцом ядерных боеголовок, хоть чикагским тореадором.

— О нет, сэр! Тореадор — это совсем другое. Я бил молотом в темя. Валил с одного удара. Чикагские бойни, сэр! На одной только фирме «Армор» 220 быков в час. И еще 200 телят, 1200 свиней. А есть еще компании «Свифт», «Вильсон», «Кадэхи». Реки черной крови. Ее приходили пить любители. Можете представить?

— Фи! — поморщился профессор.

— И не только пить. Приходили нарядные леди с сынишками. Приучали к виду крови, к убийству. К «правде жизни», как это у них называется. А я долго не мог привыкнуть к висящим на крюках, разделанным уже тушам, у которых судорожно подергивались мышцы. А эти ребятишки с мамами смотрели хоть бы что!

— Заботливые мамы! — отозвался Стилл. — В воспитании агрессивных сыночков им, кроме Чикагских боен, помогают еще телевидение и кино. Сотни трупов за сеанс. Вам и за неделю не повалить столько скота.

— Я бил молодецки, джентльмены, молотом. Глушил с одного удара в темя. Говорят, рука у меня тяжелая. Меня зовут Билл.

— А нас профессор О'Скара и доктор Стилл.

— Вот только вышвырнули меня с боен, как прежде отца, у которого рука ослабла. На мое место машину поставили. Теперь она бьет быков в темя. Только думаю, что частенько промахивается. Тут глаз человеческий нужен и жалость к животным, чтоб не мучились.

— Зато здесь никто не мучается. Верно, Билл?

— Что верно, то верно.

— Так неужели вы на станках мясо ткете?

— А то как же? Вы когда-нибудь резали мясо вдоль волокна? Непременно поперек. В мясе, чтобы его по-настоящему почувствовать, первым делом волокно нужно. Вот и ткem его из белковой нити. А вкус и запах ему потом подберут: хочешь, под баранину, хочешь, под свинину причешут. Но живые мышцы на мертвых тушах здесь не дергаются.

— Спасибо, Билл. Нам было интересно побеседовать с вами.

— О'кэй, сэр! А вы приехали научиться здесь нашему делу или как?

Ученые переглянулись и ничего не ответили.

— Никогда не думал, что в разделанной туше могут сокращаться мышцы, — сказал доктор Стилл, когда они с профессором О'Скара догоняли членов комиссии уже в другом цехе.

— Да, этот Билл — чистая душа. Он, сам того не замечая, заставляет задуматься, — отозвался профессор О'Скара. — В чем же больший грех перед господом богом? В том, что хладнокровные матери-ханжи показывают детям, как убивают скот, или в том, что люди вообще создали скотобойни?

Доктор Стилл промолчал. Ему неясно было: почему до сих пор у них, представителей человеческой элиты, не возникало таких мыслей? Или они становятся другими? Может быть, и на собственную деятельность надо посмотреть с иной стороны?

Глава восьмая

ЗАСЕДАНИЕ ПЕРЕНОСИТСЯ

— Прошу простить меня, уважаемые члены комиссии, — сказал академик Анисимов, покидая Хрустальный зал Директората после проведенной здесь представителями ООН дегустации искусственной пищи. — Я не хотел бы влиять на принимаемое вами решение. Не рассматривайте мой уход как плохое наше гостеприимство.

— О'кэй! — отозвался Броккенбергер. — Обойдемся. И как только последний из работников Города-лаборатории вышел вслед за Анисимовым, Броккенбергер открыл прения.

В числе двадцати членов комиссии были и представители голодающих стран, где сельское хозяйство не справлялось с производством продуктов питания для растущего населения. Все они в один голос настаивали на скорейшей передаче опыта Города-лаборатории нуждающимся регионам.

В ледяных стенах зала отражались огни люстр, огромный, уставленный яствами стол и члены комиссии за ним. В их числе немало темнокожих. Они оказались ярыми сторонниками искусственной пищи, видя в ней залог более счастливого будущего для своих народов.

Европейцы выступали сдержаннее, но допускали, что прогнозировать грядущее надо на основе созданного уже сегодня. Говорили даже, что «завтра — это осознанное сегодня»!

— Впрочем, — признавались некоторые из них, — у многих европейцев есть неодолимое предубеждение против искусственной пищи. Возможно, что оно рождено сытостью и незнакомством с голодом. Ведь общеизвестны упреки европейцам, что они едят больше, чем требуется их организмам, даже во вред себе. Кстати, это можно отнести к процветающим странам, благоденствие которых отнюдь не связано с искусственной пищей.

Говорили о трудностях преодоления консервативности мышления. «Искусственная пища нехороша уже по одному тому, что она непривычна».

Решающим двигателем прогресса в этом отношении, как бы парадоксально это ни звучало, окажется голод. Голодные люди не станут морщиться, видя перед собой искусственную пищу, они протянут к ней руки. Словом, «голод — не тетка».

Слушая эти высказывания, Дэвид Броккенбергер все более мрачнел. С его жирного лица стерлась улыбка «дедушки Дэви», уголки губ презрительно опустились, рот стал походить на ушербный месяц — рожками вниз, лоб напряженно морщился — сенатор тщетно искал выхода из создавшегося положения.

Высказались все. Остались только двое американских ученых.

Броккенбергер наклонился к профессору О'Скара идохнул на него спиртным перегаром. Видно, захватил с собой плоскую карманную фляжку времен сухого закона в Америке.

— Хочу напомнить вам, проф, — прошипел он, — что вы из Штатов и находитесь в Городе Надежды.

— В каком смысле? — нахмурился ученый.

— В том смысле, проф, что я вправе надеяться на вас как на американцев. — Он подмигнул, но тотчас насупись, увидев сдержанность ученого.

О'Скара поднялся и начал неспешно, внушительно:

— Джентльмены! Я физик, и включение меня в состав комиссии неожиданно. Однако здесь я убедился, что нет надобности считаться химиком или микробиологом, чтобы оценить технологию создания искусственной пищи на микробиологическом уровне. Лишь госпо-

ду богу решать, должно ли человеку отказаться от убийства живых существ во имя утоления голода и поможет ли это людям лучше выполнять заповеди христианского учения.

Броккенбергер с елейным выражением лица откинулся на стуле.

— Однако мне кажется неправомерным смешение научной идеи с коммерцией, — продолжал О'Скара.

Броккенбергер одобрительно кивнул.

— В лаборатории, хотя бы и в масштабе целого города, науку все равно надо ограничить чисто научными рамками. Она должна остаться чистой наукой. Ее надо оградить от торговых интересов и конкурентной ситуации.

Броккенбергер снова кивнул, но лицо его оставалось кислым. Подбородки казались мятым воротником, подпиравшим голову.

— Не могу согласиться со своим другом и коллегой, — вскопчил доктор Стилл. — Уважаю его религиозные взгляды, но мало в наши дни уповать на бога, а самим «плошать». Разговор о чистой науке вызывает восхищение, но... оторван от жизни. А в жизни достижения чистой науки попадают отнюдь не в чистые руки. И, если уж говорить о чистоте, например, о чистоте совести, то, право же, попытка найти способ накормить всех голодных заслуживает большего уважения, чем торговля орудиями убийства. Заботиться надо о жизни, а не о смерти! И чистые руки важнее чистоты науки.

Броккенбергер мрачно взглянул на свои тщательно отмытые руки:

— Нельзя ли яснее, доктор Стилл. Вы не проповедник на амвоне.

— Можно и яснее. Я тоже не удовлетворен тем, что увидел в Гроде.

— Вот это другое дело. Что вам не понравилось?

— О, совсем не то, что уважаемому профессору О'Скара. Хочу получить ответ: почему важнейший научный эксперимент загнан под лед Антарктиды, словно здесь тайком испытывается какое-то новое ядерное оружие?

— При чем тут ядерное оружие? — рассвирепел Броккенбергер.

— А при том, мой почтенный сенатор, что всем яс-

но: производить дальше ядерное оружие нет никакого смысла. Его уже больше, чем надо для конца света. Но его продолжают производить и совершенствовать. Почему? Со страху? Нет, господин сенатор, не только поэтому! Главным образом из-за выгоды. Выгодно производить, вот и производят! Так вот, совершенно та же картина будет и на продовольственном фронте. Те, кто добывает зерно и мясо допотопным способом, будут так делать и впредь. Они не захотят отказаться от налаженного хозяйства, от торговли, от прибылей от выгоды! Не так ли, мистер сенатор? И никакие достижения под Куполом Надежды, о которых мы с вами будем говорить, никого из них не убедят. В чем же выход? Да в том, что эксперимент надо выносить из-под ледяного свода, выносить на широкий простор: создать множество городов-лабораторий всюду, где ощущается нехватка продовольствия. Надо на подлинно широкой основе развивать производство искусственных пищевых продуктов, развивать пищевую индустрию, которая пусть не сразу, пусть через сто лет, но вытеснит в конце концов традиционные способы получения пищи. И пусть фермеры возделывают отныне на своих фермах такие культуры, которые нельзя пока получить на химических заводах. Пусть вместо пшеничных или кукурузных полей расцветут леса, плодовые сады, ягодники и плантации, дары которых недоступны в наше время простому люду.

— Хватит! — оборвал доктора Стилла Броккенбергер. — Властью, данной мне Организацией Объединенных Наций, закрываю заседание комиссии. Продолжим его в здании ООН в Нью-Йорке. Все свободны. Однако от общения с местными работниками предлагаю воздержаться. Самолет вылетает завтра утром. Прошу не опаздывать.

Он выкрикивал последние фразы, брызгая слюной.

Члены комиссии с недоумением смотрели на своего словно сорвавшегося с цепи председателя.

Он больше ничего не сказал и, тяжело ступая ногами-тумбами, с неожиданной для его тучного тела порывистостью вышел.

Будь в зале обычная дверь, он хлопнул бы ею, но створки ее здесь открывались и закрывались сами собой.

ЗНАКОМЫЙ ПОЧЕРК

Сверхзвуковой лайнер Ту-144М был готов к вылету.

Члены комиссии ООН уже поднялись на борт. Запоздывал лишь председатель. Он даже не прислал на самолет свой желтый саквояж, над которым трясся весь рейс.

Бортпроводница Катя в облегающей форме и кокетливо заломленной шапочке вошла в салон и направилась к профессору О'Скара.

Он недоуменно взял у нее телефонограмму, потом вслух прочел ее доктору Стилли:

«Оставляю вас, профессор Энтони О'Скара, вместо себя председателем Особой комиссии ООН. Прошу в Нью-Йорке завершить наше заключительное заседание и принести Генеральному секретарю мои извинения — вынужден остаться из-за недомогания. Дэвид Броккенбергер, сенатор».

Доктор Стилл пожал плечами:

— Что бы это значило, профессор?

— Разве здесь не ясно сказано? — сердито спросил О'Скара.

— Все ясно, наш новый почтенный председатель! Давайте указание летчикам вылетать.

О'Скара встал и направился к кабине пилотов.

Доктор Танага, узнав о болезни Броккенбергера, тотчас пошел к нему.

Но долго не мог дозвониться. Дверь в нарушение местных обычаев была заперта.

Наконец сенатор появился, встретив врача отнюдь не приветливо:

— Неужели в этом паршивом месте нельзя даже занемочь от той дряни, которой нас потчевали?

— Извините, сэр. Я врач. И хотел бы оказать вам помощь. Позвольте вас осмотреть.

— Какой еще осмотр? Надеюсь, я могу пускать в предоставленную мне квартиру людей по своему выбору?

— Конечно, сэр. Извините. Но мы обеспокоены состоянием вашего здоровья.

Японец был чрезвычайно настойчив. Несмотря на сопротивление сенатора, Танаге все-таки удалось осмотреть его, прощупать объемистый живот, взглянуть на язык.

Дальнейшие действия одного из трех директоров Города-лаборатории казались странными. Танага вихрем вырвался из квартиры сенатора и вбежал в дверь напротив, где Мария, жена Педро, возилась с ребяташками.

— Телефон! Скорее телефон!

— Господи Иисусе, пресвятая дева Мария, — прошептала испуганная женщина, отступая и показывая на аппарат.

Танага сорвал трубку:

— Задержать самолет во что бы то ни стало! Говорит директор Танага. Что? Уже взлетел? Извините. Нет, не надо возвращать. Передайте мой приказ на борт. Выбросить в море чемодан сенатора Броккенбергера. Извините, я знаю, что говорю. Выполняйте. Дипломатических осложнений не будет. Пусть найдут желтый саквояж. Я видел его у сенатора, когда встречали комиссию. Пусть найдут и как можно скорее выбросят.

Мария стояла, прижав руки к груди и шепча молитвы.

И не успел еще Ту-144 набрать высоту, как в пассажирском салоне начался обыск.

Профессор О'Скара, узнав, что летчики ищут желтый саквояж сенатора, поморщился.

— Я не уверен, доктор Стилл, — сказал он своему спутнику, — что на правах председателя комиссии ООН должен допустить такое обращение с частной собственностью без решения суда и ордера на обыск. И кроме того, задет престиж сенатора!

— Полноте, — отмахнулся Стилл. — Эти люди знают, что делают. Видимо, у них серьезные основания. И мы ведь с вами недавно были свидетелями, как в океан сбросили более значительный груз.

— Так ведь то же была бомба! Бермудский треугольник!

— А здесь летит комиссия ООН, которая в предыдущем составе погибла именно там.

Обыск продолжался. Но все было значительно сложнее, чем предположение, что террористический прием будет прежним.

Командир самолета радировал, что багаж сенатора на борт лайнера не доставлялся и нигде там не обнаружен.

Мария видела, как в квартиру напротив, к Броккенбергеру, вошли Спартак с Остапом.

— Да поможет им пресвятая дева, — прошептала она.

— Чем обязан? — недружелюбно осведомился при виде их Броккенбергер. — Я болен и принимать никого не могу.

— Доктор Танага нашел вас совершенно здоровым. Мы заинтересованы в вашем желтом саквояже. Не откажите в любезности показать нам его.

— По какому праву? — возмутился сенатор. — Я... я... дипломатическое лицо.

— Вам как дипломатическому лицу ничто не угрожает. Угрожает лишь вашим коллегам по комиссии ООН, которые могут взорваться над Бермудским треугольником!

Броккенбергер беспомощно сел.

— Бермудский треугольник! Какой ужас! Почему я не с ними, не разделяю их судьбы?

— Мы тоже хотели бы это узнать, — веско продолжал Спартак.

— Пусть он присыпает тебе мозги словесной пудрой, а я подсуечусь тут, авось наткнусь на желтенькое пятнышко хорошей кожи! Здесь он где-нибудь, саквояж!

Сенатор понял только одно слово «саквояж» и сердито замахал руками:

— Я протестую, я требую, чтобы вы удалились! Я радирую в Вашингтон.

— Сенатор, обсудим все спокойно, — жестко сказал Спартак, усаживаясь напротив Броккенбергера. — Ведь мы лишь хотим осмотреть ваш багаж. Если, скажем, саквояж пуст, то вы объясните нам, где искать его содержимое.

— Какое содержимое?

— Ну бомбу, может быть. Нет, я не утверждаю, я лишь беспокоюсь...

— Ищите, ищите! — заорал Броккенбергер. — Саквояжа здесь нет. У меня его украли.

— Украли? — удивился Спартак. — В нашем городе нет воров. Кому нужно ваше барахло, извините за выражение, каждый здесь имеет все, что ему требуется.

— Как же! Модель коммунизма! — процедил сквозь зубы сенатор.

Саквояжа в квартире Броккенбергера так и не нашлось. Почерк злоумышленника оказался незнакомым! Не так все просто!

Глава десятая

ЭФФЕКТ КОСКОРОВ

— Сэр, не могли бы выполнить просьбу нашего командира и заглянуть... в туалет? — еле выговорила от смущения бортпроводница Катя.

— Очевидно, основания действительно веские. Иду с вами, — заявил доктор Стилл.

— Разве там спрячешь саквояж? — проворчал О'Скара.

— Это очень миниатюрный прибор, — зашептала Катя. — Потому-то он и остался незамеченным еще с прошлого рейса.

— Как? Мы летели уже с ним? — ужаснулся профессор.

— По всей вероятности, сэр.

Дверь туалета была открыта. Там еле помещались коренастый командир и радист.

— Это и удалось вам обнаружить? — удивился О'Скара, рассматривая протянутую ему командиром коробочку.

— Очень сложные микросхемы, сэр, — пояснил радист. — По радиосигналу включается странное, но мощное поле.

— Откуда вам это известно? — пытливо осведомился О'Скара.

— Убедившись, что взрывчатки нет, мы замкнули вот это реле. И представьте! Все электронное оборудование у нас перестало работать. Мы сразу как бы ослепли и оглохли.

— Похож на коскоры! Есть закон науки: осуществленное повторяется! — вмешался доктор Стилл. —

В ООН рассмотрен меморандум о так называемых непознанных летающих объектах, которые могут оказаться космическими кораблями инопланетян, готовящих вторжение на Землю*.

— Не думаете ли вы, что некий гуманоид подбросил этот прибор в наш лайнер? — сердито спросил О'Скара. — Я верю в бога, но верить в ваши коскоры меня никто не заставит. Об этом можно было говорить лишь в условиях псевдобезвременья.

— Нет, я думаю, профессор, что некто вполне человекообразный рассчитывает, что наш лайнер окажется, потеряв ориентировку, в тех самых условиях, когда корабли и самолеты гибнут в Бермудском треугольнике, — очень серьезно заметил Стилл.

— Значит, сигнал следовало ожидать именно там?

— Несомненно, профессор. Остается только выяснить, откуда его должны были дать?

— Гм! Неужели из Антарктиды?

— Если в этом замешана все та же преступная организация, то именно оттуда, — уверенно поставил точку доктор Стилл.

К этому же выводу пришел и Остап, когда с Ту-144 была получена радиограмма о находке. Он сразу же заявил Спартаку:

— Очевидно, браток, сигналить должен был «саквояж». Его и «украли», чтобы вынести за пределы Грота, где помехи не помеха!

— Слушай, а не потому ли на «Титане» отказал локатор. Помнишь?

И снова на помощь пришли соседи сенатора по лестничной площадке Педро и Мария. Они видели своего врага Мурильо, который выходил из двери сенатора с желтым саквояжем в руке.

Сенатор, узнав об этом, закричал:

— Я не знаю этого мерзавца, но именно он украл мой чемодан. И, оказывается, это он же украл и чемодан мистера Смита, упокой, господи, его душу. Маньяк! Опасный маньяк!

* В 1978 году Генеральная Ассамблея ООН рекомендовала всем своим членам вести наблюдения НЛО и сообщать о них в ООН.

— Не беспокойтесь. Мы ищем и ваше имущество, и его похитителя, — заверили сенатора.

И действительно, сравнительно скоро чемодан был найден в Скалах пингвинов на берегу бухты, где ничто не мешало радиопередаче.

— Итак, сенатор, — начал Спартак. — Вот ваше имущество. Можете осмотреть, не пропало ли что.

Сенатор жадно набросился на саквояж, открыл его своим ключом, стал рыться в белоснежных рубашках и павлиньих галстуках и торжествующе вытащил пачку стодолларовых банкнот:

— Вот видите! Даже не сумел открыть! Спрятал, как вы говорите, где-то в камнях, чтобы потом взломать! И деньги целы.

— А зачем они ему здесь? — без усмешки сказал Спартак.

— Ах да! Все то же! Тогда спрашивайте у него сами.

— Мы сейчас это и сделаем во время очной ставки преступника с вами.

— Какая очная ставка! Вы с ума сошли! Я протестую! Это провокация! Негодяй украл мой чемодан, чтобы скомпрометировать меня.

— Он уверяет, что вы хорошо знаете его, Мигуэля Мурильо!

— Я не желаю никаких очных ставок в отсутствие моего адвоката!

— У вас еще будет случай пригласить своего адвоката, сэр.

Вскоре появились Остап и приведенный им Мигуэль Мурильо.

— Хэлло, Брокк! — кинулся Мурильо к сенатору, протягивая ему руку. Тот, растерявшись, даже подал Мурильо руку для рукопожатия и тут же отдернул ее.

— Он оцарапал меня! Грязные ногти!

— Итак, вы узнаете друг друга?

— О, конечно, сэр! — ухмыльнулся Мурильо. — Это же председатель комиссии ООН, правда, раньше...

— Если это тот человек, который похитил мой чемодан, то я его вижу в первый раз! — завопил Броккен-

бергер. — Но утверждаю, что похищенные чемоданы были ему нужны для того, чтобы подкидывать в них бомбы.

— Лжете, Брокк, лжете! Если он так продает меня, то и я не постесняюсь. Да, мы встречались с этим человеком еще в Нью-Йорке, когда я был в бедственном положении и готов был на все. Его называли Брокком, и он был во главе гангстерского синдиката «Броккорпорейшен». Там меня и «наняли» для участия в строительной экспедиции ООН в Антарктиду. И проинструктировали.

— Это ложь преступника! — завизжал Броккенбергер.

— Мои преступления не доказаны. Я лишь отнес по просьбе владельцев чемоданов один в самолет, а другой вынес из Грота. В этом нет состава преступления.

— В одном чемодане была бомба или, может быть, детская погремушка? — спросил Остап. — А в другом? В другом, полюбуйтесь, двойное дно, в котором смонтировано передающее радиоустройство, оно заработает от химической реакции. Решение на высшем техническом уровне, не от какого-нибудь дедовского будильника.

— Я понятия об этом не имею. Я лишь слепой исполнитель. И у вас нет ордера на мой арест.

— Ордер мы тебе выпишем вместе с сенатором на эту квартиру, а саквояж временно унесем, чтобы убедиться, когда заработает передающее сигнал радиоустройство.

— Вы не смеете оставлять меня с ним вдвоем! — запротестовал Броккенбергер. — Это маньяк! Он убьет меня!

Мурильо загадочно смотрел на него.

— Вы останетесь в разных комнатах, — заверил Спартак.

Радиосигнал из-под двойного дна желтого саквояжа Броккенбергера был дан точно в момент, когда Ту-144М пролетал район Бермудского треугольника. Но на лайнере сигнал этот не был принят, и электроника на нем продолжала работать нормально.

«Честное слово, никак я не думала, что мне придется так заканчивать свои записки...

После предотвращения несчастья с Ту-144, на котором возвращалась комиссия ООН, Спартак и Остап признались Николаю Алексеевичу в своих «стараниях, преувеличивших полномочия».

Мне не приводилось видеть академика таким возмущенным. Он считал их действия самоуправством. Ведь речь шла о самовольном «аресте» американского сенатора, прибывшего с миссией ООН. Это не имеет прецедента в мировой практике! Он гневно расхаживал огромными шагами по ковру кабинета и угрожающе молчал. Уж лучше бы он обрушил на головы виновных все проклятия и упреки. Нет, он молчал. И это было невыносимо и для Аэлиты, пугливо поджавшей ноги на диване, и для провинившихся молодых людей, стоявших с опущенными головами.

Остап выдал было из себя:

— Повинная голова сама с плахи катится.

И это прорвало молчание академика. Он яростно сказал:

— На плахе можно не только головы рубить, но и пороть.

Николай Алексеевич отправил меня к Броккенбергеру принести извинения от его имени. Танага должен был выразить сожаление Директората.

Конечно, он был прав, мой академик! Зачем домашний арест, когда здесь некуда скрыться? Расследование следует проводить органам ООН, может быть, совместно с американским сенатом! И уж никак не научным сотрудникам лаборатории!..

И мы с доктором Танагой, обмениваясь всеми этими соображениями, отправились освобождать сенатора из под стражи (которой не было!).

По дороге Танага признался, что только заступничество двух членов Директората (Вальтера Шульца и его!) спасло Спартак и Остапа от изгнания из Города Надежды.

Я была благодарна милому доктору. Замечательный он человек! Я это еще в западногерманском госпитале поняла!

Я открыла взятым у Спартака ключом дверь. Нас с Танагой ждало тяжелое потрясение.

Сенатор Броккенбергер лежал на постели, возвышаясь огромной тушей. Он часто-часто перебирал ногами и руками, словно с предельной скоростью мчался куда-то на четвереньках, хотя оставался недвижимым. Трудно было поверить, что человек способен так быстро двигать конечностями.

И невольно я вспомнила моего бедного Бемса, его припадки, когда он, лежа на боку, натужно перебирал лапами, мчась куда-то, но оставаясь на месте...

Я подняла глаза на Танагу.

Доктор признал знакомый симптом. Подойдя к телефону, он вызвал Кати-тян с необходимой для анализа аппаратурой.

Ведь Танага как врач недавно обследовал сенатора и нашел его совершенно здоровым и лишь симулирующим болезнь. Но теперь...

Я напомнила доктору переданный Спартаком возглас сенатора:

— Он оцарапал меня! У него грязные ногти!

Мигуэля Мурильо мы нашли в соседней комнате в столь же плачевном состоянии, как и Броккенбергера.

Он лежал на полу и, словно стараясь убежать, скрыться, бешено загребал и руками и ногами, как четырьмя лапами, но только крутился на ковре.

Мне стало страшно.

Танага ухватил одну из беснующихся рук Мурильо, осмотрел его пальцы и сказал:

— Порез, Аэри-тян! Он старался вычистить траур из-под ногтей, извините. И порезал палец. Видите, измазано кровью.

— Разве это может быть причиной? — удивилась я.

— В том случае, когда траур под ногтями небезопасен.

Появилась Кати-тян. Взяла пробу крови у затихшего сенатора.

Танага же умудрился найти на столике среди мани-

кюрных принадлежностей сенатора ножичек, на лезвии которого остался «траур», должно быть, из-под ногтей Мурильо.

Он передал находку Кати-тян, которая расположилась со своими аппаратами в третьей комнате.

Броккенбергер и Мурильо снова пустились в свой нескончаемый бег на месте, словно один старался догнать другого, чтобы отомстить за что-то, и оба не двигались, лишь иступленно перебирая конечностями и рыча как звери.

— Неужели ничем нельзя помочь несчастным? — в отчаянии спросила я.

— Извините, но только так, как я когда-то помог вашему истинному другу. Если я прав, конечно, в своих предположениях.

Танага оказался прав! В крови Броккенбергера и в крови Мигуэля Мурильо Кати-тян обнаружила яд гуамачи.

Он же оказался и в найденном Танагой «трауре» из-под ногтей Мурильо.

Броккенбергер умер первым. Его разбил полный паралич, захвативший потом и сердце.

Мурильо на короткий миг пришел в себя. Узнав, что сенатор скончался, он вытянулся, сведенный судорогой, потом с трудом произнес:

— О как я счастлив, сеньоры! Отомщен по законам мафии! Он предал меня и получил по заслугам.

— Вы пытались скрыть улики, делали себе маникюр, извините? — спросил Танага.

— Зря торопился... Вот и порезался... Достаточно небольшой царапины... на руке человека... Или на голове собаки... Помните? — Он гнусно улыбнулся. — И капельки крови... достаточно...

Я в ужасе смотрела на этого человека... Нет! Не на человека! Мне было больно, что он и мой Бемс умирали схожей смертью.

Припадок снова скрутил Мурильо, и он, не приходя в сознание, умер.

— У него очень толстые и остро заточенные ногти, которыми этот гангстер, как когтями, извините, наносил царапины своим жертвам. Очевидно, они по законам мафии и таким способом рассчитываются между собой.

Я вспомнила, что Мурильо при Спартаке и Остапе назвал сенатора Броккенбергера Брокком, главарем

гангстерского синдиката «Броккорпорейшен». Мне трудно было в это поверить! Честное слово!

Не верили в это и на континенте.

В Вашингтоне, как только стали известны подробности всего случившегося, разразился очередной политический скандал. Сам президент США, в свое время поддержавший академика Анисимова и называвший работу Города-лаборатории «великим экспериментом», попросил сенат назначить сенатское расследование. И мне привелось беседовать с почтенными сенаторами, когда они прилетели к нам в Город Надежды. Им разрешено было курить, и я задыхалась от едкого сигарного дыма.

Дело велось весьма обстоятельно, опытные детективы дали мне сто очков вперед, было стыдно показывать им свои записки, признаваться в неумелых расспросах.

Результат сенатского расследования ошеломил не только меня.

Маньяком и преступником-одиночкой был признан Мигуэль Мурильо. Оказывается, одолеваемый жаждой убийства, он похищал чемоданы пассажиров, чтобы тем или иным способом вызвать гибель самолета в районе Бермудского треугольника. Доказательством его невменяемости сочли его упрямое стремление устроить катастрофу в одном и том же месте. Прибор же, выводящий из строя электронное оборудование, в качестве вещественных доказательств не фигурировал. Несколько стран, к которым имел отношение Мигуэль Мурильо, настаивали на передаче им прибора «для изучения». Советская страна предложила отнести его к числу запрещенных международными соглашениями разработок.

Николаю Алексеевичу пришлось слетать в Вашингтон, выступить в комиссии сената. Он снова был принят в Белом доме.

Вернувшись, он сказал мне:

— Нет, Америка — это не Смит и Броккенбергер. Это О'Скара, Стилл и миллионы простых американцев. И те передовые их представители, которые так же ненавидят голод, как и мы.

Сенатское расследование было закончено. Газетная шумиха улеглась.

Сенатор из штата Айова Дэвид Броккенбергер был посмертно оправдан, и в галерее Капитолия, где он так долго и успешно влиял на законодателей, поставлен его мраморный бюст.

В особняке Броккенбергера в штате Айова множество пригретых им ребятишек искренне горевали о кончине дедушки Дэви.

На заключительном заседании Особой комиссии ООН в Нью-Йорке после бурных дебатов восторжествовала точка зрения доктора Стилла, к которой присоединился в конце концов и профессор Энтони О'Скара, председатель комиссии.

Эксперимент в Городе-лаборатории признавался недостаточным. Рекомендовалось вынести его из-под ледяного купола Антарктиды и создать под эгидой ООН множество центров пищевой индустрии, используя при этом разработанную нами технологию.

Перед Николаем Алексеевичем и всеми его соратниками встали новые, еще более грандиозные задачи».

К о н е ц т р е т ь е й ч а с т и

ЭПИЛОГ

Моя мечта, самая фантастическая, всегда остается жизненной, земной, никогда не мечтаю о невозможном.

Н. А. Островский

НЕБОСВОД НАДЕЖДЫ

Я закрываю рукопись романа, романа-мечты о том, как человечеству справиться с грозящими ему бедами, как победить *голод* на Земле, как сохранить богатства окружающей среды, избежать энергетического кризиса, связанных с развитием энергетики климатических катаклизмов, как не бояться демографического взрыва.

Конечно, искать в фантастическом произведении рецепты от всех существующих или возможных невзгод нельзя. В нем лишь отражены и развиты некоторые идеи, разрабатываемые ныне наукой, воплощение которых не должно заменить, скажем, сельское хозяйство в тех странах, где оно стало передовым, прежде всего в нашей стране. Но подумать о том, как в помощь сельским труженикам, слишком зависящим от погоды, дать государственный резерв питательных продуктов, получение которых не связано ни с какими внешними условиями, конечно же, стоит.

И можно понять проявление большого внимания со стороны партии и правительства к проблеме искусственной пищи (то есть получаемой не традиционным для наших предков способом). Ученым у нас предоставлен широкий простор для исследований, часть которых и легла в основу моего повествования, где додумано уже известное или увеличены по праву мечты реальные достижения лабораторий и опытных производств.

По мере развития романа-мечты меня окружила плеяда героев, черты которых взяты из жизни и которые обрели в произведении собственную жизнь. Некоторых из них я полюбил, и не представляю, как же я расстанусь с ними, некоторых возненавидел, стараясь передать это чувство и читателям.

Но я понимаю, что читатель вправе спросить меня, что же стало с этими людьми. Ведь я стремился, чтобы читатели поверили в их существование, да и сам поверил в это.

Попробую представить себе их судьбы.

Академик Анисимов и его молодая жена Аэлита.

Они вернулись в Москву. Академик снова возглавил родной институт, где решаются новые и новые проблемы обеспечения людей пищевыми продуктами с помощью химии. От микробиологического уровня предстоит подняться до воссоздания фотосинтеза, чтобы непосредственно превращать энергию солнечных лучей в энергию пищевых продуктов, усваиваемых человеком.

Аэлита воспитывает двух сыновей, заботится о муже, которого считает титаном науки, и передает его последователям опыт, полученный на заводе «вкусных блюд» в Городе Надежды. Сколько таких заводов надо создать в одной только нашей стране, чтобы раскрепостить женщин — освободить их от кухни и связанных с ней забот!

Академик Анисимов был рад узнать, что профессор О'Скара и доктор Стилл возглавили ассоциацию ученых, ставящих своей целью полное запрещение использования ядерной энергии в военных целях. Видно, не прошло для них даром все пережитое вместе с русским академиком Анисимовым. И они были приняты в Белом доме.

Доктор-инженер Вальтер Шульц остался в Антарктике и возглавил разросшийся Город Надежды. Он женился на красавице Чандре, и у них родились двое близ-

нецов: мальчик и девочка. Мальчика он назвал Спартак-ком, а девочку Тамарой.

Спартак же Толстовцев с Тамарой Неидзе вместе с Танагой отправились строить новый центр искусственной пищи на одном из островов в Тихом океане. Остап не смог отстать от своего друга и отправился следом. У Тамары появилось множество архитектурных идей, которые она мечтает воплотить, как только подрастет ее маленькая дочурка, которую она назвала Аэлью. Танага рассчитывает обеспечить искусственной пищей население Японских островов.

Инженер Юрий Сергеевич Мелхов уехал в Якутию — подальше от Анисимовых. Его пригласил в свой институт синтетической пищи профессор Геннадий Александрович Ревич, который был забаллотирован в Академию наук, куда он так стремился попасть хотя бы членом-корреспондентом. Он ждет новых выборов, чтобы снова выставить свою кандидатуру.

Нина Ивановна Окунева стала доктором химических наук, профессором и заместителем директора института Анисимова.

С Аэлитой она очень подружилась и убеждает ее работать над докторской диссертацией, поскольку кандидатская защищена на материале антарктического Города-лаборатории.

Труднее всего рассказать об отце Аэлиты, маленьком инженере Толстовцеве.

Конечно, этот неутомимый изобретатель делает новый дерзкий шаг. Живя в Антарктиде, он подсчитал, что на этом холодном материке с самыми низкими на Земле температурами наше светило дает на квадратный метр площади даже больше энергии, чем в субтропиках. Так почему же там так холодно? Да потому, что солнечные лучи падают под острым углом и отражаются от ледяной поверхности, не передавая ей своей тепловой энергии. А если поставить на их пути перпендикулярную преграду, скажем, забор? Падая на эти плоскости отвесно (к ним!), солнечные лучи уже не отразятся полностью, а отдадут свою тепловую энергию. Он рассчитывал устанавливать их длинными линиями одна за другой на достаточном расстоянии, чтобы избежать затенения, и на столбах, возвышающих заборы над наметаемыми сугробами. Чтобы обеспечить всегда отвесное

падение солнечных лучей на поверхность забора, он предусмотрел его изменяющийся наклон в зависимости от положения солнца над горизонтом. Установленные на поверхности забора полупроводниковые фотоэлементы превратят солнечную энергию в электрический ток. Этим способом при желании можно было бы растопить весь антарктический ледяной покров. Но делать этого не следует, ибо в Мировом океане прибавится столько воды, что уровень его поднимется на пятьдесят метров и затопит многие страны. Использовать же даровую энергию в разумных пределах полезно! Фотоэлементные заборы дадут ее столько, что помогут преобразить Заполярье.

Его дочь Аэлита уже перестала мучиться вопросом, не инопланетянин ли ее отец. Она пришла к мысли, что нет надобности считать хороших людей на Земле пришельцами, а достижения человечества дарами извне. Не лучше ли больше верить в людей и в знак восхищения ими их-то и называть гуманоидами, которые могли бы представить Землю на других мирах!

Не гуманоиды-пришельцы, а люди Земли занялись решением вопроса, как победить *голод* на Земле и построили город под Куполом Надежды.

После создания во многих странах центров производства искусственной пищи, использующих достижения и Устав Города-лаборатории, можно считать, что КУПОЛОМ НАДЕЖДЫ для человечества стал весь земной небосвод, под которым люди добьются и всеобщего благополучия и справедливости на всей планете, осуществив таким образом главную свою Мечту.

К о н е ц

*Комарово. Москва, Абрамцево, Переделкино.
1975—1979 гг.*

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 4

Книга первая. ВРАГ ГОЛОДА

Часть первая. БЕЛОК НАШ НАСУЩНЫЙ

<i>Глава первая.</i> Съеденное шоссе	7
<i>Глава вторая.</i> Бульвары	12
<i>Глава третья.</i> Враг голода	17
<i>Глава четвертая.</i> Мальчик с неба	24
<i>Глава пятая.</i> Тундра	28
<i>Глава шестая.</i> Улица хибарок	32
<i>Глава седьмая.</i> Вечный город	36
<i>Глава восьмая.</i> Урок журналистики	42

Часть вторая. БОЛЬШОЕ И МАЛОЕ

<i>Глава первая.</i> Рожденная на Марсе	49
<i>Глава вторая.</i> Против ветра	53
<i>Глава третья.</i> Аэлита	56
<i>Глава четвертая.</i> На фоне Эльбруса	59
<i>Глава пятая.</i> Снежная головка	62
<i>Глава шестая.</i> Папа	66
<i>Глава седьмая.</i> Маленький человек высокого роста	69
<i>Глава восьмая.</i> Колесо без оси	72
<i>Глава девятая.</i> Осколки	77

Часть третья. НА ПОМОЩЬ ПРИРОДЕ

<i>Глава первая.</i> Вступление в храм	81
<i>Глава вторая.</i> Письмо	86
<i>Глава третья.</i> Хозяйки стола	88
<i>Глава четвертая.</i> Пир знатоков	91
<i>Глава пятая.</i> Игра в мяч	96
<i>Глава шестая.</i> Память сердца	101
<i>Глава седьмая.</i> На берегах Рейна	104
<i>Глава восьмая.</i> Слезы Лорелей	109
<i>Глава девятая.</i> Лекарство от смерти	113
<i>Глава десятая.</i> Модель грядущего	117

Книга вторая. МОДЕЛЬ ГРЯДУЩЕГО

Часть первая. КРУТОЙ ПОВОРОТ . . .

<i>Глава первая.</i> Двое в беретах	123
<i>Глава вторая.</i> Производственная необходимость	127
<i>Глава третья.</i> Живой прибор	132
<i>Глава четвертая.</i> Тряпка на палке	135
<i>Глава пятая.</i> Земля-кормилица	140
<i>Глава шестая.</i> Крутой поворот	145

<i>Глава седьмая.</i> Барьер времени	147
<i>Глава восьмая.</i> Трибуна мира	151
<i>Глава девятая.</i> «Джунгли страха»	156

Часть вторая. ЛЕДОВЫЙ ПОХОД

<i>Глава первая.</i> Гора и Магомет	163
<i>Глава вторая.</i> Иден	165
<i>Глава третья.</i> Гуманоид	170
<i>Глава четвертая.</i> Ледяной риф	177
<i>Глава пятая.</i> На айсберге	181
<i>Глава шестая.</i> Дочь друга	185
<i>Глава седьмая.</i> Вода-чудесница	188
<i>Глава восьмая.</i> Совет командора	193
<i>Глава девятая.</i> Дух Очкинавы	197
<i>Глава десятая.</i> Ледостройка	203
<i>Глава одиннадцатая.</i> Хрустальные дворцы	208
<i>Глава двенадцатая.</i> Спуск	213

Часть третья. ГРОТ

<i>Глава первая.</i> Катакомбы морлоков	221
<i>Глава вторая.</i> Закон природы	226
<i>Глава третья.</i> Злоревич	229
<i>Глава четвертая.</i> Сигнал бедствия	235
<i>Глава пятая.</i> Колодец помощи	241
<i>Глава шестая.</i> Пробуждение	247
<i>Глава седьмая.</i> Прозрение	251
<i>Глава восьмая.</i> Повышение	255
<i>Глава девятая.</i> Дар счастья	262
<i>Глава десятая.</i> Подледный град Китеж	267

Книга третья. ТРЕВОГИ ЛЕДЯНОГО ГРОТА

Часть первая. КИПЕНИЕ

Перед главами	275
<i>Глава первая.</i> «Иван Ефремов»	277
<i>Глава вторая.</i> Новые пэр и сенатор	282
<i>Глава третья.</i> Подледные сюрпризы	286
<i>Глава четвертая.</i> «Пир надежды»	291
<i>Глава пятая.</i> Незванный гость	296
<i>Глава шестая.</i> Бермудский треугольник	300
<i>Глава седьмая.</i> «Чудом уцелевший»	305
<i>Глава восьмая.</i> Снова гуманоид	310
<i>Глава девятая.</i> Клинки ржавеют	314
<i>Глава десятая.</i> Рейс спасения	318

Часть вторая. ТРЕЩИНЫ

<i>Глава первая.</i> Опасная язва	323
<i>Глава вторая.</i> «Правозаступник»	329
<i>Глава третья.</i> Потеря	334
<i>Глава четвертая.</i> Индикатор запаха	339
<i>Глава пятая.</i> «Инопланетная техника»	344
<i>Глава шестая.</i> Беззвучный выстрел	349
<i>Глава седьмая.</i> «Вилла-гроб»	354

<i>Глава восьмая.</i> Украсть атомную бомбу	359
<i>Глава девятая.</i> «Мозги на шупальцах»	364
<i>Глава десятая.</i> Выкручивание рук	368
Часть третья. МОНОЛИТ	
<i>Глава первая.</i> Чистые руки	375
<i>Глава вторая.</i> Проклятые Бермуды	380
<i>Глава третья.</i> Сброшенная бомба	386
<i>Глава четвертая.</i> Безвременье	390
<i>Глава пятая.</i> Преступление одиночки	395
<i>Глава шестая.</i> Новый удар	400
<i>Глава седьмая.</i> Вместо бойни	405
<i>Глава восьмая.</i> Заседание переносится	408
<i>Глава девятая.</i> Знакомый почерк	412
<i>Глава десятая.</i> Эффект коскоров	415
<i>Глава одиннадцатая.</i> По законам мафии	419
Эпилог	425

К14 **Казанцев А. П.**
Купол Надежды: Роман-мечта в трех книгах/
Худож. Ю. Макаров. М.: Мол. гвардия, 1980. —
431 с., ил.

В пер. 1 р. 80 к. 150 000 экз.

Известный писатель-фантаст в новом романе обратился к проблеме избавления человечества от голода. Его герои, действующие в наше время и в недалеком будущем, строят в Антарктиде Город-лабораторию. В этом краю, где природа не дает человеку почти ничего, они доказывают возможность обеспечения людей искусственной пищей, преодолевают косность и алчность ее противников.

ББК 84P7

К 70302—152
078(02)—80 237—80. 4702010200

F2

ИБ № 2400

Александр Петрович Казанцев

КУПОЛ НАДЕЖДЫ

Редактор **В. Жигунов**

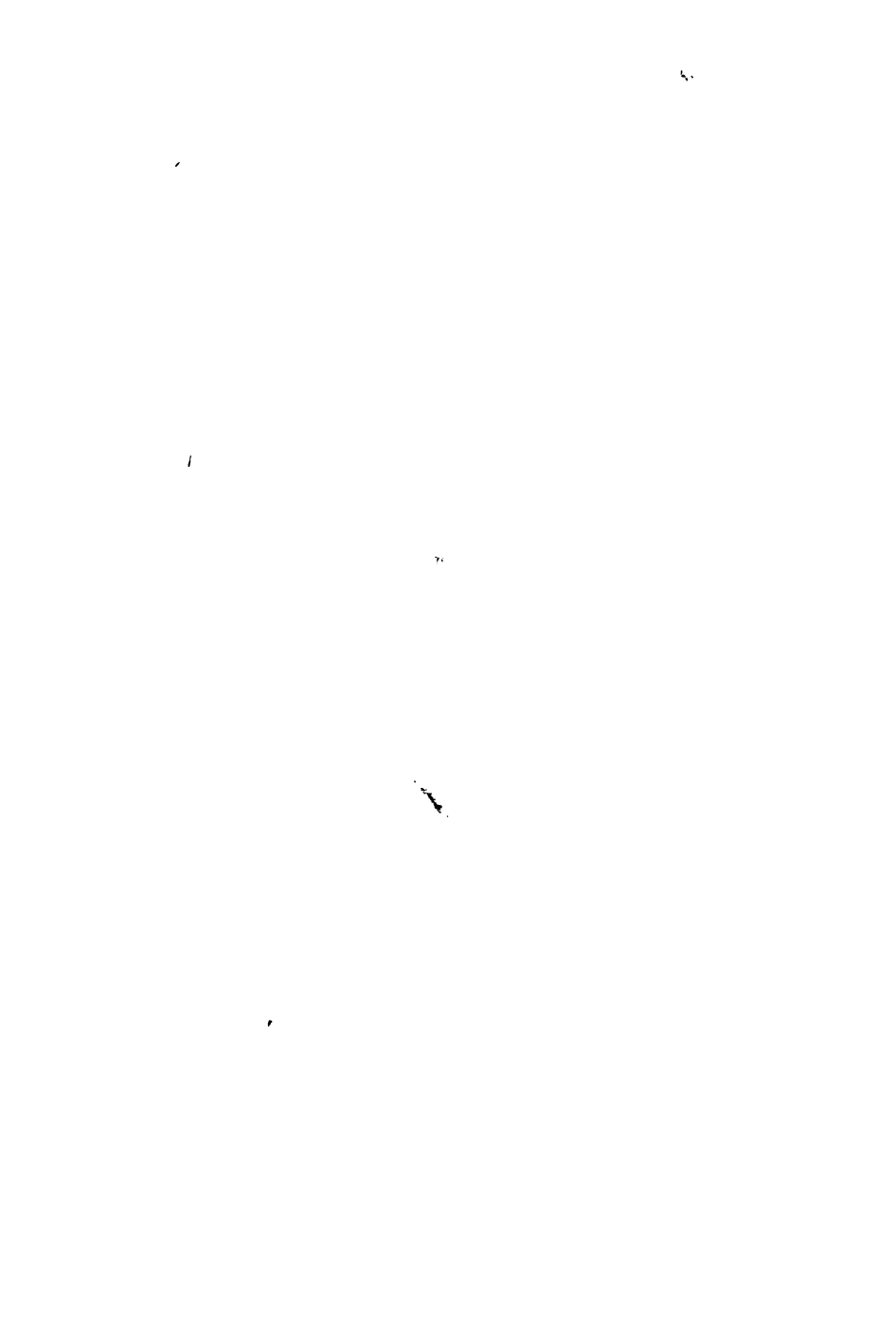
Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **Т. Кулагина**

Корректоры **Е. Сахарова, Е. Самолетова, В. Назарова**

Сдано в набор 19.09.79. Подписано к печати 28.05.80. А01572.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 22,8. Тираж 150 000 экз. (1-й завод 75 000 экз.). Цена 1 р. 80 к. Заказ 1608.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцьевская, 21.

1800.

1800.